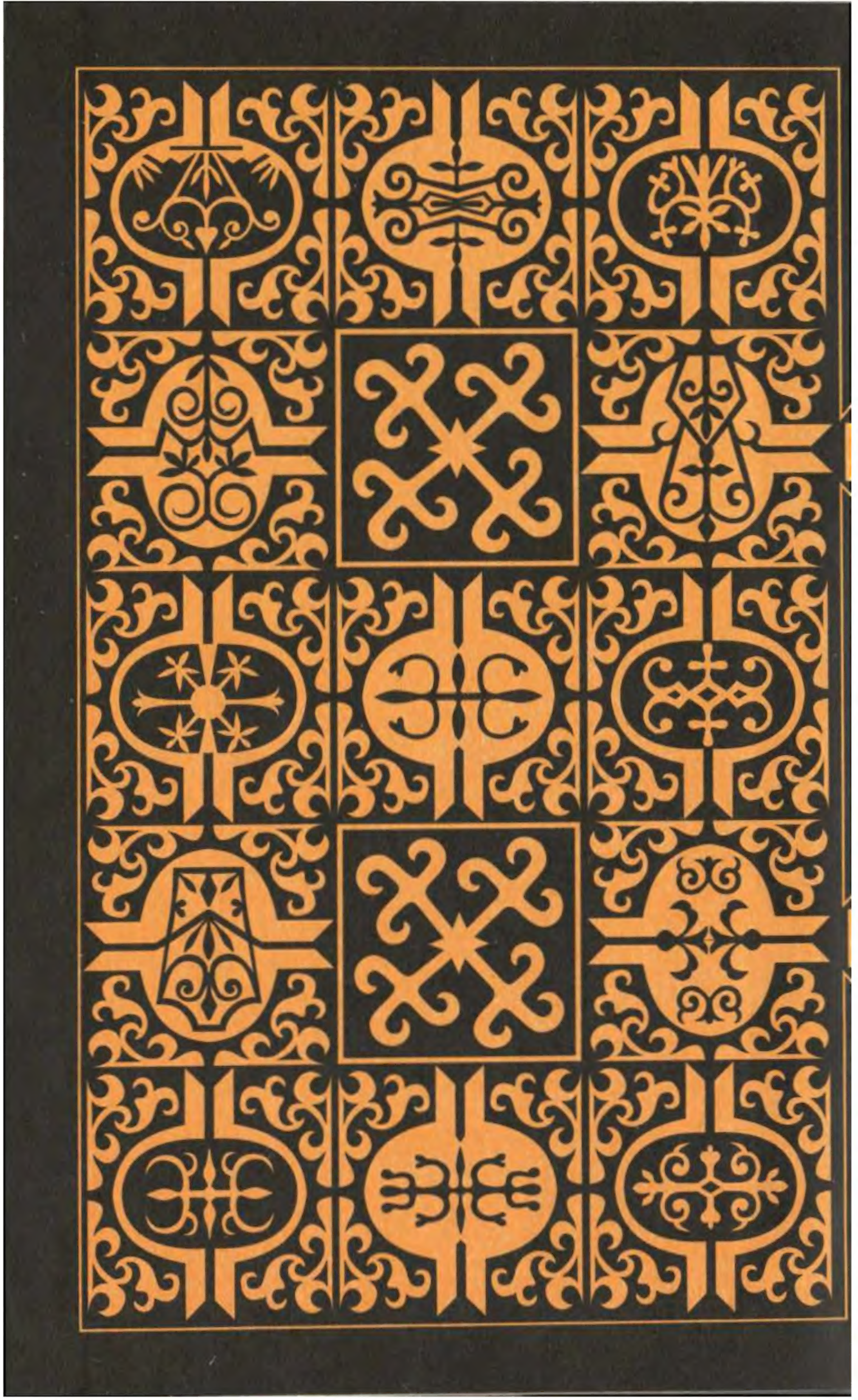
КАВКАЗСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЛИМП

Ф. В. Тотоев

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЧЕЧНИ

вторая половина XVIII — 40-е годы XIX века



КАВКАЗСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
КЛИО
ОЛИМП

Ф. В. Тотоев

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЧЕЧНИ

вторая половина XVIII — 40-е годы XIX века

Нальчик
ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 г.»
2009

Серия «КЛИО»

(«Кавказский литературно-исторический Олимп»)
Раздел «История»

Автор предисловия и заключения, научный редактор серии
П. А. Кузьминов

Художник серии **М. М. Горлов**

ISBN 978-5-88195-977-7

© Ф. В. Тотоев, 2009
© П. А. Кузьминов. Предисловие, заключение, 2009
© М. М. Горлов. Оформление, 2009
© ГП КБР РПК, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известный герой М. Булгакова в романе «Мастер и Маргарита» однажды произнес замечательную фразу: «Рукописи не горят!». И действительно, глиняные таблички Вавилона, папирусы Египта, берестяные письма Новгорода, пергаменты летописей Киевской Руси, чертежи и зарисовки Леонардо да Винчи, бессмертные творения мастеров эпохи Возрождения, российских кудесников пера и кисти, созданные сотни и тысячи лет назад – не подвластны Времени, каким бы суровым оно не было.

В отечественной исторической науке было немало ученых, которые остались в благодарной памяти потомков: Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Е. В. Тарле, Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина – в россиеведении; С. М. Броневский, П. Г. Бутков, М. М. Ковалевский, Г. А. Кокиев, В. П. Невская, В. К. Гарданов, Е. Н. Кушева, В. Г. Гаджиев, Т. Х. Кумыков – в кавказоведении. Они стали «лицами эпохи», которые прокладывали тропинки в Нашу с Вами историю, извлекая из прошлого необыкновенные сюжеты героики и подлости, самоотверженности и черной корысти, беззаветной любви к Родине и сонм предателей, продающих ее за «тридцать сребреников». Они и тысячи других известных или малоизвестных, или совсем неизвестных любителей музы КЛИО (истории) своим творчеством освещали и освещают многогранную жизнь предшествующих поколений, давая советы мудрым, одергивая горячих, раскрывая глаза «слепым». Они, изучая прошлое по сохранившимся документальным материалам, на примерах истории, учат нетленным общественным ценностям: добру и миру, вере и заботе, чуткости и милосердию. При этом в отличие от писателей и поэтов, освещающих жизнь человека с помощью художественного вымысла и анализа душевных влечений, положительных или отрицательных качеств героя, историк не имеет права отступать от буквы документа, он следует за фактами, которые выявлены им в процессе кропотливой работы. В его, как правило, размеренной жизни (вспомним поразительный пример служения науке С. М. Соловьева, который ежедневно работал по 12–14 часов над сюжетами истории России) основное место занимает сбор документального материала, на основании которого строится концепция исследуемого явления или процесса. Результаты творчества выливаются в статьи или, в редком, счастливом случае, в книги-монографии, тиражом в 500–1000 экземпляров ... и снова годы невидимой, но для Науки и Общества такой важной работы, как проникновение в прошлое. Именно там, в толще минувших веков, отыскиваются невидимые ключи, открывающие замки современных коллизий и сложнейших проблем, решения которых в сложившейся

системе координат, казалось бы, нет. История ничему не учит тех, кто не хочет знать ее азбуки, она только беспощадно наказывает за игнорирование уроков предшествующих поколений. К великому сожалению, на авансцене общества вновь и вновь появляются политики, которые, ничтоже сумнящеся, навязывают обществу свои представления «о счастье народном», пытаются, не взирая на традиции и ментальность народа, загнать его в лоно новой общественной системы, что ведет, говоря словами известного социолога П. Штомпки, к социальному травматизму, развалу государственных устоев, апатии, общественному регрессу.

Конечно, историки, даже лучшие из лучших, не пророки и готовых рецептов лечения общественных катаклизмов не дают, да и давать не могут. Тяжелым трудом они честно «добывают руду» в виде вещественных и духовных следов прожитых поколений во время полевых экспедиций археологов и этнографов, в архивохранилищах, библиотеках, музеях; ищут везде, где можно найти новую ниточку, связывающую нас с прошлым. Но совокупность проведенных исследований, тщательная научная экспертиза позволяют довольно точно определить место, время и суть болевых конфликтных точек, которые сегодня будоражат общественность. А если поставлен правильный диагноз общественной «болезни», то «вылечить» ее уже несложно. Нужна только политическая воля и консенсус власти с народом.

Собственно, о чем речь? Речь об особом пути, который диалектически притягивает/отталкивает – народы Северного Кавказа и Россию, о том, что за последние несколько веков взаимодействия/взаимоуничтожения состоялось немало событий – явлений – процессов, которые сформировали травматический характер российско-чеченских, российско-адыгских, российско-тюркских отношений. И все-таки, как нам представляется, наиболее сложными и болезненными были отношения России с Чечней. С одной стороны, восстания шейха Мансура в 1785–1791годах и Бейбулата Таймиева в 1818–1826 годах, активное участие чеченцев в Кавказской войне на стороне имама Шамиля в 1839–1859 годах, выступление населения горной Чечни в 1860–1862 годах под руководством Бойсунгура Беноевского и Атабая Атаева, движение последователей зикра под руководством Кунта-Хаджи в 1861–1864 годах, массовые движения в горной Чечне в 1877–1878 годах под руководством Алибек-Хаджи Алданова и Ума-Хаджи Дуева, возмущения обитателей Веденского округа в 1906 году, жестокая борьба отрядов Нажмутдина Гоцинского против Советской власти в первой половине 20-х годов XX века, депортация чеченского народа 23 февраля 1944 года в район Средней Азии, две чеченские войны в постсоветский период. С другой, десятки «впечатляющих» и не очень походов и карательных экспедиций российских войск в плоскостные и горные районы Чечни, в ходе которых уничтожались люди, дома, посевы, скот, сено... Согласимся, этого

перечня более чем достаточно, чтобы обратиться к комплексному всестороннему научному изучению историко-психологических, этнографических, ментальных особенностей чеченского народа, чтобы выяснить причины перманентного противостояния социума предлагаемым формам интеграции в состав России/СССР.

Исследуя влияние этнического фактора на политические процессы в Чечне, Г. С. Денисова выделила следующие: 1) сохранение чеченцами специфически этнической структуры (деление на общинно-родственные группы, тайпы и их объединения) и религиозной разобщенности (разделение на тарикаты и вирды); 2) наложение на этнорелигиозную структуру населения неравных темпов демографического воспроизводства этноса и неравных темпов его социально-экономического развития в сельских горских районах и на плоскости; 3) настороженное отношение чеченцев к России, продиктованное историческим прошлым и сохранение в общественном сознании идеи национальной независимости; 4) низкий уровень образования [1]. Автор достаточно точно уловила как этнические, так и ментальные особенности, которые катализируют процессы единения и борьбы с внешними силами, влияют на миропонимание народа и становятся его движущей силой в поисках своего пути развития. Характерно, что выделенные факторы «работали» как в прошлом, так действуют и в настоящем.

Казалось бы, научно-продуктивный подход обозначен, и его необходимо разрабатывать. Но вместо этого – отрывочное, часто бессистемное изучение отдельных событий истории вайнахских общностей, прерванное к тому же, в мрачный период изгнания чеченцев в 1944–1957 годах в Среднюю Азию. Конечно, история народа не забыта. Публикуются сотни, если не тысячи слабых/сильных в научном отношении работ, которые формируют обобщенный взгляд на историю вайнахов. Диапазон взглядов и концептуальных предпочтений научной и околонаучной публицистики укладывается в осознанное противостояние двух парадигм: первая представлена в обобщенном виде работой «История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивные последствия» (Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный, 1988); вторая – книгой А. Уралова (А. Авторханов) «Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР» (М., 1991).

Чеченоведение вольно или невольно оказалось, да и не могло не оказаться в «плену» политических событий 90-х годов XX века и рассматривает далекое прошлое с пепелищ разрушенных сегодня сел и городов Чеченской Республики [2]. Отсюда «демонический» образ России, которая на протяжении многих веков пытается колонизировать регион и закабалить свободолюбивый чеченский народ.

Установление, хотя и хрупкого мира, неискоренимая вера в счастливое будущее народа, основой которого может быть только союз и дружба с народами России, обусловили появление нового/

старого историографического течения, акцентирующего внимание читателя на фактах добрососедского и взаимовыгодного проживания различных этнических общностей в районе Терека и Сунжи [3].

В конце 80-х годов XX века горючий материал социально-политического и этнического недовольства стал искриться то в одной, то в другой точке СССР (Карабах, Абхазия, Таджикистан, усиливающееся движение диссидентов, создание «Комитета независимости Чечни» и др.). Отдаленные пока всполохи молний общественного недовольства, казалось бы, должны были заставить руководителей государства прислушаться к голосу ученых-историков, обществоведов, проанализировать вызовы, идущие из регионов, принять необходимые меры. Перефразируя известную пословицу «пока гром предписаний вышестоящего начальника не грянет – руководитель и пальцем не пошевельнет, чтобы исправить ситуацию», отметим, что реальные возможности предвидеть, а значит, не допустить будущую братоубийственную войну в Чечне были.

Подготовленное к публикации в конце 70-х годов XIX века монографическое исследование Ф. В. Тотоева, посвященное истории чеченского народа на переломном этапе его истории – сложном и болезненном пути вхождения в состав Российской империи (вторая половина XVIII – 40-е годы XIX века), оказалось не востребованным ни партийным руководством республики, ни научным руводством СОНИИ. Потому оно осталось неопубликованным. А ведь рукопись детально анализировала ситуацию, когда в результате целенаправленных военных действий царской администрации маятник этнической комплиментарности качнулся в противоположную от России сторону. Чеченские общества вошли в имамат Шамиля, многократно усилив военный потенциал теократического государства. Народ выбрал свой путь и прошел его до аула Гуниб в Дагестане, когда в августе 1859 года он вместе с Шамилем сдался на милость победителей. Почему же в тревожные годы возможных альтернативных вариантов развития, чеченский социум выбирал путь активного военного противостояния, а не сближения и адаптации к российским реалиям?

Чтобы разобраться в пертурбациях симпатий и атипатий этноса, надо изучить его историю и политику России в северокавказском крае, нужен тщательный и хладнокровный анализ тех причин, которые бросили чеченцев и россиян в этот «заколдованный круг». Вместе с тем в многолетнем противостоянии/сближении, имевшем многовековую предысторию взаимодействия социумов, рождалось и некое психологическое единство, соседствовавшее с кровавым антагонизмом. Так, в 40-е годы XIX века полковник Отдельного Кавказского корпуса Бенкендорф вспоминал: «Однажды в одном селении, в базарный день, возникла ссора между чеченцами и апшеронцами (солдатами Апшеронского полка), куринцы (солдаты Куринского полка, элита Кавказского корпуса) не применули принять в ней серьезное участие. Но кому они пришли на помощь?

Конечно, не апшеронцам! «Как нам не защищать чеченцев, – говорили куринские солдаты, – они наши братья, вот уже 20 лет, как мы с ними деремся!». Это удивительное ощущение братства, отмечает Я. Гордин, возникшее из уважения к противнику в ходе военных столкновений, отличало этот уникальный мир.

Генерал М. Ольшевский, прослуживший на Кавказе четверть века (40–60-е годы XIX века), не щадивший сил для его покорения, не скупившийся на суровые характеристики горцев и чеченцев, в частности, тем не менее честно писал в воспоминаниях: «Чеченцев, как своих врагов, мы старались всеми мерами унижать и даже достоинства их обращать в недостатки. Мы их считали народом непостоянным, коварным и вероломным потому, что они не хотели исполнять наших требований, несообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни. Мы их так порочили только потому, что они не хотели плясать по нашей дудке, звуки которой были для них слишком жестки и оглушительны». Могло ли такое презрительно-пренебрежительное отношение к нравственным устоям народа не вызывать противодействия?

В 1860 году в «Прокламации чеченскому народу» наместник Кавказа фельдмаршал А. И. Барятинский от имени «Государя Императора» объявил о новых принципах общежития, среди которых важнейшим было право землевладения, но буквально через несколько месяцев правительство аннулировало документ и начало радикальный передел земли. Но всякое подобие несправедливости, писал в 1860 году А. Руновский, всякое ничтожное и неправильное действие – из глубины души возмущает горца, который с качествами хищного зверя питает в себе глубокое чувство правдивости. Это чувство или дает ему возможность умирать без ропота и боли, или же подвигает его на самые кровавые эпизоды [4]. Конечно, это не способствовало сближению и взаимопониманию народов.

Монография была завершена в конце 70-х годов XX века, но, поставив точку в исследовании, ученый оказался в странной ситуации, когда результаты титанического труда оказались не нужны ни партийному, ни научному руководству республики, а значит и народам страны. Посвятив лучшие годы творческой жизни изучению истории многочисленного самобытного народа и подготовив солидный труд, исследователь вместо слов благодарности и признательности столкнулся с равнодушием и элементарным непониманием общественно-политического значения завершенного исследования. Чтобы хоть как-то придать общественную значимость рукописи, Ф. В. Тотоев сдал ее в отдел рукописных фондов СОНИИ, где она пролежала многие годы, став «добычей» молодых исследователей, которые беззастенчиво списывали главы и параграфы, «забыв» указать источник, откуда заимствована приводимая ими информация.

Работая с описями архивных материалов, сосредоточенных в ОРФ СОИГСИ, я обнаружил объемную рукопись (20 авторских пе-

чатных листов) Ф. В. Тотоева, которого часто встречал в читальном зале Центрального государственного архива Северной Осетии. На вопрос: «Почему книга до сих пор не опубликована, он как-то смущенно улыбнулся и сказал, что она, наверное, никому не нужна...». Логика политических действий обусловливается, конечно, не научными исследованиями, но когда политики принимают решения, опираясь на данные науки, то они, более эффективны и действенны. Конечно, мы не беремся утверждать, что если бы исследование Ф. В. Тотоева было опубликовано, то не было бы кровавых столкновений 90-х годов XX века. Но наше право предполагать, что если бы труд ученого вышел в свет раньше, т. е. вовремя, то у политиков было бы больше информации для принятия взвешенных решений, а значит меньше шансов ошибиться при разработке планов о введении войск в Чечню в 1994 году.

Рукописи (настоящие!) не горят ни в огне равнодушия, ни в пламени костра. Поэтому, дорогой читатель, она перед тобой и твое право познакомиться с ареалом обитания, особенностями быта, социальных, торговых и общественных отношений чеченского народа в обозначенное время, или ... поставить ее на полку до лучших времен.

Кто-то скажет, работа не соответствует современному методологическому дискурсу, наука за последние 30 лет ушла далеко вперед, а марксистская парадигма, на основе которой проанализирован материал, морально устарела. С такими огульными утверждениями мы категорически не согласны. Ссылки на основоположников марксистско-ленинской концепции в то время были обязательным атрибутом любой научной работы, без этого просто нельзя было представлять ее на общественный суд. Но не их количество определяет качество научной работы, хотя во многих случаях наблюдения и выводы классиков марксизма особенностей социальных отношений у народов планеты верны и сегодня. Качество изысканий определяется постановкой научной задачи и умением ее реализовывать на основе выявленных документальных материалов. Научная новизна концепции, оригальность анализа известных источников, привлечение огромного количества впервые выявленных документов, построение на их основе оригинальной теории общественного строя чеченского народа отражают бережное отношение автора к народной памяти, сохранившей многие сюжеты прошлого и выявленные в ходе полевых этнографических экспедиций. Публикуемые материалы свидетельствуют о высочайшем исследовательском уровне, академизме и порядочности автора, предпринявшего сложнейшую задачу комплексного изучения истории чеченского народа. Главная мысль, которую Ф. В. Тотоев хочет донести до читателя, проста: «Чеченский народ, как и все народы мира, достоин уважения. Его судьба уникальна и неповторима. У народа есть осознанное желание

быть творцом своей истории. Он хочет быть свободным в единой семье народов России».

Мы обоснованно утверждаем, что данная работа является на сегодняшний день лучшим научным исследованием истории чеченских обществ в кавказоведении, поэтому и публикуем. Ведь рукописи не горят!

У каждого путника – своя тропинка, ведущая его к цели. У каждого народа – своя история, которая во многом обусловливает его будущее. На восприятие прошлого оказывают значительное воздействие этнопсихологические и социокультурные стереотипы, сложившиеся в предыдущих условиях жизнедеятельности этноса. Сегодня в наших силах изменить эти стереотипы, отбросить мишуру вымыслов, оставив правду истории, какой бы тяжелой она ни была. Только честные и порядочные политики и ученые в состоянии решить проблемы этнических взаимоотношений между соседями – и тогда не будет более правых или более виноватых перед историей. Остается только одно – построить единый общекавказский дом, в котором будет уютно и тепло всем народам Кавказа.

П. А. Кузьминов

ОБ АВТОРЕ

Феликс Викторович Тотоев – известный кавказовед, кандидат исторических наук, родился в 1937 году. В 1953 году с медалью окончил среднюю школу № 5 г. Орджоникидзе и поступил на исторический факультет МГУ. После завершения учебы был направлен на работу в Дагестанский филиал АН СССР в г. Махачкалу, где решил разрабатывать историю Чечни, которая была крайне слабо изучена в советской, да и в дореволюционной историографии. Именно здесь была утверждена тема диссертационного исследования, которую он разрабатывал и во врея учебы в аспирантуре исторического факультета МГУ. По окончании ее в 1965 году был приглашен в Донецкий государственный университет, где работал старшим преподавателем, доцентом на кафедрах истории СССР и историографии СССР, а затем заместителем декана исторического факультета университета.

В 1967 году на расширенном заседании ученого совета исторического факультета МГУ Ф. В. Тотоев защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Общественный строй Чечни во второй половине XVIII – первой половине XIX века», а рукопись была рекомендована к публикации. Но, посчитав, что работа еще «сыровата» для введения в широкий научный оборот, автор продолжил работу по поиску и анализу документальных материалов. Занимаясь сбором разнообразных источников, скрупулезно исследовал архивы Москвы и Ленинграда, Грозного и Орджоникидзе, организовал серию научных экспедиций в горные районы Чечни для сбора этнографического и лингвистического материала. Десятки раз проверял и перепроверял собранные данные, чтобы выяснить достоверность и репрезентативность привлекаемых документов.

Одновременно с 1971 года стал работать в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте, сначала старшим, затем ведущим научным сотрудником и заведующим отделом истории. В 2003 году он возглавил только что открытый отдел новейшей истории Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева.

Круг научных интересов ученого обширен. Он исследует прошлое и настоящее народов Северного Кавказа, проблемы социально-экономического и политического характера. Особое место в его научной деятельности занимают проблемы культуры и вопросы историографии. В последние годы Ф. В. Тотоев разрабатывает историю осетинского зарубежья и политических репрессий, имевших место в общественной жизни Северной Осетии в 30-е годы XX века.

За годы активной творческой работы ученый опубликовал около 80 научных исследований. Особое место в его научной биографии занимала работа в больших творческих коллективах, которые готовили обобщающие труды: «История народов Северного Кавказа» (М., 1988); «История Северо-Осетинской АССР» (Орджоникидзе, 1987. Т. 1); «История Дигоры» (Владикавказ, 1992); «Город Моздок» (Владикавказ, 1995); «История Северной Осетии. XX век» (М., 2003); «Большая Российская Энциклопедия» и др. Его статьи опубликованы во многих научных журналах, в том числе в изданиях Академии наук Российской Федерации: «Отечественная история», «Известия Северо-Кавказского научного центра» и других.

ВВЕДЕНИЕ

Чеченцы, один из наиболее многочисленных северокавказских народов, которые играли важную роль в экономической, политической и культурной жизни Северного Кавказа. Они состояли в оживленных сношениях с аварцами, грузинами, кумыками, кабардинцами, осетинами, гребенскими казаками и др. С дореволюционной историей Чечни и ее роли в решении многих узловых вопросов Кавказа, связано много исторических проблем, а между тем ее история до сих пор относится к числу недостаточно изученных. Поэтому на повестке дня остро стоит проблема изучения истории развития Чечни вообще, и в переломный период истории, в частности.

Настоящая работа посвящена исследованию общественных отношений в Чечне с середины XVIII века до 40-х годов XIX века и является, по существу, первой попыткой в исторической науке комплексно исследовать вопросы общественно-экономического строя чеченцев в указанный период. В истории Чечни в это время происходили серьезные изменения в общественной жизни. Наблюдается усиленное проникновение на Кавказ царизма, которое к 1781 году завершилось присоединением основной территории Чечни к России [5].

Хронологические рамки работы, при всей их условности, связаны с качественными изменениями в историческом развитии Чечни. С 50-х годов XVIII века происходит определенный сдвиг в экономике северокавказских народов, в том числе чеченцев. В 30–40-е годы XIX века чеченцы активно участвовали в движении горцев под руководством Шамиля, в связи с чем у них ломались многие формы общественных отношений. В рамках этого времени общественный строй народов Северного Кавказа, как отметил В. К. Гарданов, «сохранял почти в полной мере прежние своеобразные черты, что позволяет в наиболее отчетливой форме проследить генезис феодализма и первоначальные этапы его развития»[6].

В исследуемое время произошли крупные восстания в Чечне под руководством Шейх-Мансура, Бейбулата Таймиева и др. Все это придает изучению истории Чечни в рассматриваемый период научную значимость и актуальность. Без изучения данного периода нельзя глубоко понять и последующее развитие Чечни во второй половине XIX века.

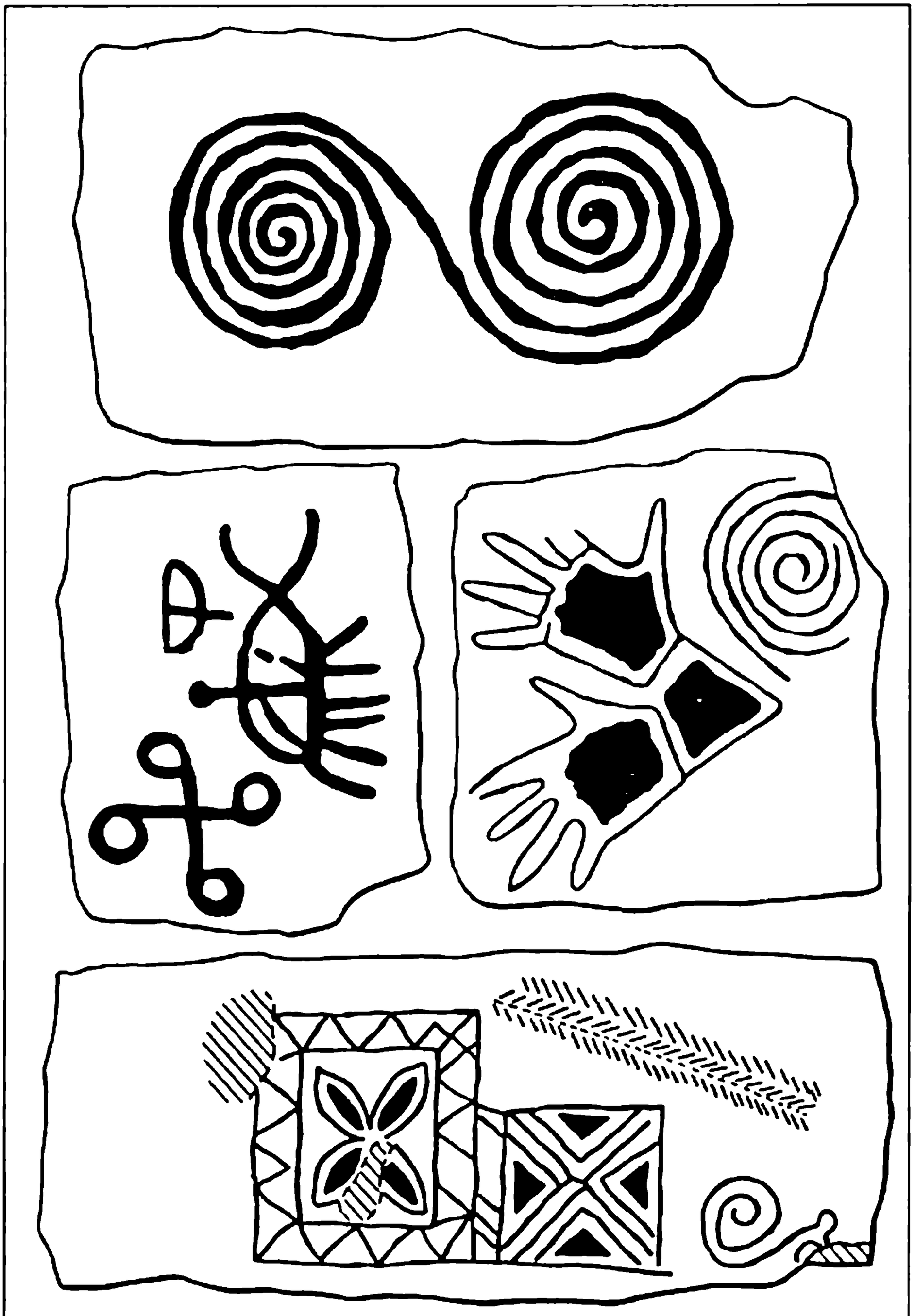
Знакомство с исторической литературой и изучение архивных документов позволили нам установить противоречия в оценках одних и тех же фактов у многих исследователей, порой разительное несоответствие в них выводов по вопросу об общественно-экономическом развитии Чечни этого периода. Систематическое изучение материала по-новому рисует конкретную картину чеченской истории. В исследовании впервые затронуты проблемы, многие из которых сознательно обходили дореволюционные историки. Предлагаемые нами варианты и логика решения ряда вопросов, возможно, будут интересны непредвзятому читателю, поскольку в развернутом виде публикуются впервые.

Исследование опирается преимущественно на архивные документы. Автору, несмотря на огромное количество времени, проведенное в архивохранилищах страны, не удалось преодолеть трудности в разыскании источников, и часть их, к сожалению, осталась невыявленной. Надеемся, что эту работу продолжат более молодые исследователи.

Основным главам об общественно-экономических отношениях предпосланы разделы по источниковедению и историографии вопроса, о природных условиях и народонаселении и краткий очерк политической истории Чечни.

В данной работе автор поставил цель – показать особенности социально-экономического развития Чечни, определить характерные черты экономики, дать оценку общественного строя чеченцев в рассматриваемый период.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ



а) Источники

С середины XVIII века начинается быстрое накопление документальных материалов о различных сторонах жизни северокавказских народов. Администрация построенных здесь крепостей и форпостов находилась в оживленной переписке с местными феодалами и различными кавказскими «обществами». Задачи политического завоевания Кавказа властно требовали самых разнообразных историко-географических и экономических сведений о местных народах. Сбор сведений о народах Кавказа приобретает систематический характер. В Чечне, как и в других местах, проводится ряд «разведывательных» экспедиций. Используются показания местных жителей. Накопленный материал позволил в первой половине XIX века дать «описание» местных народов, которые можно оценить как цельные собрания фактического материала, подвергнутые некоторой научной обработке.

При обращении к источникам, собранным властями, помимо их политической тенденциозности, следует учитывать ряд других обстоятельств. Еще в 1834 году Норденштамм, тогда еще капитан Генерального штаба, предупреждал, что большая часть сведений о кавказских народах основана на рассказах местных жителей, скрывающих правду о своих землях. Собиратели сведений дополняли рассказы горцев догадками, отчего сведения «так неверны и неполны», «столь разногласны и столь неудовлетворительны»[7]. Это обязало нас к взаимной сверке документов – более ранних позднейшими и наоборот, а также сопоставлять синхронные источники.

Многие официальные донесения, а вслед за ними и исторические сочинения страдали абстрактностью, проявлявшейся в именовании всех северокавказских народов горцами и черкесами[8]. В конце XIX – начале XX века псевдомыслители придумали и пустили в оборот для именования нерусского населения неприличное слово «инородцы». Инородец в России стал оселком, о который производили испытание остроты шипов и скорпионов, изготовляемых для русского народа[9].

Источники по истории Чечни рассматриваемого периода хранятся во многих архивах страны, в которых автор стремился извлечь новые документальные материалы.

Документы по истории Чечни XVIII века хранятся в Архиве внешней политики России (АВПР), в фонде «Кабардинские дела».

Здесь отложились сведения о Чечне 50–60-х годов XVIII века, реже документы более ранних периодов. Это документы о переписке кизлярских комендантов с Государственной коллегией иностранных дел, Военной коллегией, с Астраханским губернатором, с чеченскими князьями. Кизлярские коменданты были неплохо осведомлены о чеченских делах. Они черпали сведения из переписки и общения с местными князьями и чеченскими старшинами. С целью «разведывания о тамошнем чеченском состоянии»[10] посылались специальные агенты. Кизлярских комендантов интересовали отношения с соседними народами, отношения между «обществами», торговля, хозяйственная деятельность и политические настроения чеченцев. Кизлярские коменданты находились в прямом подчинении Астраханского губернатора, с которым преимущественно и вели официальную переписку. В ряде случаев они обращались непосредственно в коллегию Иностранных дел и Военную коллегию. Астраханский губернатор подчинялся указанным коллегиям и в переписке с ними излагал сведения, полученные от кизлярских комендантов. В свою очередь, ответы этих коллегий содержали те же сведения, которые исходили от кизлярских комендантов, правда, порою несколько видоизмененные. Группа официальных источников представлена рапортами, донесениями, указами о военных или торговых мероприятиях, «изъяснениями» по частным вопросам, справками, выписками из дел, письмами и т. д. При отсутствии документов, исходящих от кизлярских комендантов, мы довольствовались в отдельных случаях документами коллегий и Астраханского губернатора. Расхождения в документах нами оговорены в соответствующих местах.

В освещении социальных отношений в Чечне, документы, отложившиеся в связи с деятельностью кизлярских комендантов, заметно правдивее, нежели более поздние, относящиеся к первой половине XIX века.

В фонде «Кабардинские дела» хранятся также документы, составляющие группу источников местного происхождения. Это письма от чеченских князей, от старшин или «всего народа», отдельных «обществ» к кизлярскому коменданту, показания задержанных казачьими разъездами чеченцев, «присяжные» листы чеченских старшин и др. Все эти документы использовались нами в переводах на русский язык. Они вскрывают отдельные черты тайповых отношений, показывают отношения князей между собой, отражают экономическое состояние

различных социальных групп в чеченском обществе. В ряде случаев приводимые факты в документах преломляются через адатные нормы. Особенно ценны и интересны для нас экскурсы в историческое прошлое чеченского народа в письмах чеченских обществ, которые дополняют сведения, известные из опубликованных работ.

Как местные, так и официальные источники встречаются зачастую в двух и более экземплярах. Но если экземпляры местных источников, как переводные, сохраняют текстуальное тождество, то повторные экземпляры официальных документов грешат «вольностью» в воспроизведении текста с исходных документов, как по содержанию, так и в хронологическом отношении.

Ряд копий документов фонда «Кабардинские дела» хранится в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Собрание документов, связанных с деятельностью кизлярских комендантов, составляет фонд «Кизлярского коменданта», который в настоящее время хранится в Центральном государственном архиве Дагестана. Эти же документы можно обнаружить в Государственном архиве Ставропольского края.

В первой половине XIX века комплекс документальных материалов о чеченцах увеличивается и сосредоточен, преимущественно, в РГВИА. Здесь же нами обнаружен ряд документов о взаимоотношениях чеченцев с казаками в 40–60-е годы XVIII века. Основное собрание документов включено в фонд ВУА (Военно-ученый архив). По кавказской тематике документы сгруппированы в фонды-коллекции 414, 482, 492. Нами обследованы также фонды 13, 20, 26, 35, 52, 90, 134, 69, 184, 186, 194, 228, 232, 494, 1300. Здесь выявлены следующие виды источников: рапорты и донесения военачальников, копии с предписаний, секретные предположения, военные заметки частного характера, копии с отчетов о секретных разведках, выписки, краткие описания, карты, таблицы и ведомости с означением численности населения, с показанием числа и размеров семейств. Отдельные «описания» Чечни, появление которых относится к началу XIX века, носят повествовательно-исследовательский характер, составлены они для служебного пользования на основе архивных документов. Новые факты из истории взаимоотношений чеченцев с князьями приводятся в «Военно-топографическом и статистическом описании Кавказской губернии

и соседствующих ей горских областей», составленном подполковником Буцковским [11], который позднее оказал помощь С. Броневскому в историко-географическом исследовании Кавказа. Работа Буцковского, превосходя ряд подобных ей «описаний» по содержанию фактического материала, также не лишена недостатков. Тщетно искать в ней характеристику социальных отношений Чечни, отношений чеченцев к своим князьям, сведений о рабстве в Чечне, нет в ней ни одной строки о классовой борьбе в Чечне. «Описание Буцковским Чечни, видимо, составлялось не один год. Так, на л. 63 он пишет: «прошлого 1811 года в бытность мою в станице Червленной», а на л. 79 – в прошлом 1812 году...»[12]. Следовательно, автор продолжает работу и в 1813 году. Это говорит о незавершенности авторской работы над текстом. В том же архиве хранится копия с «Описания» Буцковского без подписи [13]. Это именно копия, а не предшественник «Описания», но в ней столько неточностей и вставок, что необходимость критического подхода к копиям документов, обращавшихся среди кавказских властей, находит новое веское подтверждение.

В 1830–1831 годах было составлено капитальное описание большой группы кавказских народов под руководством поручика Генерального штаба Бларамберга [14]. Описание Чечни, данное в собрании Бларамберга, явно уступает работе Буцковского. Работа не дает сколько-нибудь новых сведений и написана на основе ограниченного круга источников. По содержанию и изложению – это более повествовательно-исследовательское сочинение, нежели первоисточник.

В РГВИА хранится ряд дел с многообещающими названиями, но незаконченных. Таковы «Записки о Кавказе Дениса Давыдова 1826–1827 годов», в которых он намеревался «записать только для памяти, что видел сам, или от вернейших людей узнал о кавказских народах»[15].

В РГВИА в одном из дел приводится каталог архивных дел, подлежавших передаче полковнику Д. А. Милютину [16]. Опись включает наименования ряда неизвестных документов по Чечне, в частности, о восстаниях в 1807-м, 1817 году и др. Их обнаружение и введение в научный оборот, несомненно, будет содействовать расширению наших познаний о Чечне.

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится обширное и разностороннее описание Чечни, принадлежащее Д. А. Милютину [17]. Будучи офицером Кавказской армии, Милютин имел доступ к официальным материалам

Генерального штаба, при просмотре которых он обнаружил ряд документов за 1828, 1830, 1832-й годы, в том числе записки о мерах к покорению Кавказа Вельяминова, Паскевича, Николая I. Из рассмотренных дел Милютин делал «выписки и заметки», имея целью в будущем написание истории Кавказской войны. Сбор материала проводился Милютиным в августе 1844 года и позднее, (да и в предшествующее время) [18]. Но когда Милютин составил описание Чечни остается невыясненным. Описание содержит много сведений, источники которых пока не установлены. Нами выяснено, что в основу описания Чечни Милютин положил обзор, составленный Норденштаммом, сходство с которым нами в ряде мест указано. Частично сведения представляют личные наблюдения автора, и, следовательно, даже при установлении всех исходных материалов, описание сохраняет за собой значение источника.

Большое число документов хранится в архиве Российской академии наук в Санкт-Петербурге. Наиболее ценные сведения по Чечне содержатся в документах, собранных академиком Петром Григорьевичем Бутковым [19]. В делах фонда П. Г. Буткова много выписок из редких изданий, из фондов Кизлярского архива. К сожалению, много архивных выписок дано Бутковым без надлежащих ссылок, хотя их содержание весьма удовлетворило бы отдельные стороны нашей работы. Много сведений, содержащихся в выписках Буткова, расходится с данными его книги, что мы ниже частично указываем.

Фонд академика Н. Ф. Дубровина [20] того же архива содержит копии с записок или отрывки из них, принадлежавших различным военным деятелям на Кавказе, как, например, генералам П. П. Чайковскому, Д. В. Пассеку и др. Однако фонд содержит мизерную долю всего того, что было собрано Н. Ф. Дубровиным. Известно, что в его работе использован ряд рукописных описаний Чечни, местонахождение большинства из которых пока неизвестно. Еще более скудно Чечня представлена в делах фонда академика М. М. Ковалевского [21].

Русский оригинал сочинения Рейнеггса «Историческое, топографическое и физическое описание Кавказа и всех различных народов, на нем обитающих» хранится в фонде «Собрание общества любителей древней письменности» Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Несколько страниц Рейнеггс посвятил чеченцам и ингушам. В течение почти 20 лет Рейнеггс

путешествовал по Кавказу, ведя дневник в форме «записок», на основе которых и составил данное описание, которое представляло по мысли автора только «начертание», подготовку к будущим исследованиям [22].

Богатое собрание документов находится в Центральном государственном архиве СОАССР (ЦГА РСО–Алания). Документы, относящиеся к Чечне, полнее представлены в 12-м фонде Начальника Терской области. Источники по истории Чечни здесь составились из следующих официальных документов: рапорты Начальника Среднего Военного отдела Начальнику Терской области, докладные записки, рапорты и отношения начальников чеченских округов Начальнику Среднего Военного отдела или Начальнику Терской области. В архиве хранятся документы, отражающие деятельность ряда сословно-поземельных комиссий, действовавших в Терской области. Документы представлены как в подлинниках, так и в копиях. Большинство их составлено в 60–70-е годы XIX века. Здесь же хранятся прошения отдельных лиц или групп лиц по поземельным вопросам, прошения об освобождении из рабства. Документы по земельным вопросам были бы представлены полнее и богаче, но царские власти запрещали обращения с изложением земельных претензий [23], что естественно, ограничило число таких документов.

Письма, прошения чеченцев почти все на русском языке, так как составлялись они для просителей специальными переводчиками или казаками. Основания поземельных притязаний лежали в общественно-экономических отношениях второй половины XVIII – первой половины XIX века, поэтому просители либо «точно» указывают год приобретения земли, либо относят время поземельной сделки ко времени жизни отца, деда, ссылаясь в подтверждение достоверности на показания свидетелей и т. д. Земельные претензии феодалов встречали отпор чеченских обществ, которые, отстаивая свои исконные права на земли, решительно отвергали домогательства первых. Сравнение сведений, содержащихся в источниках различного происхождения, позволяет извлекать из противоречивых сообщений более или менее достоверные факты. К числу местных источников принадлежат документы, исходящие от очеченившихся пришлых феодалов [24]. В 60–70-х годах XIX века они представили в различные комиссии для разбора сословно-поземельных прав горцев Терской области ряд докладных

записок, прошений и рапортов, в которых приведены отрывочные сведения из родословных феодалов, обосновывающих их претензии на сословные привилегии. Некоторые факты, излагаемые в подобных документах, подтверждаются сообщениями более ранних официальных документов.

Местные источники 60–70-х годов XIX века отличаются от таковых же источников XVIII века большим вниманием к земельным вопросам, и чтобы разрешить возникшие проблемы, чеченцы обращались непосредственно к русским военно-колониальным властям.

Материалы Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей 1871 года по части сведений о Чечне представляют собой выписки из известного «Описания гражданского быта чеченцев, с объяснением адатного их права и нового управления, введенного Шамилем. 1843 год», составленного Голенищевым-Кутузовым[25], работы А. Берже «Чечня и чеченцы»[26], сочинения А. П. Ипполитова [27] и некоторых других. Несколько «Очерков сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей», составленных данной Комиссией, дословно воспроизводят отдельные места из работ указанных авторов [28].

В фондах ЦГА РСО–Алания нами обнаружено несколько документов-прошений об освобождении от рабской зависимости. По ним прослеживаются география работорговли, сфера применения рабского труда в производстве, его значение в хозяйстве, стоимость, правовое положение раба, некоторые социальные корни рабовладения, а также отношение свободных членов тайпы к своему сородичу, пребывающему в рабстве. Большинство этих документов составлено кадиями и муллами, иногда казаками.

Отдельные стороны рабовладельческих отношений в Чечне освещены в документах, хранящихся в архиве Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Документы представляют собой копии с материалов, хранящихся или хранившихся в ЦГА СОАССР.

Нами проведено также обследование фондов ЦГИАЛ, ЦГИА Гр. ССР, ЦГА ЧИАССР, ЦГА ДАССР.

Ряд важнейших источников, о существовании которых известно, пока не обнаружен. Так, в 1857–1859 годах составлялся свод всех положений (адатов) чеченского суда, предназначенный к печатанию на русском и чеченском языках [29].

Но свод не был опубликован и местонахождение его пока не выявлено.

В середине 80-х годов XIX века переводчик Грозненского окружного полицейского управления подпоручик Ахмадхан Трамо [30] при содействии «генерал-майора Арцу Чермоева, подполковника Чуликова и кадия Абдукадыра составил рукопись по обычному праву чеченцев»[31]. Ее местонахождение также не установлено.

В 1851 году рядовым солдатом переведен в Малую Чечню петрашевец Д. Д. Ахшарумов. Его воспоминания (опубликованная часть) доведены до 1851 года. Не исключено, что Ахшарумовым были описаны и годы пребывания в Чечне, в связи, с чем необходимо провести соответствующие разыскания [32].

В отношении графа Нессельроде к графу Паскевичу от 8 апреля 1830 года дважды упомянуты записки Бутковского [33]. Имеет ли здесь место опечатка или же мы имеем перед собой факт использования материалов Буцковского? Но Буцковский составил «Описание», а не записки, которые к 1830 году должны были устареть. Видимо, перед нами неизвестный источник.

У Грибоедова при обыске, связанном с расследованием по делу декабристов, обнаружили географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа [34], местонахождение которого нам также неизвестно.

В 1836 году во время военных операций генерал-майора Фезе в Чечне собраны подробные сведения о местах, где побывал его отряд [35], но материалы эти также неизвестны. Ибрагим-бек Саракаев называет неизвестную арабскую рукопись Арсануко Хаджи Цанторoевского «О происхождении чеченцев»[36].

В 20-х годах нашего столетия Башир Далгат составил очерк о родовом быте чеченцев и ингушей и послал его для напечатания в Северо-Кавказский Горский научно-исследовательский институт в Ростове-на-Дону [37]. Статья не опубликована и местонахождение ее также не установлено.

Б. Далгат сообщает, что в 1927 году научная экспедиция под руководством проф. Н. Ф. Яковлева собрала большой этнографический материал о чеченцах. Неизвестна судьба и этого материала [38].

Первые печатные сведения о чеченцах появились во второй половине XVIII века. Замечательные сведения о кавказских народах, в том числе о чеченцах, сообщил И. А. Гюльденштедт (1745–1781) [39], неоднократно путешествовавший по Кавказу.

Он объездил земли по рекам Тереку, Камбилеевке, Сунже, Аксаю и др. В апреле 1770 года он сопровождал генерала де Медема, производившего «рекогносцировку» Чечни, посетил чеченскую деревню Девлет-Гирей (Старый юрт) [40]. В ряде поездок был сопровождаем кабардинскими князьями и узденями. Из опроса последних и сложились его сведения. Обработка записей автором осталась неоконченной. Следует оговорить и то немаловажное обстоятельство, что собранные им материалы были изданы после его смерти по поручению Российской академии наук академиком Палласом [41]. Многие страницы текста последний воссоздал из набросков автора, большинство которых находилось на отдельных, не имеющих между собой связи листах и касалось местностей *, Палласом не посещенных [42], о чем он несколько раз заявлял на заседаниях Академии наук [43]. Неизвестно, в какой мере Паллас преодолел возникшие трудности, но Клапрот указывает, что Паллас не проверил набранного текста после «невежественного» корректора, допустившего в 1-й части на многих страницах до 25 ошибок, особенно в именах собственных, а зачастую проглядевшего пропуски целых периодов полностью [44]. Проделанная Палласом работа вышла в свет в урезанном виде, с ошибками, чему виной он сам. Клапротом было предпринято дополненное и исправленное переиздание трудов Гюльденштедта [45]. К счастью, раздел о чеченцах, (а мы рассматриваем только материал о чеченцах) не изменился сколько-нибудь значительно, но и обнаруженное в изданиях расхождение позволяет предполагать неизданные о чеченцах материалы в рукописях Гюльденштедта. Гюльденштедт привел ряд наблюдений о поселениях чеченцев,

---

* У Гюльденштедта ошибочное именование деревни «Denalkiree», что отметил еще Клапрот. См.: *Клапрот Ю.* Историко-географическое описание Кавказа между реками Терек, Арагви, Мурой и Каспийским морем. Веймар, 1814. С. 20 (*немец. яз.*).

И. Дебу не учел последней поправки и говорил о князе Давалкирере, следуя Гюльденштедту. См.: *Дебу И.* О Кавказской линии. СПб., 1829, С. 1920. Эта ошибка вкралась и в русское издание части описания путешествия акад. Гюльденштедта: «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа» (СПб, 1809. С. 14), а также в сочинение П. Г. Буткова «Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год» (СПб., 1869. Ч. 1. С. 260), и в статью И. Ф. Головчанского «Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 году», «Записки Терского общества любителей Казачьей старины» (Владикавказ, 1914. № 2. С. 83).

их башнях, занятиях, семейной жизни, об отношениях между различными обществами чеченцев [46].

Мы затрудняемся назвать кого-либо из позднейших крупных путешественников, кто бы пренебрег его наблюдениями. Право же, утверждение А. Берже, что сведения Гюльденштедта по этнографии Кавказа «утратили всякое значение»[47] – было поспешно и несправедливо, ибо последующие добытые факты подтвердили истинность многих его сообщений.

В 1773 году во время путешествия по Кавказу академик И. Фальк побывал в Кизляре, Щедрине (ст. Шадринская), Барагунах (Брагунах), Новогладской (ст. Новогладковской). В своих «Записках...» он приводит сведения, полученные путем собственных наблюдений из собранных им «достоверных известий» во время пребывания в «стране при Тереке». Фальк оценивает свои «примечания» как «дополнение к материалам Гюльденштедта». Из записок Фалька мы узнаем о судьбе князя Девлет Гирея, о торговле в Кизляре и в областях горских народов. Особенно ценно его сообщение о земледелии у чеченцев, разводимых сельскохозяйственных культурах и их урожайности [48]. Впервые «Записки...» академика Фалька были опубликованы в 1824 году и никогда не были предметом внимания историков и этнографов Чечни [49].

Знакомство с архивными материалами должно служить нам известного рода руководством при ознакомлении с публикациями источников.

Узкотематических, ограничивающихся историей Чечни, публикаций в этот период нет. Материалы из истории Чечни печатались, исходя из интересов той или иной более общей темы. В частности, сведения по истории Чечни публиковались как часть документов по истории политического завоевания Кавказа, естественно, что подобные сведения по Чечне носили фрагментарный и случайный характер. Царизму была необходима дистанция времени, чтобы санкционировать выход в свет хотя бы части основных документов по политическому завоеванию Кавказа [50]. Завоевательная политика царизма на Кавказе требовала маскировки, что и вызывало осторожное отношение к публикации источников, тем более, что ошибки царских военных и гражданских деятелей на Кавказе [51], которые могли вскрыться при более или менее объективном и полном опубликовании документов, могли нанести ущерб «престижу» владельца источников. Не случайно было «признано неудобным к печатанию» в газете «Кавказ» за 1855 год

записок генерала Очкери о Дагестане и Чечне [52] и многих других документов.

Для разработки материалов по политическому завоеванию Кавказа, отложившихся в течение более чем шестидесяти лет в архивах, в апреле 1864 года была создана особая Комиссия, итогом деятельности которой явилась 12-томная публикация «Акты Кавказской Археографической комиссии» (1866–1904), содержащая наиболее полное количество опубликованных архивных документов. Первые десять томов (из них 6-й том – два выпуска) редактировал А. П. Берже, тома 11–12 – Дм. Кобяков. Документальное издание «Актов» уже в ходе публикации стало библиографической редкостью – тома печатались по 200 экземпляров. Каждый том был богато иллюстрирован массой портретов, иллюстрировался по 25 рублей [53]. Анонимный рецензент 11-го тома писал в 1888 году уже о необходимости второго издания этого свода архивных источников, но «в интересах науки» издание должно быть просто, без роскоши, в удобочитаемом формате, по доступной широкому кругу читателей цене»[54].

Не все тома равноценны. При издании последних томов А. Берже, ввиду забот о сокращении расходов, вынужден был ограничить свои желания при выборе документов. Рецензент «Актов» писал, что А. Берже «оплакивал необходимость подобного комканья. Но более всего он сокрушался о том, что одна из важнейших сторон его задачи – разбор и приведение в порядок архивов Северного Кавказа, где заключаются драгоценнейшие материалы для истории первых шагов русского движения к Кавказу, в течение XVII и XVIII столетий – так навсегда (? – *Ф. Т.*) и останется невыполненною»[55]. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией начинаются, собственно, с документов 1800 года. Лишь первые 90 страниц первого тома «Актов...» относятся к предшествующей эпохе.

«Акты...» представляют свод официальных документов, извлеченных из местных архивов и служащих исходной базой для изучения истории кавказских народов. Свод не столь «беспристрастный и искренний», как пытался убедить благосклонный рецензент [56], ибо документы архивов, найденные уже в годы советской власти, не оставляют сомнения в тенденциозности подборки материалов. В «Актах...» преимущественно представлены документы по военно-политической истории завоевания Кавказа при явной недостаточности документов по социально-экономической истории местных народов.

Известный кавказовед второй половины XIX века И. В. Бентковский собрал ряд рукописей-адатов кавказских народов и передал их Новороссийскому университету. На их основе профессором того же университета Ф. И. Леонтовичем составлены и изданы «Адаты кавказских горцев»[57]. В сборнике опубликовано «Описание гражданского быта чеченцев с объяснением адатного их права и нового управления, введенного Шамилем, 1843», составленное капитаном Генерального штаба В. И. Голенищевым-Кутузовым [58]. В распоряжении Ф. И. Леонтовича был не подлинник 1843 года, а копия, снятая в 1845 году и подписанная Фрейтагом. Н. Ф. Дубровин в 1870 году указал другой рукописный экземпляр «Описания», хранящийся в Топографическом отделе штаба Кавказского военного округа, под иным заглавием. «Краткое описание происхождения чеченцев и состояния общества до Шамиля»[59]. «Описание...» составлено на основе привлечения сведений народных преданий и обычаев, составивших основу трактатов о «призвании» и «изгнании» чеченских князей, о «происхождении адата». К сожалению, «Описание...» представляет не кодифицирование адатов, а скорее — комментарии к ним, объяснение. «Описание гражданского быта чеченцев, с объяснением адатного их права и нового управления, введенного Шамилем, 1843» — внутренне противоречивый документ. Так, в разделе «Права поземельной собственности» утверждается, что «право личной поземельной собственности доселе не существует в Чечне»[60], но в то же время расчищенная из-под леса земля признается частной неотъемлемой собственностью возделывателя [61]. Неопределенно характеризуется социальное положение лаев и ясырей, чье рабское положение в ряде случаев смыкается с положением феодального закрепощенного крестьянства (см. стр. 81, ч. II, конец пункта 6 и 7). Подчиненность чеченцев кабардинским и кумыкским феодалам более констатирована, нежели детально потверждена. «Описание...» содержит факты 300–100-летней давности. Данное описание широко использовалось в работах многих авторов XIX века [62].

М. О. Косвен считает, что в рассматриваемой работе В. И. Голенищев-Кутузов открыл «конкретную этнографическую форму, представляющую собой родственную и одновременно общественную группу, характеризующуюся коллективной собственностью на землю и управлением в лице выборного старшины» — тохум [63]. Но ссылка, которую М. О. Косвен делает на работу Голенищева-Кутузова, отнюдь не является «общей

характеристикой тохумного строя»[64] чеченцев. В Чечне был тохумно-тайповый строй, и в одном ауле, как бы он велик не был, не могло проживать по «несколько тохумов», а попытка М. О. Косвена подвести тохум под понятие патронимии [65] лишена оснований.

Дополнением к данному «Описанию...» могут служить опубликованные в том же сборнике Ф. И. Леонтовича «Сведения о величине калыма и о штрафах, налагаемых, согласно определению адата, у жителей Надтеречных деревень, т. е. чеченцев 1849 года»[66] и «Сведения о величине калыма и о штрафах, налагаемых согласно определения адата, у чеченцев Надсунженских деревень. 1849 года»[67], составленные местными властями [68] по указанию капитана Ольшевского. Эти дополнения расширяют круг сведений о положении холопов, о различии в социальном статусе князей, узденей, холопов. В то же время эти «Сведения...» в ряде случаев противоречат вышеуказанному «Описанию...». Так, «Сведения...» о Надтеречных деревнях отрицают наличие у них чагар, в то время как «Сведения по программе об адате или суде у чеченцев 1843 года», входящие в сборник Фрейтага, сообщают о наличия у них чагар, принадлежащих к крепостному сословию.

С середины 40-х годов XIX века в Тифлисе начинает издаваться газета «Кавказ». Одной из основных задач газеты было ознакомление читающей России с особенностями жизни и нравов народов Кавказского и Закавказского краев. С момента основания в 1846 году по февраль 1854 года газета выпускалась частным издателем – чиновником особых поручений при начальнике Гражданского управления Константиновым. По «неблагонадежности» издателя и по несостоятельности его в уплате казенного долга «распоряжением наместника Кавказа князя Воронцова газета с февраля 1854 года была передана в ведение канцелярии Наместника»[69]. В этот начальный период и был помещен в газете ряд интересных статей. После передачи газеты в государственное ведение «Кавказ» стал заурядным официозом. При Барятинском статьи о Кавказе разрешались к печатанию с разрешения либо самого Наместника Кавказа, либо Кавказского Комитета [70].

Во второй половине 50-х годов XIX века «Материалы для истории Кавказа»[71] публиковались в неофициальной части «Ставропольских губернских ведомостей» при содействии редактора И. Иванова, где были опубликованы ценнейшие материалы по истории Чечни 40–50-х годов XVIII века. Документы

знакомят нас с социальной структурой чеченского общества, с местными феодалами и их владениями, с политикой русского правительства. Особенно ценны показания пленных чеченцев [72].

Последующая литература, ни разу не обращалась к документам, опубликованным в «Ставропольских ведомостях».

Некоторое число источников и материалов по истории Чечни было опубликовано в «Кавказском календаре», начавшем выходить со второй половины 40-х годов XIX века. «Кавказский календарь» более половины страниц отводил адресам всевозможных учреждений. Львиная доля остальной части приходилась на указатели дорог и маршрутов Кавказа. Это издание вызвало справедливые нарекания со стороны тогдашних любителей и почитателей Кавказской истории [73].

25 августа 1874 года было опубликовано воззвание Главнокомандующего Кавказской армией к участникам завоевания Кавказа о сборе записок, воспоминаний и других материалов. Присланные материалы послужили основой 1-го тома «Кавказского сборника»[74], а затем и остальных. И хотя редактор 1-го тома полковник И. С. Чернявский «гарантировал» «критическую оценку» материалов, однако в действительности рука цензуры орудовала и здесь [75]. Характерной чертой публикаций «Кавказского сборника» является их субъективизм и ложно-патриотическая направленность.

Важные сведения о «лучших» чеченских семействах и фамилиях, об их землеобеспеченности находим в документах, связанных с именем генерала А. П. Ермолова. Это рапорты, отчеты, донесения, письма [76]. «Ермоловские» документы знакомят нас с колониальной политикой России в регионе, содержат сведения о русско-чеченских отношениях.

Выдающееся место среди источников занимают народные предания, значение которых исключительно велико в силу слабой распространенности письменности в Чечне. Народная память сохранила разнообразные сведения о выселении чеченцев на плоскость, о пребывании на Кавказе Тимура, о сношениях с русскими, кабардинцами, кумыками и другими народами, о борьбе чеченцев за сбою свободу. Весьма часты предания о князьях Турловых, их призвании и изгнании. Каждая тайпа имела свои предания, которые преследовали цель возвеличить свою тайпу, придать ей древность и значимость [77]. Подобно легендам о «сотворении мира», чеченские предания

ведут родословные тайп от легендарных предков, хотя никто не запротоколировал рождения тайп. Рождение чеченского рода, его развитие и разложение было длительным процессом, растянувшимся на несколько тысячелетий, а потому «точный» возраст тайп – понятие, лишенное смысла метрики.

Содержанием чеченских преданий почти всегда служит реальное событие, которое, передаваясь от поколения к поколению, но с течением времени подвергается искажениям, наслоениям и т. п. В свое время А. Берже подметил, что в чеченских преданиях много переплетений с историческими фактами, совпадений с названиями местностей, которые продолжают удерживаться в позднейшие времена народом [78]. Наименее заслуживают доверия предания чеченцев об их происхождении. Снять налет времени – одна из задач при обращении к чеченским народным преданиям как историческому источнику [79]. Чеченские предания широко использовались авторами XIX века: А. Берже, У. Лаудаевым, Г. Вертеповым, Е. Максимовым и др.

Крупными собирателями чеченского фольклора в 60–70-х годах XIX века были И. Попов, Н. Семенов, А. П. Ипполитов, И. Бартоломей, П. И. Головинский и др.

Чеченские сказки и легенды, знакомящие нас со многими бытовыми особенностями чеченцев, с их симпатиями и антипатиями, представляют интерес для воссоздания истории чеченцев, их нравов, психологии и проч.[80].

Чеченцы и ингуши издавна интересуются, кто они, что за язык у них, кто построил башни в Чечне [81]. Д. А. Милютин отметил поиски чеченскими учеными-арабистами следов прошлого своего народа [82]. У. Лаудаев пользовался при описании чеченцев рукописью на арабском языке, содержавшей хронологический перечень событий на Кавказе [83]. Н. С. Иваненков упоминает 52-летнего Магомата Алиева, ведущего по-арабски запись событий из чеченской истории [84]. Писатель Константин Гатуев упомянул «родовые книги, хранящиеся в тайниках фамильных летописцев»[85]. П. Максимов обнаружил в конце 20-х годов нашего века в Брагунах «старую родовую запись чеченского народа, содержавшую запись событий с 430 года «от появления Магомета», приводит из нее отрывок [86]. Все это ценнейшие источники, пока остающиеся вне внимания ученых.

В этой связи нельзя не упомянуть без сожаления об оставшихся в забвении собственно чеченских летописях, хрони-

ках-таптирах, написанных арабским алфавитом на чеченском языке. Впервые о них упоминает в своей диссертации И. М. Саидов [87]. Это бесспорно уникальные источники, значение которых определенно выходит за пределы собственно чеченской истории. Необходимо срочно организовать их научное использование и государственное хранение.

В конце XIX века дагестанский историк Гасан-Эфенди Алкадари предпринял попытку в хронологической последовательности изложить все исторические сведения о Дагестане из арабской, турецкой и персидской литератур, а также передать лично ему известные народные предания [88]. Книга содержит сведения о Чечне, отсутствующие в других источниках. Сходные сведения содержит «Гюлистан-Ирам» Абас-Кули-Ага Кудои Бакиханова [89].

Особняком, как бы между источниками, идущими из царского лагеря и из гор, стоит «Дневник» пристава при Шамиле А. Руновского [90]. Руновский записывал беседы с Шамилем — пленником, жившим в Калуге. «Дневник» содержит ряд сведений о хозяйстве чеченцев, их адатных нормах.

Своеобразны источники, исходящие от бывших в чеченском плену русских военнослужащих. Субъективизм и слабая компетентность неизбежны для подобных источников. Ограниченные личные наблюдения и переживания изложены в «Дневнике русского солдата, бывшего девять месяцев в плену у чеченцев», принадлежащем Беляеву и опубликованном в 1848 году [91]. Автор приводит свои наблюдения (правда, весьма незначительные) о семейных отношениях между чеченцами, о рабах, о торговле, праздниках. Им подмечены некоторые поверхностные явления социальных различий в чеченском обществе. Автор не столь прост, как гласит заголовок. В 1839 году, перед окончанием курса наук по Восточно-Словесному факультету в Казанском университете, за «проступок», сделанный по «легкомыслию от молодости, но не по злонамерению», т. е. проступок политического содержания, Беляев был отдан в солдаты и вскоре был по его желанию определен на Кавказ, где 2 июня 1842 года попал в плен к чеченцам [92]. После освобождения из плена он в 1844 году был уволен, а в 1848 году поступил на гражданскую службу. В плену Беляев изучил чеченский язык и составил, уже на свободе, «Собрание русско-чеченских слов»[93]. Ему же принадлежит и «Мнение об ограждении Кавказского края»[94].

Среди этой группы источников выделяются и воспоминания И. А. Клингера, содержащие сведения по социальным отношениям в Чечне [95].

Таковы основные документальные источники, известные до октября 1917 года.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широкий доступ к архивным источникам. Благодаря поискам советских историков удалось выявить много новых материалов, относящихся к истории северокавказских народов. Создались благоприятные возможности для научных исследований историй нерусских народов, стали издаваться сборники документов, соответствующие принципам научной публикации документов.

В 1940 году опубликованы «Материалы по истории Дагестана и Чечни» [96]. «Материалы» вышли к 20-летию автономии ДАССР и явились первым сборником документов по истории Дагестана и Чечни, опубликованным в Советское время.

Нам представляется несколько спорной публикация документов по социально-экономической истории двух народов. Подобный сборник может удовлетворить требованиям освещения узкой темы (в данном случае сборник подчинен освещению движения Шамиля, в котором народы Чечни и Дагестана участвовали совместно), но не может без ущерба охватить все стороны истории Дагестана и Чечни, судьбы которых хотя часто и были общими, но все же исторические пути у них были самобытны и отличны. Документы освещают преимущественно колониальную политику царизма в Дагестане и Чечне и борьбу последних за независимость. Явно недостаточно представлены в сборнике документы о социально-экономических отношениях в Чечне и Дагестане; при этом большая часть материалов относится собственно к истории Дагестана. Сборник содержит военные описания Чечни и Дагестана, составленные русскими офицерами, военные рапорты, отношения, доклады, письма и т. п. Документы содержат много сведений о хозяйстве горцев (док. № 100. 1830 года 31 июля. «Описание Чечни и Дагестана, составленное и. д. начальника левого фланга Кавказской линии бар. Р. Ф. Розеном»), по географии Чечни, ее населению и общественному строю (док. № 132. 1834 год). Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера, составленное капитаном Генерального штаба И. И. Норденштаммом [97]. Фактический материал преподносится авторами

источников тенденциозно, с целью оправдания завоевания местных народов, якобы неспособных к самостоятельному историческому творчеству, к созидательной деятельности. Сами авторы документов – проводники завоевательной политики царизма на Кавказе. «Описание» Норденштамма – один из наиболее самостоятельных обзоров, к сожалению (как признает сам автор), «краткий и весьма неполный», составленный из рассказов жителей, ибо автор видел «только небольшую часть» Чечни, и то мимоходом во время экспедиции 1832 года [98]. Описание Норденштамма было использовано в произведениях некоторых дореволюционных авторов [99].

Составители «Материалов по истории Дагестана и Чечни» известили, что к печати готовятся вторая и третья части [100]. Но они не были опубликованы. Неясно, почему «Материалы...» начали издаваться с 3-го тома, в то время как тома 1–2 остались неопубликованными. Если приостановка их издания может быть объяснена началом Великой Отечественной войны, то снятие вопроса об их публикации вообще едва ли оправдано.

Нарушение в обстановке культа личности Сталина автономных прав чеченцев и ингушей замедлило изучение истории Чечни и Ингушетии, а издание источников в основном было прекращено. Далеко не научные цели поставили перед собой составители сборника «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов». И хотя материалы данного сборника не входят в источниковедческую основу нашей работы, тем не менее нельзя не упомянуть о нем, поскольку, как явствует из историко-археографического введения, составители сборника в отборе документов преследовали цель доказать необходимость «приобщить к созидательному труду»[101] народы Дагестана, Чечни и Черкесии, что было повторением наиболее злостных установок реакционной буржуазно-дворянской историографии дореволюционной России.

Подводя итог публикациям документов по истории Чечни, мы констатируем, что издано большое число разнообразных документов по хозяйственной и общественной жизни чеченцев XVIII – первой половины XIX века. Однако говорить о полноте и всесторонности этих сведений не приходится. Никогда не привлекавшиеся исследователями документы, опубликованные в указанных нами номерах «Ставропольских губернских ведомостей», появление сведений о таптирах и т. д. настоятельно требуют выявления и привлечения все новых и

новых архивных и неархивных документов. Свою работу мы основываем преимущественно на неизданных источниках. Использован нами также полевой материал, собранный путем устного опроса жителей Чечни и Северной Осетии.

Путем применения разнообразных приемов установления истинности сведений первоисточников, следуя духу проверки и ответственности в наблюдениях добытых путем изучения разнообразных документальных материалов, автор данной работы ставит перед собой цель, исследовать общественные отношения в Чечне в указанное время.

Завершая обзор источников по теме, мы вспоминаем знаменитый афоризм Э. Хемингуэя об айсберге, большая часть которого остается скрытой под водой. Так и с документами по истории Чечни. Стремление к определению научного содержания источников, к раскрытию исторических путей, закономерностей и особенностей исторического развития чеченского народа должно идти через пополнение добытых сведений, включая пересмотр и переосмысление этих последних.

Обратимся теперь к истории изучения общественных отношений в Чечне в исторической науке, следуя известной истине, что изучение истории вопроса есть уже исследование самого вопроса.

б) Литература

Представители дворянской и буржуазной историографии дореволюционной России в силу порочности исходных методологических установок и классовой предвзятости не смогли дать правильную характеристику и оценку отдельных фактов и всей картины экономической, политической и культурной сторон жизни народов многонациональной России, включая и чеченцев.

Как мы показали выше, дореволюционные исследователи располагали незначительным кругом исторических источников по истории Кавказа. Буржуазно-дворянские авторы XVIII–XIX веков не имели ясного представления о сущности родовых и феодальных отношений. Одним из главных методологических пороков работ русских кавказоведов было их слабое вниманнии к вопросам экономической жизни чеченцев. Однако серьезное кавказоведение было представлено именами честных и добросовестных исследователей, чьи многолетние поиски дали действительно выдающиеся труды. Это работы академика

И. А. Гюльденштедта, С. Броневского, академика А. П. Берже, академика П. Г. Буткова, академика Н. Ф. Дубровина, академика М. М. Ковалевского и др. Конечно, научное, мировоззрение и этих авторов было исторически и классово ограничено, но их слепота – слепота честных буржуазно-дворянских ученых, искренне стремившихся к истине.

Среди дореволюционных авторов существовала и многочисленная группа писателей, которые сознательно умалчивали и фальсифицировали факты и целый ряд вопросов, противоречивших официальным установкам интерпретации истории народов Кавказа. Им противостояла малочисленная группа исследователей прогрессивно-демократического направления, стремившихся к объективному освещению истории кавказских народов.

Официальная правительственная трактовка северокавказских народов как «разбойников» и «хищников» превалировала в произведениях историков и других писателей реакционного толка. Реакционный редактор газеты «Кавказ» В. Л. Величко подметил, что «ленивыми, прямолинейными или недобросовестными» кавказскими чиновниками придумано слово «туземец», «чтобы формальным признаком, отвечающим целому ряду разнообразных, неравноценных и часто противоположных понятий, оправдывать меры, – либо не жизненные, либо недобросовестные и, во всяком случае, вредные»[102].

Народы Кавказа, в том числе Чечни, рассматривались реакционной дворянско-буржуазной историографией не как субъект исторического развития человечества, а как объект «культурного воздействия» России. По существу реакционное кавказоведение для возвеличения «культуртрегерской» миссии России опускалось до проповеди теории о неполноценности отдельных народов, их неспособности к созданию культурных ценностей, государственности и т. п. Дворянско-буржуазная чеченоведческая литература была пронизана духом русификаторства, пренебрежительным отношением к созидательным способностям чеченского народа, как и вообще кавказских «туземных, «инородческих» народов [103].

Выполняя социальный заказ царизма, авторы ограничивали свои исследования узким, малозначащим кругом вопросов: описывали географию края, приводили многочисленные, но одноликие легенды о происхождении чеченцев. С казенных ложнопатриотических позиций освещали героическую борьбу

чеченского народа с захватнической политикой царизма, как войну варваров с Римом, т. е. с Россией.

Имея в своих руках мощные рычаги воздействия на общественное мнение, царизм и его прислужники посредством официально принятого уголовного слога гипнотизировали читателя так, что в тумане лжи определенной части русского общества всякая небылица о Кавказе казалась правдоподобной [104]. Все это служило политике натравливания царизмом народов друг на друга.

Некоторые буржуазно-дворянские писатели пытались объяснить ряд событий, связанных с особенностями проявления тайповых отношений, нравственной организацией чеченцев. Но еще Н. Г. Чернышевский считал объяснение исторических фактов особенностями умственной или нравственной организаций какой-либо расы «дикой фантазией», «продуктом невежества»[105]. Подобных «продуктов» в кавказоведении было через край.

Тот же В. Л. Величко не был оригинален, когда утверждал, что кавказские народы «не могли создать государства, ибо малоспособны к государственности»[106].

Порой даже писатели официального направления критиковали беспочвенные утверждения наиболее ретивых писак [107].

Если рассматривать литературу о Чечне в хронологическом порядке, то первое печатное известие о чеченцах, а равно и ингушах следует отнести к 1772 году. В «Географическом месяцеслове на 1772 год» помещена статья академика. Я. Штелина [108] «О Черкасской или Кабардинской земле». Эта статья – наша случайная находка: мы обратились к ней, зная о зависимости части чеченцев от некоторых кабардинских князей, а обнаружили ценные сообщения о чеченцах и ингушах [109]. По характеру изложения данное сочинение следует отнести к типу повествовательных. Учитывая библиографическую редкость данного издания, мы приводим значительные выдержки из сообщения. Автор сообщает о кистах или ингушах и чеченцах, которые «в прочих землях Европы едва ли еще известны». Сведения о них собраны «не из книг, но из обстоятельных и достоверных известий, также из разговоров с бывшими в тамошних странах офицерами, да и с одним знатным князем и жителем оных земель». Автор сообщает, что у ингушей, прилежащих к Большой Кабарде, видны развалины каменной церкви, в ямах которой, «как-то сказывают, лежат сгнившие книги и перга-

ментные листы». Нельзя не выразить сожаления, о бесследно исчезнувших письменных памятниках, возможно связанных с местными народами». Автор сообщает, что чеченцы, как и ряд соседних народов, почитаются князьями Большой Кабарды за своих подданных». Подчиненность эту автор определяет как состояние «посредственных вассалов». Чеченцы, живущие «между Суншою, Ендарсою и Асаем, имеют над собою особливого хана из поколения Али-Салтана». Упоминается кабардинский князь Девлет-Гирей, который «знатное местечко Гребенчук имеет себе жилищем». Ему, частично, подчинены карабулаки. Земли, расположенные у впадения реки Сунши в Терек, составляют владение князя Нудмета Такмазова и его братьев. «Атахиский народ, да и Микчисы называемой, принадлежит по большей части к княжеской фамилии Каплана». По мнению автора, чеченцы, как и соседи, «по большой части суть кочевые народы, которые больше двух или трех лет не живут на одном месте, а со своим скотом уходят на несколько лет в другие страны»[110].

Описание Штелина следует рассматривать как первую страницу чеченской историографии. Ряд сообщаемых фактов подтверждается источниками того времени, но не все. Утверждение автора о чеченцах как кочевом народе расходится с многочисленными источниками. Сообщение, что князь Девлет-Гирей живет в Гребенчуке, позволяет утверждать, что либо автор пользовался более ранними сведениями, в рамках 1747–1754 годов, либо статья написана в эти годы (Девлет-Гирей поселился в Гребенчуке в 1747 году, а бежал оттуда в 1754 году, после ограбления его).

Тон статьи относительно спокойный и умеренный, без тех измышлений, которыми наполняется литература позднейшего времени. Данная статья не имеет историографической преемственности, поскольку оставалась неизвестной авторам, писавшим о Чечне. Возможно, что статья впервые извлекается нами из лепты забвения.

В 1794 году опубликовано в Курске С. Д. Бурнашевым «Описание горских народов», фактически принадлежащее перу П. С. Потемкина [111]. Из сведений автора о Чечне интересно сообщение о бывшей зависимости чеченцев и карабулак от кабардинских феодалов [112].

С начала XIX столетия стали появляться работы исследовательского характера, отличающиеся более основательными и подробными сведениями по географии, истории, культуре

и быту кавказских народов, а главное – в них впервые стала даваться оценка общественного строя горских народов Кавказа на уровне основных теоретических достижений русской исторической науки.

Как известно, в дореволюционной историографии большинство российских историков отрицало существование феодальных отношений даже в Киевской Руси. В начале XX века П. П. Павлов-Сильванский доказал, что феодальные отношения были характерны и для Руси XI–XII веков. Такое состояние русской исторической науки, естественно, довлело и над кавказоведами.

Начиная с С. Броневского, отдельные буржуазно-дворянские историки стали отмечать в общественном строе Чечни элементы или зачатки феодальных отношений, правда делали они это в тех же «неопределенных и загадочных выражениях», в которых русские историки XIX века отмечали феодальные черты в русской древности [113]. К тому же феодализм в Чечне рассматривался историками XIX века не в развитии, а скорее констатировался, чем выявлялся. Господствующей концепцией дореволюционных авторов, в оценке общественного строя чеченцев, была теория родового строя с допущением слабого развития элементов рабовладения. Внимание историков ограничивалось общественными отношениями Чечни конца XVIII, а чаще начала XIX века, весь же предшествующий период истории замалчивался, что и соответствовало «теории» неисторичности малых народов, бывшей на вооружении реакционного кавказоведения.

Родовая теория исключала возможность правильной оценке закономерностей в общественно-экономической жизни чеченцев. Поэтому тем большее внимание мы должны уделить взглядам тех немногочисленных авторов, которые в оценке общественных отношений Чечни отходят от признания их «чисто» родовыми.

Первой в ряду подобных работ является работа Семена Бронневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», изданная в 1823 году в двух частях [114].

Хотя данное сочинение, как явствует из предисловия, осталось неоконченным к 1823 году, однако опубликованные части в действительности написаны в 1810 году и лишь в силу отсутствия необходимых материальных средств изданы с опозданием на 13 лет [115]. Автор сообщает «любопытные сведения о малоизвестных странах», «подробные и систематические

известия никогда еще не выходили в свет на российском языке»[116].

Книга рассчитана «наипаче» для русских офицеров, служащих на Кавказе [117], чем и обусловлено внимание к военно-географическим вопросам края.

Автор ставит целью продолжить исследования по Кавказу, начатые Гилденштетом (Гюльденштедтом), Гмелиным, Палласом, Гербером, Соймоновым, Рейнексом [118].

Особого внимания достойно указание автора, что при составлении карты к книге автору оказывал помощь свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части майор Андрей Мартынович Буцковский [119], с работой которого мы уже познакомились.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что «Историческая часть» работы издана частично, что обещание «в непродолжительном времени» после опубликования «первых двух томов»[120] завершить полное издание сочинения не выполнено.

Отмеченный С. Броневским более высокий уровень общественного развития у плоскостных чеченцев, нежели у горных – Ичары – Мыкиз, – новое историографическое наблюдение [121]. Обратил автор внимание и на стремление горских (в том числе чеченских) князей использовать в своих классовых интересах патриархально-родовые институты и связи [122].

И хотя С. Броневский отдал обычную для литературы того времени дань, установлениям реакционного направления в кавказоведении, все же он впервые в науке указал, что часть равнинных чеченцев знает в своем общественном строе феодализм [123], а у горных чеченцев он признал родовой строй. Однако Броневский неверно отождествил феодализм в Чечне с более развитым феодализмом в Кабарде, что привело к преувеличению оценки степени развития феодальных отношений у чеченцев. И тем не менее тогда это было новое и большое слово в исторической науке.

Нам пока неизвестны все источники, которые были привлечены автором для характеристики Чечни, но один из основных источников это «Описание Дагестана. 1804 год» А. И. Ахвердова, опубликованное в 1958 году [124]. «Описание» Ахвердова обнаруживает почти текстуальную идентичность с соответствующими страницами С. Броневского.

Длительное время работа С. Броневского служила настольной книгой, для всех любителей истории Кавказа кото-

рой и ограничивались известия о северокавказских народах в XVIII веке.

Видное место в кавказоведческой литературе принадлежит Иосифу Дебу, чье основное произведение «О Кавказской линии...» вышло в 1828 году [125]. Первое сообщение автора о чеченцах касалось их военного искусства, и было опубликовано в 1811 году [126], затем в 1821 и 1822 годы автор публикует по истории кавказских народов «Разные исторические замечания...»[127].

В названии книги неверно указано, что в основание книги положены сведения, собранные с 1816 года. В посвящении автор говорит, что сведения собирались в продолжение 16-летней службы. В другом месте автор говорит, что сведения собирались с 1810-го по 1826 год, когда он командовал правым и левым флангами Кавказской линии [128]. Эти сведения были добыты служившими на Кавказе чиновниками, снабжены замечаниями Дебу и пополнены им [129], так что работа являет «полное собрание» замечаний. Отдельные части работы в 1816 году представлялись командиру Отдельного Кавказского корпуса А. П. Ермолову [130], а в 1823 году – «Высшему Начальству» Кавказского отдельного корпуса [131]. После оставления Кавказа в 1826 году автор дополнил работу новыми «пространнейшими замечаниями» о народах Северного Кавказа.

Автор в посвящении предупреждает, что сообщаемые сведения носят преимущественно военный характер и менее представляют гражданскую историю. Это книга о Кавказской линии, причинах ее учреждения и путях укрепления. Утверждение, что чеченцы имеют не более семи деревень с выселками [132], говорит о том, что автор далек от знакомства с Чечней. В описании народов Северного Кавказа Дебу следует П. С. Потемкину [133]. Механическое копирование автором ряда сообщений Потемкина свидетельствует об отсутстви оригинальности и самостоятельности в выводах.

И Броневский, и Дебу, в силу классовой ограниченности их мировоззрения, далеки от подлинного изображения социальных противоречий чеченской действительности. Сравнительную оценку этих двух авторов дал их современник – Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант Вельяминов 2-й, который, в отзыве военному министру Чернышову о записках Хан-Гирея о Черкесии от 13 апреля 1836 года, писал: «Кавказ был еще слишком мало известен в то время, когда служил там Броневский. Несмотря на это,

книга его заслуживает внимания. Что касается до сочинения генерал-майора Дебу, то оно представляет собрание самых не основательных и бесполезных рассказов [134].

Таким образом, уже в середине 30-х годов XIX столетия ощущастся потребность в новых исследованиях по истории кавказских народов. В результате появляется ряд новых работ по Чечне.

В 1832 году подполковник Бюрно утверждал, что «подобия феодального устройства, имеющего большое значение у кубанских и кабардинских народов, незаметно у чеченцев»[135]. Критические замечания генерала Вельяминова [136] о содержательности и достоверности фактического материала, которым пользовался Бюрно, позволяют объяснить ошибочность утверждения Бюрно неполнотой сведений, которыми он располагал.

Норденштамм в 1834 году отмечал, что чеченцы ведут оседлую жизнь и вышли из «первобытного состояния человека»[137]. Этой неопределенной оценке следовал ряд авторов [138].

В «Отчете за экспедицию бывшую в 1839 году с 1 мая по 21 сентября под начальством генерал-адъютанта П. Х. Граббе» Д. А. Милютин, тогда еще капитан, писал, что кумыки образуют «небольшое государство феодальное, в котором власть разделена между княжескими фамилиями, равно как и у чеченцев, обитающих на правом берегу Терека, выше впадения Сунжи, где еще недавно владычествовали кабардинцы, водворившие в этом крае также почти феодальный образ гражданского устройства»[139].

К такому же выводу, но независимо от Милютина, пришел Голенищев-Кутузов, который в 1843 году констатировал, что, согласно преданиям, в Чечне некогда стали было вводиться отношения, «более сообразные правилам устроенного общества, и подчиненность высшей власти», а позднее кабардинские князья, по переселении в деревни надсунженских и понадтеречных чеченцев, ввели «все формы феодального устройства, существовавшего в Кабарде, в простом и односложном строе чеченского общества»[140]. Голенищев-Кутузов преувеличивает степень допустимого привнесения развитых форм феодализма Кабарды в патриархально-общинные порядки Чечни. Поэтому уточнение Н. Харузина, что кабардинские князья привили чеченским обществам многое из своих обычаев, но не ввели своего резкого деления [141], верно и необходимо.

Большой интерес к истории Чечни проявлял правитель дел Кавказского отдела Императорского Русского геогра-

фического общества академик-филолог А. П. Берже, специально изучивший чеченский язык [142]. Посредством анализа одного из чеченских преданий Берже установил в Чечне, примерно в XVI веке, наличие «ленного владения», а один из «родоначальников» чеченцев Турпал охарактеризован им как господин «челяди». Однако в общественном строе Чечни первой половины XIX века он не видит никаких феодальных привилегий»[143].

С легкой руки А. П. Берже получило распространение утверждение, что на страницах русской истории «имя чеченцев в первый раз встречается в 1708 году [144]. Но слово «чеченцы» упомянуто уже в сентябре 1692 года в «Отписке Ивана Волкова и Дениса Сербина Астраханскому воеводе князю Петру Хованскому о бегстве казаков-раскольников с реки Астрахани в Крым и разбитии их на реке Сунче чеченцами и кумыками [145].

Этот документ был опубликован в 1842 году, т. е. ранее опубликования работы А. Берже, но был ему неизвестен.

Ученый скромно оценил цель своей работы – послужить «зародышем» будущей науки о Чечне [146], однако подобное ограничение задач работы не удовлетворило его современников. Один из рецензентов работы писал, что она «похожа на докладную записку, начинена фактами»[147]; автор «решается лишь обнародовать материалы, которые могут послужить только зачатком первоначального изучения Чечни и Дагестана ... Для чего же ограничиваться одним обнародованием голых материалов, когда у вас есть и вкус, и средства, и талант на их обработку? Почему уклоняться от стройного труда и предоставлять его искусному перу, которое явится со временем [148]. Таким образом, мы знакомы лишь с рядом попутных замечаний А. Берже по вопросам истории Чечни. Известная классовая и историческая ограниченность научных взглядов А. Берже достаточно прослеживается по его сочинениям. Автору приходилось работать в условиях, когда исторические исследования о Кавказе зависели от прихоти быстро сменявших друг друга правителей Кавказа. Почему автор предпочел роль публикатора сочинений других писателей? Этот вопрос хотя и остается, но можно предположить, что автор был лишен возможности давать свою интерпретацию истории кавказских народов. Ведь, изучая чеченский язык, Берже преследовал определенные исследовательские цели.

Большой фактический материал содержит труд известного кавказоведа академика П. Г. Буткова «Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год»[149], опубликованный в 1869 году. Сведения относительно чеченцев были извлечены П. Г. Бутковым из архивных документов и в большинстве связаны с деятельностью Кизлярских комендантов. Они были серьезным пополнением данных о чеченцах, выявленных работами предшественников. В настоящее время многие из сообщаемых в работе Буткова фактов находят подтверждение в архивных документах, но некоторые из них пока остаются в монопольном ведении рассматриваемых «Материалов для новой истории Кавказа...».

В процессе работы с «Материалами...» следует учитывать, что они вышли в свет спустя 12 лет после кончины их собирателя. Разбор его рукописей проводила комиссия в составе академиков Г. А. Дорна, А. А. Куника, В. В. Вельяминова-Зернова и М. И. Броссе. Рукопись Буткова составилась из разных неоконченных исследований, из архивных выписок и извлечений, документов в копиях и подлинниках. Опубликованные «Материалы...» также остались в незаконченном виде – с пробелами, поправкам и разночтениями. Академическая комиссия «восполнила» работу и с соответствующими оговорками обнародовала рукопись Буткова. Но теперь Бутков, оставаясь основным составителем и автором «Материалов...», в известной мере предстает уже как соавтор коллективного труда.

Обратимся к сообщаемым Бутковым сведениям. Из подвластных князьям Айдемировым, Чепаловым, Казбулатовым, Черкасским, Турловым аулов, Бутков перечисляет селения: Большая и Малая Чечня, Большая Атага, Горчевская или Истису Топли [150]. Архивные документы дают следующее уточнение: в 1758 году Росланбеку Айдемирову подвластен аул Хаджи-али [151], Чепан Турлов владел Алдами до своей смерти в 1778 году [152]. К 1760 году Бутков относил поселение Девлет-Гирея выше Червленного городка, на левом берегу Терека, что послужило основанием Девлетгиреевского аула [153]. Но уже в письме Девлет-Гирея на имя генерал-майора Кизлярского коменданта фон-Фрауендорфа, полученном последним 9 ноября 1756 года, первый говорит, что он выехал из Гребенчуков и поселился в «вершинах» Червленских Теплых вод, где и подвергся грабежу, после чего «переехал на сю сторону реки Терека»[154]. Таким образом, выясняется неточность, как в датировке, так и в деталях основания Девлетгиреевского аула [155].

В данном письме подтверждается и сообщаемый Бутковым факт зависимости от Девлет-Гирея шалинцев [156].

Здесь уместно отметить, что в «Материалах...» сообщение событий, связанных с Девлет-Гиреем, дано в незавершенном виде. Это видно из утверждения, что девлетгиреевским аулом «владеет ныне (?) сын его (Девлет-Гирея. – *Ф. Т.*) Бамат»[157]. Вопрос поставлен, вероятно, издателем и тем более правомерен, что Девлет-Гирей был убит, как сообщает академик Фальк, в 1773 году или ранее [158], а свое сочинение академик Бутков писал уже в XIX веке.

Политическое завоевание Кавказа царской Россией было предметом исследования известного историка второй половины XIX века академика Н. Ф. Дубровина. Исследование темы потребовало всестороннего (исторического, экономического, географического, этнографического) изучения местных народов, что в качестве «побочного труда»[159] и было проделано Дубровиным. Характеризуя свой «Очерк Кавказа и народов его населяющих», добросовестный автор-компилятор писал: «Все достоинства труда принадлежат, по праву, тем авторам, исследования которых послужили мне источником для составления настоящего очерка... Не прибавляя от себя ничего нового, я свел только в одно целое сведения, разбросанные по различным архивам, журналам, газетам и отдельным сочинениям. В этом только и заключается вся моя заслуга»[160]. Это действительно сводный труд, отразивший многие сведения, добытые к тому времени о кавказских народах. Но он ни в коей мере не является энциклопедией добытых к тому времени сведений о Чечне, отчасти опубликованных, а в большинстве оставшихся достоянием архивов. Работы С. Броневского, А. Берже, П. Г. Буткова сохраняли свое значение как оригинальные сочинения. Чеченцам в «Очерке» посвящен крупный раздел (С. 367–496). Ряд источников, которыми пользовался автор, остаются невыявленными по сей день, например рукопись, доставленная автору П. Б. Кузьминским: «Об обществах чеченского племени» (С. 369, 374, 377, 464, 492). Большая произвольность автора в извлекавшихся выдержках, обнаруживаемая неоднократно [161], обусловливает необходимость обращения к исходным материалам. Работы Н. Ф. Дубровина по Кавказу, указывает Н. Л. Рубинштейн, выходят за рамки историографического направления, с которым связывают его творчество в целом [162].

Первым «природным» чеченцем, писавшим об истории своего народа на русском языке, был Умалат Лавдаев, который в предисловии к своей рукописи писал: «Из чеченцев я первый пишу на русском языке о моей родине, еще так мало известной»[163]. При напечатании его статьи была допущена, вероятно, опечатка в написании его фамилии, и уже 90 лет в кавказоведении известен У. Лаудаев, но неизвестен У. Лавдаев. Отдавая дань традиции, мы именуем данного автора Лаудаевым. Умалат Лавдаев родился в 1829 году, вероятно, в ауле Нога Мирза [164]. В 1834–1835 годах он определен в Александровский кадетский корпус, в 1845 году произведен в корнеты с назначением в Лубенский гусарский полк. Участвовал в подавлении революции в Венгрии 1848–1849 годы, после чего произведен в чин поручика. В конце 1853 года переведен на Кавказ, в крепость Воздвиженскую на должность помощника наиба (русского) Большой Чечни. После взятия Ведено служил в Ичкеринском округе адъютантом». В 1857 году произведен в штабс-ротмистры. При формировании в 1861 году Терского конно-иррегулярного полка был включен в его состав и прослужил там до преобразования полка в постоянную милицию. В том же 1861 году участвовал в подавлении восстаний в Ичкерийском и Аргунском округах Чечни. В 1865 году произведен в ротмистры. Был награжден орденом Св. Анны 4-й степени. Лавдаева характеризовали «благонамеренность и преданность», не был «ни в чем замечен, ни единым словом»[165]. О дальнейшей судьбе Лавдаева нам неизвестно [166].

Трудно установить причины, побудившие Лавдаева обратиться к описанию истории своего народа: имел ли он целью удовлетворить желание русской читающей публики ознакомиться с Кавказом, хотел ли оставить сведения для потомства, или выполнял волю начальства, но, как подметил еще М. Н. Покровский, «официальный патриотизм Лавдаева не может подлежать ни малейшему сомнению»[167].

Рукопись была составлена автором, видимо, в 1871 году [168]. Статья, которую мы рассматриваем, к сожалению, не может дать нам полного представления о тех изысканиях, которые удались автору, ибо она заключает в себе лишь «несколько отрывков» рукописи неизвестно каких размеров [169]. Опубликованные отрывки составляют две взаимосвязанные части: историческое исследование (С. 1–31) и «примечания» к нему в виде отрывочных сведений из народных преданий. Почти весь фактический материал приведен автором впервые

(отдельные факты перекликаются со сведениями, опубликованными И. Поповым, но имеют другую трактовку). Автор умалчивает о том, как, от кого и когда были собраны им народные предания, он сообщает только о своем одноаульце старике 90 лет [170] и о пользовании арабской рукописью с хронологическим перечнем событий на Кавказе [171]. Всеми предшествующими опубликованными в печати сведениями о чеченцах Лавдаев пренебрег. Описание включает состояние Чечни до 1818 года [172], хотя в ряде случаев упоминается о событиях, относящихся к временам Шамиля. Основной метод исследования, применяемый Лаудаевым, – историзация легенд и преданий.

Лаудаев придает важное значение выселению чеченцев на плоскость, но при датировке этого события он допускает ряд ошибочных, порой противоречивых, утверждений, время выселения чеченцев на плоскость Лаудаев приурочивает к началу XVIII века, когда возник аул Чечень [173]. В другом месте он, полагая, что название нахчой первоначально имели только плоскостные чеченцы, относит его появление к концу XVII столетия [174]. Таким образом, перед нами уже две различные даты, а если учесть, что до распространения этнонима нахчой на всех плоскостных обитателей требовалось время, то неприемлемость датировки выселения чеченцев на плоскость этими периодами становится очевидной. С точки зрения Лаудаева, народы, занимающиеся скотоводством, являются первобытными, а поскольку и после выселения на плоскость чеченцы занимались «преимущественно» скотоводством, то они, как и до выселения, признаны им первобытным народом [175]. Неизвестно, как долго это состояние удерживалось, но с выселением на плоскость чеченцы, по Лаудаеву, «тотчас» (!) заменяют горные сохи плугами, производят правильное хлебопашество, превзойдя в этом отношении соседние народы [176]. Как примирить это положение с предыдущими утверждениями и для чего было в условиях горной изолированности иметь чеченцам горные «сохи» если в тот период первобытности, не будучи ознакомлены с хлебопашеством и живя при «неимении» хлеба [177], они не могли иметь хозяйственного применения. Следует отметить, что именно с успехами в земледелии, скотоводстве и других отраслях хозяйства после выселения на плоскость, иначе говоря, с фактом серьезного роста производительных сил Лаудаев связывает прогресс в общественных отношениях плоскостных чеченцев, которые стали «выше их

горных братьев, перенимая от соседей все лучшее и полезное, они усовершенствовались в нравах, обычаях и общежитии, даже самый язык их... делается благозвучнее». Отныне горные чеченцы идут за плоскостными [178].

Особенное внимание Лаудаев отводит характеристике фамильно-тайповых отношений. Впервые автор знакомит со структурой чеченского тайпа, хотя и неполно. Автор умолчал о тухумах. Тайпа, по Лаудаеву, и род, и племя. Гаара, как ветвь рода, и неки, как линия, лишены конкретности – то ли это семьи, то ли родственные группы. Наивны суждения Лаудаева о вопросах происхождения чеченского народа. С его точки зрения, чеченцы один из «мелких неисторичсских народов», а потому «достаточно» дать вопросу об их происхождении «правдоподобное» основание [179], а не проводить углубленное историческое исследование. Ряд социальных явлений, как, например, выселение под покровительство сильной личности, взаимоотношения между землевладельческими и безземельными тайпами, патронатство сильных фамилий над слабыми, неподчинение сильных фамилий адатным нормам, – все это не раскрыто. С одной стороны, Лаудаев говорит, что земли Ичкерии были поделены пофамильно аварским ханом [180], с другой, – сами фамилии распределяют эти земли, при этом наблюдается порядок, сходный с тухумными отношениями [181].

Характеристика Лаудаевым причин возникновения рабства на собственно чеченской почве не вызывает возражений, но когда он связывает появление рабства в Чечне с заимствованиями от адигов [182], то его утверждения утрачивают обоснованность и убедительность. При характеристике положения рабов автор субъективен, что, видимо, было следствием того, что он сам был рабовладельцем [183].

Наблюдения Лаудаева содержат много ценных характеристик о различии в общественном состоянии различных частей Чечни, о влиянии князей на чеченские общества, об адатах, о кровной мести, о русско-чеченских связях. Попытка автора включить почти все добытые им сведения в XVIII веке привели к противоречиям в трактовке событий. Пренебрежение (или незнакомство?) Лаудаева с сочинениями А. Берже [184], П. Г. Буткова Н. Ф. Дубровина, не говоря уже об описаниях Я. Штелина и И. Гюдьденштедта, в которых были поставлены многие проблемы общественных отношений и в которых, наконец, содержались достоверные исторические сведения, ставит его работу в положение относительной изолированно-

сти, так как она не является продолжением предшествующей литературы. Отступление Лаудаева от добытых исторической наукой фактов принижает, но не перечеркивает значимость данной работы, заключающуюся в сообщении и известном обобщении фактов из народных преданий. Именно Лаудаев первым выдвинул вопрос об изучении тайпы и это обращение было, в последствии, услышано.

Когда исследователь или читатель обращается к книгам о Кавказе, он всегда должен помнить о царской цензуре, которая своими купюрами безжалостно выхолащивала в работах сколько-нибудь либеральное, «неблагонадежное» содержание. Начиная с 40-х годов XIX века все сведения о Кавказе, печатавшиеся в газетах и журналах всей России, публиковались с разрешения канцелярии Кавказского комитета [185]. В 1853 году «красные чернила» испещрили «Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев» [186], в 1854 году – статью «Записки о Чечне» капитана К. Самойлова [187], в 1853 году император Николай I запретил перевод 3-й части сочинения Гакстгаузена [188]. Цензурование влекло за собой проверку благонадежности автора [189].

Во второй половине XIX века в печати неоднократно выступали с произведениями участники Кавказской войны, составившие группу военных писателей. К их числу относятся Г. Н. Казбек [190], М. Л. Ольшевский [191], Н. А. Волконский [192] и др. Военные писатели, восхвалявшие доблести царских войск, видели в кавказских народах, в том числе чеченцах, исключительно врагов [193]. Наблюдения и выводы большинства военных писателей, проходившие сквозь призму порохового дыма Кавказской войны и официальных воззрений, окрашивались ими в кровавые тона. Тем более, что вторая половина интересующего нас периода совпала с интенсивным наступлением царизма на исконные земли кавказских народов, в том числе и чеченцев, что вызывало вооруженный отпор последних. Будет ошибкой при исследовании истории Чечни ограничиться односторонними свидетельствами и выводами военных писателей, от которых «трудно ожидать... спокойного объективного отношения к предметам» [194]. Военные писатели дали преимущественно произведения военно-описательного характера, нежели исследования исторического развития чеченцев и других кавказских народов. Отдельные исключения, как например, сочинение К. Самойлова, не меняют общей картины.

Узкий круг затрагиваемых вопросов характерен для работ путешественников, посещавших Чечню преимущественно по окончании Кавказской войны. Это не исторические исследования, в них много «из природы» и мало из общественно-экономической жизни чеченцев.

Местные русские писатели – А. П. Ипполитов, И. М. Попов, Н. Семенов и др., чьи работы написаны во второй половине XIX века, живя среди чеченцев, подчас зная их язык, были близко знакомы с преданиями народа, его нуждами, видели противоречивую чеченскую действительность. Но им были недоступны архивы, а потому они более выступают как собиратели местного фольклора. Много сделано ими по обследованию чеченской тайпы.

Общим недостатком сочинений авторов этих трех категорий, как правильно подметил еще в 1890 году Г. Вертепов, было то, что они «совсем почти не затрагивают вопросов экономических и ограничиваются отдельными чертами бытовой жизни»[195]. Оно и понятно, – ведь «с вопросами экономическими неразрывно связаны самые животрепещущие вопросы истории и ... корни этих последних вопросов лежат в общественных отношениях производства»[196]. А понимание этого, кажется, было им чуждо.

Отражением растущего внимания к вопросам общественных отношений у чеченцев явились следующие работы, в которых затронуты отдельные аспекты общинного частного землевладения в Чечне: П. «Землевладение у чеченцев», статья написана 1 мая 1869 года, напечатана в 1878 году [197]; П. Петухов «Из нагорного Кавказа», опубликована в 1866 году [198]; О. Маргграф «Чеченские селения» в 1881 году [199]; Г. Малявкин «Очерк общинного землевладения на чеченской территории» в 1892 году [200]; А. Б. «Из заметок о поездке по Надтеречным селениям» в 1894 году [201]; А. Иванов «Верховья р. Гехи» в 1902 году [202]. Некоторые из этих авторов считали, что земельная община насаждена в Чечне русским правительством, другие считали чеченскую общину исконной и самобытной [203].

Выдающемуся русскому этнографу [204] Николаю Харузину принадлежат «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей», опубликованные в 1888 году [205]. Основные сведения о Чечне, привлекаемые автором, взяты из работ А. Берже, У. Лаудаева и др. В то же время Н. Харузин дополняет эти сведения данными о патриархально-родовых пережитках, встречавшихся в Чечне во второй половине XIX века. В работе

дана самостоятельная характеристика большой чеченской семьи, вносятся коррективы в оценку влияния феодальной Кабарды на общественный строй Чечни.

В 80–90-е годы XIX столетия появляется ряд работ о семейных отношениях в Чечне и Ингушетии. Во второй половине XIX века материалы о языке чеченцев публикует Услар.

Крупнейшим вкладом в общее кавказоведение явились работы Максима Ковалевского, особенно его двухтомное сочинение «Закон и обычай на Кавказе». Его исследования имеют для истории кавказских народов то же значение, какое принадлежит работе Л. Моргана в восстановлении доисторической основы «писаной истории» человечества и разрешении прежде загадок древнегреческой, римской и германской истории [206]. Как работы Л. Моргана составили эпоху в изучении древнего человеческого общества, так исследования М. Ковалевского составили эпоху в кавказоведении.

К сожалению, М. Ковалевский располагал узким кругом источников о Чечне. Ему удалось охарактеризовать только отдельные стороны чеченской тайпы, но вопрос о сущности тайпы, как формы общественного устройства, автор оставил открытым.

М. Ковалевский в 1883 году отметил различные ступени процесса феодализма у народов Кавказа. У чеченцев он признал господство родовых отношений: у них, как и у осетин, встречаются, писал он, «отдельные элементы» феодального строя, развитые сравнительно с соседними народами «всего слабее»[207].

Признание М. Ковалевским наличия феодальных порядков у северокавказских народов встретило возражения ряда ученых. В апреле 1884 года с критикой точки зрения М. Ковалевского выступил Я. Абрамов. Однако Абрамов инкриминировал М. Ковалевскому утверждения, ему не принадлежащие. Так, Абрамов говорит, что М. Ковалевский считает гнездом феодальных порядков Кабарду, откуда они распространялись на другие горские народы [208]. В действительности М. Ковалевский находит «много самобытного» в самостоятельном процессе образования сословий у соседних с кабардинцами народов, придавая феодализму Кабарды «восполняющую роль»[209].

В августе 1884 года на VI Археологическом съезде в Одессе против утверждения М. Ковалевского о наличии феодализма у кавказских народов выступил Кулишер, утверждавший, что

«не может быть и речи» о феодальном режиме у кавказских народов [210]. М. Ковалевский в ответном выступлении заявил, что возражения Кулишера не убедили его в противном. К сожалению, в «Трудах» Археологического съезда ни выступление Кулишера, ни ответ М. Ковалевского не опубликованы [211].

Профессор Н. Березин считал, что естественно-географические условия удержали у чеченцев древнеродовой строй, при котором не могли возникнуть аристократия, феодально-крепостной быт и владетельные князья [212].

Последней крупной работой дореволюционного периода была работа члена комиссии по землеустройству населения Нагорной полосы Терской и Кубанской областей Н. С. Иваненкова «Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области»[213]. Эти же материалы использованы автором при написании раздела о Чечне в «Трудах Абрамовской землеустроительной комиссии»[214].

Многочисленные факты о новых земельных отношениях в Чечне в XVIII – первой половине XIX века, собранные автором на месте путем опроса местного населения, сбора заявлений по земельным притязаниям во многом опровергают утверждения буржуазно-дворянской историографии об отсутствии у чеченцев социальных противоречий и проявлений классовой борьбы. Именно Н. С. Иваненков впервые определил башни чеченских «родоначальников» как феодальные, вокруг которых размещались дома простого народа «нахчи», отдававшегося под их защиту [215]. В свете изысканий Н. С. Иваненкова следует подходить к осмыслению большинства сведений, добытых его предшественниками.

Рассмотренная литература позволяет выделить некоторые черты и моменты в дореволюционном изучении истории Чечни. Историческая литература о Чечне, появившаяся до выхода в свет в 1871 году работы Дубровина, характеризуется преимущественно накоплением материалов. Сведений о Чечне XVI–XVII веков почти нет. XVIII век известен по сочинениям И. Гюльденштедта, С. Броневского, И. Дебу, П. Г. Буткова и др. [216]

Исследовались в основном события 20–50-х годов XIX века, но работы второй половины XIX века в большинстве своем были компилятивны, обнаруживая текстуальное и генетическое родство с работами А. П. Берже, П. Г. Буткова, Н. Ф. Дубровина, У. Лаудаева. У них заимствуют конкретный

материал, его интерпретацию, все это сплошь и рядом без ссылки на авторов. А ведь в это время изданы «Акты Кавказской Археографической Комиссии», вышел сборник архивных документов С. А. Белокурова и др.

Более того, в литературе, рассчитанной на неискушенного читателя, было нагромождено столько небылиц и измышлений об общественном строе чеченцев и других народов Кавказа, что Чечня, Кавказ выглядели на страницах многих произведений «Белой Арапией». Накопление исторических сведений о Чечне и их обобщение, проходили в острой борьбе писателей прогрессивного демократического направления с измышлениями реакционных кавказоведов. Для правильного понимания источников и литературы о чеченцах важны выступления в 1895 году А. Е. Россиковой [217], А. Карабегова в 1897 году [218], П. Погожева в 1910 году [219]. Особенно ценный материал содержит работа Россиковой, дающая новые факты из исторического прошлого чеченцев, добытые автором путем личного знакомства со стариной и народом [220]. К этому ряду писателей примыкает и неизвестный автор, сам чеченец [221].

Из беглого обзора дореволюционной литературы можно усмотреть, что буржуазно-дворянская литература выяснила отдельные стороны тайпового строя, хотя и робко, но ею был поставлен вопрос о феодальных отношениях в Чечне. Поверхностное представление о земельных отношениях в Чечне, о роли движимого богатства в общественных отношениях чеченцев, пренебрежение вопросами классовой борьбы, классовая ограниченность авторов, узость источниковедческой базы, все это предопределило узкий круг выдвинутых проблем и их слабое освещение. Многие поставленные проблемы, связанные с общественным строем Чечни, так и остались не решенными.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции происходит коренной перелом и в исторической науке, выдвигаются новые задачи и темы, заново решаются проблемы, унаследованные от старой буржуазно-дворянской исторической науки. История народов Кавказа, как и других народов нашей страны, начинает разрабатываться на основе материалистического подхода к общественным явлениям.

С некоторыми оговорками [222], одним из первых советских исследователей истории Чечни следует признать М. Н. Покровского, который выступил, хотя и вскользь, с рядом оценок явлений социально-экономической жизни Чечни

рассматриваемого нами времени. Особенностью воззрений М. Н. Покровского на чеченскую историю было то, что он, не располагая сколько-нибудь новыми источниками, черпая сведения преимущественно из работы У. Лаудаева и привлекая ограниченный круг документов о восстаниях против политики А. П. Ермолова на Кавказе, попытался дать им марксистское объяснение, правда, не всегда достигая успеха в этом, и порой, был противоречив в своих определениях.

По мнению М. Н. Покровского, Чечня конца XVIII века в одном случае – «страна дофеодальной, патриархальной демократии», сходствующая с германцами Цезаря и Тацита. Но, сравнивая общественный строй чеченцев и дагестанцев, (последних он по неверной традиции дореволюционной историографии именует лезгинами), М. Н. Покровский дает в этой же работе другую оценку общественного строя чеченцев. Горные чеченцы, полагает М. Н. Покровский, живут «патриархальной демократией» времен германцев эпохи Тацита, а дагестанцы живут той же патриархальной демократией, что и горные чеченцы, но на «более ранней ступени развития», как германцы Цезаря [223]. Суждения М. Н. Покровского оказываются легко уязвимыми. Известно, что в эпоху Ю. Цезаря у германцев «производился ежегодный передел пахотной земли между группами, между родами и кровно-родственными объединениями, но еще не между индивидуальными семьями общины, вероятно, и обработка велась группами, сообща», – указывал К. Маркс [224]. Для Чечни такие отношения давно были пройденным этапом, равно как и другое утверждение М. Н. Покровского о том, что в Чечне вся земля – собственность родов [225]. Отрицая у чеченцев частную собственность на землю, обходя социальные последствия крупного частного владения скотом, М. Н. Покровский объявлял общественный строй Чечни более архаичным, нежели он был. К тому же общественные отношения у равнинных чеченцев вообще не затронуты в работе М. Н. Покровского.

Видный советский писатель и общественный деятель Константин (Дзахо) Гатуев в 1926 году в исследовании «Зелимхан» ошибочно утверждал, что Россия вернула Чечню в первобытность [226], к родовому строю [227].

Х. Ошаев в «Очерке начала революционного движения в Чечне», опубликованном в 1927 году [228], отрицал в Чечне до середины XIX века существование «даже зачатков феодализ-

ма [229], и, как следствие этого, отрицал в Чечне возможность проявления классовой борьбы [230].

Позднее Х. Ошаев внес коррективы в свою концепцию, полагая, что до XVIII века чеченцы и ингуши пребывали на стадии патриархально-родовых отношений, когда «определенно оформившихся классов» в Чечне не сложилось [231]. Социальный строй чеченцев и ингушей в XVIII – первой половине XIX века автор уподобляет строю североамериканских индейцев, которые для ведения войны с соседями выдвигали военачальников. На основании этого автор находит у чеченцев строй «военной демократии». По Х. Ошаеву, чеченские военачальники – бяччи – стали постепенно превращаться в феодалов, однако процесс этот, как и вообще развитие феодализма, был прерван в Чечне вторжением царизма и русского капитализма [232], (кстати, весьма разновременные явления). Концепция Х. Ошаева страдает, по нашему мнению, своей незавершенностью.

Историографическим парадоксом следует признать статью А. Бальшина «Социально-экономическое состояние Нагорной Чечни», в которой автор говорит о возникновении феодализма в нагорной Чечне уже после Великого Октября [233]. Подобные заблуждения не позволяют уверенно пользоваться в общем-то ценными сообщениями об экономическом развитии и ростовщическом капитале у чеченцев.

В Малой советской энциклопедии 1931 года у чеченцев XVII–XVIII веков отмечены развитые патриархально-родовые отношения при наметившихся «начальных процессах феодализма»[234].

Для конца XVIII века область распространения феодализма в Чечне уже сведена к притеречным районам, где происходит тогда же восстание против укреплявшейся феодальной знати.

В 1932 году опубликована обширная статья этнографа А. С. Вартапетова «Проблемы родового строя ингушей и чеченцев», выполненная на известной документальной основе. В общественном строе чеченцев автор находит, что до завоевания царизмом, основы патриархально-родовой демократии у чеченцев не были подорваны в «достаточной» (?) степени. От ранней семейной общины чеченцы переходят к индивидуальным формам производства и потребления общины сельского типа. Имущественное неравенство имеет место между родовыми группами, захватывая вскоре и отдельные семьи [235]. Чеченский тайп по Вартапетову это «союз родов и

фамилий»[236]. Но в таком случае теряет смысл попытка автора оспаривать определение тайпы, данное М. Ковалевским как союза родов [237]. А. С. Вартапетов полагал, что в силу слабого развития производительных сил в Чечне и Ингушетии до середины XIX века не было предпосылок для развития феодальных отношений, возникновение которых он относил ко 2-й половине века [238]. Кровно-родственные отношения, составлявшие основу ранних (?) форм тайпы, уже до завоевания Чечни царизмом уступили место, по мнению А. С. Вартапетова, территориально-хозяйственным [239]. Вартапетов серьезно принижал уровень производительных сил в Чечне, ошибочно предполагая, что переселение чеченцев и развитие у них земледелия, относится к весьма позднему времени (так, земледелие стало основой экономики чеченцев и ингушей, пишет он, к концу XIX века)[240]. Оценивая общественно-экономические явления, А. С. Вартапетов во многом повторял далеко не безупречные положения М. И. Покровского. Кроме того, узкий круг источников [241], путаница в понимании марксистко-ленинского учения о родовом строе [242], предопределили многие существенные неудачи автора. К тому же, решительно все его извлечения из источников неверны.

В 1932 году со статьей «Социальный характер движения имама Мансура» выступил большой знаток истории северокавказских народов проф. Б. В. Скитский. В статье отстаивалась мысль о том, что чеченцы не знали феодализма, хотя и у них к концу XVIII века автор усматривает наличие социальной дифференциации: с одной стороны началось складывание верхушки зажиточного люда, а с другой образуется класс бедноты, «бездомных и абреков», и этот последний оценивается как «горючий материал общественного недовольства»[243].

Позднее в 1959 году, проф. Б. В. Скитский выступил со статьей «К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа», в которой признает, что все горские народы Кавказа «проходили стадию феодализма в разной мере его развития, соответственно различию их исторических судеб»[244].

В «Кратком обзоре истории имамата времен Кавказской войны», опубликованном в 1938 году, Н. Покровский дал беглую характеристику социально-экономического строя чеченцев первой четверти или, «вернее, конца двадцатых годов XIX века»[245]. Однако к характеристике общественно-экономического строя Чечни им привлечены материалы, выходящие за указанные хронологические рамки. Автор считает, что

разложение родового строя у чеченцев наблюдается слабо, так как частная собственность на землю «только лишь» зарождается и основным собственником земли остается род. Первым признаком классового расслоения в Чечне автор считает появление рабства, но при указании факта существования поселений рабского типа на земле рабовладельца нельзя установить, имело это место в Чечне или Ингушетии; вторым признаком – наличие «старшин тайп», которым, прибегавшие к их покровительству, обязаны были повинностями. Зачатки феодализма автор находит в Притеречном, а отчасти и в других районах плоскостной Чечни, особенно в аулах, находившихся под влиянием Кабарды. Н. Покровский говорит о выделении в них феодалов-князей, но «в этом случае они природные, чеченские». Феодальные начала не проникают в основную толщу Чечни, в которой феодализм «укрепиться не мог». Для обоснования данного тезиса Покровский приводит предания о Турловых, о чаберлоевских старейшинах [246] и др. Автор находит в Чечне первой четверти XIX века «феодальные группы», признает классовую борьбу, выступающую под видом родовой [247]. Выводы Н. Покровского опровергали неверные утверждения, содержавшиеся в статье Вартапетова.

В Большой Советской Энциклопедии 1934 года утверждается, что в Чечне «феодализация общества достигла значительной степени», но не указано, когда это происходило [248].

Профессор С. К. Бушуев в 1940 году пришел к выводу, что «в ряде мест Чечни к началу завоевания ее царизмом уже складывались типичные для феодализма повинности (подати, ясак), устанавливались различные формы личной зависимости узденей, часть которых уже стала безземельной, от родовой знати, становившейся личными владельцами земли, т. е. феодалами»[249]. В 1956 году он подтвердил свою этот вывод. В Чечне до Шамиля, писал он, «происходил переход от родовых патриархальных учреждений к полуфеодальным и феодальным»[250]. Общественный строй чеченцев С. К. Бушуев определял «на уровне полупатриархально-полуфеодального быта»[251].

Выше мы уже отметили, что в связи с нарушением автономных прав чеченцев и ингушей наметилось сильное сужение изучения истории Чечено-Ингушетии. В современной исторической литературе сложилось мнение, что с 1944 года на протяжении 14 лет история Чечено-Ингушетии не изучалась, а между тем это не так. По истории вайнахов (чеченцев и

ингушей) были работы, которые должны быть включены как звенья в общую историографию Чечено-Ингушетии. Правда, следует учитывать, что эти работы отличались разной степенью осмысления документальных источников, вызванных к жизни исторической жизнью чеченцев и ингушей в прошлом.

В ряду исследований этого времени выгодно выделяется кандидатская диссертация А. Б. Закс «Из истории первого периода имамата Шамиля Ташев-Хаджи – наиб Шамиля» (М., 1943–1946).

Прав был рецензент диссертации профессор Г. А. Кокиев, определяя, что А. Б. Закс впервые в исторической науке рассматривает Чечню не как единое целое, а, выделив три основных района – Притеречный, Нижний или Плоскостной и Горный, исследует каждый в отдельности, как имеющие характерные социально-экономические особенности [252].

В исследовании А. Б. Закс отстаивается положение, что в развитии феодальных отношений в Чечне имела место сильная тенденция сужения и ограничения рамок и возможностей их развития, что выразилось в том, что в первые десятилетия XIX века феодализм сохранился лишь в Северной части, т. е. Притеречной Чечне [253].

В Нижней Чечне, граничившей с русскими поселениями и с кумыкской землей, автор находит, что здесь сильнее проявлялся процесс разложения родовых отношений. Накануне выступления Шамиля здесь уже налицо соседская община [254]. В Нижней Чечне рабство играло более значительную роль, чем в горной, где сохранились более цельно черты родового строя [255]. Уровень социального развития разных районов горной Чечни, по мнению А. Б. Закс, также был неодинаков, и разложение родовых отношений шло в них с разной быстротой и интенсивностью. Его обусловливали не только природные условия, но и степень влияния соседнего феодального Дагестана [256]. Разложению родовых отношений в горной Чечне, как правильно отметил автор, содействовали постоянные связи с равнинной Чечней. Горы и плоскость были связаны своеобразными земельными отношениями! А также систематическим вывозом в горы хлеба, что углубляло общественное разделение труда [257].

Развитию производительных сил и разложению родовых отношений у чеченцев способствовала «в особенности

все усиливающаяся» торгово-экономическая связь Чечни с Россией [258].

Порайонно рассмотрев общественные отношения в Чечне, А. Б. Закс обоснованно заключает, что это не избавляет от необходимости определения общественного строя чеченцев как совокупности районов, и обобщает, что «Чечня – это страна, не дошедшая в своем развитии до сформированного классового общества»[259].

Исследование А. Б. Закс было серьезном продвижением вперед в научном изучении социально-экономических отношений в Чечне канун народно-освободительного восстания горцев северо-восточного Кавказа как по новизне и значимости введенных в научный оборот документальных материалов [260], так и по ясности выводов и наблюдений. Вместе с тем нельзя согласиться с утверждением исследовательницы о том, что изученные ею документальные материалы о социальных отношениях в Чечне в первой половине XIX века «не представляют особенно больших трудностей»[261]. Сущность многих черт родового строя у чеченцев не вскрыта достаточно глубоко, а в полноте документальной основы исследования имеются основания усомниться.

Одновременно с рассмотренной работой А. Б. Закс была завершена докторская диссертация профессора А. М. Ладыженского «Адаты горцев Северного Кавказа»[262]. Данная работа итог более чем 20-летней работы автора [263], при этом автор в течение пяти лет прожил непосредственно в горах Северного Кавказа, где производил полевые записи адатов горцев, включая адаты вайнахов [264].

Рабата А. М. Ладыженского действительно выполнена на большой документальной основе, хотя, как это ни странно, новых источников в исследовании нет. В рецензии от 10 ноября 1944 года на ранний текст исследования, профессор Г. А. Кокиев резонно указал, что профессор А. М. Ладыженский представил работу, включающую по заглавию (см. выше) 4 темы, каждая из которых могла бы служить темой докторской диссертации и что «работа получилась громоздкой, расплывчатой, без ясной и четкой целеустремленности... фактический материал не получил достаточной научной обработки и конструктивной стройности» и рекомендовал сузить тему [265].

Анализ текста работы позволяет согласиться с оценкой профессором Г. А. Кокиевым, чье мнение, при защите диссертации не было, к сожалению, учтено.

Наиболее удачные страницы исследования посвящены изучению зарождения элементов государственности у горцев, чего нельзя утверждать относительно освещения большинства других вопросов. Особенно слабо выглядит историко-хронологический аспект оценки и размещения анализируемого фактического материала. И в самом деле, разве можно согласиться с А. М. Ладыженским в том, что за «малым исключением народы Кавказа и в 1946 году, т. е. после Великой Отечественной войны сохранили родовую организацию» [266].

Бездоказательны утверждения автора о том, что все кавказские горцы, т. е. и чеченцы, в XVIII–XIX веках (?!) становились постепенно оседлыми жителями [267], что горцы Кавказа еще в конце XVIII века были полукочевыми народами и переход их к оседлости был связан с начатками земледелия и повлек за собой установление, наряду с родовыми, территориальных союзов [268].

Авторская позиция в определении уровня развития общественного строя у чеченцев неуловима. В конце XVIII века, полагает автор, некоторые Надтеречные аулы при поддержке русского правительства были превращены в феодальные владения чеченской аристократии [269]. Первобытно-общинный строй представлен у чеченцев пережитками [270], но у них общество классовое [271], и в то же время говорится о лишь наметившейся классовой дифференциации у чеченцев [272]. И все это вне хронологии.

Используемое автором понятие «патронимия»[273] остается неиспользованным для оценки явлений общественной жизни Чечни, равно как и вводимое им несуразное понятие «первобытный феодализм»[274].

Большое внимание уделял исследованию истории Чечено-Ингушетии профессор Г. А. Кокиев. К весомым научным заслугам Г. А. Кокиева следует отнести его малоизвестное, но принципиальное выступление в защиту высокого смысла и содержания истории народов Кавказа, имевшее место в 1944 году, когда небезызвестный впоследствии Х. Г. Аджемян предпринял попытку выступить с клеветнической работой «Об исторической сущности кавказского мюридизма». Г. А. Кокиев убедительно показал, что рассуждения Х. Г. Аджемяна о социально-экономической жизни горских народов свидетельствовали «о его полном невежестве в вопросах истории вообще, истории горских народов в особенности»[275]. Автору, писал проф. Г. А. Кокиев, нет дела до фактов о социальном строе народов Северного Кавказа,

«так как ему необходимо представить горцев первобытными дикарями для противопоставления их царизму, воплощающему в себе «культуру и просвещение»[276]. Попытка Х. Г. Аджемяна выступить перед советской общественностью с антинаучной стряпней была пресечена благодаря Г. А. Кокиеву.

Однако в 1947 году «провозвестник новых идей»[277] Х. Г. Аджемян добился возможности выступить с докладом «Об исторической сущности кавказского мюридизма» на расширенном заседании Сектора истории народов СССР XIX – начала XX века Института истории АН СССР. Сегодня нет необходимости доказывать научную несостоятельность и вздорность взглядов Х. Г. Аджемяна, восстанавливавшего, как указала проф. М. В. Нечкина, старые взгляды царских генералов. Уже в ходе дискуссии по докладу Х. Г. Аджемяна советские историки заявили, что они не могут согласиться с тем, что народы Северо-Восточного Кавказа, т. е. народы Дагестана и Чечни, стояли на той ступени крайней хозяйственной, политической и культурной отсталости, какую пытался приписать им Х. Г. Аджемян [278]. Сегодня мы должны констатировать другое, а именно, что советские историки при обсуждении доклада Х. Г. Аджемяна проявили высокую научную принципиальность. Итоги обсуждения указанного доклада – важнейший историографический факт в истории изучения общественного строя народов Кавказа в советской исторической науке вообще, в истории изучения общественного строя Чечено-Ингушетии и Дагестана в особенности.

В 1948 году в Баку была защищена кандидатская диссертация Р. Г. Саренца на тему: «Докапиталистические формы производства на Северном Кавказе». Хотя диссертация и была выполнена по экономическим наукам, но исследование было проведено по канонам, правда плохо выдержанным, исторической науки.

Данная работа стоит несколько особняком в истории изучения социального строя Чечено-Ингушетии в силу того, что, не будучи продолжением предыдущей историографии, она вместе с тем не имеет, к счастью, и последователей. Указанная работа Р. Г. Саренца вообще не отмечается в кавказоведческой литературе как историографический факт. Не смотря на низкий научный уровень данной работы, мы не можем обойти эту работу молчанием.

Диссертация выполнена без ссылок на литературу и источники. Для нее характерны методологическая путаница,

отсутствие историко-хронологического аспекта и документированности. Чего стоит утверждение о том, что одни северокавказские племена переживали (до колонизации Россией) рабовладельческий строй, а у других обнаруживались ростки феодально-капиталистических отношений [279]. Непонятно, о какой «нашей научной литературе» упоминает автор, по оценкам которой, «задолго до появления русских в этом крае процветали феодально-капиталистические отношения»[280]. Такой литературы нет. Работа представляется нам стоящей вне науки.

После XX съезда КПСС историки вернулись к планомерной разработке истории Чечено-Ингушетии, что позволило покончить с отставанием в изучении истории чеченцев и ингушей, хотя этот процесс протекал не всегда гладко. Со второй половины 50-х годов можно говорить о втором периоде в историографии истории чеченского народа вообще, и в изучении общественного строя Чечни, в частности. Работы этого периода характеризуются усилением в них творческого начала, что в немалой степени связано с преодолением неточного положения И. В. Сталина, который рассматривал чеченцев, ингушей, осетин и ряд других народов Кавказа как скотоводческие племена, у которых родовой быт еще жив и которые к 1917 году еще не перешли к земледельческому хозяйству [281].

Профессор А. В. Фадеев в 1956 году отметил «незавершенность» в Чечне процесса феодализации, где значительная часть крестьянства еще не была закрепощена, а феодализирующаяся общинная аристократия «вынуждена маскировать свои эксплуататорские притязания под покровом патриархально-общинных традиций и обычаев»[282]. В 1958 году он указывает, что к началу XIX века феодальные отношения у чеченцев в значительной мере скрыты под покровом патриархально-общинных традиций и родовых пережитков [283]. Очевидно, что без выяснения характера и степени сохранности тайпового строя нельзя решить вопрос о степени зрелости чеченского феодализма.

А. Ф. Фадеевым впервые дан детальный анализ русско-чеченских отношений с XVI века до середины XIX столетия в статье «Из истории русско-чеченских связей»[284]. Здесь отмечены характерные черты экономических взаимоотношений чеченцев с казаками и русско-украинскими переселенцами.

Профессор Н. А. Смирнов в 1950 году считал, что общественный строй чеченцев «еще не достиг» в конце XVIII века ступени «сложившегося феодального общества»[285]. В работе

1959 года он писал, что чеченцы в конце XVIII века жили в условиях «только еще складывавшихся феодальных отношений»[286].

Ошибочные утверждения, содержащиеся в работе проф. С. А. Токарева [287], были подвергнуты справедливой критике в указанной выше статье проф. А. В. Фадеева «Из истории русско-чеченских связей», в связи с чем, мы не останавливаемся на их анализе.

Некоторые вопросы общественно-экономического развития Чечни получили освещение в работах Б. А. Калоева. В сообщении об этнографическом обследовании Чечено-Ингушетии летом 1957 года. Калоевым отмечено существование тайповых объединений и именовавшихся «тукумами». Не указывая времени их существования, Калоев отмечает следующие: Малхоевский, Галаевский, Нахчимахновский, Ичкиривский, Чантоевский, Шатоевский, Чеберлоевский [288]. С данным сообщением расходится утверждение М. Мамакаева, приурочиваемое к концу XVII века, когда Чечня представляла союз восьми тухкумов [289]: Нохчамхкой, Аккхий, Чебарлой, Шарой, Маьллий, Шустой, Чанчий и Эрстхой [290]. Помимо количественного различия здесь наблюдается несовпадение в некоторых поименованных тухумах. Либо перед нами тайповые союзы различных времен, либо оба утверждения требуют дальнейших уточнений [291].

Новые факты и новое понимание вопросов общественного строя чеченцев мы встречаем в очерке Б. А. Калоева «Чеченцы», являющемся частью обобщающего труда «Народы Кавказа»[292]. В данной работе попутно решается ряд вопросов общественно-экономической истории Чечни. Ко времени «до» XVI века автор приурочивает появление «зачатков» феодальных отношений, в дальнейшем не получивших «сколько-нибудь значительного развития»[293]. Отличие общественного строя чеченцев, как и ингушей, от путей общественного развития кумыков, кабардинцев и осетин автор видит в отсутствии у первых беков, ханов и князей [294], но правомерно спросить, кто такие Турловы, Бековичи, Эльдаровы?!

Впервые в исторической науке автором дано количественное определение неки и гар, и их отношение к тайпе [295].

Автор заявляет, что «еще в начале XIX века у чеченцев не было общего управления [296]. Быть может здесь следовало обратиться к народным преданиям, которые содержат сведения о попытке объединения Чечни посредством всечеченских со-

браний представителей тайп. Утверждение автора, что в Чечне «основной формой семьи в конце XIX – начале XX века являлась малая семья»[297], может породить неправильные взгляды на семейные отношения предшествующего периода.

Совершенно новый взгляд на тайповые отношения проводится в работе благодаря следующему сообщению: «Браки между родственниками запрещались у чеченцев в пределах трех поколений. Чеченцы могли жениться на девушках из своей тайпы и даже «некье» (это отличало их от ингушей, у которых брак был строго экзогамным), но преимущественно брали в жены женщин из других тайп». К сожалению, это явление не имеет указания на время его появления, не выявлена степень его распространенности, не указано, внутри какой неки могло быть заключено бракосочетание. Это утверждение представляется нам сомнительным.

Вызывает возражение и характеристика земельных отношений в сельской общине. Ссылаясь на Н. Дубровина, автор говорит о существовании в пределах сельской общины в первой половине XIX века вольного землепользования. Но ведь Дубровин констатирует частный случай. Из неверной посылки следует ошибочное отнесение возникновения переделов ко второй половине XIX века [298]. А ведь еще Голенищев-Кутузов указал на ежегодные подымные переделы земель в чеченских тайпах [299]. Появление крупных землевладельцев и скотоводов автор приурочил к последующему за Кавказской войной (1859–1864) времени [300]. Но, что стоит тогда за понятием феодальных зачатков, зарождение которых, по мнению автора, происходит ранее XVI века?

Следует признать мало удачной ссылку на работу Г. А. Ткачева [301], достоинство которой, как указывает Е. Н. Кушева [302], состоит лишь в том, что ее автор первым обратил внимание на документы, опубликованные С. А. Белокуровым.

Последней работой Б. А. Калоева, посвященной истории Чечни, является статья «Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей». Наряду с печатными источниками автор привлекает и материал, собранный им во время этнографического обследования Чечни. Фактический материал и его обобщение не вызывают в основном возражений, но в связи с данной статьей обратим внимание на следующее утверждение. Б. А. Калоев, как и ряд других авторов, вслед Лаудаеву считает верховье Аргуна колыбелью чеченского и ингушского народов [303]. Так ли это? Не перечеркивается ли

этим утверждением многовековая предшествующая история, которая отнюдь не замыкалась в пределах аргунского верховья?

В Большой Советской Энциклопедии дан, хотя и беглый, но по охвату времени значительный очерк истории Чечни [304]. Следует остановиться на характеристике в БСЭ рассматриваемого нами периода. Авторы считают предками чеченцев и ингушей «особую племенную группу», представляющую восточный, или грозненский, вариант культуры Северного Кавказа, у которой в V–IV веках до н. э. основой хозяйства было уже земледелие и развитое скотоводство, а социальный строй характеризовался выделением из родовой общины вождей, старейшин, жрецов и окончательным утверждением патриархально-семейной организации [305]. Далее идет утверждение, что до XVII века чеченцы и ингуши занимались скотоводством, охотой и земледелием. Но как произошел (и произошел ли?) этот хозяйственный упадок? Характеристика тайпового строя чеченцев и ингушей дана суммарно [306]. Зарождение феодальных отношений у чеченцев и ингушей отнесено к XVII веку, но они «не получили значительного развития» [307]. Утверждение, что первое вооруженное столкновение русских войск с чеченцами произошло в 1732 году, и что по реляции военачальника об этом сражении «укоренилось» этническое название чеченцы [308], – просто неверно.

Новейшие разыскания по общественно-экономической истории Чечни содержит работа Н. П. Гриценко «Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX века», опубликованная в 1961 году. Помимо широко известных фактов, в работе использованы сведения, впервые извлекаемые автором из архивных документов [309], отличающиеся своей содержательностью, что обеспечило правомерность новых выводов. Хотя работа и посвящена истории указанных районов, но ее содержание шире, особенно в части раздела «Развитие феодальных отношений в Чечено-Ингушетии» [310]. Автор подтверждает правильность взглядов проф. Б. В. Скитского [311], высказанных им по вопросу о феодализме в Ингушетии [312], но идет в своих изысканиях дальше, исследуя особенности возникновения и развития феодализма в Чечне.

Отметив отсутствие «особых исключительных путей исторического процесса чечено-ингушского общества» [313], автор отмечает у чеченцев и ингушей «специфические, конкретные формы проявления общественных закономерностей» [314].

Автор считает, что у чеченцев до XVII века существовали роды-тайпы и общины-кланы [315], в XVIII веке и в последующее время сохранились «в той или иной степени родовые пережитки в виде обычаев»[316]. Последнее состояние общественного строя чеченцев Н. П. Гриценко оценивает и на более длительном историческом промежутке, когда пишет, что с переселением чеченцев на плоскость в XVII, особенно в XVIII и первой половине XIX века, родовые отношения и связи рушатся навсегда [317]. Автор явно ослабляет силу и крепость родовых отношений в Чечне. Но здесь же подчеркивает, что в XVIII – первой половине XIX века в Чечне родовые отношения находились в стадии разложения, а феодальные отношения в различной форме пробивали себе дорогу [318]. Феодализм у вайнахов находился еще в стадии становления, поскольку шел процесс феодализации [319].

Выявление феодальных отношений в Чечне является достоинством данной работы Н. П. Гриценко. При этом автор идет двумя путями исследования – наряду с признанием чеченцами пришлых феодалов, он выявляет представителей феодальной верхушки из тайповой верхушки. При многих положительных сторонах работы, содержащиеся в ней отдельные утверждения, вызывают возражения. Встречаются противоречия фактического порядка, имеют место несоответствие между фактами и выводами из них, неточности.

Абсолютизируя показания известного в чеченской историографии старика-чеченца Заура, сведения которого часто использовались предшественниками, ученый относит расселение чеченцев на север, в Большую и Малую Чечню к XVI–XVII векам с допущением и более раннего времени [320]. Интенсивное выселение чеченцев на плоскость Н. Гриценко относит к XVII веку и «главным образом» к XVIII веку, ссылаясь на работу Лаудаева [321]. А ведь свидетельство Гербера устанавливает для XVII века большие размеры плоскостной земли, заселенной чеченцами, нежели в начале XVIII века [322]. Установление точной картины выселения чеченцев с гор на плоскость тем более важно, что автор связывает с этим фактом рост в Чечне производительных сил и зарождение на этой основе феодальных отношений.

Касаясь социально-экономических причин выселения чеченцев на плоскость, автор отмечает: захват лучших земель и пастбищ старшинами и «лучшими» людьми, сокращение общинных угодий и рост производительных сил чеченского

общества [323]. Но в дальнейшем он не связывает эти явления с характеристикой общественного строя в Чечне.

Исследователь находит, что у горных чеченцев до выселения господствовала территориальная или сельская община [324], существовала коллективная собственность на землю с индивидуальной ее обработкой и посемейным присвоением продуктов труда [325]. Горным чеченцам в XVII веке были присущи отдельные черты семейной организации [326] (неясно, что это такое?). «С увеличением населения, появлением сильных фамилий началась борьба за пахотные и пастбищные земли, за подчинение одного рода другим», – ниже подчеркивает автор [327]. А как быть с захватом земель старшинами и «лучшими» людьми, что автор констатировал тогда же?! И далее утверждает, что с выселением на плоскость «на смену семейной общине пришла территориальная община»[328] и образуется она на плоскостных землях чеченцев [329]. Это «второе рождение» сельской общины вносит дополнительные трудности в понимание общественных форм в Чечне.

Неправомерна, на наш взгляд, локализация ученым этнического содержания термина «окочане», за которым он видит исключительно ингушей [330].

Автор характеризует конец XVI – начало XVII века как неспокойное в истории Чечни и Ингушетии время, когда на их земли претендовали соседние феодалы [331], приурочивая установление власти последних здесь к XVIII веку [332]. Это происходило в другое время. К тому же автор обходит факт зависимости чеченцев от аварского хана, Тарковского шамхала и других феодалов.

Раскрывая содержание источника 1613 года, автор утверждает, что основным видом хозяйственной деятельности чеченцев было хлебопашество как тогда (с XVI века), так и в последующие времена. Но если это положение верно для XVIII века, то весьма спорно для XVI века (1613), так как автор расширительно интерпретирует прошение выходцев из «мичкиз»[333]. Содержание данного документа не дает оснований для безапелляционного утверждения, что первыми земледельцами на плоскостных землях «по-видимому» были брагунские чеченцы [334].

Укажем еще ряд неточностей в работе. Неверно, что С. А. Белокуров считал Хаземарум Шекенеца чеченцем [335]. Это предполагал Л. Броссе, а Белокуров отрицал [336]. Н. П. Гриценко следует и неверному сообщению А. П. Берже, что слово «чеченец» в русских документах встречается впервые в 1708 году [337]. Без

оговорки, автор цитирует рукописную работу Л. Н. Колосова, в которой князья Турловы причислены к кумыкским феодалам [338], в то время как ранее отнесены автором (и совершенно справедливо) к аварским выходцам [339]. Там же кумыкские феодалы именуются Чекаловыми [340], а несколько дальше Чапаловыми [341]. В последнем случае почему-то Мусал Чапалов.

Утверждение Гриценко, что буржуазные исследователи отрицали в Чечне XVIII – первой половины XIX века наличие феодальных отношений [342] не основано на привлечении всех работ авторов, писавших о Чечне. В действительности буржуазные исследователи поставили этот вопрос, но не разрешили.

Встречаются в работе и более мелкие недочеты, как, например, разночтения Девлат-Кире [343] (это ошибочное именование аула, как мы уже указали, содержалось в первом издания описания академика Гюльденштедта), Давлет-Гереевская деревня [344] (то же поселение). Автором работы «Горные чеченцы» был Н. С. Иваненков, а не Иванников, а опубликована работа в 7-м, а не в 8-м томе (точнее, выпуске) [345].

В целом данная работа, несмотря на ряд содержащихся в ней неточностей, противоречий и упущений, является значительным вкладом в изучение общественно-экономической истории Чечни, хотя эта задача решалась автором попутно, «контурно» [346]. К работе приложен ряд ценных документов по общественно-экономической истории Чечни [347].

Новейшим очерком об общественном строе Чечни XVII–XVIII веков является брошюра М. Мамакаева «Чеченский тайп (род) и процесс его разложения», изданная в 1962 году [348]. Работа представляет собой переработанное издание статьи, написанной автором в 1934 году и опубликованной в 1936 году [349]

Автор исходит из признания господства в Чечне конца XVII века моногамной семьи [350], содержащей в зародыше начало классовых антагонизмов. Напомним, что М. Ковалевский считал, что в Чечне во второй половине XVIII века была «более распространена малая семья» [351]. Автор впервые дает картину подразделения тайпы, отделяет понятие «тайп» от понятия «тухума», определяемого автором как союз родов (тайп). Чеченское общество конца XVII века, по Мамакаеву, это союз восьми тухумов [352].

В работе приведен ряд новых фактов острой социальной борьбы внутри чеченских тайп [353]. Автор отмечает генезис феодализма, но его зарождение он определяет по-разному. Так,

он пишет: «Чеченский тайп еще задолго до начала XVII века перестал быть той «чудесной организацией», где все были равны»[354]. Ранее он относил первую стадию генезиса феодализма к началу XVIII века [355], затем к XVIII веку [356], наконец, позднее «начала XVIII века»[357].

Для выявления сущности тайпы Мамакаев прибегает к определению «общественно-обязательных принципов», устанавливая 16 таких признаков против 12 в статье 1936 года.

Автор находит тождество между описанным Морганом индейским родом и чеченской тайпой конца XVII столетия. В развитии этого тезиса утверждает, что в чеченских тайпах главными принципами были «свобода, равенство и братство»[358]. Но ведь ниже он уверял, что «задолго» до XVII века не все чеченцы были равны [359]. Мамакаев повторяет ошибочное утверждение Большой Советской Энциклопедии о роли охоты в хозяйственной жизни тайпы. Обещание автора показать, как скотоводство определяло специфические особенности тайпы XVII века [360], не выполнено.

К числу недочетов брошюры следует отнести то обстоятельство, что почти все сведения из привлеченных источников цитируются неточно.

Из просмотренных диссертационных работ, большим объемом собранного и обобщенного полевого материала выделяется исследование И. М. Саидова «Общественный быт вайнахов XIX – начала XX века», в котором приведен материал о «Совете страны и классовой борьбе в чеченском обществе»[361].

В исследовательской литературе по истории народов Северного Кавказа сложилась крайне неверная, по нашему мнению, традиция, связанная с определением хронологических рамок периодизации общественно-экономических отношений местных народов. Мы имеем в виду широко бытующие в историко-археологической науке положения о «позднем средневековье» в истории народов Северного Кавказа, нижняя и верхняя грань которого до сих пор не определены [362]. Аналогичные ошибочные суждения о позднем средневековье встречаются в литературе по истории и других северокавказских народов. А между тем грузинские, советские историки З. А. Анчабадзе и А. И. Робакидзе четко указали, что народы Северного Кавказа вступили на путь капиталистического развития, миновав периоды развитого и позднего феодализма [363]. Это соображение представляется нам бесспорным для

историографии истории народов Северного Кавказа, включая и Чечено-Ингушетию.

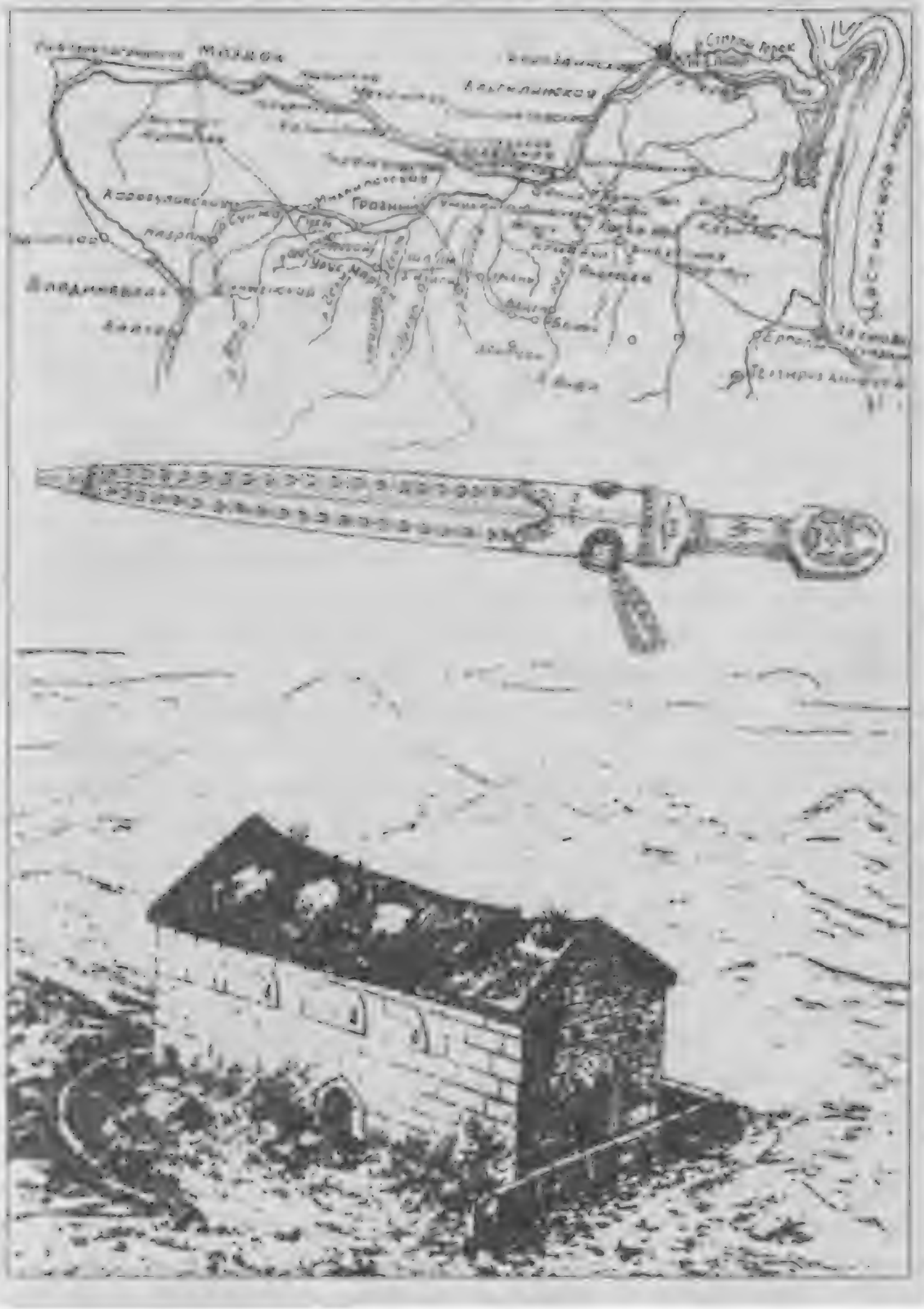
Мы не включили в историографический раздел, анализ взглядов и «концепций», характерных для современной зарубежной буржуазной исторической науки и сделали это не только в виду большого объема подобной работы, но и в силу того, что такого рода разбор литературы представляется нам имеющим самостоятельное научное значение. Интересующихся данным вопросом мы отсылаем к содержательной рецензии М. А. Магомедова на книгу американского историка Л. Тиллета [364].

В завершении рассмотрения истории изучения вопроса укажем на новые научные наблюдения и концепции по истории народов Кавказа, которые наметились в последнее время в советской исторической науке. Еще в 1846 году Платон Иосселиани указал на бытование так называемого «кавказского феодализма»[365], однако соображение это не прижилось в историографии истории народов Кавказа. В последние же годы в историческом кавказоведении все больше говорят о «горском феодализме» и предпринимаются плодотворные попытки уяснить его основные черты и главные особенности [366]. Положительные итоги исследования «горского феодализма», естественно, будут учтены в нашем исследовании.

Таким образом, советские ученые во многом по-новому подошли к решению сущности общественного строя Чечни, а проделанная ими работа значительно продвинула вперед дело научной разработки проблемы. Советскими учеными поставлены вопросы о классовой борьбе в дореволюционном чеченском обществе, о классовом использовании родовых институтов «лучшими людьми», пересмотрены многие старые концепции, выявлены новые историко-документальные материалы. И тем не менее отдельные опубликованные исследования по истории Чечни содержат крупные пробелы фактологического и теоретического порядка, многие важные вопросы, относящиеся к трактовке общественного строя Чечни, остаются нерешенными и спорными [367].

Однако благоприятные условия для развития исторической науки вообще, кавказоведения в частности, созданные в нашей стране, залог создания новых глубоких исследований по истории Чечни. Работы, опубликованные в 1956–1976 годах, тому подтверждение.

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ



Под понятие территория или географическая среда включается, как известно, комплекс факторов: природа, климат, минеральные богатства, плодородие почвы, флора и фауна, горы, долины, леса, реки и их системы и т. п. Географическая среда была для чеченцев обязательным и постоянным условием их исторического существования и развития, хотя в масштабном, а вместе с тем и качественном отношении понятие это в разные времена менялось.

Населенная чеченцами территория была для них первоначальной и естественной кладовой пищи, первоначальным арсеналом средств труда, а географическая среда оказывала определенное влияние на развитие чеченского общества, во многом определяя своеобразие и темпы его исторического развития. Ведь ясно, что страна с обширной территорией, плодородными землями, большими запасами полезных ископаемых, благоприятным климатическим режимом обладает бóльшими и лучшими возможностями для своего развития, нежели страна, лишенная этого.

Географическая среда, как известно, может как ускорять, так и замедлять развитие того или иного общества. Влияние географической среды на общественное развитие чеченцев до середины XVIII века было сложным, выражаясь как в плане позитивном, так и негативном, причем последнее, пожалуй, преобладало. Но заселенные чеченцами труднодоступные горы оказались для них надежным щитом, за которым чеченцы смогли сохранить и отстоять свое право на историческое существование, поскольку в период татаро-монгольского нашествия и господства на Северном Кавказе был поставлен вопрос о самом физическом существовании чеченцев. Не будет преувеличением, если мы подчеркнем эту спасительную роль горам и только горам. Такое же значение горы Кавказа имели для ингушей, осетин, дагестанцев и других народов Кавказа.

Еще Гегель высказал положение о том, что «моря и реки сближают людей, между тем как горы их разделяют». И хотя Г. В. Плеханов внес коррективв это положение, заметив, что «моря сближают людей только на сравнительно более высоких стадиях развития производительных сил; на более же низких – море... очень сильно затрудняет сношение между разделенными им племенами»[368], тем не менее тезис Гегеля о значении гор остается в силе, и, конечно, касается гор Кавказа и Чечни, в частности.

Однако следует иметь в виду и важное наблюдение грузинских ученых, которые на основании специальных исследований перевальных дорог через Кавказский хребет, сделали заключение о том, что Кавказ не разъединял народы, расположенные по его обоим склонам, а служил интересам их сближения [369]. Мы учитываем это мнение, но склонны больше согласиться с положением Гегеля.

Резкое расширение территории России в XVIII веке вызывало настоятельную потребность в точных географических сведениях об окраинных народах многонациональной державы.

Российская научная историко-географическая мысль и официальные власти проявляли растущий интерес к природным условиям и полезным ископаемым народов Кавказа, в том числе к чеченцам. Сведения о территории Чечни постепенно уточнялись, способствуя становлению достоверной исторической информации об ареале жизнедеятельности чеченцев.

В 1743 году «нарочно» посланные геодезисты «сочинили исправную карту персидской границе, кумыцким, чеченским и кабардинским жилищам, хранившуюся в секрете»[370]. Военно-топографические описания Чечни 20–40-х годов XIX века весьма близки к чеченскому ландшафту. Первое описание природных условий Чечни в русской исторической литературе было дано С. Броневским [371].

Чечня, расположенная в юго-восточной части Северного Кавказа, занимала в рассматриваемое время пространство северных склонов Главного Кавказского хребта и прилегающих равнин, ограниченное рекой Тереком, Главным и Андийским хребтами и землями кумыков, морских границ Чечня не имела [372]. На севере Чечня соприкасалась с Малой Кабардой, далее шла по правому берегу Терека (от станицы Галюгай до укрепления Амир-Адаи-юрт). На востоке Чечня граничила с землями кумыков, отделяясь от них качкалыковским хребтом, далее река Акташ и снеговой Анидийский хребет отделяли Чечню от дагестанского общества Сахатау. На юге северные склоны Главного хребта, представленные Андийским хребтом до горы Тебулос-мта (Дакуахэ, 4494 м) [373] разграничивали Чечню от Нагорного Дагестана, а далее, от хевсуров. На западе рекой Фортангой [374] Чечня отделялась от ингушей (до впадения ее в Сунжу). В пограничных районах чеченцы смешивались, а местами совершенно сливались со смежными народами [375]. Все очерченное пространство, по предположению Д. А. Милютина,

заключало в себе около 10 000 кв. верст, из которых около половины страны гористой, а половина – плоскость [376]. Собственно Чеченская равнина, так называемая Большая и Малая Чечня, имела в длину от подошвы Качкалыковского хребта на запад до аула Газин-юрта на реке Фартанге – 70 верст, в ширину от черных гор с юга до Сунжи на севере – около 40 верст, всего 2800 кв. верст [377].

Природа Чечни характеризовалась большим разнообразием. Северная часть Чечни, примыкающая к Тереку «хотя и пересечена в ряде мест невысокими горами (*по-чеченски* гора – лам)» [378], имеет характер плоскости и резко отлична от южной Чечни, представленной горной страной. Здесь проходят северные отроги Главного Кавказского хребта.

В физико-географическом отношении Чечню удобно подразделить на 4 полосы: 1) высокогорная (самая верхняя), ближайшая к Главному Кавказскому и Андийскому (Боковому) хребтам, – полоса гористая, обнаженная; 2) ниже – Черногорие, состоящее из второстепенных гор, покрытых лесом, почвой и богатой растительностью; 3) плоская и лесистая полоса, от подошвы Черных гор до Сунжи и 4) плоская и обнаженная часть между Сунжей и Тереком, известная в русских военно-картографических документах под именем земли Безымянной.

1) **Верхняя полоса.** Андийский (Боковой) хребет отделяет чеченцев от кумыков, Салатавии и андийской группы народностей Аварии; Главный Кавказский – от тушин, пшавов и хевсуров, а отрасль Кавказского хребта, отделяющая верховья Терека от верховьев Сунжи, служит границей Чечни и Осетии. Андийский хребет в верхней части лишен растительного покрова, содержит много возвышенных плоскостей и отлогих окатов. Климат суровый, много вершин, покрытых вечными снегами и ледниками, снеговые горы именуются чеченцами баш-лам, т. е. тающие горы, помимо Тебулос-мта, выдающимися вершинами являются Малый Качу (3900 м), Большой Качу (4200 м), Донос-мта (*по-чеченски* Харгабе-мта-лам, 4100 м), Диклос-мта (*по-чеченски* Дзана-корт, 4200) [379]. Боковой хребет отделяет бассейн реки Аргуна от бассейна реки Сулак. К северу горы понижаются и постепенно все более покрываются растительностью. Возвышенные плоскости покрыты уже слоем чернозема, много пастбищ, но лесов еще нет. Встречаются болотистые места. Основное занятие жителей – скотоводство. В летнее время в низменных местах солнце выжигает траву, в верхних частях прохладно, и многочисленные стада нахо-

дят богатые пастбища. Осенью рано выпадает снег, и стада спускаются ниже. Снега и ледники, ключи и болота служат источниками всех рек.

2) **Черногорие (*по-чеченски* Эржи-лам).** Чем дальше к северу, тем ущелья делаются глубже, и скаты гор составляют множество отрогов или ветвей, понижающихся в северном направлении. Первоначально и здесь ущелья каменисты и обрывисты, но по мере понижения гор картина природы меняется. Горные ветви и отроги, разделяющие реки, делаются отложе, покрываются толстым слоем чернозема, смешанного с глинистой землей, долины расширяются. Горы от вершины до подошвы покрываются огромными лесами [380], изумлявшими в 20–40-х годах XIX века русских топографов «растительною силою природы и гигантскими размерами деревьев»[381]. Это Черные горы – самая живописная, самая роскошная полоса Кавказа. Нельзя себе ничего представить прекраснее этих гор, изрезанных извилистыми балками, с речками прозрачной воды, ниспадающими беспрестанно водопадами с весьма значительных высот», леса состоят из чинары, дуба, карагача (кара – черное, агач – дерево), орешника; есть дикорастущие фруктовые деревья: яблоня, груша, слива. На полях растут пшеница, кукуруза, просо, ячмень. Леса наполнены разными травами и растениями, многие из них целительные. Воздух напитан ароматом [382].

3) **Лесистая плоская полоса.** Начинается в предгорьях, включая пространство между подошвами Черных гор и рекой Сунжей. Леса тянутся до самой Сунжи. Менее живописная, нежели Черногория, эта полоса еще плодороднее и обильнее дарами природы. Леса были богаты строевым лесом и фруктовыми деревьями. Плоскость перерезана тремя невысокими кряжами. Два из них, идущие почти параллельно, имеют восточное направление, назывались Кабардинскими горами. Южный хребет, отделяясь от Черных гор Дигории, тянется по левому берегу реки Сунжи и разделяет почти пополам Чеченскую плоскость. Третий хребет проходит по Чеченской плоскости и называется Качкалыковским. Он отделяется в Ичкерии от Андийского хребта, составляя его северную отрасль. Хребты, проходящие в восточном направлении между Сунжей и Тереком оберегают эту полосу от северных ветров, а Качалыковский хребет – от восточных. Это смягчает климат, делая его благоприятным «для самых южных растений»[383]. В лесах произрастает дикий виноград. Эта часть Чечни на

всем протяжении прорезана множеством рек, речек и ручьев, оросительные свойства которых были усилены посредством канав, проведенных на поля. Здесь получали лучшие урожаи хлебных культур.

4) 4-я полоса – Безымянная земля. Заключает пространство между Сунжей и Тереком и составляет как бы продолжение Кабардинской плоскости и прерывается двумя параллельными Тереку хребтами. Северный хребет, известный под именем Терского или Терек-Арык (*по-чеченски* – шу, т. е. береговая возвышенность), начинается в Малой Кабарде и тянется верстах в 15 от Терека до укреп. Умахан-юрта, где Сунжа разрывает этот хребет и отделяет его от Качкалыковского хребта – самой дальней ветви Черных гор. Качкалыковский хребет и хребет Терек-Арык ограждают равнинную Чечню с севера и с востока и отделяют бассейн рек 4-й полосы от бассейна реки Терек. Другой хребет – Надсунженский (по-чеченски – раг; от раго – сарай) тянется из Большой Кабарды, разрывается рекой Терек у Татартупа или Няжне-Джулатского укрепления, подходит к Сунже и оканчивается между Грозным и бывшим укреп. Преградным Станом. Пространство между Тереком и Сунжей довольно безводно и не имеет ни одной значительной речки, кроме Атчихи, или речки Нефтянка, протекающей между двумя параллельными хребтами к востоку и впадающей в Сунжу при ауле Атчихи.

Самой крупной рекой является Терек, правый берег которой на протяжении около ста верст принадлежал Чечне [384].

Реки почти всей Чечни составляют обширный бассейн реки Сунжи. Взяв начало в отрогах Кавказского хребта к востоку от Владикавказа, она течет в северном направлении до Назрани, где поворачивает к востоку и, прорвавшись через хребет Терек-Адун, ниже деревни Брагуны впадает в Терек. Длина Сунжи 165 верст. С левой стороны река Сунжа не принимает ни одной значительной речки, зато справа в нее вливается множество рек и речек, вытекающих из Главного хребта, что делает Сунжу достаточно широкой и полноводной, по Сунже чеченцы сплавляли лес в Терек и далее в Кизляр. Реки Чечни в своих верховьях представляют быстрые горные потоки, бегущие в глубоких ущельях. Постепенно, расширяя свои русла, выйдя из гор на плоскость, реки теряют свою быстроту, текут большими изгибами, среди лесов и полей.

Одной из значительных горных рек Чечни является Аргун, который образуется слиянием двух рек: Чанти-Аргун и Шарой-

Аргун близ аула Дачу-Барзой. Аргун впадает в Сунжу близ Тешли-кичу. Аргунское ущелье по Чанти-Аргуну славилось своей неприступностью и дикостью.

Реки юго-западной Чечни, большей частью вытекающие из второстепенных гор, незначительны. Это – Даут-Мартан с притоком Нитахой, Шалаш, Валерик, Гехи, Урус-Мартан, Рошни, Гойта.

Реки, протекающие восточнее Аргуна, берут начало из Андийского хребта. Из них в Сунжу впадают Джалка и Хулхулу. Последняя вбирает воды рек Гудермеса (или Гумс), Мичика, Ичкерика и др. По ущелью реки Хулхулу идет дорога к перевалу через Андийский хребет около горы Речель. Горная гряда, отходящая от горы Речель в северном и северо-восточном направлениях, известная как Качкалыковский хребет, замыкает бассейн Сунжи с востока, к востоку от Качкалыкского хребта реки вытекают из Андийского хребта и, пройдя земли чеченцев, в земле кумыков поворачивают к востоку и текут в направлении на Каспий. Это – Аксай, Ямансу, Яры-су и Акташ, образующие водораздел между чеченцами и салатавцами.

Климат в Чечне разнообразен, особенно в южной ее части. В высокогорной Чечне климат «континентальный, с суровыми зимами. С удалением от снежных гор к северу, климат становится теплее. Надсунженский хребет делит Чеченскую плоскость в климатическом отношении: к северу от него жара бывает сильнее, позже начинается зима, раньше лето, и оно бывает не так дождливо, как в местах, лежащих к югу, где снег иногда держится даже тогда, когда на северной стороне уже зеленеет трава. Зима на чеченской равнине короткая и редко холодная. В горах снег начинает выпадать в начале ноября, а на плоскости – в середине декабря. Зимой морозы редко достигают 10 градусов. В половине февраля снег исчезает.

Разнообразны и почвы Чечни [385]. В юго-восточной части Чечни почвы глинисто-песчаные или каменистые, по мере удаления к северу грунт – все более смешивается с черноземом, которым покрыты Лесные горы.

Почвы Чеченской плоскости состоят преимущественно из чернозема (эржи-латта), под которым лежит глинисто-песчаный слой, а еще ниже – известковый. С приближением к Кабардинским горам чернозем вытесняется нижними почвами. Плодородные почвы равнинной Чечни щедро вознаграждали труд земледельца. «Едва ли чеченская плоскость не есть са-

мая плодородная часть северной стороны Кавказа», — не без оснований писал К. Самойлов [386].

На Кавказе, как в типичной горной стране, среди факторов почвообразования на первый план выдвигается рельеф местности, выступающий здесь вершителем почвенных судеб, как определил еще Докучаев [387].

Орографические условия имели и имеют в Чечне, как и на всем Кавказе, не только прямое значение, но влияют на процесс почвообразования и косвенным образом, преломляясь через другие факторы, например, климат и растительность, которые вполне определенно изменяются в связи с рельефом. Так, различная высота над уровнем моря создает вертикальные климатические пояса [388] и соответственные растительные зоны [389], а эти факторы влияют на возникновение вертикальных почвенных зон, впервые установленных проф. В. В. Докучаевым именно на Кавказе, включая и Чечню, в которой он побывал.

Богата фауна Чечни. В девственных лесах во множестве обитали: волки (*по-чеченски* бордз), зайцы (шаагель), дикие свиньи (хека), ходившие стадами штук по тридцать и более, барсуки (даам), лисицы (цоогол), олени (сей), дикие козы (ду), дикие кошки (акапдцик), реже встречались серые и черные медведи (ча), барсы, туры, серны, куницы (оалор). Водились орлы (в горах), соколы, фазаны, утки, куропатки, голуби, перепела и т. д. Охота вообще, а особенно на оленей, была излюбленным занятием феодально-рабовладельческой тайповой верхушки Чечни в XVIII веке.

В Тереке водились почти все рыбы Каспийского моря. В реках встречались усачи, реже лососи, сомы и форель. В двух местах, в небольшом озере близ ущелья Хан-Кала в речке Шавдон и около укрепления Тепли-Кичу попадались раки [390]. «Неизмеримой» глубины озеро Тумсой было известно своими пиявками [391]. Самое большое озеро Эйзенам было богато форелью. С. Броневский отметил наличие выдры и бобров, число которых к концу XVIII века резко сократилось [392].

В лесах произрастали: чинара, карагач, дуб, клен, ясень, липа, из плодовых — яблони, груши, черешня, сливы, орех, туник и др. Леса кормили чеченца, давали ему строительный лес и приносили прибыль, поскольку он шел на продажу.

Разнообразие почвенно-климатических условий обусловило разнообразие флоры. Неплодородная почва обеднила

растительный покров юга. К северу растительность становится богаче, а горы покрыты густым лесом.

В горной Чечне часто встречаются горшечный и жерновой камень, мел, алебастр, шифер, сланец, песчаник, разноцветные глины. Широко были известны минеральные источники и нефтяные колодцы. Серные источники были описаны Гмелиным и Гюльденштедтом. Крупные источники, известные под именем Теплиц Св. Екатерины, состояли из двух речек: Мельчихи и Шельчихи; расположены они около Старого Юрта. С 1717 года известны источники – Теплицы Св. Петра, находящиеся близ деревни Брагуны, описанные Готлибом Шобером.

Уже с конца XVIII века эксплуатируются нефтяные источники. Но добыча и использование нефти не носили промышленного характера.

Таким образом, природные условия Чечни обеспечивали возможности развития самых разнообразных отраслей хозяйства. К. Маркс указывал, что «внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. д., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т. д. При зачатках культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях – второй род естественного богатства»[393]. Оба вида природных богатств, хотя и не полно, но щедро были представлены в Чечне. Естественное богатство средствами жизни издавна было используемо чеченцами, однако мы застаем чеченцев тогда, когда они упорным трудом побеждают природу, вырубают леса, возделывают почву, улучшают ее плодородие. Чеченское производство обращено к использованию средств труда, хотя и на первых ее ступенях.

Территория Чечни была частью Кавказа, «чудная и дивно прекрасная» величественная природа, которая вызвала к жизни восторженные строки великого сына Чечни Асламбека Шерипова [394]. Природа Чечни дает неисчерпаемый материал для единственной географии – эстетической, о необходимости которой говорил «отец новой географии» – Александр Гумбольдт [395].

Пространство, заключенное в описанных пределах, получило в русских официальных донесениях, а затем и в научной литературе наименование Чечня, а население – чеченцы [396]. Иногда под Чечней подразумевали более узкое понятие, а

именно: небольшой участок, заключенный между реками Сунжей, Урус-Мартаном и Аргуном и ущельями этих двух последних рек, до имени аула Чечень, иначе Большой Чечень. Сами жители называют себя нохчо [397], название, появление которого Лаудаев относит к концу XVII века.

Чеченцы – наиболее многочисленный народ на Северном Кавказе. Сведения о численности чеченцев противоречивы и недостоверны. Сами чеченцы не вели статистики народонаселения, а русская Кавказская администрация, нуждавшаяся в разнообразных статистических материалах, для их приобретения и обновления предпринимала на протяжении XIX века частные меры, удовлетворявшие ее текущие потребности. Статистические описания проводились преимущественно офицерами Генерального штаба, работавшими по заранее составленным программам. Многие из собранных подобным путем статистических сведений, оказывались таковыми лишь по именованию, по заглавию, но не по достоверности.

Статистические сведения о численности народов Кавказа нередко оказывались объектом самых разнообразных суждений и мнений. Надежность официальной статистики России не случайно взята в науке под сомнение. Однако нельзя согласиться с публицистом, полагавшим, что царская статистика всегда (?) старалась уменьшить цифру туземного населения в сравнении с русским [398]. На протяжении XVIII–XIX веков официальные административные власти на Кавказе так и не смогли добыть надежных данных о численности населения. Становление исторической демографии Чечни шло нелегким путем. Антинаучными представляются нам досужие рассуждения С. И. Гуревича о «наибольшей компактной массе населения Терека», что положено указанным автором в основу его безответственных представлений и понятий об аборигенах Кавказа – по критерию численного преобладания народонаселения [399].

Укрепление военно-политических и экономических позиций царизма на Кавказе настоятельно выдвигало потребность в установлении численности населения на Кавказе. Генерал-майор Дельпоццо в рапорте князю Цицианову от 25 июня 1805 года связывал возможность осуществления переписи северокавказского населения с подчинением феодалов Кабарды [400].

С. Броневский в 1810 году отметил, что нигде на Кавказе не проведено ни точного исчисления дворов, ни переписи душ [401]. В 1834 году Норденштам считал, что в Чечне «не-

возможно» собрать точные «сведения о народонаселении, а приблизительные данные сообщены жителями в увеличенном или уменьшенном размерах»[402]. Случайный, опросный сбор сведений был причиной несообразностей в сообщениях о численности чеченцев. Можно утверждать, что нет ни одной точной цифры относительно численности чеченцев до середины XIX века. Статистические сведения включали небезупречные поаульные данные о составе населения по полу и возрасту (муж, жена, дети), о составе семьи, размерах деревень и некоторые другие.

Местных, собственно чеченского происхождения, сведений о численности народонаселения нет, так как при отсутствии государственности и податной организации исчисление числа жителей не проводилось [403].

Среди факторов, порой резко сказывавшихся на показателях численности чеченского населения, заметную роль играли различного рода эпидемии. Так, согласно народному преданию примерно в конце XVII века среди чеченцев и ингушей свирепствовала чума, уничтожившая половину населения [404]. Не обошла Чечню стороной и чума конца XVIII – начала XIX века, свирепствовавшая на Кавказе. Так, Карл Густав Рейнгардт в 1824 году упоминает многолюдное селение чеченцев, совершенно истребленное моровой язвой (чумой) около 1809 года, располагавшееся у Константиновской крепости [405].

Выявленные нами сведения о численности населения Чечни относятся к XVIII веку. Князь Эльмурза Черкасский в 1720 году показал, что «чеченских народов великое множество есть»[406].

По данным Коллегии иностранных дел в 1756–1757 годах чеченцев «не больше» 2000 человек [407]. Вполне очевидно, что имеются в виду, жители аула Большой Чечень и прилегающих сел, а не всей Чечни. Генерал-поручик П. С. Потемкин в 1785 году полагал, что вся Чечня могла выставить до 4 000 вооруженных человек [408].

В рапорте от 7 ноября 1791 года генерала графа Гудовича число чеченцев определено «не более как тысяч до пяти»[409]. Гудович включает в эту цифру не всех чеченцев, а часть, именно живущих по Тереку и Сунже, от Моздока, против Наура и до станиц гребенских казаков. Если мы ознакомимся с последующей статистикой, то возникает вопрос, разумеет ли Гудович под этой цифрой число людей или семей?

Генерал Кнорринг в рапорте от 16 января 1800 года указывал, что все чеченские народы могут выставить 10 000 человек вооруженных [410]. Поэтому можно приблизительно установить численность всего населения, но сюда входят ингуши и карабулаки, что исключает возможность отдельного установления численности чеченцев. К тому же нет других данных подтверждающих точность цифры.

В «Записке об ордынских народах», приложенной к «Историческому изображению Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии» ученого и историка Евгения Евфимия Болховитинова, указано, что «Чечня может выставить вооруженных тысяч до трех душ щитать можно»[411], цифра, происхождение которой выдается уже предположением «можно».

В 1806 году П. Бутков определил число семейств в 35–40 чеченских плоскостных селах цифрой 6 000 [412]. Это, конечно, часть всех чеченцев, даже часть одних плоскостных, но уже исходный разрыв в 5 сел придает сообщению свойство «приблизительности». Спустя 20 лет Ермолов цифрой «болсе» 600 семейств определил состав всех чеченцев и качкалыков [413] (противопоставление качкалыков своим соплеменникам, конечно, неверно).

В 1810 году С. Броневский из устных и письменных известий определил число чеченцев в двадцать тысяч семейств или дворов, но часть чеченцев у него, видимо, вошла в другую цифру, которой он «определяет население кистов, ингушей, карабулаков и проч.»[414].

Фантастичны цифровые показатели о населении Чечни Г. Д. Быхова, считавшего, что до Ермолова чеченцев было 1,5 млн человек, а за годы правления Ермолова на Кавказе их число уменьшилось до 300 тысяч [415]. Автору не следовало жертвовать истиной ради ложно понимаемого разоблачения колониальной политики царизма.

В 1940 году составители сборника «Материалы по истории Дагестана и Чечни» опубликовали ведомость о народонаселении «горских» народов, соседственных Кавказской линии, составленную генерал-майором Вольховским и датированную им 12 ноября 1831 года. Ведомость определяет число чеченцев обоего пола в 35 000, кистинцев – 1 000, карабулаков – 8 600 человек [416]. В ведомости, составленной в июне 1832 года, Вольховский определил число чеченцев в 149 000 человек без указания пола, но, видимо, обоего [417]. Вольховскому принадлежит и другая ведо-

мость, датированная 28 января 1834 года [418]. Таблица составлена из сведений, извлеченных из военных обозрений и собранных «по расспросам». Число чеченцев, ингушей и карабулаков указано в 198 000 человек, вероятно, также обоего пола. Число чеченцев примерно совпадает с данными 1832 года. Ведомость Вольховского, датированная январем 1834 года, была в 1888 году опубликована Г. К. Казбеком, но, к сожалению, с описками, а точнее – с ошибками, которые сводятся к следующему [419] у: Казбека ичкеринцев – 5000 душ, Вольховского – 15 000, Казбека цоринцев (часть ингушей) – 12 000, Вольховского – 1200 человек. Приводимые Г. Казбеком цифры дают в сумме 198 800 человек, а не 218 000 [420].

По сведениям поручика Генерального штаба Бларамберга, относящимся к 1830–1831 годам, чеченцев насчитывалось 35 000 человек обоего пола [421]. К чеченцам Бларамберг относит «собственных» чеченцев или мечигизов, зачкаликов, мечиговцев, ауховцев и карабулаков [422], в то время как последние самостоятельно наравне с чеченцами, входят в вайнахскую группу народов. Народонаселение кистинских племен Бларамберг определяет в 20 000 человек [423]. Бларамберг исходил из им же принятого условия, что каждая семья состоит из 3 человек, что явно занижено. Неясно, куда он включает ичкеринцев, чабуртыл, шатойцев (шубузов), нашхойцев [424].

Норденштамм в 1832 году по «среднему «исчислению из «разновременных» сведений определяет число чеченцев от 100 тыс. до 120 тыс. жителей, с оговоркой, что это «весьма умеренно» и что населения в Чечне больше [425].

Барон Розен в 1834 году определяет число чеченцев или «собственно кистов» в 200 000 человек [426]. Д. Зубарев за 1835 год указывал кистов – 27 000 человек, а собственно чеченцев с Брагунами – 86 000 человек [427].

В официальной «Докладной записке о положении дел на Левом фланге Кавказской линии с 1834-го по 1840 год о мерах, необходимых к упрочению власти русского правительства над горцами» народонаселение Чечни определяется числом до 100 тыс. душ [428]. В одном «Обзоре политического состояния Кавказа за 1840 год» число всех чеченцев определено цифрой «свыше 138 тыс. человек» [429].

В материалах, собранных Н. Дубровиным, есть сообщение, что подвластные Шамилю в 1841–1843 годах народы: часть Салатавии (в Дагестане) Аух, Ичкерии, Большая и Малая Чечня, Шубуты и другие мелкие чеченские племена насчиты-

вают более 100 000 семейств [430], что при исключении Салатавии даст население порядка 400–500 тыс. человек. Как получены эти данные – неизвестно; то, что эти цифры отличны от других, не говорит об их достоверности. Получение сведений о численности населения в Чечне в 40-е годы XIX века путем статистического обследования было исключено.

В приложенной к «Карте Кавказского края 1842 года» таблице число жителей Кавказского края население Чечни определяется в 91 575 человек обоего пола [431], а в надписи на другой карте Кавказского края того же 1842 года «приблизительное» исчисление чеченцев равно 92 300 человек обоего пола [432].

А. Берже располагал источниками, в которых численность Чечни до 1840 года определялась в 87 000 душ обоего пола [433]. Позднее А. Берже приводит данные о численности чеченцев перед 1858 годом, согласно которым их было 120 000 человек [434].

Мориц Вагнер, побывавший на Кавказе в 1843–1846 годах, определял число чеченцев, кистинцев и ингушей в 150 000 человек [435]. Фридрих Боденштедт писал, что, согласно данным русской статистики, чеченцев в первой половине XIX века насчитывалось около 25 000 душ мужского пола [436].

Героическое участие чеченцев в народно-освободительной борьбе горских народов под руководством Шамиля сказалось на уменьшении численности населения Чечни в 30–50-е годы и, естественно, понадобилось некоторое время в пореформенный период, чтобы перестал действовать фактор убыли мужского населения. «Горцы зябнут, мрут от голода и холода», – писал о чеченцах и дагестанцах участник Кавказской войны А. П. Корнилов [437]. А сколько жизней унесли непосредственные военные действия? И хотя преувеличено мнение некоего Васильева о том, что при Шамиле половина горцев погибла, часть выселилась в Турцию, и что осталась теперь сравнительно небольшая группа их [438], все же в отмечаемый им период можно констатировать сокращение населения на территории Чечни. Особое место принадлежит в этом отношении выселению части горцев, включая и чеченцев, в Турцию.

Сведения о численности горцев-переселенцев в Турцию, сами обстоятельства, равно как и хронологические рамки акта переселения, не отличаются точностью.

Е. Максимов выделяет мало организованное начало переселений – до 1864 года, когда разновременно переселилось до

19 тыс. чеченцев. Затем, по его данным, в течение лета 1865 года переселилось в Турцию еще около 20 тыс. чеченцев, составлявших 5000 семейств, субсидированных правительством России на путевые издержки [439]. Следовательно, по Максимову переселилось около 39 тыс. чеченцев.

По другим данным, выселение, а не переселение горцев, как военная и политическая мера, началось официально в 1862 году, а фактически – вслед за усилившимися военными действиями на Северном Кавказе после Крымской войны. С 1858-го по 1865 год выселилось 22 491 человек из Большой и Малой Чечни, а всего горцев – 493 244 человека [440], или $^1/_2$ часть всего населения [441].

Имеются и другие сообщения и данные. Так, М. Литвинов говорит о 400 тыс. переселившихся черкесов обоего пола, но не выделяет чеченцев [442]. Ах. Цаликов указывал, что переселилось в Турцию более 22 000 чеченцев [443]. Анонимный автор – эмигрант, скрывшийся под псевдонимом «Кабардинский», утверждал, что в 1865 году выселено 20 тыс. чеченцев обоего пола, а в 1863–1864 годах выселено с Кавказа в Турцию около миллиона человек [444].

Тяжелые условия жизни переселенцев в Турции побудили их вскоре предпринять попытку вернуться обратно в родные места, и они «ринулись обратно в Россию к гяурам», как выразился А. Л. Зиссерман [445].

Однако из огромной массы переселенцев в 60-х и в начале 70-х годов сумели вернуться в родные места, как указывает проф. Н. А. Смирнов, лишь 5 857 чеченцев [446]. К сожалению, указание проф. Н. А. Смирнова о том, что значительно большее количество переселенцев возвратилось после 1877–1878 годов, не подтверждено числовыми показателями [447].

Но следует иметь в виду не только то, что незначительная часть переселенцев вернулась, но и тот факт, что переселение горцев Кавказа в Турцию продолжалось и позднее [448].

Инспирированное царизмом, при прямом участии правительства турецкого султаната, выселение горцев с Кавказа [449] нанесло, как правильно отметил А. Берже, большой ущерб экономическому развитию края [450] и росту его народонаселения.

С учетом влияния Кавказской войны и выселения части чеченцев в Турцию, рассмотрим данные о чеченской демографии за вторую половину XIX века.

С. Максимов для 1858 и 1859 годов определял число чеченцев до 90 тыс. человек [451], В. И. Лядов писал о 25 тыс. человек в Большой и Малой Чечне [452], в статье без авторской подписи «Общий обзор Кавказского края» за 1858 год число чеченцев, «весьма не точно исчисленных», определено в 86 000 человек [453], а в посвященном Кавказу 9-м томе «Живописной России» по приблизительному определению, так как «горцев никогда никто не считал», до выселения «значительной части» горцев в Турцию число чеченцев указано в 120 000 человек [454].

Профессор Н. Березин, исходя из данных о численности чеченцев во второй половине XIX века и учитывая факт переселения части чеченцев в Турцию, полагал, что чеченцев в первой половине XIX века, накануне переселения в Турцию, было более 250 000 человек [455].

Как видим, расхождения в показателях даже в пределах 1–2 лет значительны.

В «Записке по чеченскому вопросу генерал-адъютанта Карцова военному министру» за 1864 год, население Чечни указано в 81 360 человек [456], но происхождение этой цифры неизвестно, а истинность сомнительна.

По официальным сведениям за 1865 год чеченцев было [457]:

Округ	Число жителей	На 1 кв. милю приходится	На 1 кв. версту приходится
Чеченский	115 801	1 552,9	31,5
Аргунский	18 693	417,3	8,6
Ичкеринский	12 773	444,3	14,6
Нагорный [458]	18 000	773,1	15,2

Однако вскоре было признано, что есть все основания не доверять показаниям 1865 года и предпочесть им официальные данные за 1867 год [459].

Число жителей				
Округ, наибство	Число дымов	Муж. пол	Жен. пол	Всего
I. Чеченский округ				
1. Ачхоевское наибство	845	2 114	1 956	
2. Урус-Мартановское наибство	3 207	8 351	8 132	
3. Автуринское	1 195	4 348	4 273	
4. Качкалыковское	2 480	5 976	5 788	
5. Надтеречное	2 687	6 681	6 150	
6. Аргунское	3 116	7 156	6 615	
ИТОГО	14 250	34 626	32 914	67 540
II. Ичкерийский округ				
1. Веденское	1 234	2 634	2 489	
2. Даргинское	1 534	3 423	3 371	
ИТОГО	2 768	6 039	5 860	11 899
III. Аргунский округ				
1. Чантинское	1 782	4 879	4 915	
2. Шатоевское	1 115	2 512	1 417	
3. Чаберлоевское	917	2 330	2 347	
4. Шароевское	496	1 343	1 353	
ИТОГО	4 300	1 343	1 353	22 096
IV. Нагорный округ				
1. Ауховское	1 259	2 904	2 689	
2. Зандакское	1 321	3 965	2 785	
3. Салатавское	1 254	2 811	2 706	
ИТОГО	3 834	9 680	8 180	17 860

Число чеченцев указано в 119 500 человек [460].

По данным газеты «Терские ведомости» за 1868 год в Чеченском округе было – 69 379 человек, Аргунском – 22 015, Ичкерийском – 12 222, в Нагорном – 18 055 человек [461].

Е. Максимов утверждал, что к 1877 году чеченского населения было 75 546 человек муж. пола, 74 288 жен. пола, а всего 149 834 человека [462].

В «Таблице этнографической карты Кавказа» Зейдлица число чеченцев указано в 164,6 тыс. человек [463].

За 1890 год чеченцев по сообщению Е. Максимова было 95,883 человека муж. пола, 88,834 жен. пола, а всего 184,717 человек [464].

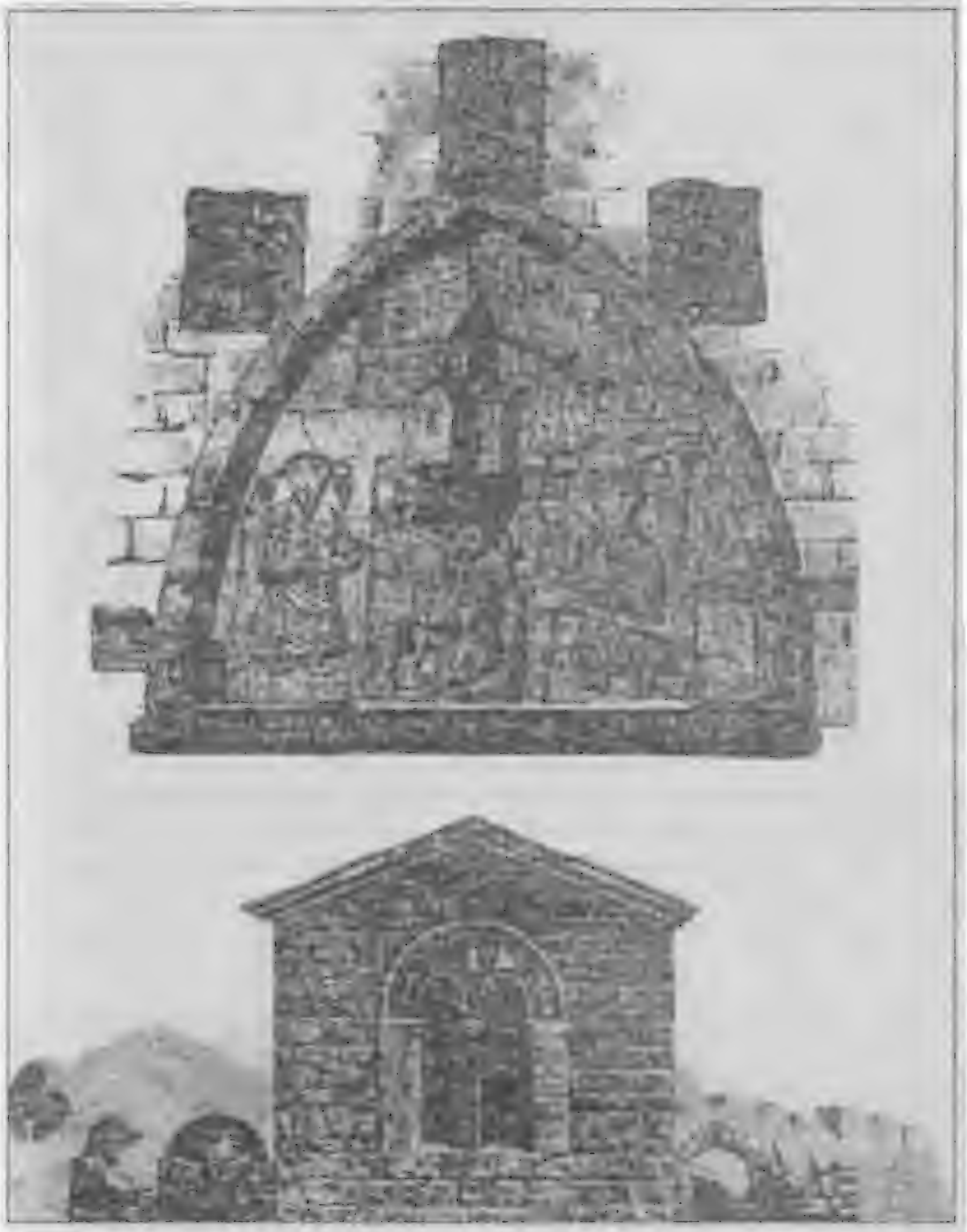
Хотя Е. Максимов полагал, что до 70-х годов не была известна точная цифра чеченского населения [465], на деле это положение имело место и гораздо позднее. Наиболее достоверная цифра о численности чеченцев была получена во время первой всеобщей переписи населения России в 1897 году и сообщена в 1905 году. По переписи 28 января 1897 года в Грозненском округе, т. е. на территории собственно Чечни, было чеченцев 202 410 человек, в городе Грозном – чеченцев 460 человек, в соседнем Хасавюртовском округе 18 128 чеченцев, в слободе Хасав-юрте – 103 чеченца [466]. Эти показатели и должны служить ориентиром для исследования вопроса о численности населения Чечни.

Таков некоторый перечень сведений, которые касались вопроса о численности чеченского народа. Те исходные средства и методы, которые лежали в основе исчисления чеченского народонаселения, равно неподготовленность самих исследователей предопределяли неуспех в получении достоверных сведений. Сравнение данных о численности чеченцев во второй половине XIX века с данными первой половины того же века, с возможным учетом влияния на численность населения Кавказской войны, позволяет установить приблизительную достоверность сведений первой половины века. Население Чечни, вероятно, было близко к 200 тыс. человек. Это было преимущественно однородное по языку население, разбитое на тайпы.

На рост населения Чечни оказывали влияние различные факторы: межтайповые столкновения и войны, работорговля, ранние браки, кровная месть и др. Вместе с тем, увеличение народонаселения Чечни во второй половине XIX века является бесспорным фактом.

Рост численности населения сопровождался проявлением определенных социальных и демографических закономерностей. Как указано Ф. Энгельсом, «возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа» [167]. Это положение вполне применимо и к Чечне, где шел активный процесс осознания жителями общности своей территории и своего этнического единства.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ



Основные моменты политической истории Чечни в историографии выявлены неполно. По состоянию письменных источников достоверная история чеченцев начинается со второй половины XVI века. Древняя жизнь чеченцев представляет для исследователя много загадочных, порой неразрешимых вопросов. Перед наукой стоит задача показать роль чеченцев в судьбах Кавказа, где чеченцы были серьезной и активной силой исторического процесса. Чеченцы не всегда стояли в стороне от мировой истории.

Говоря об истории любого горского народа Северного Кавказа, мы должны учитывать возможность длительного или краткого пребывания не только отдельных классов, но и целых народов «в трясине какого-то внеисторического прозябания» и «внеисторического существования», на что указывал Ф. Энгельс [468]. Следует помнить и прямое указание В. И. Ленина о том, что горцы Кавказа накануне проникновения к ним капитализма стояли в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории [469].

В чеченском фольклоре часто упоминаются римские кесари – Рум-Падшах, Падшах-Кейсар [470]. Д. А. Милютин высказал предположение, что у чеченцев до 40-х годов XIX века сохранялось оружие со времен крестовых походов, со времен торговли черкесов с генуэзцами и «может быть даже есть древнее римское оружие». Основанием этих допущений было наличие в Чечне большого числа шашек, переделанных из рыцарских мечей с латинскими надписями [471].

О древних экономических и политических связях чеченцев с другими народами могут свидетельствовать сохранившиеся предания о греческом происхождении некоторых тайп [472].

Отголоском пребывания арабских завоевателей на Северном Кавказе следует признать упоминание о них в народных преданиях Чечни.

По мнению профессора Н. Ф. Яковлева, чечено-ингушская культура и язык сложились вокруг культурно-религиозного центра, существовавшего еще до IX века в Ассинском ущелье, при прямом культурном влиянии абхазо-грузинского царства. Культура эта существовала до IX века, когда на ее обломках сложились ингушская и чеченская культуры [473].

Г. А. Вертепов, опираясь на данные памятников материальной культуры и письменных источников, считал, что в XII веке Чечня находилась под культурным влиянием Грузии

и отчасти подчинялась ей в политическом отношении, а в религиозном отношении, как страна с христианским населением, числилась одной из грузинских епархий [474].

Исторические сведения умалчивают о событиях, завершившихся локализацией чеченцев горными районами. В политической истории Северного Кавказа памятен 1222 год, проложивший кровавую межу в историческом развитии северокавказцев, когда началось грабительское и опустошительное нашествие татаро-монгольских полчищ. Поход Джебе и Субэдэя привел к регрессу в общественно-экономическом и культурно-политическом развитии. К 40-м годам XIII века монголы в основном закончили завоевание Северного Кавказа. У. Лаудаев предполагает, что под власть монголов попали и чеченцы [475]. «История» Шоры Ногмова повествует о героической совместной борьбе чеченцев и кабардинцев с войсками Чингисхана, в которой они потерпели поражение (Кистени, кистинцы – это чеченцы) [476]. Вероятно, следствием этого поражения стало сужение этнической территории чеченцев труднодоступными районами гор [477], которые стали прокрустовым ложем для роста населения и развития производительных сил в хозяйстве Чечни.

Согласно преданиям Чингисхан построил при выходе и входе в чеченские ущелья башни и оставил здесь своих наместников-чингисидов, позднее подчиненных Мамай-ханом, который заменил их своими беками. В народной памяти удержалось имя одного из них – Яхсай-хана, пребывающего со ставкой в Герзель-аулс и управлявшего согласно чеченским обычаям [478].

Монгольскос нашествие имело тяжелые последствия для чеченского народа, вызвав большую гибель населения. Татаро-монголы проводили на Северном Кавказе ту самую политику, о которой К. Маркс писал, что завоеватели «...установили господство систематического террора, основами которого являлись опустошения и массовые избиения. Так как в сравнении с их колоссальными завоеваниями они были немногочисленны, то... путем повторной резни они уничтожали народы, которые поднимались у них в тылу» [479].

Разгром русским государством Золотой Орды на Куликовом поле освободил народы Северного Кавказа от тяжелого гнета ордынцев [480] и имел благотворные последствия для чеченского народа, получившего возможность начать освоение плоскости.

Весной 1395 года Тимур двинул свои полчища против хана Золотой Орды Тохтамыша. Тимур пройдя через Дербент, «покорив кумыков, обитающих между Тереком и Сулаком, прошел по земле Мичикичь»[481] (Мичикич, Мытищ – именование Чечни кумыками). Нашествие Тимура было новым опустошением Северного Кавказа. Пройдя реку Сунжу, 15 апреля 1395 года, в исторической битве на берегу Терека, недалеко от Нижнего Джулата, Тимур разбил войска Тохтамыша, включавшие и адыгов. Это сражение, как и пребывание в Чечне Тимура, имело определенное значение для судеб Чечни. В народном сознании чеченцев память о Тимуре сохранилась в различных преданиях о рве Тимура.

Разгром Золотой Орды и образование русского централизованного государства коренным образом изменили положение народов Кавказа»[482].

В 1538 году юг и плоскость Дагестана завоевывают войска сефевидского шаха Ирана Тахмаспа I (1524–1576). Чеченские боевые отряды оказывали посильную помощь народам Дагестана в отражении персидского нашествия, и народ надолго сохранил память об этой совместной борьбе [483].

К середине XVI века относится усиление влияния на Северном Кавказе русского государства, что стало возможно благодаря образованию на Руси сильного централизованного государства. Завоевание Казанского и Астраханского (1556) царств создало новые условия для развития русско-кавказских сношений. Сношения эти не прерывались и в годы татаро-монгольского ига. Известно, что убитый в 1318 году под Дедяковым на реке Севенце (Сунже) русский князь Михаил мог бежать в горы [484]. Окрестные горы были населены вайнахскими и аланскими племенами.

Возрастающая роль русского государства на Северном Кавказе была выражена в браке царя Ивана IV Грозного с дочерью кабардинского князя Темрюка [485] – Марией (21 августа 1561 года).

В 1567 году на левом берегу Терека построена русская крепость под названием Терки, содействовавшая ослаблению турецкого влияния на Северном Кавказе. При этом кабардинские князья, по чьей просьбе производилось возведение крепости, умело определили место ее закладки, с тем чтобы использовать силу русских войск не только против турок, но и для ослабления и удержания в зависимости соседних народов. В 1571 году по протесту турецкого султана Селима и Крымского

хана Девлет-Гирея крепость была оставлена. В 1577 году, по просьбе кабардинских князей, московским воеводой Лукьяном Новосильцевым крепость Терки была восстановлена, но ввиду вторичного протеста Турции и Крыма уже в 1580 году заброшена. В 1588 году кабардинские послы Мамстрюк Айдарович и Муртаза Куденет били челом царю Федору Ивановичу о возобновлении русских крепостей. Вопреки противодействию Турции и Крыма, велено было построить для защиты «исконных холопей» царских две крепости. Крепость, заложенная на правом рукаве Терека – Тюменке, была названа Терским городом, а построенная при устье реки Сунжи – Сунженским городом. Эти крепости стали основой расширения и углубления связей русского и северокавказских народов. Царь Федор Иванович включил в свой титул именование: государь «Иверской земли, Грузинских царей и Кабардинской земли, Черкасских и Горских князей».

Во второй половине XVI века по соседству с чеченцами селятся русские казаки, известные впоследствии как «гребенские», «гребенцы». Между чеченцами и гребенцами завязались оживленные дружеские отношения. В 1872 году У. Лаудаев отмечал, что «еще совершенно свежи» предания чеченцев о том времени, когда «русский царь сделался отцом страны (орсай мехки да хилле)», – отцом всей чеченской земли, Ичкерии и приаргунских мест [486].

Русская крепость Терки вскоре стала местом, которое притягивало чеченцев – выходцев из гор, селившихся под городком особыми слободками. Они были известны в документах XVI–XVIII веков под именем окочан-чеченцев [487]. Одновременно здесь оседали и выходцы из Кабарды.

Влиятельным князем на Северном Кавказе в 80-х годах XVI века был окоченский владетель Ших-Мурза, видимо, проживавший в подвластной Аккинской фамилии. В сложной обстановке межфеодальных войн Чечня подвергалась набегам и завоеваниям соседних владетельных князей. Стремясь к сохранению независимости, Ших-Мурза вслед за своим отцом стремился опереться на мощь русских военных отрядов в Терках, для чего признал власть русского царя [488]. В 1586 году «атаманья и казаки» Терков доносили астраханскому воеводе Федору Лобанову Ростовскому и товарищу Исаю Тюрину, что «прежде служили они Государю на Тереке и промышляли заодно с Шихо-Мирзою с Окуцким, и приехал на Терек к атаманам и казакам Ших-Мирза и сказал, что ему от Шевкальского

и от Горских людей теснота великая, что он живучи в горах служит Государю, а Шевхал князь и горские люди пережидают его по дорогам, хотят убить. Одновременно Ших-Мурза посылал в Астрахань двух человек, так как «ему в Окуках от Шевкальского и от Горских людей прожить не можно»[489].

В 1588 году Ших-Мурза отправляет в Москву посольство, во главе со своим племянником Баитавом (или Бойтавом) с тем, чтобы царь «держал под своею царскою рукою» Шихов Кабак. Сославшись на службу русскому государству, свою и своего отца Ушарым-Мурзы, еще при старых Терках (1567), Ших-Мурза сообщает, что «между уничтожением старых (1571-й или 1580 год) и построением новых (1588) Терков он с отцом продолжал «верою и правдою» служить русскому государству и к Турецкому и к Крымскому не приставал и им которые прямые и тех с твоими государевы казаки воевал». В ответ за поддержку, Ших-Мурза обязуется нести русскому правительству военную службу и поставлять «запас» (продовольствие) Теркам. Он же Ших-Мурза «Шевкалова сына Алкаса и с людьми его к шерти привел на том, что ему тебе, государю, служить и твоим государевым именем слыд и к Турскому и к Крымскому не приставать»[490].

Помимо шевкала и части чеченских (горских) племен Ших-Мурза подвергался нападениям кабардинских [491] и кумыкских феодалов, за чьей спиной стояли Турция и Крым, боровшиеся с русским влиянием на Кавказе.

В ответном послании Ших-Мурзе сказано, что русскому правительству со слов «посланников» Родивона и Петра «ведома его прямая служба», «бесхитросно»[492].

Но не помогла Ших-Мурзе «царская рука». За русскую ориентацию, а более для захвата «Окоцкой землицы и Окоцких людей» «большой» над всеми Окоцкими людьми в Окоцкой землице Ших-Мурза Ишеримов был убит кумыкским князем Ахматканом (видимо, Ахмедхан. — *Ф. Т.*) «с братьею». В челобитной окочан царю Михаилу Федоровичу говорится о дальнейшей судьбе владения Ших-Мурзы: «И как... Ахматкан князь убил Ших Мурзу и нас почал к себе в холопи звать, а землицею хотел Окоцкою владети, да и иные... многие горские князи и мурзы нас призывали к себе. И мы... не хотя им горским князям и мурзам служити и под ними в век быти, покиня свои домы и живот весь пометав, з женами своими з детьми из Окоцкой землицы утекли душею да телом и прибегли в твою царскую отчину в Терской город, под твою царскую

высокую руку на житье на век, и живем... 20 лет»[493]. Бегство чеченцев из родных обжитых «Окоцкях землиц», как средство спасения от власти соседних феодальных владетелей, может дать наглядное представление о характере «добровольности призвания» фязей (алолу дан).

Однако политика царизма на Северном Кавказе уже тогда вела к тому, что окочане-чеченцы были оберегаемы от власти лишь феодалов нерусской ориентации. В одной челобитной кабардинского князя Сунчалей-Мурзы (Сунча-али) царю Михаилу Федоровичу выражена просьба: «вели мне быти над Окоцкими черкасы князем, как бывали преже сево пожалованы в Кабарде от вас государей родители наши»[494]. Источники умалчивают о власти «преже» кабардинских князей, но по челобитной «Государь пожаловал, велел ему быти за его службу над окоцкими князем»[495]. Однако окочане решительно выступили против домогательств Сунчалея, заявившего свои феодальные права. Окочане писали в челобитной царю: «И как, государь, послышат многие горские люди, что мимо твоих государевых воевод ведает над нами и судит нас во всем Сунчалей князь и что нам от него великая изгоня и обида, – и горских государь, всяких людей к твоему царскому величеству и милости в Терской город на житье не будет, отнюдь ни один человек, и нам, государь, от него Сунчалея всем разогнанным быти»[496]. Последствия угрозы окочан-чеченцев оставить Терки, к сожалению, не прослеживаются. Наоборот, растущий феодальный гнет вызывает усиление притока в Терки беглых горцев (но чеченцев ли?) [497].

С усилением и ростом Русского централизованного государства расширяется сфера русского влияния на Северном Кавказе, усиливается его противодействие Турции и Крыму. Предметом «государевых дел» становятся «все горские землицы»: Кабарда (Черкасы), Кумыки, Мерези (? – *Ф. Т.*), Нагаи, Грузия; Шибуты, Мичкизы и Окохи – т. е. Чечня [498]. Совместно с кабардинцами, окочене призывали соседние народы вступить под «царскую руку»[499].

Часть чеченцев (Шибуты и Окохи), согласно окоченской челобитной 1615 года, платит «государев медвяной ясак»[500].

В конце XVI века чеченские племена – аккинцы, мичкизы (чеченцы, соседственные кумыкам), шибуты подвластны Русскому государству. Чеченские племена – аккинцы и мичкизы и их предводители Ушарома и Ших-Мурза сыграли крупную роль в начальный период проникновения на Северный Кавказ

Русского государства, в склонении на его сторону северокавказских народов, что ослабляло влияние Крыма и стоявшей за ним Турции. На основании изучения большого комплекса архивных документов, русский кавказовед С. А. Белокуров пришел к выводу, что в конце XVI – начале XVIII века на Северном Кавказе в дружественных отношениях к Русскому государству находились Окоцкий и Аварский князья, из которых первый имел влияние на Аварского князя и благодаря ему «Каракаш городок государю не бьют челом»[501], «в постоянных сношениях» с Московским государством пребывали «кабардинцы со своими соседями окочанами и частью аварами и др.», «все время» признавали верховную власть Московских царей Окуцкие мурзы [502].

В 1613 году признал власть Московского царя «Карабулацкий» князь Сурхай[503].

С присоединением к России для чеченцев сложились новые условия для экономического и политического развития. Вторая половина XVI века ознаменовала поворот в истории Чечни [504].

Остальные народы Кавказа, будучи включены в орбиту экономической и политической сферы передового в то время Русского государства, вынуждены, хотя и медленно, перестраиваться, у них ускоряются темпы исторического развития.

После захвата Москвы Лжедмитрием I Кабардинский князь, внук тестя Ивана IV князя Темрюка и крупный политический деятель того времени Сюнчалей Янгалычев, в сопровождении 10 кабардинских узденей, окуцкого мурзы Батой Шихмурзина [505] с шестью товарищами, 2 черкесов и одного терского новокрещенного Максимки, 12 ноября 1605 года поехал в Москву, чтобы разобраться в московских событиях[506]. Удалось ли посольству разобраться в московских событиях? Видимо, нет, так как их дальнейшая позиция была выжидательной. Когда И. Д. Заруцкий и вдова Лжедмитрия I Мария Мнишек осенью 1613 года прибыли в Астрахань для поднятия астраханских, волжских, терских, яицких казаков, а также северокавказских народов против Москвы, Сюнчалей, командовавший терско-гребенскими казаками, с ведома воеводы П. П. Головина, в сопровождении окочен, отправился к Заруцкому и вел с ним «с неделю» переговоры, содержание которых неизвестно [507]. Вероятно, Сюнчалей разобрался в роли и целях Заруцкого и М. Мнишек, так как по возвращении в Терки настаивал перед терским воеводой на отправке

против Заруцкого военной экспедиции [508]. А когда Заруцкий потребовал к себе воеводу П. Головина, окоцкие служилые люди вместе с кабардинцами и терско-гребенскими казаками ответили: «Али де Вы Петра Головина хотите погубить тако ж что и князя Ивана Хворостинина? Нам де с вами в совете воровском не быти»[509].

Посланные воеводой П. Головиным и князем Сюнчалеем в 1614 году терско-гребенские казаки и кабардино-чеченские служилые люди довершили разгром военных: отрядов И. Заруцкого и М. Мнишек [510].

В том же 1614 году в Москву приезжало посольство от князя Сюнчалея, в которое входили «От Акочан два же человека Ахмат до Агелей... А окочане Ахмат да Агелей в расспросе сказали: приехали оне к Государю-Царю и Великому князю Михаилу Федоровичу ото всех Акочан поздравляти государя на государстве [511].

Таким образом, чеченцы и кабардинцы совместно с терско-гребенскими казаками содействовали разгрому войск И. Заруцкого и М. Мнишек.

Дружественный характер приняли отношения между чеченцами и нерегулярными гребенскими казаками. Широкое распространение получили родственные связи между ними: еще недавно (XVIII – начало XIX века) чеченцы называли казаков своими сватами. Документы XVI–XVIII веков показывают всю вздорность и надуманность утверждений представителей реакционной историографии, что чеченцы относились к русским, как «исконным врагам своим»[512]. В процессе сближения с чеченцами и другими северокавказскими народами гребенской казак менял свою одежду на поэтичный национальный костюм горца.

С Чечней и их соседями гребенцами были связаны и некоторые выдающиеся события русской истории. Так, при возвращении из Персии Степан Разин ставил свой стан на Тереке, его «следы и доныне видны» около гребенских казаков, писал в 1778 году Александр Ригельман [513]. С почетом принимали К. Булавина в Терках [514].

Политическая история Северного Кавказа была тесно связана с жизнью чеченцев. В XVI–XVIII веках чеченцы играли видную роль в межфеодальной борьбе господствующих группировок различных народов. Различные чеченские общества попали в зависимость от кабардинских, кумыкских и аварских феодалов.

Согласно чеченским народным преданиям, часть первых выселенцев на плоскость вынуждены были признать власть ногайцев, а затем калмыков, которым уплачивали некоторую дань. С увеличением числа плоскостных чеченцев и подъемом хозяйственной жизни чеченцы ведут борьбу за уничтожение даннических отношений. Калмыцкий хан, вынужденный считаться с возросшей мощью чеченцев, вступает с ними в сделку в поземельном вопросе, уступив чеченцам земли по правому берегу Терека. Событие это Е. Максимов приурочивает к концу XVI – началу XVII века. Окончательному освобожде-нию чеченцев от уплаты дани калмыкам благоприятствовал разгром старшего калмыцкого тайши Урлюка в Кабарде в 1644 году [515].

Крайне скудные и отрывочные сведения: сообщают, что восстание 1707–1708 годов в Башкирии встретило отзыв и среди чеченцев [516].

Во время персидского похода Петра I в 1722 году чеченцами был разбит один из его отрядов (отряд Ветерани). Тогда Петр I направил в Чечню калмыцкого хана Аюка, который пробыл здесь длительное время [517]. Грузинский царь Вахтанг просил Петра I устроить крепость на Тереке, между Кабардой и гре-бенскими казаками, и снабдить эту крепость достаточным гар-низоном для обеспечения сообщения Грузии с Россией [518].

В 1733 году турецкий султан отправил на Кавказ для по-корения народов Дагестана и прикаспийских владений Персии крымского хана Каплан-Гирея с 80-тысячным войском. Путь ханских войск проходил через Кабарду и Чечню. Чеченский владелец селений Большие Чечни и Большие Атаги Айдемир Барды-Ханов «по многим от хана письмам и подзывам, не только к нему не поехал и людей не отпустил, но не малые отгоны лошадей у войск ханских и другие вредительства по-казал», за что царское правительство назначило ему ежегодное жалованье. Против ханских войск сражались и Брагунские владельцы. Хан хотел пройти в Дагестан через Аргунское ущелье (между селениями Алды и Чечня), однако чеченцы нанесли ему поражение, истребив значительную часть его войск, после чего хан вынужден был изменить направление движения своих войск. Чечня прикрыла собой Дагестан [519].

С 20–30-х годов XVIII века чеченцы перестают быть на-родом «страдальным, униженным», а делаются народом «дей-ствующим»[520], что выразилось в успешной победе и изгнании своих и иноплеменных феодальных притеснителей.

Следствием экспансионистской политики царизма было включение в состав России соседних народов. В. И. Ленин писал: «...И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику»[521]. Одной из этих частей был Кавказ, относительно которого В. И. Ленин писал, что его политическое «завоевание» царизмом предшествовало экономическому [522], а это наложило отпечаток на развитие сношений России с народами Кавказа, в частности, на взаимоотношения с чеченцами.

С целью расширения и утверждения своей власти в Чечне, царизм во второй половине XVIII – первой половине XII века стремится вывести всех чеченцев из «крепких» мест на плоскость. Проведение в жизнь этой меры стало возможным лишь после поражения Шамиля. Военно-политическое наступление царизма и усиление колониального гнета встречало неоднократный отпор горских народов. Терпит крах политика царизма по натравливанию народов друг на друга. Все больше народов объединяются в борьбе за свободу [523].

В 70-е годы XVIII века генерал Медем предпринял две военные экспедиции в Чечню [524], и его имя долго оставалось в преданиях народа [525]. В ответ на антиколониальное выступление атагинцев в 1784 году генерал Самойлов «прошел всю Чечню и оставил после себя очень тяжелые воспоминания»[526].

В 1785 году в Чечне вспыхивает восстание, известное по имени его руководителя Шейх-Мансура, к которому частично примкнули и другие, соседние народы. Лишь в 1791 году царским войскам удалось подавить это восстание.

С разгромом в 1815 году Наполеона царизм получил возможность активизировать свою политику на Кавказе, в том числе в районе Чечни.

Инициатором и организатором многих карательных экспедиций царских войск в Чечню и проводником политики заселения чеченских земель военным «казачьим сословием выступил генерал Ермолов. Заразительный пример свободолюбия горцев»[527], толкал царизм к усилению репрессивных мер. От системы случайных «репрезалий» колониальные власти переходят к системе карательных экспедиций, которые опираются на мощь возведенных здесь крепостей. В 1817 году построена крепость Преградный стан, в 1818 году – крепость Грозная, а затем еще ряд других. Отторжение царизмом земель между

Сунжей и Тереком вызвало в 1825 году восстание чеченцев под руководством Бей-Булата.

Усилению позиций царизма на Кавказе благоприятствовало распространение здесь мюридизма, появление которого связано с движением Шейх-Мансура в конце 80-х годов XVIII века «Ермоловщина» содействовала дальнейшим успехам мюридизма [528].

Недовольство чеченцев достигло высшего накала в 30-е годы XIX века, особенно после разорения Чечни в 1832 году отрядами генерала Розена. Историк-кавказовед второй половины XIX века А. Юров указывал: «К марту месяцу 1840 года в Чечне скопилось достаточно горючего материала – нужна была только искра, чтобы произвести повсеместный взрыв».

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Дворянско-буржуазная литература о Чечне была пронизана неверием в созидательные способности чеченского народа. Общим недостатком произведений о Чечне являлось слабое освещение в них вопросов развития экономики.

В ходе постепенного политического завоевания царизмом, Чечня втягивалась, хотя и медленно, в русло экономических отношений России, становилась окраиной феодально-крепостного государства, переживавшего разложение, а затем и кризис социально-экономических отношений, государства, в котором с 30-х годов XIX века начался промышленный переворот. Прогрессивное экономическое развитие Чечни и влияние более развитых стран – России и соседних кавказских народов – содействовали изживанию некоторых патриархально-родовых реликтов, способствовали развитию новых форм общественной жизни.

Проникновение царизма на Кавказ в течение XVI – первых десятилетий XIX века завершилось присоединением к России большинства кавказских народов и выразилось в строительстве ряда военных крепостей, цепь которых составила Кавказскую линию, служивших опорой завоевательной колониальной политики царизма.

В этих условиях проходило экономическое развитие чеченских обществ. Мирный труд чеченцев часто прерывался карательными экспедициями царских войск, набегами кабардинских и дагестанских феодалов.

Экономика Чечни в рассматриваемый период – это экономика страны, где общественные отношения носят сильнейший отпечаток патриархально-родовых отношений.

Почти все трудовое население Чечни занималось сельскохозяйственным производством, которое являлось главным источником существования населения собственно Чечни и дополнительным источником для жителей ряда прилегающих горных районов Дагестана.

Основой производства у чеченцев были оседлое земледелие и скотоводство [529]. Кроме того, чеченцы занимались садоводством и пчеловодством.

а) Земледелие

Земледельческая деятельность, видимо, была одной из древнейших в Чечне [530]. Плоскостная Чечня имела сравни-

тельно большие площади земли, пригодные для обработки. Относительно благоприятные условия для земледелия имелись в части горных районов. Климат и почвы обеспечивали успех земледельческой деятельности.

Разнообразие природных условий накладывало отпечаток на выращивание земледельческих культур в различных местах Чечни. По свидетельству К. Самойлова, неплодородная почва южной Чечни, прилежащей к снеговым горам, ограничивает жителей в посеве пшеницы и ячменя, урожай которых редко удовлетворяет собственные потребности в продовольствии. К северу, в более низменной полосе, жители сеют кукурузу, пшеницу, ячмень, овес, сажают лук, тыкву, дыни, в ограниченном количестве – морковь и бобы. На плоскости разводят все роды хлеба, а из огородных овощей – лук, тыквы, дыни и огурцы [531]. Относительно обитателей чеченской плоскости К. Самойлов даже замечает, что они «по самому свойству обитаемой земли, должны быть народом земледельческим»[532].

Анализ экономики Чечни второй половины XVIII – первой половины XIX века позволяет согласиться с И. М. Саидовым в том, что чеченцы в это время в хозяйственном отношении жили тремя группами, а именно: 1) жители высокогорья Чечни, в основном с животноводческим направлением хозяйства, которые имели недостаточно хлеба: сел. Малхиста, Шара, Хуланда, Хай, Кезеной, Хамхой, Ках, Карт и некоторые другие; 2) животноводческо-земледельческое население Черных гор, которому в основном хватало своего хлеба и у которого имелся излишек животноводческой продукции; 3) земледельческо-животноводческое население предгорий и плоскостей, имевшие избыток хлеба и продуктов животноводства [533].

Как свободные, так и зависимые от пришлых иноплеменных феодалов, горные и равнинные чеченцы поддерживали свое земледелие на высоком уровне. С. Броневский писал в 1810 году, что чеченцы, обитающие на Сунже и Тереке, успешно занимаются земледелием, сеют пшеницу, ячмень, кукурузу и всякие огородные овощи[534]. Сеяли также просо и овес.

Соотношение высеваемых злаков было явно в пользу кукурузы, которая «составляет главное пропитание»[535] чеченцев, без которой они «претерпевали бы голод ежегодно»[536].

Таким образом, кукуруза была основной хлебной культурой Чечни и занимала ведущее место среди земледельческих культур, как по площади посева, так и по количеству снимавшегося урожая. Кукуруза, заимствованная чеченцами в середине

XVIII века из Турции, была сосредоточием всех дум чеченца, его тревог и печалей. Он воспевает ее в своих песнях, вводит в пословицы. «Без кунаков домохозяин, что без кукурузного зерна мельница», – гласит чеченская пословица [537].

Природно-климатические условия Чечни оказались благоприятными для разведения кукурузы, один из сортов которой и был выведен здесь под названием «чеченской» и получил распространение на всем Северном Кавказе, включая и Дагестан [538].

Я. Гмелин, описывая Чечню 60–70-х годов XVIII века, писал: «Еще в феврале месяце земледелец, которому озимой хлеб неизвестен, устраивает свою пашню, и сеет в марте пшеницу, и всякий хлеб, кроме ржи и репы, которая ему неизвестна. В июле снимает он хлеб с поля»[539]. Однако это сообщение верно лишь относительно яровых хлебов. В Чечне середины XVIII века известны озимые посевы. Так, посланный в Чечню кизлярским комендантом фон Фрауендорфом уздень генерал-майора князя Черкасского Араб Аджиев 12 марта 1758 года показал в Кизляре: «У них же чеченцев на пашнях в посеянии зимние хлеба имеются и из них есть по всходу хороши и плохи»[540]. Показания очевидцев, конечно, убедительнее догадок и предположений Я. Штелина.

Трудности при описании сельскохозяйственного инвентаря, с помощью которого чеченские земледельцы обрабатывали землю в XVIII – первой половине XIX века, связаны со скудностью сведений об орудиях труда в письменных источниках. Для обработки земли осетины использовали разнообразную сельскохозяйственную технику. Долгое время в земледелии применялись примитивные первобытные сельскохозяйственные орудия, что ограничивало возможности расширения запашек и предопределяло низкий уровень производительных сил.

В дореволюционной, да и в советской исторической науке, бытовало утверждение о том, что пахота производилась в Чечне, да и у всех горских народов Кавказа, с помощью сохи. Но так ли это? Уже отдельные наиболее вдумчивые дореволюционные авторы высказали резонные сомнения в употреблении горцами сохи, либо вообще отрицали его наличие на Кавказе. Так, большой знаток сельского хозяйства Кавказа А. Д. Калантар, признавая употребление плуга горцами, отличает от него два других почвообрабатывающих орудия: «крючек и среднее между плугом и крючком» (последний он называет еще по-

луплугом); из которых крючек существует у всех народностей Кавказа [541]. О сохе у кавказцев автор не говорит.

В 1911 году экономист Э. Кальвейст, описывая орудия обработки в Сванетии, уточняет, что правильнее говорить не соха, а рало [542].

К этим же наблюдениям пришли и советские исследователи. Дагестанский историк С. Ш. Гаджиева в своей монографии о кумыках пользуется уже понятием «легкое пахотное орудие»[543]. Рецензент на ее книгу А. Трофимова сравнивает это пахотное орудие с ралом по своему типу, поясняя, что сохи на всем Кавказе вообще не было [544]. Эти положения находят все большее признание и отражение в литературе по истории народов Кавказа [545]. В связи с этими новыми выводами, получающими все большее признание научной общественности, мы и должны подходить к описаниям земледельческих орудий в Чечне, в которых фигурирует понятие «соха».

Легкое пахотное орудие, каковым являлось чеченское рало, использовалось преимущественно в горной Чечне, где слой чернозема был неглубок. При всем несовершенстве, чеченское рало обладало далеко не второстепенными достоинствами: оно было легким, дешевым, могло быть изготовлено каждым горцем-земледельцем, за исключением железного сошника, а главное – оно очень удобно для работы на склонах.

По мере освоения плоскостных земель перед чеченскими крестьянами вставали новые производственные задачи, решение которых требовало перехода от приспособленных к горным условиям земледельческих орудий к более совершенным и производительным.

Появление новых сельскохозяйственных орудий У. Лаудаев связывает с общением с русскими поселенцами-земледельцами и относит ко времени выселения чеченцев с гор на плоскость. «С выселением на плоскость, перенимая от соседей все лучшее и полезнее»[546] и «подражая русским, они (чеченцы. – *Ф. Т.*) заменяют горные сохи плугами, производят правильное хлебопашество и по этой отрасли промышленности превосходят прочие племена окружных стран»[547]. Первые шаги распространения плуга в Чечне так и остаются неясными, тем более что после У. Лаудаева никто не касался вопроса появления в Чечне плуга. Но уже в середине XVIII века плуг распространенное почвообрабатывающее орудие труда, часто упоминаемое в источниках.

В «Трудах» Абрамовской землеустроительной комиссии упоминается легкий чеченский плуг [548], которым велась пахота в горных условиях. Употребление плуга в горах Чечни было возможно в отдельных районах благодаря местному рельефу. Иногда в литературе такое пахотное орудие именуется еще как «горный плуг»[549].

Благодаря природным условиям плуг вытесняет старые почвообрабатывающие орудия на плоскости быстрее, нежели в горах. Наряду с легким плугом здесь был распространен тяжелый плуг, известный в источниках под названием сабан [550]. Плуг преобладал в хозяйстве равнинной Чечни.

Рало требовало применения силы 1–2 пар волов [551], 4 легкий плуг (полуплуг) 2–4 пар, тяжелый плуг – от 4–10 пар [552]. Реже, но использовали и силу буйволов. Необходимое под плуг число волов определялось качеством возделываемой земли.

Недостаток или отсутствие тягловой силы или земледельческих орудий вынуждало мелких земледельцев объединяться с целью хозяйственной взаимопомощи – явление, описываемое в ряде источников первой половины XIX века. С наступлением полевых работ: запашки полей, сенокосов или осенних работ, чеченцы устраивают род русской помощи, – сообщает Н. Дубровин. По недостатку быков и плугов жители уговариваются запахивать поле сообща, составляя артели из нескольких хозяев, имеющих по две или по одной скотине. Кому работают, тот обязан накормить всех два раза в день [553]. Формы взаимопомощи у чеченцев можно экстраполировать и на ингушей: так как известно, что до 70-х годов XVIII века кабардинские феодалы взимали с последних дань «с каждого плуга, то есть с семи и шести дворов»[554].

Чеченцы применяли в процессе труда также серпы, косы, бороны, мотыги. Последнее орудие служило для рыхления земли, уничтожения сорняков. Если пахотные участки были труднодоступны, то мотыга наряду с малогабаритным ралом оказывалась основным орудием обработки земли. Только в таком ограниченном смысле и можно говорить о мотыжном земледелии в Чечне, да и на всем Кавказе [555].

Производственные возможности многих орудий труда были в основном давно исчерпаны, и только плуг обеспечивал развитие интенсивного полеводства.

Жизнь чеченца-труженика была тесно связана с земледельческим трудом, отсюда чеченский обычай вырезать на

могильных памятниках изображение хозяйственных орудий, которыми они пользовались при жизни [556].

Наряду с плоскостными районами, земледелие было распространено и в горной Чечне, где многовековым трудом горцев были созданы искусственные земледельческие террасы (наряду с удобными естественными пашнями). Террасы эти часто разрушались горными обвалами, оползнями и т. д. Создание террас было обусловлено земельным голодом в горах, недостатком естественных удобных пахотных земель при наличии избыточного населения. Террасы были невелики – 10–12 аршин длины, до 5 аршин в ширину. Предварительно необходимо было расчистить и сравнять намеченный участок, но и после этого площадка кроме камня ничего другого не представляла, поэтому завозились или, что чаще, заносились на руках, земля, удобрения. В литературе уже давно установлена трудоемкость создания и ведения террасного земледелия. Искусственные пашни создавались с учетом возможности обработки, максимального влагозадержания и сохранения почвенного слоя. В горах дождевые потоки обладают особой разрушительной силой и для ослабления последствий, террасирование велось по принципу многоярусности, что значительно ослабляло силу напора водных стоков и обеспечивало сохранность почвы и посевов.

Террасное земледелие сложилось почти у всех горских народов Кавказа, и оно оценивается как свидетельство высокого уровня развития культуры земледелия. Все это верно, но следует и здесь применить строгие принципы историзма. Не следует описательно и вообще говорить о террасном земледелии. Ведь возможности ведения террасного земледелия не были безграничны. Здесь мы должны принять во внимание наблюдение дагестанских историков С. Ш. Гаджиевой, М. О. Османова и А. Г. Пашаева о том, что у даргинцев Дагестана с XV века, с окончанием вторжений кочевников в регион, ведущим земледельческим районом становятся плоскость и нижнее предгорье, а террасовое земледелие начинает идти на убыль, продолжая развиваться только в горно-долинной зоне [557]. Эта закономерность была почти общекавказской и синхронно с даргинцами имела место в Чечне. Поэтому террасное земледелие в Чечне в изучаемое время значительно сократилось и имело более причины социального, нежели внешнеполитического порядка.

Не следует преувеличивать неудобства горных районов Чечни. Норденштам еще в 1834 году подметил: «весьма многие

ошибочно полагают, что гористая часть Чечни совершенно бесплодна и мало обитаема, тогда как это напротив прекрасная страна, которая для жизни представляет много удобств, и она не так мало населена, как думают; мы видели в Ичкерийских горах большие хорошие деревни, по устройству своему нисколько не уступающие деревням плоскости, и кажется, нет сомнения, что там по пространству земли и изобилию во всех потребностях для жизни, народонаселение могло бы быть несравненно более, чем оно теперь: впрочем, заметно, что оно увеличивается, ибо из больших деревень делают выселки и в лесах везде видны недавно очищенные для хлебопашества места. Я говорю здесь об Ичкерийских горах потому, что я был там и видел их, но нет никакой причины, чтобы прочие, так называемые Черные горы были менее населены, и потому полагаю суждение многих, которые считают их малообитаемыми и для жизни неудобными, весьма ошибочно»[558]. Он же передает, что деревня Беной, расположенная высоко в горах, «имеет прекраснейшие поля и везде кругом заметны произведения не принадлежащие к холодному климату»[559]. В соответствии с природными условиями, относительно более развито было хлебопашество в восточной части Чечни, расположенной влево от реки Шаро-Аргун, террасное земледелие было развито на запад от реки Шаро-Аргун.

Горные террасы были спасением чеченского народа от голодной смерти в годы войны Шамиля с царизмом, доставляя насущный хлеб чеченцам, загнанным царскими войсками в горные ущелья»[560]. В горных районах чеченским труженикам приходилось затрачивать значительно больше труда для получения необходимого продукта, чем на плоскости.

Горное земледелие характеризовалось и рядом других отличительных свойств. В высокогорных районах рентабельность земледелия была ниже, чем на плоскости. Источники первой половины XIX века сообщают, что горные чеченцы сеяли ячмень, овес и отчасти пшеницу, но в количестве, не достаточном на год [561]. По Норденштамму, в Черных горах сеют более пшеницу и ячмень, а менее кукурузу и просо, в высокогорных местах сеют только ячмень [562].

Длительное пребывание чеченцев в горах, где условия материальной жизни тормозили общественный прогресс, было одной из причин замедленных темпов исторического процесса Чечни.

Значительное распространение получила на плоскости система оросительных каналов. Для орошения полей использовались отводные каналы из рек. Тот же Норденштамм писал в 1834 году: «Для лучшего урожая чеченцы весною и летом по мере надобности наводняют свои поля, для чего из речек повсюду выведены канавы, это им не стоит больших трудов, потому что рек там много и весьма близки одна от другой»[563]. Широкое использование искусственного орошения свидетельствует о высокой культуре земледелия у чеченцев.

Для повышения урожайности хлебов чеченцы применяли удобрения, хотя и незначительно. Готлоб Шобер в 1718 году наблюдал в Брагунах и прилежащих селах: «за благородностию той земли непотребно навозом подмочати, но только пшеничную солому сожигают и пепел на поле сыплют, отчего земля плодоносна»[564]. Норденштамм бездоказательно отрицал применение чеченскими землевладельцами удобрений [565]. О применение удобрений говорит и чеберлоевская поговорка: «удобрение ценно, как сама мука»[566].

Чеченские землевладельцы получали урожаи, поражавшие современников. Норденштамм в 1832 году видел «в деревне Гехи кукурузное поле, на котором кукуруза была такой величины, что при проходе отряда нашего, части конницы въехали в оную и всадников не видать было. В Имеретии, Мингрелии и Абхазии, где кукуруза составляет главный предмет сельского хозяйства и где она также родится очень хорошо, едва ли она бывает такой величины»[567].

Я. Штелин в середине XVIII века сообщал, что в Чечне зерновые дают урожай сам – 10 – сам – 12 [568]. Сорт кукурузы «чеченский» давал урожай до 80–100 на неполивных и до 150 пудов и более на поливных землях [569]. К. Самойлов сообщает, что «чеченцы считают количество посева днями пахатьбы и один день работы бывает достаточен для прокормления довольно большого семейства в течение года»[570].

Земледельческий труд непосредственных производителей стал давать, помимо необходимого, и прибавочный продукт. С большой определенностью можно говорить об этом для Чечни уже с XVII века. Мы считаем, что без получения этого прибавочного продукта было невозможно установление над чеченскими тайпами господства кабардинских, кумыкских и аварских феодалов, взимавших соответствующую подать с подвластных. Древнее подсечное земледелие соответствовало родоплеменному строю в пору его расцвета. Удобные для земледелия земли

на плоскости были быстро заняты первыми переселенцами в течение XVI – первой половины XVIII века. Их расширение было связано с тяжелой и упорной борьбой с могучими лесами на плоскости. В условиях лесного окружения и отсутствия свободных удобных земель применение подсечной системы земледелия было неизбежно, но оно играло подготовительную роль для получения пахотных земель. Потребность в пашнях росла с ростом населения, с увеличением числа выходцев с гор, с усилением захвата свободных земель сильными тайпами и семьями. Отпочкование от тайпы неки, гар, отдельных семей сопровождалось переселением на новые места, где они год-два применяли подсечное земледелие. Но при подсечном земледелии достижение успехов возможно преимущественно при коллективном труде, поэтому расчистка земель из-под леса, а такие земли становились по адату частной собственностью возделывателя, была одним из путей дальнейшего обогащения и усиления могущественных семей, располагавших рабами, рабочим скотом, соответствующими орудиями.

Роль пашенного земледелия у чеченцев выразилась в том, что достигнутый на его основе уровень производительных сил, положил начало возникновения соседской общины, утверждения и развития частной собственности на землю, углубил имущественное и социальное неравенство.

С ростом производительных сил происходил рост товарности земледельческого производства. Норденштамм отмечал, что «Чечня производит хлеба больше, чем необходимо для прокормления ее жителей, и избыток хлеба променивается кистинцам и лезгинам, живущим в бесплодных высоких горах, на шерсть, бурки, грубое сукно и другие произведения»[571]. То же отмечали К. Самойлов [572], С. Броневский [573], Д. А. Милютин [574] и др.

Таким образом, хозяйственное сближение чеченцев с русскими и казаками, выразившееся в заимствовании плуга, обеспечило подъем чеченской земледельческой экономики, послужило основой ускорения общественно-экономического развития Чечни и должно быть оценено как прогрессивное явление.

С потребительскими целями чеченцы сеяли незначительное количество льна, «только для масла», так как «чеченцы были не знакомы с выделкой из льна холста»[575].

Как в горах, так и на плоскости получило распространение огородничество. Огороды были невелики. Норденштамм

сообщает, что чеченцы «огородов везде имеют, в оных они разводят арбузы, дыни, тыквы, лук, огурцы, чеснок, черемшу; в некоторых местах встречаются земляные груши, но они растут дико в лесах, картофель им неизвестен. В некоторых деревнях сеют табак, но только для собственного употребления»[576]. Он же отмечает высокие вкусовые качества огородных культур чеченцев. «Лук, огурцы и другие огородные овощи, которые чеченцы разводят в большом количестве, также необыкновенной величины и приятного вкуса»[577].

Разнообразные виды сельскохозяйственных работ сопровождались праздниками труда. В последней четверти XIX века Н. Харузин наблюдал: «перед началом пахапья и сенокоса одноаульцы собираются вместе, причем каждый приносит, сколько может припасов и баранов. Баранов режут все вместе; затем начинается пир, сопровождаемый песнями и плясками; неисполнение этого обычая... по мнению ингушей и чеченцев, вредит успешному окончанию сельских работ. После жатвы устраивается так же пиршество всем аулом»[578].

Собранный урожай подвергался весьма примитивной обработке, обмолот его производился на токах. Незамысловатый способ молотьбы кукурузы состоял в следующем: высушенные початки клали на решетчатое дно арбы и били палками; зерна падали на подостланный под арбой войлок»[579].

Содержание пищи чеченцев представляет слепок данной нами характеристики земледельческих культур. «Пища чеченцев, – сообщает К. Самойлов, – состоит из тонких кукурузных или пшеничных лепешек (чурек), молока и огородных овощей; в особенности они употребляют много луку и черемши. Мясо едят очень редко, только на праздниках или когда хотят угостить какого-нибудь важного гостя»[580]. И здесь проступает подчиненное положение скотоводства по отношению к земледелию.

Приведенная характеристика земледелия в Чечне рисует чеченцев трудолюбивым народом, достигшим высокого уровня земледельческой культуры. Это было отмечено и Шамилем, который, как передает полковник Руновский, находил у чеченцев «сильную склонность» к земледелию. Шамиль высоко ценил трудолюбие и земледельческие навыки чеченцев и считал, «если представится возможность сделать труд этих людей вполне свободным, ... все они будут работать как никто и каждый из пих сделает столько, сколько не сделают пять уроженцев

других мест»[581]. К сожалению, осталось неясным, какое освобождение труда предполагалось Шамилем и от чего?!

Увеличение земледельческого производства лежало в основе общего подъема производительных сил, который происходил и в остальных отраслях сельского хозяйства.

Начало подъема земледелия связано по времени с освоением чеченцами плоскости, когда у них «стали возникать богатые деревни, на тучных лугах стали ходить многочисленные стада»[582], а там, где прежде дымился в лесу одинокий хуторок, теперь раскидывался аул в несколько сот домов [583]. Плоскостные поселения начинают отождествляться с понятием довольства и богатства. Известными по величине и богатству были аулы: Бата-юрт, Ака-юрт, Маюртуп, Гельдиген, Автур, Большая и Малая Атари, Урус-Мартан, Герменчук, производивший «значительное хлебопашество»[584]. Шали, имевший «богатейшее хлебопашество»[585]. В начале XIX века выделялся аул Большой Чечень, превращавшийся в крупный торгово-экономический центр Чечни. Согласно преданию, всадник, желавший объехать аул, заморил коня [586]. Размеры плоскостных аулов произвели столь сильное впечатление на К. Самойлова, что он определил их как «города»[587].

После 1840 года эти «огромные богатейшие аулы совершенно исчезли»[588], будучи истреблены царскими войсками.

Таким образом, как плоскостные жители, так и горные чеченцы (ламарои) занимались земледелием, которое у первых было «в довольно хорошем состоянии»[589]. Земледелие удовлетворяло внутренние потребности чеченцев, а излишки его поступали на меновой рынок, поскольку чеченцы достигли высокого искусства земледелия. Уровень развития земледельческого хозяйства, его относительно высокая товарность дали Чечне право именоваться и быть на деле «житницей» Дагестана»[590]. Благодаря экономическому подъему чеченский народ сумел сплотить свои силы и изгнать многих пришлых из Дагестана и Кабарды феодалов. «Чечня отдохнула. Народ перестал быть тружеником, работающим только для обогащения своих притеснителей, стал работать на себя, богатеть и, наконец, сознал свою силу»[591].

б) Животноводство

По своему хозяйственному значению второе место в экономике Чечни занимало скотоводство. Скотоводством зани-

мались как горные чеченцы (ламарои), так и плоскостные. В этой отрасли хозяйства было занято мужское население. Сам народ назвал себя нахчо, что, по мнению многих исследователей, означает «сырный». По вопросу о роли скотоводства в хозяйстве чеченцев и степени его развития в дореволюционной историографии сложилось два мнения. Некоторые авторы склонны были говорить о незначительном развитии скотоводства. Так, для 70–80-х годов XVIII века Яков Ренекс находил, что скотоводство у чеченцев «не из самых лучших»[592]. Норденштамм писал в 1834 году: «Скотоводство у чеченцев, особенно живущих на долине, небольшое потому, что мало пастбищных мест и там для скота летом слишком жарко, лошадей у них также в небольшом количестве и порода чеченских лошадей на Кавказе не славится: чеченские наездники покупают лошадей в Кабарде [593] и других местах, а более приобретают их на Кавказской линии и у кумыков... Рогатый скот вообще мал ростом и средней доброты, овец в горной части Чечни много и хорошей породы, там держат также много коз, ишаков (ослов)» [594]. Аналогичные факты приводил и Н. Дубровин, который, некритически передавая сведения источников первой половины XIX века, говорил о «неудовлетворительном состоянии скотоводства» у плоскостных чеченцев, о том, что в Чечне жители очень бедны скотом [595], но далее приводя сведения из другого источника, он о тех же чеченцах пишет, противоположное, а именно, что до 1840 года они были богаты скотом [596].

Но имеются и свидетельства, что согласно некоторым чеченским преданиям в первое время по выселении на плоскость чеченцы были мирным скотоводческим племенем [597].

К сожалению, документальные сведения не позволяют проследить выдвижение земледелия в хозяйстве чеченцев на первый план, но ясно, что в рассматриваемое время (с середины XVIII века) скотоводство по значимости уступает земледелию [598]. О состоянии скотоводства в предшествующее время говорит свидетельство Готлоба Шобера, который в 1718 году, наблюдая в Брагунах и близлежащих чеченских плоскостных аулах писал: «Овцы на сей земли зело тучны бывают, тако, что едва в Англицком государстве таковые обряшутся. К тому же вкусом добрым и шерсть их такова мяхка и изрядна, что со шпанскою шерстью в равности будет»[599].

Видный представитель царской администрации А. И. Ахвердов в 1804 году находил, что «главнос скотоводство чечен-

цев состоит в овечьих стадах, а рогатого скота имеют малое число»[600].

А. П. Ермолов еще в 1819 году добивался отнять «паче скот и лошадей, составляющих главнейшее богатство чеченца»[601]. О многочисленных стадах чеченцев на их тучных пастбищах и лугах сообщает Голенищев-Кутузов [602]. Майор Властов видел богатство чеченцев Большой Чечни в многочисленных стадах скота [603]. К. Самойлов следующее писал о коневодстве в Чечне первой половины XII века: «чеченцы, живущие на плоскости, почти все имеют лошадей... В горах лошади считаются редкостью и их имеют только люди богатые»[604]. Конницу Шамиля составляли преимущественно чеченцы [605]. Мы располагаем свидетельством такого авторитетного автора, каким, несомненно, является Д. А. Милютин. Отметив неравномерность в наличии скота в различных чеченских обществах, Милютин отмечал, что «в лучшем состоянии находятся обитатели плоскости, особенно надтеречные и присунженские аулы; у них есть и хорошее скотоводство, и хлебопашество в лучшем состоянии... У одних надтеречных чеченцев считается приблизительно более 10 тыс. штук крупного рогатого скота и более 200 тыс. овец, следовательно, на каждый двор приходится около 5 шт. крупного скота и по 100 овец»[606].

Следовательно, о развитом скотоводстве говорят все очевидцы чеченской действительности.

Конечно, средние цифры, выводимые Милютиным, условны. Милютин сам говорит, что «на большей части Чечни считается весьма богатым, тот, у которого две пары быков и пара коров», а «вообще чеченцы очень бедны»[607]. Это утверждение верно при оценке всей Чечни. К. Самойлов, почему-то нашел, что большая часть чеченцев имеет необходимое: одну или две лошади, пару, редко более, быков, коров и несколько мелких животных, немногие имеют буйволов [608]. Должно предположить, что Самойлов имеет в виду большинство тех чеченцев, кои живут по Тереку, но не всех чеченцев»[609]. Перед нами две противоречивые оценки в характеристике одних и тех же отношений двумя близкими по времени авторами. Но если прав Самойлов, то, как понять чеченскую супрягу? Как понять соотношение между мелким и крупным рогатым скотом в хозяйстве отдельных домов?

В горной Чечне в 80-е годы XIX века овцы были «почти мерило благосостояния местных жителей»[610]. Овцеводство

приобрело первостепенное значение в скотоводстве всей Чечни задолго до XIX века.

Сведения о скотоводстве у Надтеречных чеченцев, приведенные нами по Милютину, говорят об избыточности у них скота. К. Самойлов сообщает, что «некоторые чеченцы, живущие по Тереку, разводят домашних животных для продажи»[611]. В Чечне имели место хозяйства, насчитывавшие несколько сот или тысяч голов скота, в которых использовался наемный или рабский труд. Крупные скотовладельцы различными путями подчиняли себе мелких держателей скота, концентрируя скотоводство в своих руках. Одним из таких приемов была вынужденная отдача скота в стадо богатых, с платою трети приплода [612]. Пастбища составляли общетайповую собственность. Каждый двор мог послать на эти пастбища неограниченное число голов скота [613]. Это отдавало земли «родной тайпы в преимущественное владение крупных скотовладельцев, это была освещенная адатом форма эксплуатации тайповых земель».

Природные условия, характеризуемые наличием зимных и летних пастбищ (горные альпийские луга) придали скотоводству характер отгонного скотоводства, с сезонным перегоном скота на летние и зимние пастбища. В середине XVIII века кизлярский комендант располагал сведениями, что чеченцы скот «в жаркое время содержат в горах в крепких местах»[614], а осенью «обыкновенно скот свой из гор выгоняют»[615]. Так, в летнее время стада и большая часть табунов обществ Малой Чечни паслись на травянистых горах ауховского общества [616]. Все это содействовало широкому развитию арендных отношений, которые переходили из поколения в поколение.

На зимних пастбищах, каковыми для плоскостных чеченцев являлись их собственные земли, богатые скотовладельцы устраивали собственные кутаны – зимние устройства для скота.

Отношения аренды, имевшие место при отгонном скотоводстве, не поддаются сколько-нибудь значительному раскрытию в силу отсутствия источников. Норденштамм в 1834 году писал, что плоскостные чеченцы за пользование горными пастбищами уплачивали их владельцам – ламароям хлебом и другими произведениями, которых у последних не было [617].

Чеченские феодалы, встречая сильнейший отпор свободного чеченского крестьянства в своих притязаниях на его личность, верно оценили значение пастбищ для скотоводства.

Не ограничиваясь старыми приобретениями, они с середины XVIII века усиливают захваты тайповых пастбищ. Так, в 1765 году чеченские старшины [618] обратились с жалобой к кизлярскому коменданту генерал-майору Потапову, что князь Девлет Гирей захватил пастбищные земли, числившиеся государственными, которыми они пользовались совместно с гребенчуковцами [619].

Чеченские князья содействовали развитию скотоводства у подвластных им чеченцев, так как это увеличивало взимавшуюся с них продуктовую ренту. Сами князья выступали собственниками крупных многотысячных стад, обслуживаемых рабами и феодально-зависимым населением. Соотношение земледелия и скотоводства в феодальных владениях часто выглядело, где внешне, а где и на деле, в пользу последнего. Академик Фальк, побывавший в 1773 году в Кизляре, Брагунах, Новогладской и других местах, писал, что в Брагунах «поселяне суть хорошие сельские хозяева, имеют большое скотоводство, а особливо хороших лошадей»[620]. Тогда же он наблюдал, что в княжеской деревне Девлет Гирей (впоследствии Старый Юрт) у жителей много скота, а земледелием занимаются очень мало [621].

Помимо летних и зимних пастбищ, для развитии скотоводства отводились сенокосные участки. Скошенная трава использовалась для кормления скота в зимний период. Сенокошение избавляло чеченцев-скотоводов от необходимости вести кочевую жизнь.

Захват земель отдельными тайпами и семьями, взимавшими за них высокую арендную плату, тормозил развитие скотоводства. Это были причины социального порядка, так как уровень развития чеченского скотоводства отнюдь не был пределом. Недостаток сенокосных и пастбищных мест в рассматриваемый нами период (середина XVIII – 40-е годы XIX века) испытывали как плоскостные, так и горные чеченцы. Недостаток сенокосов и высокие арендные цены на пастбище ограничивали отдельных мелких хозяев содержанием небольшого числа скота.

Расширение сенокосов [622] в горах, образование новых участков требовало того же египетского труда, что и террасное земледелие. Приготовить покосное место в горах, – затем собрать с него сено было так же трудно, как и приспособление полей для посевов. Крутые покатости гор очищались от камня, многие из которых оставлялись, как непосильные человеку. Непривычный человек сдва ли сумел бы свободно ходить по

этим покосным местам. Заготовленная копна, оплетенная гибкими прутьями, сталкивается под гору и нередко копна, ударившись о камень, разрывает прутья, сено разлетается по воздуху, и горцу остается смотреть на исчезающие плоды его труда [623].

Крупный рогатый скот чеченцев-горцев состоял из горских пород и был малопродуктивен.

Рогатый скот в горной Чечне был представлен так называемой чеченской породой великокавказской разновидности рогатого скота [624]. Экземпляры горского рогатого скота по размерам почти вдвое меньше крупного черноморского скота. Живой вес взрослого экземпляра – 10–12 пудов [625]. Цепкий и проворный, этот скот как бы создан для гор. Удои молока составляли до $^1/_4$ ведра в день. За удойный период (около 5 месяцев) от одной коровы можно было набрать около 30 фунтов масла и 1,5–2 пуда сыра [626].

Повсеместное распространение получило птицеводство. Как писал Норденштамм, кур и индеек в Чечне везде было много [627].

Овцеводство удовлетворяло насущные потребности чеченцев, давая мясо, молоко, кожу для одежды и обуви и т. д. Молоко служило для изготовления масла, сыра и т. д. Скот и изделия из обработанного животноводческого сырья служили предметом обмена и находили сбыт за пределами Чечни. В Чечне были распространены овцы грубошерстной породы, которые были заимствованы у них русскими казаками и крестьянами-переселенцами, у которых чеченцы заимствовали мериносов – основу тонкорунного овцеводства [628].

Увеличившееся с выселением на плоскость скотоводство стало давать больше, чем раньше, мясной и молочной пищи, сырья (шерсти, кожи), стало давать излишек продуктов. Скотоводство подняло чеченское земледелие, дало необходимую тягловую силу для применения большого плуга, подняло производительность труда. Производительные силы стали давать прибавочный продукт – необходимое условие имущественной, а затем социальной дифференциации. На этой же основе развивается и крепнет обмен между представителями различных тайп.

Мы не располагаем сведениями о географическом распределении скотоводства и земледелия, хотя в силу естественных условий можно предположить больший удельный вес скотоводства в хозяйствах горных жителей, нежели у

плоскостных чеченцев. По данным Абрамовской комиссии, географическое распределение земледелия и скотоводства в Чечне в конце XIX века выглядело так: в некоторых селениях, расположенных в северной половине Чечни, преобладает скотоводство, в большинстве сел хлебопашество преобладает над скотоводством, в Южной Чечне скотоводство занимает главное место [629]. Несомненно, основные контуры этой картины можно наблюдать и в первой половине XIX века.

в) Садоводство

Важнейшей отраслью сельского хозяйства Чечни являлось садоводство. Культура садоводства стояла на высокой ступени развития. Из поколения в поколение переходило искусство обработки садов. Сады были гордостью и украшением Чечни. Фруктовые деревья Чечни давали обильные урожаи, а фрукты с них отличались высокими вкусовыми качествами и пользовались широкой популярностью. Мы не имеем данных о площадях садов и сборе фруктов. К тому же сведения различных авторов противоречивы и неполны, ибо вопросам садоводства и виноградарства в работах большинства авторов уделялось менее всего внимания. Но источники в целом свидетельствуют о том, что почти во всех чеченских аулах выращивалось множество сортов фруктов, а Чечня была страной садов.

Свидетельство Норденштамма, что «Чеченцы очень мало занимаются садоводством, хотя климат к тому весьма много способствует, особенно в низменных местах, где разведение садов не стоило бы больших трудов» [630], – верно только в части характеристики благоприятных для садоводства условий, но отнюдь не состояния садоводства. Садоводство поражало многих, побывавших в Чечне. Для характеристики состояния садоводства Чечни до Кавказской войны приводим описание садов Малой Чечни, варварски вырубленных царскими войсками в 1848 году по приказу барона Меллера-Закомельского, с ведома и одобрения сумасшедшего начальника Левого фланга генерала Нестерова. «Начинались сады местного эдема с их роскошно убранными плодами деревьями. Мы шли разорять эдем, опустошать этот благословенный уголок Малой Чечни, уничтожать эти сады, рубить фруктовые деревья.

Колонна, выступившая раньше нас к низовьям Гехи и Валерика, должна была отвлечь внимание неприятеля от ближайших к Урус-Мартану окрестностей и дать нам возможность

безнаказанно перебраться за Рошню и выполнить тяжелую задачу превращения в пустыню прелестного пейзажа, каким-то чудом уцелевшего среди всеобщего погрома и опустошения. Мы приступили к выполнению задачи. Наследие отцов, взлелеянное несколькими поколениями, составлявшее гордость и утешение всех возрастов, начало падать под безжалостными ударами топоров. Ни одного выстрела не было сделано в защиту его, в отмщение за самую горькую обиду, какая только может быть нанесена бедному трудолюбивому простолюдину. Сады, казавшиеся нам библейским раем в сравнении с окружающей их местностью в наше первое посещение Рошни, представляли теперь грустную картину опустошения; деревья были обезображены, с поломанными ветвями, с помятыми вершинами; площадки между деревьями загромождены были свежим валежником и усеяны осыпавшимися плодами...

В нашей колонне, когда она возвращалась на Мартан, не было ни одного солдатского кармана, ни одной сумки, ни одного мешочка, которые бы не были туго набиты всевозможными фруктами позднего летнего сезона: яблоками, грушами, бергамотами, армудами. Особенное внимание обращали на себя сливы величиною с грушу и странного вида персики, прозрачные, янтарного цвета, величиною в кулак человека пепельно-зеленого цвета, с сине-багровым пятном вместо румянца. В зарядных ящиках и передках также нашлось место для фруктов...; на повозках были мешки с кизилом и грецкими орехами. Это был настоящий подвижной фруктовый рынок. Каштанов наши солдаты не брали, потому что до них ни с которой стороны дотронуться нельзя было»[631]. Крупнейшие села Чечни были богаты не только земледелием и скотоводством, но и садами.

«Старшие аулы, – свидетельствует К. Самойлов, – окружены часто очень большими садами»[632]. Такими аулами были Бата-Юрт, Ака-юрт, Маюртуп, Гелъдыген, Автуры, Герменчук, Шали, Большая и Малая Атага, Урус-Мартан, Тепли и др.

Отряды царских войск систематически уничтожали фруктовые сады, превращая цветущий край в настоящую пустыню. В 1825 году генерал Греков «взял селение (Шали. – *Ф. Т.*) штурмом, сжег его и вырубил сады – тягчайшее наказание народу»[633]. Тогда же им вырублены сады в некоторых деревнях в Гойтинском, Мартанском и Гехинском лесах [634]. В 1826 году генералом Грековым были сожжены аулы: Рошня, Гехи, Даут-Мартан и Щельчкиа «и сады их вырублены»[635]. При этом в Урус-

Мартане «великолепные сады его были срублены под самый корень»[636], а аул Гехи ранее славился «богатыми садами»[637], в которых было много шелковичных деревьев [638]. Таким образом, Самойлов прав, утверждая, что в Чечне «садоводчество прежде (до 1840 года. – *Ф. Т.*) процветало [639].

В Чечне произрастали самые разнообразные породы культурных деревьев. «В садах растут, – писал в 1855 году К. Самойлов, – груши, яблоки, сливы, вишни, айва, алыча, персики, кизил, тутовник и виноград. Лет пятнадцать еще тому назад сады приносили хороший доход своим хозяевам, возившим множество свежих и сушеных плодов в Кизляр и Моздок на продажу»[640].

Тутовые листья использовались для разведения, хотя и в самых ограниченных размерах, шелковичных червей – предмет женских занятий [641].

По свидетельству Р. Ф. Розена, чеченцы сухими запасают впрок яблоки, груши [642]. Виноград, разводимый в небольшом количестве чеченцами, жившими по Тереку и Сунже, кроме потребления, шел на продажу и выделку «вареного вина» (джапа)[643]. О разведении винограда чеченцами, жившими на Тереке и Сунже, упоминал С. Броневский [644].

Аул Гордали, находившийся в Ичкерийских горах у истоков Аксая, славился грецкими орехами, торговля которыми в Чечне и Кумыкии составляла «главный промысел жителей сей деревни»[645], – сообщал в начале 30-х годов XIX века капитан Норденштамм.

Многими авторами засвидетельствовано, что в Чечне фруктовые деревья в большом количестве произрастали в лесах. Норденштамм отметил, что повсюду в лесах растут фруктовые деревья, грецкий орех, виноград [646], а также яблоки, грушовник, кизил, вишни, сливы, тут /шелковица [647].

Таким образом, садоводство было важным подспорьем в хозяйстве чеченцев. Сады делали Чечню одним из замечательных мест Северного Кавказа. В них воплотился труд талантливого народа, преобразующего природу. Отмеченное нами утверждение Норденштамма о слабом развитии чеченского садоводства явно несостоятельно и ошибочно [648].

г) Пчеловодство

Заметной, хотя и второстепенной отраслью хозяйства чеченцев было пчеловодство. Население Чечни, видимо, с глу-

бокой древности занималось этой сферой сельского хозяйства. Богатая растительность, масса фруктовых деревьев, цветов и ягод создали чрезвычайно выгодные условия для развития здесь пчеловодства. В свою очередь урожай большинства сельскохозяйственных культур, почти всех плодово-ягодных, в том числе яблонь, груш, вишен, слив, черешни, винограда и многих других, зависел от опыления их насекомыми, особенно от пчелоопыления. Превосходные качества отличали чеченский мед [649].

В Чечне добывалось большое количество дикого меда. Я. Штелин сообщал: «Мед и воск вынимают они из бесчисленных диких ульев в дуплах, или в частых кустах и густых лесах» [650].

Яков Рейнеггс упоминает при ручье Балсу деревню того же имени «кое получило оно от великого множества пчел, которых там находят» [651]. По свидетельству генерала Дельпоццо чеченцы «пчеловодством занимаются рачительно и получаемый от того в большом количестве мед отменно вкусен» [652].

Мед и воск имели большой сбыт на рынке и были важной статьей дохода. В 1830 году Р. Ф. Розен писал, что «особенно пчеловодство ичкеринцев изобильное» [653], в обществе Чабуртлы «пчеловодство изрядное» [654]. По свидетельству генерала Вельяминова пчеловодство у чеченцев «довольно значительно» [655]. Однако развитие пчеловодства не соответствовало благоприятным природно-климатическим условиям, что отметил К. Самойлов, когда писал, что «немногие занимаются пчеловодством, хотя ароматные леса Чечни могли бы много способствовать этой промышленности» [656].

Полковник Руновский передает, что «по словам Шамиля, чеченцы, живущие на плоскости, имеют большую склонность к пчеловодству. Есть люди, владеющие многими сотнями ульев и ухаживающие за ними с большим старанием» [657]. Это сообщение позволяет нам говорить как о благоприятных возможностях и выгоде занятия пчеловодством, так и о наличии состоятельной верхушки, ведущей товарное хозяйство (пчеловодство).

Мед и воск служили предметом внутренней меновой торговли горных и плоскостных чеченцев, а также вывозились за пределы Чечни. По сведениям Норденштамма, в 1832 году пчеловодство у чеченцев «большое, особенно в горах; мед продают в большом количестве через мирных чеченцев кизлярским промышленникам» [658]. Помимо посредников, горные чеченцы, как сообщает Розен, непосредственно сами сбывали мед и воск

плоскостным чеченцам и андийцам в обмен на их товары[659]. Милютин коротко упоминает об обработке жителями высокогорной Чечни продуктов пчеловодства, но не говорит, в чем это выражалось [660].

Таким образом, пчеловодство в Чечне было важным подспорьем в хозяйстве чеченских тружеников. Факты говорят, что у определенной прослойки занятие пчеловодством выходило далеко за рамки приусадебного хозяйства.

Обширные территории, находившиеся под лесами, садами и лугами, отчасти огородами, способствовали быстрому размножению пчел и накоплению ими больших запасов меда. Однако в дальнейшем по мере вырубки лесов и садов, особенно при Ермолове, распашки лугов, богатых медоносной растительностью, постепенно ухудшались условия для развития пчеловодства.

Рассмотренные отдельные стороны хозяйственной жизни Чечни второй половины XVIII – 40-х годов XIX века позволяют заключить, что главным и основным в чеченской экономике было земледелие, второстепенную роль играло скотоводство [661]. Слабее были развиты садоводство и пчеловодство. Продукция всех этих отраслей хозяйства становится предметом, как внутреннего товарного обращения, так и вывоза. Начало подъема экономики Чечни было положено с выселением на плоскость многих тысяч жителей горных аулов, освоением усовершенствованных земледельческих навыков, внедрением новых сельскохозяйственных орудий труда. Этот подъем происходил при благотворном влиянии на экономику Чечни со стороны соседних народов Дагестана и Кабарды и мощного воздействия экономики России. Прав был генерал Граббе, заявляя, что «каждый, кто был в Чечне в кратковременный промежуток спокойствия с 1833-го по 1840 год, может свидетельствовать, в каком цветущем положении находилась сия страна и до какой степени благосостояние ее возрастало»[662]. Этим в значительной мере объясняется активное участие чеченцев в движении Шамиля, когда они боролись за землю, орошенную потом многих поколений тружеников.

ДОМАШНЕЕ ПРОИЗВОДСТВО И РЕМЕСЛО

Основными формами обрабатывающей промышленности Чечни в рассматриваемый период были домашняя промышленность и ремесло. В условиях господства натурального хозяйства они имели жизненно важное значение для чеченского народа. Доходы от ремесла и домашней промышленности издавна служили дополнительными средствами существования горцев. При помощи этих форм промышленности определенная часть чеченцев удовлетворяла в основном свои потребности в бытовых изделиях, а также нужды в сельскохозяйственных орудиях труда.

В. И. Ленин определил домашнюю промышленность как «переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»[663], при этом она составляет «необходимую принадлежность натурального хозяйства»[664]. «Промышленности, как профессии, еще нет в этой форме: промысел здесь неразрывно связан с земледелием в одно целое. Первой промышленностью, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя»[665].

В горной Чечне домашние промыслы были развиты задолго до освоения плоскости. Их искусство наследовалось из поколения в поколение. Свободное время крестьян-горцев, обусловленное краткостью сезона сельскохозяйственных работ, а также невозможностью занять всех трудоспособных членов семьи в земледелии или скотоводстве, «образует естественную основу для соединения земледелия с сельскими подсобными промыслами»[666]. Спорадическая связь домашних промыслов с рынком в XVI–XVII веках после выселения чеченцев на плоскость, с углублением одновременно общественного разделения труда, направляет домашнюю промышленность на обслуживание рынка. Ремесло и домашние промыслы были неразрывно связаны с хозяйственной деятельностью чеченцев. По мере разложения патриархально-родового строя, ремесло отступает от принципов натурального хозяйства, начиная специальное производство на рынок.

Домашняя промышленность была связана с обработкой продуктов скотоводческого хозяйства, особенно шерсти овец. Ткачество, как и производство войлочных изделий, являлось одним из основных видов женского домашнего труда. Из шерсти выделывались войлоки, сукна, ковры, бурки. Отдельные авторы относили приготовление ковров и бурок наравне с вы-

делкой орудия к главным занятиям чеченцев [667]. Чечня, наряду с Дагестаном, Кабардой и Черкасией, относилась к районам наивысшего развития бурачного промысла [668]. Чеченские сукна отличались высоким качеством. Розен отметил, например, что в обществе Чабуртлы из шерсти овец выделывают «довольно изрядные сукна». Образцы чеченской одежды были заимствованы соседними гребенскими казаками [669]. Неизвестный автор середины XIX века сообщает о «богатых» чеченских коврах [670].

Из козьих шкур чеченцы-ламарои изготовляли сапожную кожу, сафьян, которую сбывали плоскостным жителям [671]. Из разных видов кожи делали обувь, ремни на конскую сбрую, турлуки – надувные мешки для переправы по воде, походные вещевые мешки, седла.

Горное овцеводство давало шерсти столько, что ее переработка была не под силу жителям, поэтому ее сбывали плоскостным чеченцам [672].

Большинство чеченских ремесленников выступало в качестве мелких товаропроизводителей, одновременно производивших и сбывавших изделия своего ремесла на рынке. В каждом крупном ауле были ремесленники, обслуживавшие нужды своих односельчан и вместе с тем изготовлявшие продукцию для сбыта ее за пределы села и даже Чечни. По сообщению Буцковского, чеченцы «занимаются шерстяными и лесными изделиями, кои привозят к Российским меновым дворам на обмен»[673]. Бурки, изготовлявшиеся в обществе Чабуртлы, сбывались, сообщает Розен, в Грузии, Кумыкии и «соседним другим народам»[674], что являлось признанием высокого мастерства чеченских женщин.

В условиях узкого внутреннего рынка торговый капитал вклинился в те отрасли ремесла, продукция которых находила сбыт вне Чечни. Купеческий капитал вторгся преимущественно в сферу сбыта. Так, по сообщению Милютина, горные чеченцы для реализации своих изделий «употребляют» своих соседей андийцев, и благодаря этому «чеченские бурки вместе с андийскими, и под именем андийских же, доходят даже до Грузии и славятся во всем Кавказе как лучшие»[675]. Следовательно, мелкотоварное шерстеобрабатывающее производство в рассматриваемый период было связано как с местным рынком, так и с более отдаленными местами, что в последнем случае достигалось посредством скупщиков-купцов.

Заметное место среди остальных занятий чеченцев занимал деревообделочный промысел, развитию которого способствовало наличие богатой собственной сырьевой базы. Уже во второй половине XVI – первой половине XVII века чеченские деревообделочники снабжали своими произведениями гребенских казаков [676]. Изготовление кухонной посуды, домашней утвари, ульев, бочек, постройка домов и многое другое было связано с обработкой дерева. Казаки часто закупали в Чечне арбы и колеса к ним.

Обработка дерева была занятием преимущественно мужского населения.

Многие виды обработки дерева были непосредственно рассчитаны на рынок. Промысловый характер обработки дерева достаточно прослеживается по ряду источников. Норденштамм сообщает, что чеченцы «получают хороший доход от продажи обручей и бочарных досок; за каждую тысячу таковых досок платится около 30 рублей, а их доставляют в Кизляр в весьма значительном количестве [677].

Разнообразные украшения на деревянных изделиях преследовали цель удовлетворить рыночный спрос [678].

Искусство изготовления и обработки деревянных изделий было унаследовано последующими поколениями. Так, до 1877 года существовал зандаковский хутор Семсир, состоявший из 20–22 дворов, занимавшихся выделкой деревянной посуды для продажи [679].

Металлообрабатывающие промыслы были рассчитаны как на потребности рынка, так и на удовлетворение спроса заказчика.

Чеченские ремесленники занимались изготовлением разнообразных предметов вооружения и снаряжения, а равно и предметов хозяйственной деятельности. В раде ремесленных центров население добывало средства существования преимущественно посредством обмена изделий своего ремесла на продукты земледелия и скотоводства. Некоторый процент чеченского населения представляет собой специалистов-ремесленников, занятых исключительно мелкотоварным производством на рынок. По сообщению Милютина, «в Чечне есть деревни, в которых большая часть жителей – оружейники»[680], и есть целые деревни (например, Атага), – «промышляющие оружейным мастерством»[681]. К. Самойлов сообщает, что «в каждом почти ауле есть оружейники и серебряки»[682].

Чеченские оружейники выделывали как огнестрельное (пистолеты)[683], так и холодное оружие. Искусство изготовления оружия переходило из поколения в поколение. Майор Бластов писал: «В центре чеченского народонаселения сохранились оружейники, которые, по известному обычаю своих отцов, поделывают шашки, называемые волчками, с изображением волка, который так напоминает»[684]. По сообщению Ипполитова, лучшими считались терсмеймуль (персамаймул) – клинки с изображением на них двух волчьих голов и двумя французскими буквами (? – *Ф. Т.*) по середине [685].

Оружейники и серебряных дел мастера олицетворяли известное разделение труда. Последние, помимо изготовления серебряных блях на конскую сбрую, занимались украшением оружия, изготовленного оружейниками, чернью [686]. О достоинстве ружья судили не только по внутренней нарезке ствола, но и по наружной чистоте и отделке.

Чеченские ремесленники славились изготовлением шашек. Менее им удавались кинжалы, которые чеченцы предпочитали приобретать дагестанской выделки. Наиболее замечательным центром оружейного дела были Большие Атаги, чьи мастера славились с древних времен [687]. Шашки, изготовленные в Атагах, оценивались в 30–40-е годы XIX века более 10 рублей за клинок [688]. Атагинцы-оружейники чаще других получали заказы. Большой спрос на чеченское оружие предъявляли гребенские казаки [689].

Хотя чеченские ремесленники и изготовляли огнестрельное оружие, однако многие чеченцы отдавали предпочтение ружьям, ввозимым из Дагестана (Кубачи), Крыма и Турции [690]. Растущая конкуренция между чеченскими и дагестанскими оружейниками выразилась в естественно установившейся специализации, при которой первые сосредоточили свои силы на выделке шашек, а вторые – ружей и кинжалов.

Чечено-дагестанское производство огнестрельного оружия в течение XVI–XVIII веков постепенно вытеснило из употребления отжившие свое время виды средневековых доспехов и оружия. И если у части чеченцев, например у шатойцев, в первой половине XIX века сохранялись лук и стрелы, копья, панцири, щиты и шлемы, но оружие это было наследственным, а не вновь приобретенным [691].

Сведений о количестве изготовлявшегося оружия нет. По предположению Милютина, в Чечне 30-х годов XIX века

насчитывалось не менее 40 тыс. ружей [692]. Столько же и даже больше должно предположить было шашек и кинжалов [693].

Широко было развито кузнечное ремесло. Чеченские кузнецы производили медную посуду, медные кувшины, орудия труда – плуги, косы, серпы, топоры, подковы, ножницы для стрижки овец, гвозди, щипцы, ножи, цепи для очага, кумганы, совки. Они же ковали лошадей и чинили сломанные железные вещи.

В Чечне кузнецы состояли на содержании общины. Общины горных жителей устраивали ежегодно конкурс на должность кузнеца. Принятый кузнец заключал с обществом договор с точным перечислением взаимных обязательств. Кузнец обязывался в течение года исполнять все заказы членов общины. Общество отводило кузнецу пай земли, предоставляло право выпаса крупного и мелкого скота, крупный скот кузнец имел право выгонять в общественное стадо под надзор общественного пастуха, а для мелкого – должен был иметь своего пастуха. Каждый двор платил кузнецу по 2 меры (четверика) кукурузы.

Как правило, кузнец обслуживал 100–120 дворов. Иногда небольшие общества нанимали кузнеца сообща.

«Бесплатным» трудом кузнеца члены общины пользовались индивидуально, но в целом община этого права была лишена. И если требовалась починка какого-либо общественного здания или сооружения (мечети, мосты), то община каждый раз заключала с кузнецом особое соглашение об исполнении требуемой работы с уплатой из общественных сумм [694].

Медную посуду (кумганы, кувшины) изготовляли преимущественно горные чеченцы, сбывавшие ее плоскостным жителям.

Среди аулов равнинной Чечни медную посуду на продажу изготовляли в Брагунах [695].

Жители Старого Юрта свои металлические изделия – мотыги, серпы, ножи – поставляли как в прилежащие чеченские села, так и на рынок Кизляра [696].

Развитие металлообрабатывающих промыслов во многом тормозилось отсутствием железа, которое еще в XVIII веке чеченцы закупали в Ахалцыхе и Персии»[697]. Поступление железа из России во второй половине XVIII – первой половине XIX века было ограничено колониальными властями.

По состоянию источников мы можем констатировать наличие среди ремесленников Чечни гончаров [698]. Их продукция

вывозилась за пределы Чечни. Гончарные изделия: глиняные кувшины, тарелки часто упоминались при описаниях военных походов по аулам Чечни.

Многовековые чеченские башни свидетельствуют о высоком мастерстве чеченских строителей. «Прочно строили предки современных чеченцев, – писал К. Харузин, – не одно поколение прошло, но твердыни стоят незыблемо; если многие из них и разрушены, то не время заставило стены пасть: потомки разобрали прадедовские крепости, чтобы из готового материала построить себе... стены саклей»[699]. Грандиозность чеченских башен не раз поражала путешественников [700]. И прав В. И. Марковин, когда пишет, что «Красота и певучесть пропорций боевых башен вайнахов, (т. е. ингушей и чеченцев – *Ф. Т.*) делают честь вкусу и мастерству средневековых чеченских и ингушских зодчих. Недаром они воздвигали свои постройки в Северной Осетии, Хевсуретии, Тушетии [701].

В народной памяти сохранилось имя знаменитого мастера строительного дела Дисхи [702]. Преимущественно строительным делом занимались члены фамилии Парсеной. Башни возводились чеченцами еще в начале XIX века.

Искусство чеченских ремесленников-строителей содействовало установлению тесных дружеских связей чеченцев с соседними народами, у которых они перенимали навыки. Так, боевые башни сел. Хой и Хархарой, пограничных с Дагестаном, представляют сплав архитектурных традиций чеченского и аварского зодчества, хотя в них и преобладают приемы чеченских мастеров [703].

Некоторые чеченцы занимались выделыванием пороха, сведения, о качестве которого весьма противоречивы.

Профессии оружейника, кузнецов, строителя передавались из поколения в поколение по наследству.

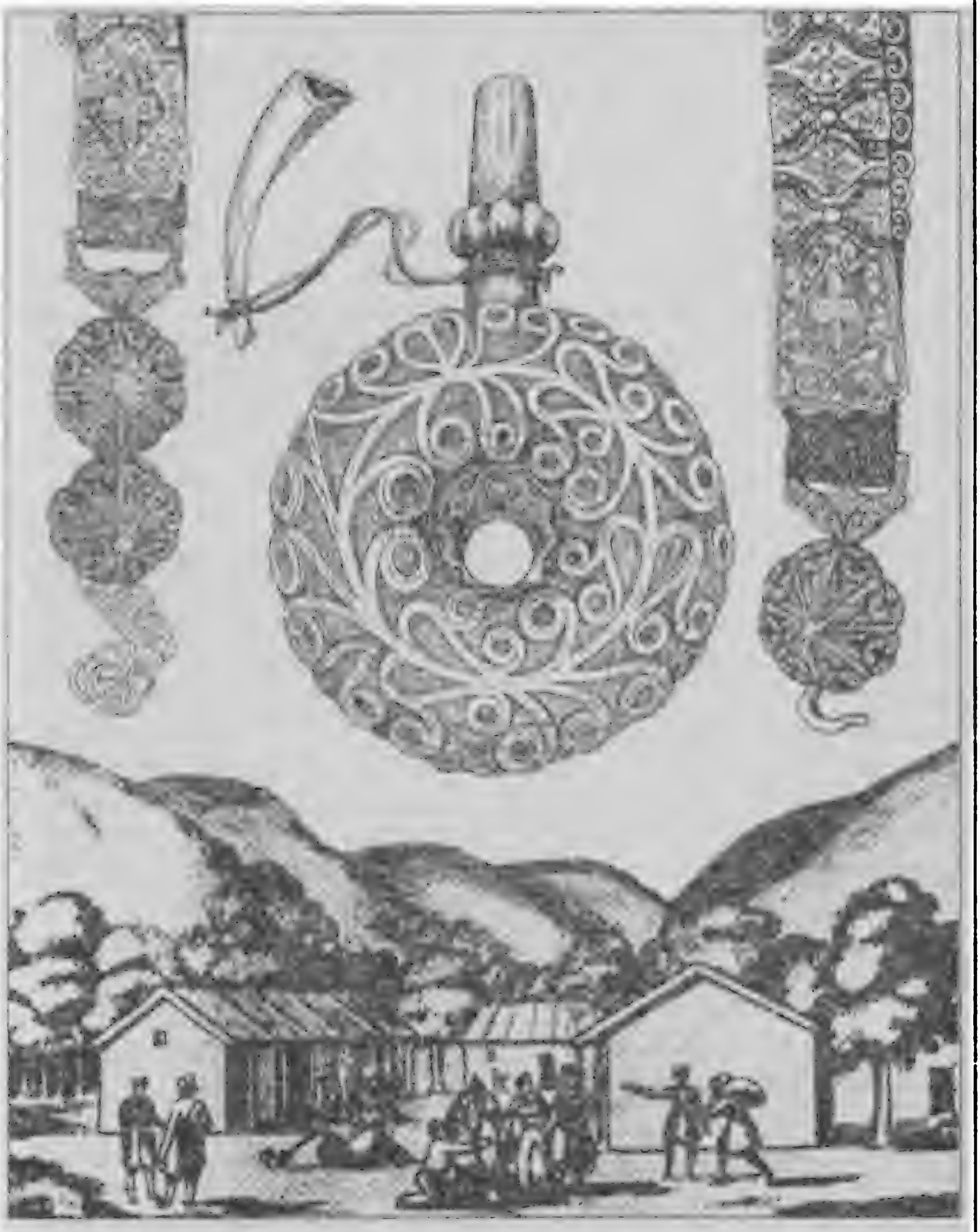
Хотя в аулах встречались лица, занимавшиеся исключительно ремеслом, но большинство ремесленников оставалось в то же время и земледельцами, что было следствием слабого разделения труда. Многие из них занимались тем или иным ремеслом как побочным, второстепенным делом. Определить количество ремесленников невозможно, но, по имеющимся данным, они составляли незначительную часть населения.

Естественные различия в положении горных и равнинных чеченских обществ содействовали углублению разделения труда. В течение XVIII – первой половины XIX века происходил усиленный процесс отделения ремесла от земледелия.

В это время появляются опорные пункты обрабатывающей промышленности.

Отсутствие сколько-нибудь значительных описаний о месте ремесла в жизни аула лишает нас возможности более полно представить развитие в Чечне производительных сил. Тем не менее можно утверждать об отсутствии форм эксплуатации ремесленников со стороны «лучших» людей чеченского социума.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ И ОБМЕНА



Ченец – торгаш?! Постановка вопроса в такой плоскости применительно к чеченской социально-экономической действительности до 40-х годов XIX века может показаться несколько неожиданной и мало обоснованной, поскольку у чеченцев, как и у многих других горских народов Кавказа (кабардинцев, абхазцев, карачаевцев, осетин и т. д.), торговое дело рассматривалось как занятие низкое и постыдное [704]. Действительно, как указал П. Лафарг, «в обществах, которые не основаны на товарном производстве, ... занятие торговлей считается презренным»[705].

И тем не менее существование торговли в Чечне во второй половине XVIII – 40-х годах XIX века достаточно документировано. Чеченцы издавна состояли в оживленных торговых сношениях с соседними народами – аварцами, балкарцами, кабардинцами, кумыками, осетинами, русскими и др., что исподволь привело к изживанию пренебрежительного взгляда на занятие торговлей как на дело постыдное, приурочиваемое Ф. П. Тройно к 80-м годам XIX века»[706].

Признано, что торговля являлась и является посредником культурного общения народов. Посредством торговых связей народы, разного потенциала и уровня экономического развития, вместе с обменом товарами знакомились и с различными политическими, экономическими, религиозными идеями и воззрениями. При этом торгово-экономические интересы, обычно предшествуют политическим, хотя могут и следовать за последними. Поэтому освещение общественных отношений в Чечне невозможно без выяснения состояния в ней торговли и ее торговых связей с соседними народами.

В роййсской дореволюционной литературе уделяли слабое внимание развитию торговли у чеченцев, равно как и у других горцев Кавказа. Историки, экономисты и другие авторы официального направления в один голос твердили о «лености» и «праздности» чеченцев, рисовали их «разбойниками», не способными к созидательному труду [707].

Один из первых русских историков Кавказа С. Бропевский в 1820 году пытался уверить, что гористость края, а более нравственность жителей тормозят рост торговли у северокавказских народов вообще, у чеченцев в частности [708]. Еще нелогичнее утверждение Д. А. Милютина, который после восторженной характеристики хозяйства в Чечне, заявлял, что «настоящие горцы не любят работать, а следственно не могут и поддерживать торговлю»[709]. Тот факт, что чеченцы плоскост-

ных районов поставляли хлеб горным жителям, Н. Дубровин пытался объяснить «необыкновенною умеренностью в пище»[710] первых. Подобного рода воззрения получили достойную отповедь Н. Г. Чернышевского, который подчеркивал, что объяснение исторических фактов особенностями умственной или нравственной организации какой-либо расы является «дикой фантазией», продуктом невежества»[711]. Подобного рода «продукты» не должны, однако, скрывать тот факт, что были высказаны и плодотворные идеи о степени распространения торговли у горцев Северного Кавказа вообще, у чеченцев в частности, о возможности использования русско-кавказских (в нашем случае – русско-чеченских) торговых отношений в интересах военно-стратегических целей самодержавия и интересов российского капитализма. Правда, при этом торговля Чечни искусственно сужалась, сводилась к отдельным актам и штрихам, подчас за счет забвения торговли чеченцев с соседними народами – грузинами, балкарцами, кабардинцами, дагестанцами и др.

Отдельные авторы из данной группы находили, что горцы извлекают из земледелия и торговли «достаточный источник для поддержания своего существования»[712]. Барон Вревский в 1840 году писал, что в Чечне «развиты в довольно высокой степени торговля и промышленность, и народ, противодействовавший нам, многое теряет»[713]. Майор Властов на правах очевидца заявлял, что «чеченец весьма склонен к мирным занятиям, в особенности к торговле»[714].

Иронически именуемая группа так называемых филантропов полагала, что «посредством распространения в горах торговли, всего вернее укротить неистовства (в основном надуманные авторами. – *Ф. Т.*) горцев»[715]. Эта группа буржуазно мысливших экономистов, историков, публицистов видела в Кавказе Колхиду с ее золотым руном. С содержательной статьей «Надежды на будущую торговлю Кавказского края» выступил в 1859 году один из ярких представителей авторов указанного направления некий «А. В.». Он считает, что присоединение в 1801 году Грузии к России открыло перед последней «великое поприще торговли» и что Кавказ и в торговом плане манит европейцев. Сетуя на низкий уровень торговли на Кавказе, автор усматривает причину этого в неразвитости общественного строя, («младенческом возрасте») народов Кавказа, «в их бедности и незнании средств к улучшению своего состояния, в неумении улучшить и усилить свое хозяйство и в недостатке

сбыта, спроса на его произведения». К тому же русское купечество «находит еще много выгод в своем отечестве, которое вполне обеспечивает его торговлею, а о Северном Кавказе и Закавказье оно вследствие этого не заботится»[716]. Русское купечество не живет на линии. оно мало предприимчиво и торговля с горцами обеспечивается правительством [717].

В связи с окончанием в 1859–1864 годах Кавказской войны в русской прессе стали оживленно обсуждаться вопросы, связанные с экономическими последствиями завершения присоединения к России всего Кавказа. Характерна передовая статья газеты «Голос» от 8 июля 1864 года, в которой вопрос об отношении России к Кавказу поставлен в плоскость его «экономического завоевания». И хотя эта публицистическая статья обращена к решению современных (для 60-х годов XIX века) и перспективных вопросов развития экономики Кавказа, тем не менее в ней содержатся ценные наблюдения с русско-кавказских отношениях. В статье признается, что до середины века Россия пользовалась Кавказом в стратегическом и политическом отношениях, а экономическое обладание Кавказом было для России едва ли не убытком. Чтобы покончить с «разбазариванием» государственных средств «необходимо приступить к экономическому завоеванию Кавказа: «Штык сделал свое дело – плуг и заступ должны придти к нему на смену».

Попытки связать рост торговли на Кавказе с христианизацией горских народов также имели место в русской историко-экономической литературе, но такого рода суждения преследовали цель обелить перед русским общественным мнением царизм –главный виновник развязывания Кавказской войны.

Из работ советских ученых по данной теме вскользь касаются вопросов развития торговли в Чечне В. Н. Гамрекели, Т. Х. Кумыков, М. В. Покровский, А. В. Фадеев, Ф. Феодаева, С. А. Чекменев и др.[718]. Для нас важны как документальная сторона их работ, так и выявление общих и частных закономерностей развития торговли на Северном Кавказе.

Развитие торговли в Чечне с середины XVIII века шло в том же направлении, что и у других горских народов Кавказа, а именно с этого времени, как указывает профессор М. С. Тотоев, горцы, и в их числе чеченцы и ингуши, стали активно втягиваться во всероссийский рынок [719].

Торговые связи Чечни с Россией уже к середине XVIII века приобрели характер систематических сношений. Дружеские

отношения «совместничества»[720] издавна связывали чеченцев и гребенских казаков, и нашли свое выражение в развитии торговых связей. Известная смена гребенцами своей одежды имела своим источником, помимо развития семейных связей, и рынок. При этом ввиду слабости царского аппарата на Кавказе до середины XVIII века между чеченцами и гребенцами существовал меновой торг «без всякого платежа пошлины»[721].

Построение Кизлярской крепости в 1735 году [722] и ее быстрое развитие дали возможность местным военно-колониальным властям ввести торговые пошлины. Совершенно неизвестную страничку мирных отношений казаков и чеченцев рисует рапорт в Государственную Военную Коллегию кизлярского коменданта князя Василия Оболенского от 29 августа 1743 года. «Большая часть гребенских казаков, – сообщает Оболенский, – ласковое обхождение с горскими и прочими татарами имеют. Полотно, холст и прочее одежное про домашний обиход казаки закупали в Кизлярской крепости и обменивали чеченцам и другим соседям на их товары. В обмен на лошадей, сукна на кафтаны, бурки и «протчего» казаки поставляли по несколько сот рыбы».

С «азиатским их (гребенских казаков. – *Ф. Т.*) обычаем» добрососедских отношений с чеченцами, кумыками и другими северокавказскими народами власти Кизлярской крепости повели решительную борьбу. В 1740 году бывший при Кизлярской крепости подполковник Бунин вводит для казаков билеты, которыми ограничивает размеры охоты, рыбной ловли, а равно и покупки «одежного» нормой «про домашний обиход». С пойманной или купленной рыбы стали брать десятую, за покупку «одежного» стали брать» пошлинные деньги. Эти меры были вменены в обязанность застав, расположенных «в гребенских городах и на степи». Однако «горские» изделия были необходимым дополнением к хозяйству казака, который не мог обойтись «домашним обиходом». Оболенский говорит, что гребенцы «по своему обычаю не токмо без билетов, но и с билетами без доброго смотрения накупля или наловя немалое число рыб и не только, что в свои городки, но и в Кизлярскую крепость не приезжая, тайно ту рыбу могут доставлять в горские жилища: и тамо оную продают, что и по указам ... за границу продавать запрещается».

Оболенский далее сообщает, что между 1740–1743 годами гребенцам, по их просьбе, «по прежним обычаям было позволено против их городков за Терком с горскими жителями иметь

мену одною рыбою; но оные казаки по своему непостоянству, вместо рыбы из Кизляра покупая муку пшеничную и ржаную, меняли тем горским татарам, и через две недели от того в превеликую дороговизну при Кизляре муку привели, за что из тех казаков и станинных атаманов виноватые оштрафованы и мену их, по их непостоянству, чинить запрещено»[723].

Построением крепости Кизляр кавказская администрация Российского феодального государства стремится направить торговлю с местными народами в контролируемые ею каналы, для чего устанавливает в гребенских городах «и в протчих приустойных местах» заставы «во охранение... интересов» русской казны, «яко то пропускать: за границы лошадей, верблюдов, ясыря, всякой муки и прочего». Однако все эти преграды нарушались гребенскими казаками, включая и тех самых, которые несли охрану на заставах [724].

В конце 40-х годов XVIII века вдоль Терека были введены казачьи разъезды, воспрещавшие беспошлинную торговлю. Это была скороспелая попытка направить торгующих горцев в Кизляр. Однако мера эта оказалась недостаточной «для престережения тайных с товарами проездов [725] чеченцев и других народов, хотя в Кизляре было отмечено возрастание оборота [726]. Казачьему начальству приходилось отбиваться от горцев, едущих с товарами: часто случалось «ехать с казаками на ту сторону реки (Терека. – *Ф. Т.*) и все отбить прочь»[727]. В 1751 году не был пропущен через Терек для торговли чеченец Цуканей Кичин с 20 арбами [728]. Необходимость для чеченцев «посатовать»[729] неумолимо гнала их за Терек. Сила экономического развития оказывалась для них сильнее казачьих разъездов, традиционные торговые связи чеченцев с казаками расширялись. Вместо того, чтобы поощрять и развивать торговлю, военно-колониальные власти предпринимают шаги по укреплению разъездов. «По случаю учреждения пред сим пограничных таможен» астраханский губернатор Жилин 17 января 1755 года предложил Правительствующему сенату учредить для сбора пошлин с товаров заставы – одну на нагорной стороне реки Терек при червленых горячих колодцах», а другую, на Кизлярской стороне Терека, за Червленым казачьим городком расстоянием вверх по реке в 55 верстах в урочище Мекен и об устройстве там «для лутчей безопасности» двух редутов, что указом Правительствующего сената в Астраханскую губернскую канцелярию от 15 мая 1755 года разрешено, а потому в тех местах редуты построены [730].

Торговые связи чеченцев за пределами Чечни в середине XVIII века были поставлены в значительной степени под контроль царских властей. С целью утверждения своей таможенной системы царское правительство идет на расширение предметов торгового обмена с местными народами. В 1757 году (или 1756 году). Военная коллегия вошла в Коллегию иностранных дел с предложением «О построении для торгу с кумыками и со всеми тамошними горскими народами в близости от Кизляра в удобном месте менового двора, как в Оренбурге»[731], 23 декабря 1760 года к кабардинцам, кумыкам, осетинам и жителям чеченского сел. Брагуны разрешено пропускать «с платежом пошлин, холст и прочие вещи, коих вывоз в Персию был тогда воспрещен»[732].

На чеченцев еще не распространялись общероссийские торговые установления. Так, в 1753 году указом Елизаветы Петровны «во всем государстве съестных (продовольственных. – *Ф. Т.*) товаров внутренней пошлины брать невелено»[733], а с чеченцев брали.

Чеченские торговцы были крайне недовольны установлением таможенного режима. Многие их товары оказывались предметом карантинного или протекционного запрета. Трудности в торговых сношениях были одной из причин выступления чеченцев в 1757 году. Они неоднократно выражали свое недовольство ограничениями в торговле. «Российские люди войлоки возить запрещают», – жаловался чеченец Бекей в письме кизлярскому коменданту Фрауендорфу от 18 января 1758 года [734]. В целях избежания уплаты таможенных пошлин чеченцы и кумыки прибегали к обходным путям: караваны с товарами шли в Кабарду, а из Кабарды – по чеченской стороне реки Терека. Для обслуживания этой торговли у чеченцев появились специальные проводники, водившие торговые караваны обходными путями и получавшие соответствующее вознаграждение. Очень скоро к сопровождению торговых караванов приобщились и «иноплеменные чеченские князья»[735].

Подобная система сдерживала рост русско-чеченских торговых связей, но экономические различия в хозяйстве горцев и мануфактурной России вынуждали чеченцев проходить таможенный барьер.

Однако чеченцы в попытках уничтожения таможенной системы быстро почувствовали, что «государева рука сильна»[736]. Казачьи разъезды все успешней преграждали пути этих караванов.

В связи с этим чеченские общества, вступавшие под российскую «протекцию», непременным условием признания власти России стали выдвигать требование на право «свободной торговли вне Чечни». Так, в 1748 году жители деревни Чебуртли согласились быть в российском подданстве, в «ведомстве» князя Девлет-Гирея, но требовали, «дабы им с купечеством в городе Кизляр, в казацкие гребенские городки, тако и в Андреевскую, Аксайскую и протчие деревни ездить под защищением было свободно»[737].

Русские военно-колониальные власти ревниво оберегали торговую монополию Кизляра. В начале 1761 года руководство компании по торговле с Персией предприняло попытку, правда безуспешную, взять в Кизляре торговлю с горскими народами в свои руки, «чтоб в горские жилища и Кабарды никому никаких товаров кроме оной компании не возить и не торговать»[738]. Однако расширительное толкование компанией своих торговых прав было решительно отвергнуто по настоянию администрации Кизлярской крепости»[739].

Первые прошения Девлет-Гирея о поселении при Моздоке нашли более чем холодный прием. Отказ свой власти обычно мотивировали, во-первых, невозможностью «там к удержанию тайных лошадиных и скотских прогонов», во-вторых, тем, что из Кизляра купцы якобы переедут в Моздок и «в Кизляре пошлинный сбор вовсе остаться может»[740]. Однако эти опасения были напрасны. С основанием Моздока в 1763 году возросшая торговая деятельность местных народов вполне обеспечивала рост торговли и Кизляра, и Моздока. Еще 21 октября 1764 года подполковник Гак, «чтобы успокоить... крымского хана и самую Порту», полагал, что «нет еще и времени мыслить об учреждении там, (в Моздоке. – *Ф. Т.*) какого бы то ни было таможенного сбору, конечно, больше вредного при настоящих обстоятельствах»[741]. Однако в разгар русско-турецкой войны в 1771 году стало уже возможным поставить вопрос об учреждении Моздокской таможенной заставы [742].

Основание Кавказской линии (1735–1785) стеснило торговлю на Северном Кавказе. Торговля «до установления линии производилась спокойно между сих мест и внутренних частей», – говорится, в официальной записке 1804 года [743].

Следует сказать, что торговая политика царизма была подчинена его политике разделения и покорения народов Северного Кавказа.

Военно-колониальные власти царизма на Кавказе видели в торговле средство мирного подчинения горцев. В секретной инструкции Ермолова от 30 апреля – 1 мая 1826 года говорилось: «Надобно стараться сблизить чеченцев частым их обращением с русскими. Начальнику войск на Линии предпишу я об учреждении торгов в крепости Грозной и для опыта учредить меновой двор. Распоряжение сие непременно привлечет чеченцев, коих некоторые изделия нужные линейным нашим казакам будут выменяваемы»[744].

Гребенские и другие казаки издавна закупали в Чечне арбы и колеса к ним. Высокие пошлины вызывали крайнее недовольство чеченцев и понуждали их обращаться в Военную коллегию с ходатайством об отмене таможенных сборов. Дело было передано в Сенат. Последний констатировал следующее: «Сих арб и к ним колес казаки не имеют» ибо и прежде сего аробные колеса выменивали они с той стороны Терека у татар на соль, рыбу и холст, без пошлины; ныне же таможенные досмотрщики до того не допускают... казакам... к деланию арб, а особливо колес, не только время не достает, но и не умеют.... Комендант Неимчь представлял в Военной коллегии, не повелено ль будет терским гребенским и терским семейным, равно и переведенным с Волги и Дона моздокским казакам с горскими жителями соль, рыбу и холст на одни только колесы и арбу мену иметь... без платежа пошлин...». Однако это исключение не было сделано. Военная коллегия, передавшая, просьбу в Сенат, получила отказ [745].

Чтобы представить размеры и характер таможенных сборов, приведем сведения из сообщения Кизлярского коменданта Оболенского, где говорится: «С российского народа и с иноверцев, окроме армян, пошлина собирается: с привозимых и отвозных выписных и всяких товаров по пяти денег с рубля, а с армян – по три копейки с рубля»[746]; «с продажи рогатой скотины по две копейки», «с баранов, овец и коз по пяти копеек с рубля, роговых с каждой скотины по одной копейке», «с огородных овощей по десяти копеек с рубля»[747].

Указом от 19 апреля 1793 года генералу Гудовичу было поручено установить в Моздоке и в других местах ярмарки и меновые дворы «для привлечения горцев к торговле и к знакомству с россиянами»[748]. Через некоторое время власти вновь занялись этим вопросом с целью его практического осуществления.

В силу экономических связей отдельные районы Чечни к концу XVIII века все более тяготеют к русскому рынку. Излишки ряда товаров могли быть сбыты только на Линии. Царские власти почти ежедневно получали просьбу торгующих чеченцев об урегулировании торговых отношений [749]. Генерал-майор Ушаков 3-й в рапорте командующему на Кавказской линии С. А. Булгакову от 2 апреля 1807 года доносил, что жители карабулакских и чеченских деревень, покоренные в том же 1807 году, «почти всякий день во множестве приезжают к Науру – с убедительною просьбой дозволить им иметь через оный свободный въезд внутрь кордона, дабы, с жителями Линии познакомясь коротче посредством куначества имели бы средство сбывать своих изделий разные вещи, и доставлять себе необходимо нужные с нашей стороны»[750]. В 1807 году 12 деревень Большой Атаги, Малой Атаги и селения Гехи приняли русское подданство. Одним из условий подданства было: «с продаваемых и покупаемых чеченцами товаров пошлин не брать, а будет взыскиваема с тех, кои купят у чеченцев или продадут им»[751].

Тогда же граф Гудович сделал Кизлярской пограничной таможне предписание «о невзыскании» пошлин с «мирных» чеченцев»[752].

Дело, очевидно, было не столько в размерах взимавшихся с торгующих чеченцев пошлин, сколько в том, что чины Кизлярской, Моздокской и других таможен имели, как сообщал Астраханский гражданский губернатор князь Тенишев, «способ и свободу к дальним вящщим злоупотреблениям»[753], перед которыми неграмотный чеченец был бессилен. Таможенное обложение в России представляло собой, как верно выразился А. Кизеветтер, «слишком дырявую сеть, сквозь которую бесследно для фиска проскальзывала значительная часть финансового улова с торговых оборотов [754].

Идея об учреждении меновых дворов, высказанная в 1793 году в указе Гудовичу, была поддержана князем Цициановым, но лишь после его смерти в 1810 году стало возможным организовать меновые дворы на Кавказской линии. Организацией меновых дворов царское правительство стремилось усилить свое влияние на местные народы, ослабить их сопротивление. Граф Нессельроде справедливо отмечал, что «главная цель сих учреждений была политическая»[755]. В соответствии с предписанием генерала Тормасова генерал-лейтенанту Мусину-Пушкину от 4 февраля 1811 года предла-

галось учредить меновые торги в шести пунктах, в том числе для «мирных» чеченцев в Науре, а для горных (т. е. независимых) – в Лащурине на основе карантина [756]. В этой связи таможенные пошлины были отменены. «При покупке хлеба и соли горцами на деньги и при вымене или покупке же ими товаров, – говорится в документе, – пошлину в казну не брать, как для поощрения сего рода торговли»[757].

Однако торговля с чеченцами не получала ожидаемого размаха. В 1827 году для торговли с чеченцами имелся лишь один меновой двор, расположенный «против живущих за Тереком чеченцев»[758].

С укреплением политических позиций царизма на Кавказе и расширением экономических связей с Россией определенная прослойка чеченских торговцев оказалась связана с Россией и начала придерживаться русской ориентации. Стремление горцев к расширению торговых связей с русскими встречало поддержку со стороны царской администрации. Так, генерал Ермолов предписал местным чиновникам «чеченцам-торговцам для свободной торговли давать билеты без затруднения и защищать их от всяких обид и притеснений. Выдавать билеты на проезд в Тифлис»[759].

Характерно то, что царские власти удачно использовали отсутствие в Чечне промышленного производства товаров, способных конкурировать с продукцией русской промышленности. «С появлением мануфактуры, – указывает К. Маркс, – различные нации начинают конкурировать между собой, вступают в торговую борьбу... между тем как прежде народы, поскольку они вступали в сношения друг с другом, вели между собой мирный обмен [760]. Торговля отныне приобретает политическое значение. Но в Чечне не было мануфактур, не было собственно чеченского купеческого капитала. И к тому же до 20-х годов XIX века русский капитализм стремился в основном овладеть рынком центральной России и не нуждался в окраинных рынках, удаленных и не связанных надежным транспортным сообщением с центром [761]. Эти обстоятельства экономического порядка были приняты царизмом во внимание. Главноуправляющий в Грузии, Астраханской губернии и Кавказской области генерал Паскевич от 30 июля 1827 года сообщал управляющему Министерством внутренних дел, чтобы «дозволено было всякого состояния людям отпускать к ним товары на собственное их употребление нужные, и вывозить из гор сюда их произведения без пошлины, потому что

таковая свобода торговли не может вредить никакой промышленности, и потому что у горцев нет ни фабрик, ни заводов, и произведения их не имеют цепности, а товары нужные им из России, суть потребность простого народа»[762].

Одним из дефицитных товаров была соль, поэтому торговлю ей царизм использовал в своих политических видах. Чеченцы, испытывавшие острую нужду в соли, стремились к ее получению из любых мест. Часть Чечни пользовалась солью, доставлявшейся из армянской деревни Кульп [763]. Значительное соляное озеро, простиравшееся в длину на 5 верст и в ширину до 500 сажен, принадлежало шамхалу Тарковскому. Из него в 30-е годы XIX века добывалось до 500 тыс. пудов соли ежегодно [764]. Соль была важным меновым товаром в торговле чеченцев с кумыками. Кумыковской солью из Тюралинских озер (между Тарки и Буйнаком) пользовалась «почти вся Чечня... прошлой осенью (в 1833 году. – *Ф. Т.*) за всеми тревогами, происходившими в Чечне, отвезено туда 15 000 пудов. Подданные шамхала ежегодно отвозят большое количество в Чечню, где, меняя на просо и пшеницу, получают вдвое и втрое на меру против соли, смотря по урожаю»[765]. Администрация на Кавказе достаточно отчетливо уяснила значение соляных промыслов шамхала.

Соляные озера у Тарков, принадлежавшие Кумыкскому шамхалу, были «всего важнее как в хозяйственном, так и в политическом отношении», ибо «необходимость, в какой находятся лезгины и чеченцы покупать у него соль для себя и своих стад, содержит их во всегдашней зависимости от своего владельца». Соль с этих озер была источником «знатного дохода». Автор приведенных слов военный министр Барклай-де-Толли считал, что «занятие сих озер Россиею было бы ближайшим средством укротить их беспокойных соседей»[766].

Свои политические цели царизм стремился достичь через «владельцев» Чечни. В предписании генерала Тормасова Кавказскому гражданскому губернатору Малинскому от 15 марта 1811 года предлагалось создать в Науре соляной магазин, откуда «отпускать соль чеченцам через владельца Мухаммеда Турлова, как преданного и верного нам»[767].

В небольшом количестве соль поступала и из карабулакских соляных источников Датых [768].

В 1806 году царские власти на Кавказе обещали чеченцам отпускать соль в неограниченном размере за самую ничтожную плату, уравнять их с русскими подданными, требуя в обмен

«спокойствия»[769]. Царизм все больше превращал торговлю солью в экономический рычаг своей политики на Кавказе, добиваясь монопольного положения в торговле солью.

Жители ряда чеченских деревень занимались в XVIII и первой четверти XIX века также и добычей сырой нефти, которая охотно покупалась казаками. «Имели мы, – пишут моздокские казаки в прошении генералу Ртищеву от 4 августа 1811 года, – общую выгоду от мирных чеченских деревень, поселенных на той стороне реки Терека, жителями которых привозилась на продажу черная нефть для мазанья тележных колес и продавалась вольною ценою». Казаки жаловались, что отставной корнет Диков, как торговый посредник захватил сбыт нефти в свои руки и «жителям продает дорогою ценою»[770]. В связи с этим казаки просили избавить их от посредничества Дикова.

Позднее право торговли нефтью было у чеченцев изъято, и стало собственностью Кавказского линейного полка, который сдавал ее в откуп.

Так, в 1846 году действует откупщик из Пятигорска 1-й гильдии купец Никита Челахов, у которого староюртовские чеченцы служили возчиками нефти. Назрановские и Сунженские жители (ингуши и чеченцы) вели контрабандную добычу нефти, которую сбывали на Линии [771].

Товары, поступавшие в Чечню, были как северокавказского, так и закавказского, турецкого, персидского и даже западноевропейского происхождения. Так, в документе говорится, что «В Щеки [772] привозят товары из Персии, Азербайджана, а из Щеки уже распространяются провозы товаров в Дагестан, Чечню и в Кабарды Малую и Большую. Товары эти состоят из разных бумажных и шелковых материй, парчи и шелку, кубовой краски, сахару, корицы, перцу, леденцу, кардамону и разных английских железных и стальных мелочей, ладану, саккызу, (кеби), чернительных орехов и разных фруктов, а взамен этих товаров отвозят шелк разного цвету и ваз, морену, буйволовые кожи, дагестанские сукна, называемые кубачинскими шалями, буркп, овчинки черкесские, одного шелку, по примерному положению, расходится в Щеки и в Джарах более 20 000 п.»[773].

Доставляемые в Баку персидские товары развозились оттуда во все области Северного Кавказа. Из Баку вывозят «в большом количестве разного товару бумажных, персидских и часть шелковых материй к лезгинцам в Большой Дагестан

и также отвозят к чеченцам в Малую и Большую Кабарды и в Кизляр. Сии народы и сами приезжают часто во все города для покупки сих товаров и привозят свои товары»[774].

По данным Е. А. Вердеревского, которые можно отнести ко всей первой половине XIX вска, в Чечню доставляли разноцветный бумажный холст кумыкские торговцы, предварительно закупавшие его в Джаро-Белоканском уезде, в Тифлисе, Дербенте, Кубе, Темир-Хан-шуре. Этот же товар доставлялся в Чечню из станиц Внезапной, Аксая, Грозного и Владикавказа и был «в большом употреблении»[775].

Из Дагестана в Чечню завозили в значительном количестве огнестрельное оружие, изготовленное кубачинскими мастерами ремесленного производства [776]. Из Кабарды гнали в Чечню на продажу знаменитых кабардинских скакунов.

Русские купцы везли в Чечню холсты, сукна, бумажные, шерстяные, льяные и шелковые материи [777], т. е. изделия русской мануфактуры.

В национальной принадлежности импортируемых в Чечню товаров в рассматриваемое время наметилась определенная тенденция, выражающаяся в том, что если в середине XVIII века в Чечню доставлялись кроме русских товары персидские, грузинские, крымские [778], то на протяжении второй половины XVIII века и позднее, отчетливо проявляется преобладание в импорте изделий русской мануфактуры.

В то же время чеченцы в большом количестве вывозили шелк-сырец в Кизляр. Так, отдельные жители сел. Гехи продавали шелку на тысячи рублей [779].

Торговля чеченцев с пришлыми купцами велась, конечно, не на принципах эквивалентности и взаимовыгоды. Темноту и забитость безграмотных горцев купцы использовали для сбыта им товаров низкого качества и для продажи своих товаров втридорога. «Идя на торг, купцы использовали все мошеннические приемы, надувательства, вплоть до спаивания горцев виноградной водкой и т. п. [780].

С ростом товарно-денежных отношений в операции между покупателями и продавцами вклинились купцы-перекупщики. Ввиду этого многие чеченцы стали находить более выгодным, самим сбывать товары потребителям.

Эта ситуация стала типична в регионе. В рапорте генералу Гормасову от 19 января 1811 года генерал Дельпоццо сообщал: «Кабардинцы, осетины, кумыки и мирные чеченцы гораздо больше имеют желанье привозить свои продукты в наши

границы и продавать оные по сходным ценам сами, да и с нашей стороны гораздо выгоднее оные покупать из первых рук, нежели от перекупщиков здешних армян и грузин, которые более их обманывают и двойною ценою все от них вымененные вещи продают нашим поселянам»[781]. Разумеется, подобное посредничество перекупщиков тормозило развитие торговли в Чечне.

За пределы Чечни вывозили мед, воск, лошадей, рогатый скот, звериные шкуры, глиняную посуду, кожу, говяжье и баранье сало, лес, шерсть, «сукна собственного их рукоделия, деревянные разные изделия»[782]. Чеченцы вели преимущественно мелкую розничную торговлю. Оптовая торговля была развита меньше.

В торговле с Чечней значительна была роль Кизляра. По свидетельству Норденштамма кизлярские купцы для меновой торговли привозили в «мирные» чеченские деревни холст, бурмети (грубая бумажная материя, привозимая из Персии), нанки, ситцы, бумажные платки низшего разряда, шелковые материи, соль, медную посуду и т. п. [783].

Легко усмотреть совпадение номенклатуры ввозимых и вывозимых товаров. Это было вызвано, разумеется, не емкостью чеченского рынка или излишками производства ремесел горцев. Привозные товары явно превосходили по качеству местные чеченские изделия, были дешевле их, а потому внутри Чечни вытесняли чеченские же товары. Поэтому чеченские ремесленники вынуждены были вывозить свои изделия за пределы Чечни.

Царское правительство регулировало русско-кавказские торговые связи. Указом от 16 мая 1748 года была запрещена продажа азиатским купцам железа, стали, меди, рулей, пороха и кремней [784]. Исключение было сделано в 1789 году для: царя Грузии Ираклия и для Дагестана как временная мера [785]. В связи с этим чеченцы вынуждены были закупать железо в Ахалцыхе и Персии»[786]. Но и в этом случае следует учитывать, что вопреки запрету, железо обходными путями в основном ввозилось из России, что вынуждало русские военные власти на Кавказе постоянно повторять указания о запрещении пропуска железа к горцам. Лишь в 1831 году «для умножения торговли» России с горцами на Кавказской линии разрешен был безпошлинный пропуск мирным горцам железа и стали [787].

Строгий запрет на ввоз в Чечню ряда товаров, установленный царским правительством, отнюдь не препятствовал русским и армянским купцам извлекать прибыль и из торговли «заповедными» товарами.

Доходной статьей в торговых связях Чечни была продажа леса, особенно строевого, которым она изобиловала. Торговля лесом была в руках жителей Брагунов и прилегающих к Сунже и Тереку чеченских сел. Сбыт леса производился в Кизляре. В 30–50-е годы XVIII века лес на постройку крепости и зданий шел из Астрахани морем, доставляемого туда по Волге [788]. В начале XIX века вывоз леса из Чечни возрастает. Брагуны, наряду с земледелием и скотоводством, «промышляют особенно торговлею леса»[789], – отмечал в 1812 году Буцковский. Милютин также констатировал, что чеченский лес «в большом изобилии отправляется по Сунже и Тереку в Кизляр и даже в Астрахань»[790]. Как видно, чеченские лесоторговцы целиком овладели кизлярским рынком сбыта, вытеснив оттуда астраханских лесоторговцев и начав конкурировать с ними в самой Астрахани.

Чеченцы, жившие по Сунже и Тереку, заготовку плотов (строевого и дровяного леса) производили зимой, а сплавляли весной, в полноводие. Ежегодно [791] в Кизляр сплавлялась от 500 до 800 плотов строевого леса, при стоимости одного плота от 30 до 50 рублей серебром; это давало около 25 тыс. рублей [792]. Совместно с кумыками чеченцы поставляли для кизлярских садов [793] таркалы (колья для поддержания виноградных лоз), ежегодно от 5 до 6 тыс. арб; за каждую арбу платилось от 3 до 5 рублей серебром, что давало от 20 до 30 тыс. рублей дохода [794].

Денежные средства чеченцы получали и от продажи обручей и бочарных досок. Тысяча таких досок стоила около 30 рублей, а поставляли они их в Кизляр «в весьма значительном количестве»[795]. Доски для поделки бочек отправляли в Кизляр жители аулов Ца-Ведень, Гуни, Ачарешки, Гезенчу и др. [796].

Деревянные изделия – дубовые доски, легкие пахотные орудия из ольхи, чеченцы сбывали в Науре [797].

Администрация поддерживала развитие в Чечне лесной промышленности. Ермолов в 1819 году находил, что «владельцам сел. Брагунского полезно дать покровительство... как людям, промышленностию своею необходимо нужным городу Кизляру, куда доставляют они лес для водочных заводов»[798]. Однако помимо хозяйственного интереса, это «покровитель-

ство» преследовало и другую цель – военно-политическую – т. е. «оголение» лесистой плоскости Чечни, что облегчало военные действия царских отрядов. Но нередко военные чиновники сами были преградой ее развитию. Милютин писал, что «корыстолюбие русских воинских начальников тоже мешает ее (лесной промышленности. – *Ф. Т.*) распространению, например, комендант крепости Грозная присвоил себе право отбирать в свою пользу весьма значительную часть плотов, проходящих по Сунже»[799].

Царская администрация вообще скорее тормозила развитие торговли с чеченцами, нежели покровительствовала ей. Нужды чеченцев служили средством подчинения их, в частности, изыскивались пути для захвата соляных озер шамхала Тарковского.

Карантины для чеченских торговцев и их товаров порождали недовольство. Билетная «система торговли суживала рамки торговли. Выдача билетов, производившаяся администрацией в 1829–1830 годах, была использована для подчинения чеченцев сыну шамхала Тарковского – Шахбазу, который вместе со званием «комиссара» Чечни получил от главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом графа И. Ф. Паскевича право выдавать билеты чеченцам для проезда на Кавказскую линию по торговым нуждам [800].

Приведенные факты показывают, что значительную часть рыночных товаров Чечни составляли товары лесной промышленности, изделия обрабатывающей промышленности и нефти.

Однако главный товар Чечни составлял хлеб, а затем – продукция скотоводства [801]. Хлеб сбывался земледельцами в значительном количестве в Дагестан, обыкновенно в Анди [802]. Горные чеченцы, подобно жителям Дагестана, были «тесно связаны своими нуждами»[803] с плоскостными чеченцами. Так, чеченцы, обитавшие в верховьях Аргуна, получали пшеницу, ячмень, просо, кукурузу и соль от жителей плоскостных деревень в обмен на мед, воск, шерсть, сукна, ковры, звериные шкуры, бурки, сафьяны из козлиных шкур и т. п. Плоскостные чеченцы, помимо собственного потребления, перепродавали эти товары на Кавказской линии казакам или в Кизляр.

Торговля почти вся находилась в руках купцов из верхушки кизлярских, моздокских и нахичеванских армян и горских евреев, большое число которых находилось в самих горах. Помимо этих купцов, специализировавшихся на пере-

продаже и обмене сельскохозяйственных продуктов, была другая категория купцов, занятая перепродажей русских и персидских промышленных товаров.

Для нас важно определить степень развития торговли в Чечне. Как известно, первоначально торговля существовала без посредника-купца и его капитала, и она (торговля) старше купеческого капитала. Как и всюду, немногочисленные чеченские ремесленники продавали продукты своего труда и покупали некоторые продукты питания, а крестьяне продавали продукты земледелия, скотоводства, садоводства и т. д. и покупали изделия местных ремесленников или привозные мануфактурные товары. Но ни в том, ни в другом случае в этой торговле нет чеченского купца с его капиталом.

На этой стадии производство и обмен находились в руках самих производителей. В Чечне, как и повсюду, это был так называемый «докупеческий» период торговли. И даже обычный для внешней торговли в Чечне неэквивалентный обмен не создал условий для первоначального накопления капитала и сословия купечества. Крестьян и ремесленников, продававших продукты своего производства, нельзя относить к представителям торгового капитала. Чеченских феодалов также нельзя отнести к купечеству, пока они продают продукты феодальной ренты. У земледельческо-скотоводческого чеченского народа торгаши еще не отделились как самостоятельная социальная купеческая прослойка, функционирующая в сфере обращения.

В условиях, когда отсталая в промышленном отношении Чечня вела торговлю преимущественно со странами с мануфактурной промышленностью, сфера торговли оказалась в руках купечества из горских евреев, населяющих Дагестан, из армян [804] и из русских. Вместе с тем не следует исключать возможности появления единичных представителей купеческого капитала и из чеченцев, особенно, если принять во внимание тот факт, что чеченцев-торгашей можно было встретить в Тифлисе, Дербенте и др. городах [805].

Интересен путь, которым горцы приобщались к торговле. Рядовой чеченец-труженик, обладающий некоторым излишком продуктов, сначала продает дрова, сено, разные мелкие и домашние изделия, хозяйственные продукты; потом, скопив небольшой капитал, отдает его купцам под проценты; другие же предпочитают отдавать деньги под залог взаймы; за охотниками занять остановки не бывает, а потому берется

очень высокий процент. Но взимание процентов запрещено магометанским законом, поэтому их берут под видом «добровольного подарка» должника за услугу. Подобное приобретение денег было одобряемо обществом, в то время как именованием купцом чеченец сближался»[806].

Таким образом, торговый капитал весьма часто обращался в Чечне в ростовщический и в этой форме обрушивался на родовые устои, т. е. содействовал разложению натурального хозяйства и развитию товарно-денежных отношений.

Обычно купцы разъезжали по аулам на арбах, имея у себя товаров на 100–200 рублей. Они проживали у своих кунаков не более 3–4 дней, а затем ехали дальше, пока не распродавали весь товар.

Уровень развития торговли находился в зависимости от политических и географических факторов. Плоскостные чеченцы, жившие на Сунже и Тереке, находились, например, в более благоприятных условиях для развития торговых отношений с казаками на Кавказской линии и соседними народами. «Мирные» горцы пользовались льготами в торговле, в то время как независимые подвергались торговой дискриминации: они не имели права выезжать за пределы занятой ими территории. Однако развивающиеся товарно-денежные отношения неумолимо толкали чеченцев на рынок.

В рассматриваемый период получает развитие своеобразная контрабандная торговля, суть которой заключалась в следующем: горцы сбывали свои товары при посредничестве кунаков из казаков и родственников из «мирных», к которым они попадали, минуя казачьи пикеты, которые при встрече с ними обычно отбирали у них товары.

Этот вид торговли являлся также показателем степени развития в Чечне товарно-денежных отношений и прекратить эту негласную торговлю «не было возможности»[807].

Связи чеченцев с русским рынком не прекращались и в условиях существования имамата Шамиля, часть чеченцев поддерживала торговые сношения с русскими поселениями на Кавказской линии. Шамиль вынужден был применять меры наказания – сажать в яму, наказывать телесно и проч.[808].

Отсутствие статистических материалов не дает возможности определить размеры внутренней торговли в Чечне. Но имеющиеся скудные данные все же позволяют говорить о растущем внутреннем рынке Чечни, об ослаблении меновой формы торговли чеченцев. На развитие торговли оказывала

влияние мусульманская религия, исключавшая из обращения продукцию свиноводства. С исламом связана продажа кумганов, комплекта омовения и других атрибутов религиозной атрибутики.

Благодаря развитию экономики в Чечне зарождаются торговые центры, оказывающие возраставшее воздействие на экономическую жизнь окрестных поселений. Таким центром в XVIII веке был, например, аул Чечень, который «вел большую торговлю и имел много лавок; в среде его было значительное количество торгующих армян и евреев»[809]. Другим центром в XIX веке был аул Старый-Юрт, «представляющий собою уже настоящий город с лабиринтом улиц и закоулков»[810]. Крупными торговыми пунктами были Брагуны, Гудермес и другие, а вне Чечни – Аксай и особенно Андреево (Эндери)[811]. Торговое значение с момента основания (1818) приобрел и Грозный [812].

Роль опорного пункта по экономическому завоеванию Северного Кавказа Россией выполнял Кизляр, имевший широкие торговые связи с местными народами [813]. Здесь бывали купцы Астраханского бухарского двора [814], купцы из Индии, тезики [815] и др.[816].

Купцам Кизлярского и Моздокского купеческих обществ, как и купцам Астрахани, в 1779 году были предоставлены различные льготы на 10 лет (освобождение от всех государственных податей и служб, освобождение от поставки рекрутов навечно, от постоев, право заводить фабрики и заводы, фруктовые сады, с некоторым ограничением ввоза в Россию внутрь, например, водки). Павел I 28 октября 1799 года, а Александр I 21 декабря 1802 года подтвердили указ Екатерины II за 1779 год [817].

Таким образом, в период с середины XVIII века по 40-е годы XIX века, в связи с общим невысоким уровнем общественного строя и слабым общественным разделением труда, торговля в Чечне носила преимущественно товарно-меновыой характер, хотя и при наметившейся тенденции роста денежных отношений. Последнее было обусловлено исключительно влиянием экономики России. Меновой торг преобладал при сношениях с горными чеченцами. У плоскостных чеченцев имели место некоторые элементы денежных отношений. Вместе с тем, часто стоимость товаров определялась в денежном выражении, а затем переводилась на хлеб, скот, лес по существовавшим ценам.

Для купцов меновой торг был выгоднее, нежели денежный. Вот как передает сцену торговли неизвестный автор 40-х годов XIX века. Горцы толпятся около галантерейных лавок и балаганов с красными товарами; хитрые продавцы, армяне и русские купцы из Ставрополя и Кизляра, вежливо кланяются горцам, ни во что не считающим четвертаки, полтинники и депозитные билеты, и пользуются горскою простотою и незнанием цен. Часто горец, впервые сошедший с гор на равнину, увидя в руках покупателя 5 или 6 серебряных рублей, требует все за одну курицу, охотно отдавая ее за 2–3 иголки [818].

Неэквивалентный обмен и злоупотребления в опсрациях по купле-продаже обеспечивали исключительно высокую прибыль для купцов. По свидетельству современника, армянские купцы из Кизляра еще в начале XIX века принимали активное участие в торговле с чеченцами, потому что эта торговля давала им прибыль «на один рубль 50 процентов»[819]. В торгово-экономическом плане сношения русского купечества с горскими народами Кавказа, как писала газета «Голос», было «совестно назвать даже эксплуатацией»[820]. Анализ торговых операций русского купечества с кавказскими горцами дал основание известному советскому историку А. В. Фадееву видеть в торговле с горцами Кавказа один из источников накопления капиталов в дореформенной России [821].

О слабости развития товарно-денежных отношений свидетельствует отсутствие в Чечне монет собственной чеканки. Занесенные в Чечню бумажные и металлические деньги не всегда играли присущую им роль эквивалента товара, а часто обращались в предметы украшения.

Появление денег в Чечне следует связывать с влиянием России и Персии, и его начало относится к XVI вску. Меновая торговля много старше. Чеченские предания говорят, что Молкх из рода Нохчоо, основатель Ичкерийского общества, первый ввел меру локтем [822]. Локоть до середины XIX века был по-прежнему мерой длины. Высшая мера сыпучих тел у чеченцев равнялась 8 русским гарнцам, содержа пять саг или чашек; две меры составляли мазоль. Для определения веса употребляли пут (пунт) и фунт (герке). О меновой торговле дают представления следующие соотношения: одна сага соли приравнивалась по стоимости к 12 сагам кукурузы, 6 сагам пшеницы [823]; бык или корова приравнивались к семи баранам, «а на холст за десять рубах»[824].

В условиях феодализирующегося общества, при господстве натурального хозяйства преобладали меновые отношения, поэтому деньги служили преимущественно мерилом ценности, а не платежным средством.

Чеченцы предпочитали серебряные деньги золотым. Медные монеты, называемые черными, брали с неохотой. Существовали следующие чеченские названия денег: 5 копеек – цашей, гривенник – пищей, пятиалтынный – кошей, двугривенный – эппаза, четвертак – пхишей, полтинник – ахсом, рубль серебра – сом, 10 рублей – тюмен [825].

В 30-х годах XIX века в Закавказье были введены русские меры, веса и монеты [826]. Эта крупная экономическая акция имела значительные последствия для проникновения денежных отношений и в районы Северного Кавказа.

Небезинтересные сведения о валюте в Чечне и Дагестане сообщает Руновский (со слов Шамиля). В своем дневнике Руновский пишет:

«1. Деньги в горах обращались только русские и именно серебряные. Не было даже грузинских двадцати- и сорокакопеечников, распространенных в Закавказском крае повсеместно, а в Кавказском частью.

2. Русских полуимпериалов и голландских червонцев в горах было очень много; но между горцами они редко имели значение ходячей монеты, а большею частью, составляя украшение конских нарядов, приобретались как товар, а не как деньги.

3. Медных денег в обращении совсем не было: те же, которые попадались каким-нибудь очень редким случаем горцу в руки, обыкновенно шли в дом, как деловая медь.

4. Депозиток и вообще ассигнаций наших (русских. – *Ф. Т.*) в горах было очень много... но они не имели никакой ценности, и часто, не узнаваемые в своем достоинстве, предавались уничтожению; а те, о которых горцы имели должное понятие, немедленно сбывались ими в русских крепостях, или своим более смышленым родичам, жившим на мирную ногу.

5. Кредитным учреждением для хранения капиталов служила горцам их собственная земля, в которую они имели, и еще долго будут иметь обыкновение зарывать свои деньги» [827].

Жители Нового Юрта, расположенного на правом берегу Терека, напротив станицы Червленной, поразили в 1848 году русских офицеров и солдат той исключительностью среди аулов

Кавказа, что они принимали только пятиалтынные и серебряные трехрублевки (75 коп.) с польскими надписями [828].

Факты неумения чеченцев обращаться с деньгами – еще одно свидетельство неразвитости у них денежных отношений. От неразвитости товарно-денежных отношений страдали сами чеченцы.

Вообще не следует преувеличивать степень проникновения и развития торговых отношений в Чечне. Товарное производство, возникшее в силу общественного разделения труда, одновременно с частной собственностью, удовлетворяло насущные нужды в целом натурального хозяйства чеченцев. Товарные отношения проникают в земледелие, скотоводство, садоводство и пчеловодство, продукция которых становится предметом, как внутреннего товарного обращения, так и вывоза. Устанавливаются более тесные связи с соседними народами, особенно с Россией [829].

М. Н. Покровский, очевидно, был прав, когда он меновые дворы рассматривал как «косвенное средство» экономического завоевания Кавказа Россией и когда мероприятия 1811–1821 годов считал «попыткой» положить начало этому завоеванию [830]. Спрос на земледельческие продукты со стороны чеченцев-ламароев и соседних народов, особенно Дагестана, способствовал абсолютному и относительному увеличению товарной продукции земледельческого производства. Развиваясь в условиях сохранения натуральной основы хозяйства чеченцев, торговля невидимыми нитями связывала отдельные аулы, тайпы и тухумы, способствовала объединению Чечни в экономическое целое.

Внешнеторговые связи Чечни имели достаточно длительную историю и устойчивый характер и имели следствием усвоение ее жителями языка соседей. Так, в Аргунском округе многие знали кроме родного, грузинский и аварский языки [831]. Еще более был распространен кумыкский язык, много чеченцев знало русский язык. А, как известно, «степень распространенности данного языка среди чужих народов прямо пропорциональна экономической и культурной связи их с его родиной» [832]. Торговые связи чеченцев с соседями были бы более развитыми, если бы феодалы соседних стран не взимали высоких пошлин за право торговли [833]. Это отрицательно сказывалось и на развитии разнообразных форм сближения местных народов, включая многоязычие. Рост обмена и торгов-

ли ускорял разложение патриархально-родовых отношений, углублял процесс имущественной дифференциации.

Рост товарных отношений и углубление общественного разделения труда находят выражение в появлении торгово-экономических центров, каковыми становятся наиболее крупные плоскостные аулы. Но в целом экономика Чечни основывалась на натуральном хозяйстве. В торговле преобладали товарно-меновые отношения. В развитии торговли в Чечне наблюдается появление и возрастание элементов товарно-денежных отношений, что говорит о прогрессивной направленности экономических контактов Чечни с экономикой России. Однако торговля чеченского и других народов Северного Кавказа с Россией приобретала все более колониальный характер, что сопровождалось ростом неэквивалентного обмена в торговых операциях, отставших в экономическом развитии народов Кавказа. А. В. Фадеев убедительно показал, что царские чиновники на меновых дворах, а русские купцы на ярмарках и базарах всячески старались обмануть неискушенных в коммерческой деятельности горских крестьян, сбыть им недоброкачественный товар, продать его по заведомо завышенной цене или выменять на безделушки [834]. Однако следует иметь в виду, что эти «безделушки» были таковыми для русского рынка, но не для горцев Кавказа.

В Чечне появляется ростовщический капитал. Рост товарности сельского хозяйства Чечни во второй половине XVIII – первой половине XIX века происходил за счет роста производительных сил в крестьянских хозяйствах и в хозяйстве феодализирущейся верхушки Чечни. Хозяйства феодальных землевладельцев и крупных скотоводов также были втянуты в товарные отношения.

Приведенный выше материал подтверждает справедливость тезиса проф. Б. В. Скитского, который считал торгово-промышленные связи с Россией в XVIII – первой половине XIX века, «для чеченцев жизненно необходимыми» [835].

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ УКЛАД. ТАЙПА

В течение XVIII – первой половины XIX века историческое развитие Чечни проходило при значительном сохранении устоев родового строя. В этот период чеченцы были объединены в патриархальные роды – тайпы, подверженные процессу разложения под ударами новых общественных сил.

В источниках и литературе нет единства в определении понятия «тайпа» и ее составных частей. Многие авторы, касаясь родоплеменной организации чеченцев, прибегали к понятию «род», употребляя его для обозначения различных родовых ячеек. Они отрывали родственные группировки от конкретной истории чеченцев и приписывали им какое угодно социально-экономическое содержание. Распространена подмена термина «тайпа» термином «тухум». Если эти две ячейки упоминались исследователями многократно, то понятиям «гар», «некъи» вообще не было места. «Ветвь», «линию» тайпы – вот что видели за ними. Социально-экономическое содержание «гары», «некъи» на деле отрицалось. Подобные явления в исторической литературе Ф. Энгельс связывал с непониманием авторами сущности рода [836]. Помимо этой основной причины, следует иметь в виду и другие обстоятельства. Во-первых, фрагментарное сообщение У. Лаудаева о родовых подразделениях в Чечне повторялось почти всеми последующими авторами, которые в различных местах Чечни именуются по-разному. Само слово «тайпа» – тюркского происхождения, заимствованное, вероятно, у кумыков [837]. Мамакаев указывает, что некогда чеченцы определяли род словом «ваьр»[838]. Но оно не было единственным. Более распространенным определением рода являлось слово «гар» (гаар), которое население горной части и сегодня употребляет в значении «тайпа».

В научный оборот вошел также термин русских источников XVIII века – «фамилия», которым обозначали род у чеченцев. Отдельные авторы в этом же значении употребляли понятие «колено». По Броневскому, «колена» чеченцев представляют собой «малые общества или союзы, охватывающие по несколько деревень, одна из которых глава союза и дает именование всему обществу [839].

Карл Кох в 1843 году первый определил чеченские роды как братства [840]. Автор физико-этнографического обозрения Кавказа В. Лядов в 1859 году писал, что общественные отношения у чеченцев сходны с общественными отношениями у черкесов [841], у которых, как известно, было фратриально-ро-

довое деление. Позднее М. Ковалевский [842] также признавал в Чечне наличие братств, сходных с братствами у хевсуров и адыгов [843]. Против этого допущения в 1903 году выступил А. И. Даринский, который писал, что, по Лаудаеву, тайпа – род, в котором члены его братья, и что лишь в этом смысле совокупность членов тайпы можно именовать братством. «Где же здесь сходство тайп с черкесскими братствами, а тем более с тотэмистическими группами?», – ставил вопрос Даринский [844]. Критик упрощенно и, по существу, неверно изложил сообщение Лаудаева, но этого оказалось достаточным, чтобы поколебать точку зрения М. Ковалевского. Позднее Ковалевский писал, что у чеченцев их тайпы – «не то братства, не то роды» [845].

В последнее время М. Мамакаев союзы нескольких тайп определяет как тухумы и робко сравнил последние с фратриями [846].

Начальник Аргунского округа полковник Ипполитов определял тайпу как союз родов, не обобщая это понятие до фратрии [847]. Его взгляды близки к взглядам указанных выше (Кох и последующие) авторов.

При изучении общественных отношений у чеченцев имела место и попытка уподобить их шотландским кланам, что впервые в 1870 году сделал Верлин [848]. Из советских авторов ему следовал Х. Кавказов, который в 1930 году писал об «издревле сложившемся союзе кланов» в Чечне[849]. В новейшее время авторы исторического очерка о Чечне в Большой Советской Энциклопедии считают тайпу родом, а объеднение нескольких родов – общиной – кланом [850]. Сравнение тайпы с кланом имеет известный научный резон, так как позволяет выяснить некоторые специфические черты родового строя у чеченцев. Но ведь известно, что родовой строй общества состоит из трех основных звеньев – «рода, фратрии и племени» [851]. Клан может составлять лишь одно из этих звеньев, а поэтому проводимое некоторыми авторами сравнение тайпы с кланом не обосновано теоретически.

У. Лаудаев понимал под тайпой и род, и племя [852]. Он упоминает и родовые подразделения гары и неки, в которых видит «ветви и линии» – тайпы. Он же говорит, что чеченцы имеют множество и других родовых подразделений, которые именуются по местности, по названиям рек, гор и проч. [853]. Социально-экономическое содержание этих производных и их отношение к тайпе Лаудаев не рассматривает. Лаудаев первый говорит об отношениях членов тайпы между собой как отно-

шениях братьев – «вежерей». Сведения работы Лаудаева были без всякой попытки осмысления и дополнения повторяемы многими поколениями авторов.

Приведенные определения тайпы и ее составные части лишь наиболее характерные. По ним можно установить недостаточность исходных данных для научных обобщений. Прослеживается и значительное расхождение в понимании авторами, как тайпы, так и ее производных родовых групп. Наконец, эти определения свидетельствуют о сложной родовой структуре у чеченцев.

Фратриальное деление тайпы. Если отбросить неверную терминологию, то структуру тайпы чеченцев XVIII века можно представить в следующем виде: наименьшая общественно-экономическая единица – малая семья, наряду с ней – большая семья, далее простая патронимия (первого порядка) – неки, затем патронимия второго порядка – гара, совокупность последних по их происхождению дает нам фратрию – тайпу, союзы последних – тукумы, следует оценить как племена, наконец, объединение всех племен и фратрий образует чеченскую конфедерацию. К обоснованию данной схемы и раскрытию ее составных звеньев мы и переходим.

Едва ли возможно точно установить число всех тайп в XVIII – первой половине XIX века. Из сообщения Норденштамма известно, что чеченцы ведут свое происхождение «от небольшого числа фамилий», живших в верховьях рек Аксая, Гудермеса, Холхолау и Аргуна [854]. У. Лаудаев определяет число тайп до «переселения» (?) в Ичкерию цифрой 59, а к 70-м годам XIX века их уже – более 100 [855].

В «Записках» П. И. Головинского число тайп для первой половины XIX века ограничивается цифрой 56 [856]. В 1930 году этнографической экспедицией зарегистрировано в Чечне 98 тайп, но это была лишь часть всех тайп [857]. Б. А. Калоев, ссылаясь на архивный источник, говорит о 120 тайпах, но не приурочивает их численность к определенному времени [858].

Конечно, эти цифры неверны. Но по ним можно сделать приблизительное исчисление численности членов тайп, которое удовлетворит нашим целям. Очевидно, тайпа насчитывала в среднем несколько более двух тысяч человек. Бесспорно, что подобных размеров род не мог основываться на совместном коллективном труде и потреблении. И действительно, род, как экономическая единица, давно исчез из истории Чечни.

Ф. Энгельс писал, что «по мере разрастания племени каждый род, в свою очередь, распадался на два или большее число родов, которые выступают теперь как самостоятельные, тогда как первоначальный род, охватывающий все дочерние роды, продолжает существовать как фратрия»[859]. Подобное отпочкование происходило в Чечне с незапамятных времен.

В горных условиях Чечни, вновь выделявшиеся дочерние роды, вынуждены были в связи с малоземельем оставаться на землях «материнской» тайпы. Поэтому процесс образования новых родов шел в горной Чечне по линии усложнения тайпы. Возникавшие родовые группы в рамках тайпы отстаивали свои хозяйственные, общественные и идеологические интересы. За ними было закреплено древнечеченское слово, соответствовавшее роду – гар. Так процесс сегментации рода на родовые подразделения, сохраняющие связь, положил начало тайпам – фратриям.

Роды – гары имеют в основе патронимическое происхождение, и древние предания производят их от ближайших потомков основателя тайпы. Так, родоначальником чантинской тайпы предание считает некоего Итума Люнчиева, от сына его Джали пошли Барз-гар, Багомат-гар, Эжи-гар, Хаматы-гар и Муртаз-гар, которые расселились по разным местам бассейна реки Чанты-ахк [860]. Тайпа стала союзом родов, т. е. фратрией. Позднейшее образование фратрий шло через разрастание патронимии первого порядка в патронимии второго порядка.

У. Лаудаев говорит, что образование новых тайп происходило и путем смешения, указывая на пример Чаберлоя [861]. Н. С. Иваненков указывает, что согласно преданию две тайпы – «дардыхоевцев» – коренных жителей по реке Чанты-ахк и «чантинцев» – пришельцев – смешались в одно «общество», хотя и имели разное кровное начало [862]. В момент слияния «чантинцы» подразделялись уже на гары, т. е. роды. Нет оснований отрицать гары и у «дардыхоевцев». Следует предположить, что в основе этого слияния лежали общее землепользование и совместная жизнь с вытекающими последствиями солидарности, обороны, общности интересов.

У чеченцев все члены одной фратрии считались: мужчины – братьями (вежерей), а женщины – сестрами (йиша) [863].

Умножение численности родов вызывало не только их дробление на родственные группы, остающиеся в своей тайпе. Кровно-родственный характер тайпы разрушался под воздействием общественно-экономических процессов.

Земельный голод, межтайповые столкновения и развивающиеся внутритайповые противоречия вели к расселению родственных групп и составлявших их семей. Так, половина Аккинской тайпы переселилась под покровительство аварского хана в Аух, где бывшие аккинцы стали именоваться ауховцами [864].

Вследствие территориального разрыва с тайпой отдельных гар, неки, семей их последующие поколения утрачивали прежние родственные связи, обязанности и права [865]. Ветви различных родов смешивались, подобно сливающимся горным ручьям. Их совместные поселения могли либо развиваться в сельские общины, либо положить начало новым тайпам. Эти новые тайпы первоначально не связывались общим предком и часто были слиянием неродственных гар, неки и даже отдельных семей вокруг удачливого предводителя. Новые фамилии, слагаясь из разных элементов [866], первое время выступали, в сущности, как военно-родовые единицы. Сожители привносили свои тайповые традиции в новое общественное образование. Сходство этих традиций-обычаев у разных ответвлений под влиянием сожительства на одной территории и совместных выступлений против внешней угрозы обеспечивало их искусственное объединение. Образовались псевдородственные социальные единицы, именовавшиеся то от личного имени того или иного предводителя, то от названия ведущей в объединении гары или по названию местности.

Появляются тайпы, ведущие начало от иноплеменных родоначальников [867]. Лаудаев сообщает, что часть персов, разбитых аварцами при Надир-шахе, поселилась между чеченцами и положила начало таким тайпам, как Туркой, Хуркой, Хой, Парсеной [868]. Это, конечно, не означает, что каждый персианин дал начало новой тайпе. Б. Калоев указывает следующие тайпы, чьи родоначальники «нечеченского» происхождения: Тарковская (из Дагестана), Черкесская (из Черкесии), Грузинская (из Грузии), Бацаевская (из Цов-Туши) [869], Купчинская (лаки из Дагестана), Галачаевская (из Ингушетии) [870], Гермоевская (дрымские татары), Джаевская (аварцы из Аварии) [871].

Ссылаясь на легенды чаберлоевцев об их русском происхождении, А. Ипполитов считает, что происхождение чаберлоевцев «совершенно» отлично от происхождения других чеченских тайп. Как доказательство этого положения он рассматривает

характер, черты лица и язык, на котором чаберлоевцы «говорят как иноземцы»[872].

Чеченские тайпы прижились и в казацких обществах. П. Бутков писал в 1806 году, что поселения гребенских казаков умножились чеченцами, «отчего доселе многие чеченские фамилии между гребенскими казаками существуют»[873]. По сообщению И. Попова, кровник из гуноевской тайпы, бежавший в середине XVIII века из Алды в станицу Червленную, положил здесь начало ветви гуноевцев, слившейся с гребенцами. В 1870 году его потомки составляли половину казаков Червленной»[874].

Следовательно, родообразовательные процессы продолжаются. Таковы некоторые моменты генезиса фратриально-родовой организации чеченцев. Теперь мы перейдем к рассмотрению вопросов общественного строя чеченцев в области семейных отношений, полагая идти от единичного к общему.

Семья и неки. Если, как отметил Ф. Энгельс, существование семейной общины на Кавказе вполне доказано исследованиями М. Ковалевского, то наличие ее у чеченцев установлено Н. Харузиным [875].

Большесемейная община у чеченцев совмещала в себе разнородные и разновременные элементы и нормы общественной жизни и выступала миниатюрной носительницей многих атрибутов тайпы. Составляя небольшую кровно-родственную группу, она включила 3–4 поколения родственников-потомков одного отца с его женами, детьми, женатыми сыновьями, которые сообща владеют общим имуществом и ведут общее хозяйство. Исторически – это основная экономическая ячейка патриархально-родового строя.

Существование больших семей у чеченцев в последней четверти XVIII века наблюдал Рейнеггс. Но сообщения Рейнеггса противоречивы. Так, в русском рукописном оригинале своего сочинения он определяет максимум мужчин в чеченской большой семье в 20 человек [876], а в издании произведения на немецком языке – от 40 до 50 мужчин [877]. По Рейнеггсу, «каждый дом» – большая семья. В последнем случае не остается места малым семьям, о выделении которых из семейных общин он же сообщает.

Главой большой семьи был самый старший мужчина, именовавшийся тамдой (тхъамда) [878]. Его права М. Ковалевский справедливо приравнивал к правам «домачина» в юго-сла-

вянских задругах и «большака» в великорусских больших семьях [879]. Демократичность управления в большой семье выражалась в том, что после смерти тамды власть переходила к его братьям по старшинству (возрастному) и лишь при неимении их – к старшему сыну тамды [880].

Роль «большухи» принадлежала жене тамды, как правило, старшей среди женщин по возрасту. Звали ее марнана [881]. Она оставалась распорядительницей и после смерти мужа.

Экономической основой большесемейной общины являлась общая собственность на землю, скот и орудия труда. Члены общества были связаны коллективным трудом и потреблением. Последнее осуществлялось через общий котел. Некогда «котлы» были в Чечне синонимом больших семей. О численности тайп судили по количеству в них «котлов». По данным Головинского, к середине XIX века этот счет отошел уже в область преданий.

Работами мужчин управлял тамда, работами женщин ведала марнана. Старший по возрасту – бесконтрольный распорядитель семейного имущества. Он вправе продать его, сдать в аренду, заложить и т. п. Однако с ростом частнособственнических отношений, в ущерб его деспотической власти, возросли права других членов общины. Главное из этих прав – право совершеннолетних мужчин (с 15-летнего возраста) на раздел имущества. Право это утвердилось не повсеместно, но домашние общины, в которых оно вошло в практику, отличались большей демократичностью. Последнее выражалось в соотношении власти тамды и семейного совета. Совет включал совершеннолетних мужчин, полностью, исключая возможность участия в нем женщин всех возрастов [882]. Совет в принципе не имел права сместить старшего. Тамда принимал решение в вопросах, касавшихся брачных отношений членов семьи. Выборность нового тамды, вероятно, заключалась в объявлении в этой должности старшего по возрасту мужчины. Все члены семейной общины состояли в одинаковом родстве.

В условиях укрепления классовых отношений и появления хозяйственно самостоятельной моногамной семьи существование большой семьи обеспечивалось за счет сохранения в ней демократических принципов правления [883]. Это, конечно, не исключало и тенденция роста власти тамды, узурпирующего имущественные права остальных членов семьи.

В силу естественного размножения большая семья подвергалась дроблению, одним из этапов которого было воспроиз-

водство тех же большесемейных общин. Постепенно рушится и этот принцип выделения дочерних больших семей, и теперь распад домашней общины ведет к выделению малых семей, живущих отдельными домами. Это стало возможным в силу роста производительных сил, благодаря победе частнособственнических отношений в сфере скотоводческого хозяйства и развитию пашенного земледелия, основанного на применении сабана. В этих условиях малая семья приобретает силу и крепость для независимого экономического существования.

Для Чечни XVIII – первой половины XIX века характерно сосуществование больших и малых семей. Относительное соотношение между этими двумя социальными формами устанавливается посредством статистических сведений. С 5 февраля 1827 года по 17 ноября 1829 года принял русское подданство 71 чеченский аул, состоявший из 2 030 семейств с числом жителей обоего пола в 6895 душ [884], что при расчете на семью дает 3–4 человека. Сведения за 1832 год, извлеченные Д. А. Милютиным из архива, содержат следующие данные: 25 сел по Сунже насчитывали 2101 двор, в них мужчин, женщин и детей 16 708, т. е. на двор приходится около 8 человек; в 14 аулах по правому берегу Терека и 4 аулах между Тереком и Сунжею в 1840 дворах исчислялось 14 657 человек всех возрастов, что дает 7–8 человек на двор [885]. По данным, приводимым А. Берже, с 1857-го по 1859 год с гор на плоскость Большой Чечни выселилось большое число аулов, в которых на один двор приходилось от 5 до 7 человек обоего пола [886]. Приведенные факты убедительно говорят о господстве в Чечне XVIII – первой половине XIX века малой семьи. С этим согласно и утверждение М. Ковалевского, что в Чечне второй половины XVIII века «более распространена малая семья» [887].

Следовательно, к XVIII веку чеченская большая семья распалась, сохранившись в форме пережитка. Привело ли распадение семейной общины к хозяйственной самостоятельности выделившихся малых семей, что характерно для классового общества?

Распад больших семей у чеченцев происходил постепенно. В процессе сегментации семейной общины малые семьи сслились смежно с отцовским домом, продолжая сохранять с ним хозяйственные и родственные связи. Образовалась родственная группа, включавшая, как и большая семья, потомков одного отца до 3–4 поколения. Эта новая общественная ячейка получила наименование неки (некъе). Как правило, неки в рас-

сматриваемый период [888] представляют собой группы малых семей, что не исключает наличия в ней и больших семей.

Имя основателя неки всегда закрепляется за ней. Представляя патронимию первого порядка, неки составляли единые поселения. Иногда они объединились в большие сложные неки, ведущие происхождение от общего предка в 5-м или 6-м поколении, образуя патронимию второго порядка [889].

Расселение семей, входящих в состав неки, наблюдал в 40-х годах XIX века Беляев, который сообщал, что у чеченцев-горцев сакля младшего брата строится между саклями среднего и старшего, последняя приходится с левой стороны [890]. Данная форма расселения могла иметь место и на плоскости. Высокогорные чеченцы «часто занимали одно жилище несколькими семьями, каждая из которых имела отдельное помещение» [891]. Это говорит о том, что формы поселений неки на плоскости и в горах были различны, и что горные условия содействовали консервации родовых отношений.

Экономическое единство неки обеспечивалось коллективной собственностью ее членов на пахотные земли. В общем пользовании оставались некоторые сельскохозяйственные орудия труда, мельницы. Скот состоял в частной собственности малых семей. В возделывании пахотной земли участвовали все работоспособные члены неки, не занятые другими работами. Распределение урожая производилось посемейно – либо по числу едоков в каждой семье [892], либо по числу выставленных работников [893]. Случалось так, что отдельные семьи самостоятельно приобретали дополнительный участок земли, который обрабатывали собственными силами или с помощью рабов или наемных крестьян. В этом случае зажиточная малая семья стремилась отделиться от неки, забирая свою долю из общего пользования [894]. В последнем случае одновременно происходил и отказ от родства, ибо какие бы хозяйственные, социальные, или правовые узы, (например, права и обязанности) не связывали свободного чеченца с его сородичами, реально отказ от родства означает прежде всего разрыв с теми родственниками, с которыми он до этого жил (как в большой семье) и вместе владел земельным наделом, т. е. в первую очередь с другими взрослыми братьями [895].

В отдельных случаях пахотные земли делились посемейно и, как следствие этого, обрабатывались раздельно. Так, основатель неки Обург из тайпы Курчалой разделил свою землю на четыре части, по числу сыновей, оставив себе часть земли,

которую ему обрабатывали сыновья [896]. Их обязанности были, по существу, зародышем феодальной ренты, являясь экономической формой реализации частной собственности на землю. Данный конкретный пример иллюстрирует справедливость положения Маркса и Энгельса, что частная собственность «вначале все еще сохраняет большей частью форму общности, но в дальнейшем развитии все более приближается к современной форме собственности»[897].

В некоторых горных неки каждая входящая в нее семья владела отдельным пахотным участком как частной собственностью. Объектом общей собственности у них были покосные и пастбищные места, которые они ежегодно делили подымно [898].

Почти во всех неки скот являлся частной собственностью малых семей. Накопление последними богатств в виде большого количества скота было ничем не ограничено, и социальная дифференциация развивалась в рамках семей, входящих в неки. Наряду с богатыми скотовладельцами в XVIII веке встречаются бесскотные крестьяне, нанимающиеся к первым в пастухи.

Органы управления неки совпадают с соответствующими органами большой семьи, представляя их модификацию. Старший по возрасту считается главой и именуется сходно с большаком — тамдой. Должность эту наследуют его братья по старшинству. Высшим органом неки является совет мужчин.

От большой семьи неки унаследовали обязанность взаимопомощи. Распределяя урожай, тамда выделял часть на общие нужды. В неки, в которых коллективные начала сохранили свою жизненность, все члены общины сообща участвовали в расходах, как, например, при выплате калыма или возмещении крови, при постройке кому-либо дома. В неки, в которых частнособственнические интересы одерживали верх, основную долю расходов в подобных случаях брал на себя отец жениха, отец убийцы и т. д. Участие остальных выражалось во вспомоществовании.

Там, где глава неки узурпировал имущественные права членов неки, наблюдалось усиление власти тамды. Так, жалобы на младших членов неки со стороны приносились непосредственно ему, в обход отцов провинившихся. Сватали девушек не у их отцов, а непосредственно у тамды. Он же получал и калым.

Патронимия неки всегда соблюдала строгую экзогамность. Таким образом, распад основной общественно-экономической единицы патриархально-родового строя [899] – большой семьи, не вел к господству хозяйственно самостоятельной малой семьи, присущей классовому обществу. Развитие производительных сил не могло обеспечить столь резкий переход. Общественные отношения развивались постепенно, что исторически выразилось в связующем между домашней общиной и малой семьей среднем звене в виде малой патронимии – неки.

Восходя к патриархально-родовому строю, неки в рассматриваемый период находятся в состоянии распада. Это выражается, с одной стороны, в исчезновении из их структуры больших семей и, с другой – в развитии на их основе частнособственнических отношений, ведущих к хозяйственному обособлению малых семей. Элементы и зачатки классовых отношений зарождаются и крепнут на основе разлагающейся общинной собственности неки. Классовые отношения эти во многих случаях скрыты под покровом родственных связей. Последнее проявляется и после полного распада патронимии как общины, когда индивидуальные семьи продолжают поддерживать родственные связи, оказывают взаимопомощь, а порой сохраняют и органы управления.

В XVIII – первой половине XIX века неки сохраняются, но преобладающее общественно-экономическое значение имеет уже малая семья.

Появление малой семьи углубило и обострило развитие имущественного неравенства внутри рода, возникшего в пору выделения больших семей. Хозяйственное неравенство чеченских малых семей «подпитывалось» межтайповой войной, ограблением соседних тайп, захватом военной добычи (скот, ремесленные изделия), рабов, различием в пахотных и пастбищных землях и т. д. Частновладельческие отношения распространяются почти на все средства производства. Рабы, используемые в малых семьях на полевых работах или как предмет обмена, играли определенную роль в поступательном развитии социального неравенства.

Угнетенное положение женщины было общим явлением у кавказских народов. В основе зависимого положения женщины лежала ее экономическая зависимость от мужчины, что было отражено в адатах, отдававших ее во власть отца, братьев, мужа. По адатам дочери подчинены отцу, пока находятся в его доме, он выдает их замуж по своей воле. В имении отца

они лишены наследственной доли [900]. Адат не признает за женщиной права собственности калыма или кебина, получаемого от жениха [901]. Жена принадлежит мужу, которому оказывает «раболепное уважение холопа к вольному»[902], женщина находилась в «беспредельном самовластии мужчины»[903]. Женщина не допускается к оценке [904]. Положение женщины в чеченской семье подтверждает ту истину, что «первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским [905]. Вместе с рабством и частным богатством моногамия обеспечивала прогресс, который покоился на относительном регрессе, когда благосостояние и развитие одних достигались ценой страданий и подавления развития других.

В Чечне допускалось многоженство. Еще Гюльденштедт наблюдал, что чеченцы «берут многих жен»[906]. По шариату допускалось иметь четыре жены. Шариатные нормы удовлетворяли потребности и возможности зажиточной верхушки чеченцев [907]. Ситуация, при которой чеченцы «редко» имели двух жен, «большею частию» ограничиваясь одной, характерно «почти отсутствие многоженства»[908], была достаточно типична. Вместе с тем, были семьи, где были 2–4 жены и характерна многосемейность [909], возможная при благосостоянии крестьянского хозяйства [910].

Многоженство, как указывал Ф. Энгельс, было продуктом рабства, доступным отдельным богатым и знатным лицам, которым жены доставались путем покупки рабынь [911]. Уплата значительного калыма была посильна только людям состоятельным. Для них и установления шариата не служили преградой [912]. Есть основания полагать, что многоженство было не привнесено шариатом, а развивалось с появлением богатых малых семей, т. е. после распада патронимии неки.

Как и у других народов Кавказа, у чеченцев практиковался ранний брак, согласно источникам первой половины XIX века девушки выходили замуж 12–15 лет, молодые люди женились в 17 лет. Но часто домашние работы, которые все исполнялись женщинами, подавали родителям мысль из личных выгод удерживать дочь долгое время в семействе и отказывать женихам [913].

Древнее воззрение на женщину, как на вещь, составляющую родовую собственность, было сужено рамками семьи. За невесту необходимо было внести определенный выкуп – калым.

Размеры его были непосильны беднейшим слоям чеченского народа, в результате – «множество девок с седыми волосами и совсем дряхлых стариков, весь свой век проживших холостыми»[914].

Размеры калыма были различны в отдельных тайпах и с течением времени менялись. Так, у Надтеречных чеченцев, по сведениям 1849 года, «калым между князьями существует по 700 руб. серебром, между узденьями по 120 руб. серебром, – случается и менее почесть редко... Если отпущенник женится на узденской дочери по согласию, должен уплатить калыма 240 руб. серебром, а если без согласия, то 240 руб. серебром, и сверх того за бесчестье лошадь со всем прибором и угостить. Холопья платят калым по условию хозяев»[915]. Тяжелые условия калыма имели то следствие, что «между сговором и женитьбой проходит часто несколько лет, иногда потому, что жених не имеет еще, чем заплатить калым»[916].

Высокие нормы калыма [917] обусловили распространенность обычая похищения девушек. Нередко хищения девушек из бедных семей проходили при согласии самих похищаемых и их ближайших родственников. Ипполитов сообщает, что посредством похищений в Чечне заключались две трети браков [918].

Выходцы из зажиточных семейств стремились взять невесту из сильной тайпы или богатого семейства. Происхождение невесты в этом случае, замечает Ипполитов, всегда на первом плане [919].

К числу пережитков группового брака относится обычай деверства или левирата (обязанность вдовы выйти замуж за брата покойного мужа). В Чечне жена не наследует умершему мужу, но должна выйти замуж за ближайшего его родственника, если тот пожелает ее взять в жены [920]. Однако в силу господства малой семьи на практике решающее значение стала иметь воля вдовы.

Хотя обычаи и семейные отношения в Чечне пронизывались идеей верховенства мужчины, сохранялись и отголоски некогда господствовавших отношений матриархата [921].

С моногамией происходит отмирание родовых порядков. Возникшая с моногамией частная собственность ведет к появлению и распространению имущественного неравенства, развитию рабского и наемного труда, что породило такие различия между отдельными семьями, которые привели между ними к отношениям господства и зависимости. Среди чеченских малых семей в XVIII – первой половине XIX века встречаются

«лучшие»[922], «почтенейшие»[923] семейства, владеющие большими стадами скота, рабами, подчиняющие родственные и неродственные семьи.

Таким образом, для Чечни XVIII – первой половины XIX века характерно преобладание малой семьи. Семейные отношения чеченцев покрыты густой сетью остатков традиций характерных для большой семьи. Чеченская моногамная семья обеспечивает прогресс, основанный на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины. Внутреннее единство чеченской семьи – господствующей малой и пережиточной большой, – подобно молнии, рассекается классовыми антагонизмами. Чеченская малая семья выполняет две задачи: с одной стороны, борется с устоями фратриально-родового строя, а с другой – участвует в генезисе классовых отношений.

Гар. Выше мы отметили, что процесс сегментации тайпы на роды был дополнен сегментацией большой семьи. Эти исторически сменившие друг друга виды сегментации сопровождались разрушением старых и возникновением новых форм родственных отношений. Если некогда все члены тайпы стояли на одном уровне родства, то с зарождением и развитием элементов классовых отношений вводятся градации родства. Родственная связь членов тайпы устанавливается их принадлежностью к данной фратрии, а установление степени действительного родства было невозможно.

Ослабление значения родства вызвало к жизни новое внутрифратриальное соотношение между экзогамией и эндогамией. Есть достаточно оснований утверждать, что исходный род, расчленившийся на вторичные роды-софраторы, распространил на эти последние правила экзогамии. Строгая внутрифратриальная экзогамность была возможна до тех пор, пока роды-софраторы были объединены территориально. Нарушение экзогамии в этих условиях было затруднительно, хотя отдельные случаи внутрифратриального брака могли иметь место. С распадом патриархально-родовой организации, с делокализацией фратрии и возникновением на этой основе сельской общины, традиция фратриальной экзогамии пала, и на ее место заступила экзогамия родов, входящих в фратрию, т. е. одновременно вошла в практику ограниченная внутрифратриальная эндогамия. Можно предположить, что разрастание родов-софраторов и усиление частнособственнических отношений сделали установившуюся экзогамию не-

удовлетворительной. Разрушение запретов вызвало к жизни новую экзогамную традицию – «поколенную». Практикой общественных отношений было установлено ограничить табуацию браков во фратрии семью поколениями, происходящими от одного предка. Вводится понятие семи отцов – «ворхда»[924]. И тот, кто не знал своей родословной до семи поколений, объявлялся в общественном мнении рабом – лаем [925].

Возникшая общественно-экономическая единица должна быть отнесена к сложным патронимиям второго порядка, которая лишь с оговорками может быть названа «родом».

В древней фратриально-родовой структуре исчез первоначальный подрод, название которого «гар» перешло к семипоколенной экзогамной родовой группе [926].

Экзогамия «ворхда» находилась в состоянии перманентного обновления. Общественные права и обязанности «живой» части гары постоянно изменялись в связи с появлением новых поколений.

Важнейшей функцией гары было регулирование браков, что можно проследить по следующей упрощенной схеме.

8. Уайс	8. Магомет	8. Асисо
7. Мехти	7. Махти	7. Мухтар
6. Идрис	6. Цогол	6. Дзанхо
5. Аласхан	5. Ата	5. Олхан
4. Мада	4. Уммалат	4. Обург
3. Джамирза	3. Аду	3. Али
2. Бетиш	2. Цогол	2. Сержи
	1. Шамирза	

Перед нами, исключая восьмое поколение, Шамирза-гар. У «родоначальника» Шамирзы три сына, внуков несравненно больше, чем мы приводим (братья Шамирзы для седьмого поколения в расчет не принимаются, так как они основатели других гар). В третьем, четвертом поколениях возникает Шамирза-неки, который либо исчезает в пятом поколении, либо составит сложную неки, патронимию, включающую Бетиш-неки, Цогол-неки, Сержи-неки. Образование неки – процесс непрерывный. В седьмом поколении мы будем иметь молодые неки – Мада-неки, Уммалат-неки, Обург-неки и др. Старые неки к тому времени распадаются.

Следовательно, в седьмом поколении возникает Шамирза-гар. В пределах установленных семи поколений наложено табу

на заключение семейно-брачных союзов. С передвижкой счета поколений Шамирза-гар распадается на Бетиш-гар, Цогол-гар, Сержи-гар. Между ними допускаются браки. На практике случались отклонения от строгого следования правилу семи поколений и нередко счет вели от 9–11–14 предка. Но в этом случае экзогамия могла не совпадать с гарой [927].

При семипоколенной патрилинейной экзогамии система счета включала как «живую», так и «историческую» части «рода», вследствие этого каждое поколение разновременно включалось в другие гары.

Родовые нормы брачных запретов издавна подвержены влиянию шариата, который разрешает браки вне неки, т. е. в гаре. Между тем установилось мнение, что внутри тайпы в XVIII–XIX веках брачные союзы запрещены [928]. Мы имеем свидетельство, что в 80-е годы XIX века представительница тайпы Зандак из одноименного селения вышла замуж за своего сородича из другого аула [929], что не сопровождалось осуждением общества. Собранный нами полевой материал также не подтверждает строгой внутритайповой экзогамии. Ослабление экзогамии, вероятно, произошло после выселения на плоскость. Согласно преданиям, на одном из первых по выселении на равнину собраний представителей всех тайп на горе Кетишкорт было решено руководствоваться в брачных делах шариатными установлениями [930]. Столь радикальное решение могло иметь место лишь при серьезном падении фратриальной экзогамии, сужение которой, очевидно, происходило уже и в рамках гар, т. е. родов-софраторов. На позднейших собраниях была предпринята попытка уничтожить адатные нормы, что должно было в вопросах семейно-брачных отношений привести к эндогамии, и лишь отказ большинства от шариата сохранил поколенную экзогамию [931].

Брачный запрет распространялся только на взаимоотношения членов одной гары и иногда на взаимоотношения членов разных гар, проживающих в одном селении. Лишь запрет брачных отношений в последнем случае подтверждает начальную экзогамность тайпы. Следовательно, происходит постепенное ослабление и сужение сферы действия родовой экзогамии. В ущерб последней возрастает ограниченная внутрифратриальная эндогамия.

Разделению тайпы-фратрии на роды сопутствовала тенденция последних к сепаратизму. На основе родов-софраторов нередко возникали самостоятельные тайпы. В отношениях

между последними соблюдались принципы фратриальной солидарности, но экзогамные табуации были полностью сняты. Таковы тайпы Нашхо, Мерзо и Курчало, чьи родоначальники, согласно преданию, были братьями, сыновьями одного отца Астх [932]. Члены этих тайп считались между собой братьями и сестрами, связанными родовыми узами солидарности, но между ними заключались брачные союзы. Сходны с ними взаимоотношения во фратрии тайп Пешкой, Пашхой и Ишхо [933].

Развитие семейно-брачных отношений шло по линии сужения экзогамных запретов.

Все «роды» данной фратрии – тайпы считались братскими. Во главе гары стоит старший по возрасту мужчина – тамда, являющийся одновременно старшим в неки или семье, и совет старейшин, включающий тамда всех неки и некоторых мужчин старшего поколения. Проводятся и собрания всей гары. В отдельных гарах входящие в нее неки, большие и малые семьи сообща владеют землей. Передел ее совершается под наблюдением тамды. Некоторые гары имели общие покосы и пастбища, пользование которыми устанавливалось на совете старейшин или на собрании всех мужчин гары.

Поселялись гары либо по несколько в одном ауле, либо составляли одно поселение. Гара владела одной или двумя оборонительными башнями, а входящие в нее патронимии и семьи имели в частной собственности жилые башни.

Переселившийся из владений гары член переставал именоваться ее членом [934], но что в этом случае препятствовало ему заключить брак с представительницей своей бывшей гары?

Гара, будучи кровно-родственной общиной, свойственной патриархально-родовому обществу, существовала в Чечне при значительном развитии классовых отношений. Эти последние вели к распаду гары, разрушению ее экономических основ, и функции гары постепенно ограничиваются регулированием брачных союзов.

Земельные отношения. Формы поземельных отношений у чеченцев в различных районах имели свои особенности. Они зависели, во-первых, от уровня развития производительных сил, во-вторых, от соотношения между скотоводством и земледелием в хозяйстве отдельных тайп и, в-третьих, от качества земельных угодий. В XVIII – первой половине XIX века у чеченцев существовали три формы землевладения: общинное,

индивидуальное и феодальное. Они нередко встречались в сложных сочетаниях и взаимопереплетениях.

Эти формы землевладения получили, с переселением чеченцев на плоскость, благоприятные возможности для дальнейшего развития. Источники второй половины XIX века, используемые ретроспективно, рисуют следующую картину.

Тайпы ряда обществ продолжали оставаться собственниками земель. В этом случае тайповая земля ежегодно или через несколько лет подвергалась переделу между аулами, в которых жили сородичи [935]. В других местах земли составляют постоянное владение входящих в тайпы отдельных селений и отселков, связанных общими хозяйственными узами, как, например, совместным пользованием сенокосными и пастбищными землями. Во многих тайпах в коллективном пользовании остаются только пастбища и леса, а пашни и сенокосы переходят в частную собственность отдельных неки, больших и малых семей.

К числу передельных общинных земель относились пахотные и сенокосные. В ряде тайп, преимущественно малочисленных и небольших по территории, существовал обычай передела или смены всех пахотных, покосных и пастбищных угодий.

В большинстве тайп земля была поделена бессрочно между составлявшими ее родственными группами. В этих случаях тайпа утрачивала роль общинного собственника земли.

В ряде тайп сохранялось общее пользование пастбищными и лесными угодиями, но в некоторых были подвержены разделу и эти виды угодий. В последнем случае несколько гар, а иногда и целые тайпы заключали между собой договор о совместном пользовании покосами и пастбищами [936]. В целях достижения экономического эффекта подобные договоры заключали и отдельные хозяйственные единицы соседних тайп.

Принцип равного участия всех членов тайпы лежал в основе раздела общинных земель фратрии, но относительно равное землепользование соблюдалось лишь там, где этому способствовали определенные условия. В тайпах, где уже собственниками земли выступали составлявшие их родственные группы, шло постепенное нарастание различий в земельных паях членов одной и той же тайпы. Переход от фратриального передела земель к бессрочному разделу между родами привел к ограничению прав членов тайпы на землю. Члены тайп, в которых сохранился межродовой передел земель, могли при

переселении из своей гары в аул, населенный сородичами, претендовать на земельный пай [937]. В тайпах, где общинным собственником земли стала гара, переселенцы в другой аул, населенный однофамильцами, землей не наделялись.

В тайпах с переделом земель пашни и покосы делились сообразно числу общинно-родовых групп. Раздел осуществлялся выборными представителями от различных гар и неки во главе со старшим в тайпе. Сначала земли делились между гарами, а потом уже подымно в порядке жеребьевки [938]. Пахотный пай земли именовался «юрт юкер кай»[939], покосный – «юрт юкер дцана».

Мерой площади пашен служил загон «каа», равный половине дня работы пахаря одним плугом с посевом и боронованием вспаханной земли, мерой покоса – «дцана», участок земли, равный одному дню работы косаря. Подворное деление пашен началось в незапамятные времена, раздел сенокосов – несколько позднее. Например, в селении Дай сенокосы стали делить с XVIII века, в сел. Кири – с 80-х годов XIX века [940].

Формы землепользования сильно разнились также в зависимости от природных условий. В большинстве горных тайп не было передельных пахотных земель. Так, у зандаковцев и ауховцев в коллективном пользовании находились горные пастбища, выгоны и леса, а пахотные земли состояли в частной собственности отдельных семей [941]. То же положение было у горных беноевцев [942] и ялхароицев [943].

В высокогорной Чечне, как подметил О. Марграф, в силу малоземелья не было больших селений, которые составляли бы одно земельное общество: они объединялись по несколько вместе, обнаруживая «некоторое сходство с поселениями северных губерний России – Вятской и Олонецкой губерний, где разбросаны деревеньки, насчитывающие по 5–15 дворов и где в состав земельного общества входит по десять деревень»[944].

О размерах пашен говорит тот факт, что «урожая с них едва хватало на 4 месяца»[945]. Основным видом хозяйствования здесь было скотоводство. Пастбища оставались в общинной собственности, составляя общее достояние общества, или делились между входящими в него поселениями [946].

Имущественное различие между членами высокогорных тайп усугублялось их экономической зависимостью от верхушки земледельческих равнинных обществ.

Ниже, в лесогорной Чечне, также сложилась общинная и частная собственность на землю, но виды передельных земель

здесь были разнообразнее. В коллективном пользовании находились пастбища, леса, пустоши, выгоны [947]. Здесь в хозяйственном комплексе значение пахотных земель возрастает, что одновременно повышает роль земледелия среди остальных сельскохозяйственных занятий.

По мнению С. Малявкина, в обществах лесогорной полосы в пользовании пашнями преобладала градуированная форма землевладепия, заключавшаяся в следующем: пахотные земли разбивали на три части: хорошую, среднюю и худшую, и каждую полосу делили на число домов. На один двор приходилось три различного достоинства земельные доли [948]. Эта форма землепользования встречалась и на плоскости, но там пай был преимущественно цельным. В обществах лесогорной полосы периодическим переделам подлежали и сенокосные луга, при этом передельный период на луга и пашни разнился – луга переделялись ежегодно, пашни – раз в пятилетку [949].

Плоскостные общества обладали бóльшим земельным массивом, нежели горные. Вновь образующиеся семьи имели возможность приобретать себе участки из невозделанных земель. Этих возможностей были лишены малоземельные горные общества [950].

Конкретных данных о тайповой регламентации хозяйственной деятельности своих членов нет, но подобная регламентация в ее разнообразных вариациях существовала. Она была неизбежна для поддержания принципа равных хозяйственных возможностей, противодействия наступлению зажиточной верхушки, регулируя сожительство индивидуальных семей. Существовал сложившийся порядок чередования полей. Так в Надтеречных селениях Али-Юрте, Бено-Юрте, Верхнем и Нижнем Науре, Муртад-Юрте пахотный и покосный наделы отводились на два года в одних и тех же местах, после этого меняли их местами, затем пахота и покос переносились на земли, бывшие залежными. В продолжение четырех лет общественная земля распахивалась вся. Обыкновенно, в первый год сеяли просо, второй – ячмень, третий и четвертый – земля оставалась под паром [951]. Трехпольная и другие системы ведения хозяйства были достоянием многоземельных обществ.

Общинная собственность на землю постепенно начинает разрушаться. Закрепление пахотных и покосных земель за гарами в дальнейшем привело в большинстве тайп к прекращению земельных переделов и внутри гар. Пахотная и покосная земля переходит в собственность неки, больших и малых

семей. Так, в Харачоевском тайпе в сел. Тамгой, Атенбау и Пелашхой с давних времен отдельные дворы владели паями пахотной и сенокосной земли на правах собственности, продолжая совместно пользоваться пастбищем [952].

В тайпах, в которых система переделов была ликвидирована, произошло превращение семейного надела в наследственный аллод. В этих тайпах наблюдается обезземеливание экономически слабых семей. Разорявшиеся члены тайпы либо продавали свои земли, либо теряли их в силу экономической зависимости от социальной верхушки тайпы. Обезземеленные члены тайпы попадали в зависимость от состоятельных сородичей, поэтому вынуждены были уходить на новые места. Уход разорившихся крестьян, субъектов общинных и земельных отношений, из тайпы принял внушительные размеры и, безусловно, разрушал традиционное равенство сородичей, а вместе с тем углублял и распад родового строя [953].

Равноценность паев с самого начала существования наделыной системы не исключала, а предполагала и порождала неравенство семей не только в силу качества самих земель и различий в составе семьи. Это неравенство порождалось различием в обеспеченности семей скотом и сельскохозяйственным инвентарем. В силу последних обстоятельств в тайпах с переделом земель отдельные общинники вынуждены были сдавать свои наделы в аренду своим зажиточным сородичам или верхушке других тайп [954]. Наделы сдавались в аренду на длительные сроки.

Земли, находившиеся в коллективном пользовании тайпы или входящих в нее аулов, именовались иухкуру медтихк. Они включали пастбища, выгоны, леса [955]. Эти виды земель с распадом фратриально-родовых связей постепенно из общетайповой собственности переходят в исключительное пользование родов-софраторов, а кое-где пастбищные земли переходят в собственность отдельных семей. Процесс этот продолжался и во второй половине XIX века.

Право пользования выгонами [956] принадлежало ближайшим к ним селениям, выселкам и хуторам, хотя собственность на них тайпы в целом не отрицается. Здесь проявлялось право исключительного, преимущественного владения отдельных обществ. В ряде тайп пастбища составляли не подлежащее переделу общее достояние всех членов, в других – они были поделены между аулами бессрочно или временно. В последнем случае родственные общины сами устанавливали порядки

пользования пастбищами, подчас они вступали в хозяйственные союзы с общинами других тайп в ущерб принципу родовой предпочтительности [957].

Хотя скотоводство и уступало по значению земледелию, оно в большинстве тайп занимало видное место. К. Маркс указывал, что «собственность на естественные продукты земли – на овец, например, – это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»[958]. Пользование выгонами и пастбищами было неравномерно среди членов тайпы или ее подразделений, которые выступали носителями классовых функций, завуалированных благодаря равному допущению всех общинников к овладению любым количеством скота. Скотоводческое хозяйство велось каждым членом тайпы самостоятельно. Мелкие скотоводы объединяли свои стада и нанимали сообща пастуха. Такие объединения составляли от 2 до 12 хозяев [959]. Крупные скотоводы сами нанимали пастухов или использовали в этой роли рабов или зависимых от них крестьян. Часто мелкие скотоводы отдавали свой скот в стадо крупных скотовладельцев, выплачивая им часть приплода. Участие тайпы в контроле за эксплуатацией ее пастбищ было исключено.

Следствием различия в видах хозяйствования и неравномерного распределения скота среди общинников явилась борьба за различные пропорции в соотношении между пахотными и пастбищными землями. Владельцы рабочего скота и бесскотные общинники требовали увеличения запашки за счет выгонов и сенокосов, – при этом первые исходили из своих возможностей по возделыванию земли, вторые – из интересов сдачи своего пая в аренду. Подобное требование удовлетворяло и интересы крестьян средней зажиточности, чья состоятельность покоилась более на земледелии, нежели на скотоводстве. Численно незначительная, но экономически мощная группа крупных скотоводов отстаивала сохранение прежних пастбищно-выгонных и сенокосных норм [960]. Если учесть интересы крупных землевладельцев и интересы скотовладельцев, то станет понятным их стремление к расширению пашен за счет выгонов и покосов.

Отдельные пастбищные массивы состояли в частной собственности крупных и мелких скотоводов. Первые переселенцы с гор на равнину селились хуторами для корма своего скота [961]. Эти поселения отличались от индивидуальных хуторов позднейшего времени по форме и условиям возникновения, однако,

и те, и другие имели ряд общих причин возникновения и условий существования. Подобный вид поселения и хозяйствования был под силу лишь наиболее могущественным семьям, способным самостоятельно решать хозяйственные и оборонительные вопросы. Представители местной администрации считали хутора единственно удобоприемлемыми в местных условиях для ведения скотоводческого хозяйства [962]. Первоначально хутора основывались преимущественно крупными скотовладельцами, которые впоследствии, как правило, становились и крупными землевладельцами. Имеются все основания предположить, что хуторские хозяйства возникли еще в условиях горной локализованности чеченцев, а с переселением на равнину происходит процесс повсеместного распространения этого вида хозяйствования. Частнособственническое хуторское хозяйство, передаваясь из поколения в поколение, просуществовало ряд столетий. Юридически оно покоилось на праве первого завладения, исстари установившегося в Чечне [963].

В XVIII – первой половине XIX века получили распространение хуторские хозяйства мелких скотоводов. Они основывались на полянах, очищенных силами семьи скотовода от леса и кустарника. Размеры таких хуторов часто не превышали $^1/_2 - ^1/_4$ загона (3 загона = 2 десятины). Такие поляны именовали по-чеченски «ирзау» (ирзо), к этому слову прибавляли имя владельца. Отсюда произошли названия: Магомет-ирзау, Умар-ирзау, Чермой-ирзау и др. Владелец строил на поляне кутан, с помещением для жилья и рядом – помещение для скота [964].

Развитие форм собственности, не соответствующих патриархально-родовому строю, выразилось в возникновении частной собственности на землю. Первоначально частная земельная собственность в Чечне установилась на приусадебные земли.

В рапорте начальника Аргунского округа начальнику Терской области от 21 июля 1872 года сообщалось, что в большинстве аулов округа усадебные места с незапамятных времен составляли наследственную собственность и могли продаваться. В некоторых аулах Шатоевского приставства «усадебные места не составляют собственности, но принадлежат к землям общественным. Такого рода земли отчуждаемы быть не могут, иначе как по согласию общества»[965]. В последнем случае начальник округа поспешно отнес усадьбы к общественным землям, так как общество, в конечном счете, разрешением на продажу признает усадебную землю частной собственностью. В некоторых

тайпах существовало лишь право исключительного пользования усадебными участками без права продажи. В рапорте начальника Веденского (бывш. Ичкерийского) округа начальнику Терской области от 6 августа 1872 года сообщалось, что в 1-м и Даргинском участках округа усадебная земля считается собственностью застройщика пока он остается жить в данном ауле, с переходом владельца строений в другое аульное общество, бывшая в его пользовании земля обращается в достояние общества и может быть отдана любому, проживающему в том ауле сородичу, бесплатно.

Приусадебные участки в большинстве тайп служили объектом купли-продажи. В селениях 2-го участка (бывшего Зандаковского) Веденского округа собственники приусадебных земель при переходе на жительство в другой аул могли продавать свои участки жителям своего аула, «если только находятся покупатели». Продажа земель сородичам, но из других аулов, ограничена. Однако в большинстве тайп разрешалась продажа усадебных земель сородичам из других аулов. В более развитых обществах допускалась продажа или передача иными путями усадебных земель представителям других тайп, если не находилось покупателей среди сородичей. Так, в рапорте начальника Грозненского (бывшего Чеченского) округа Грозмана начальнику Терской области от 25 августа 1872 года сообщалось, что в селах округа немало садов, усадеб, а также мельниц, которые перешли по наследству или другими путями жителям неродственных аулов.

Частные усадебные земли более медленно, чем все остальные виды недвижимой собственности, поступают в сферу товарного обращения. При этом у равнинных чеченцев продажа усадеб совершалась менее болезненно, чем у горных, вследствие более архаического характера социально-экономических отношений у последних.

На формы землевладения у равнинных чеченцев оказало влияние их переселение на плоскость, что определило конкретные пути распада патриархально-родовых отношений. В настоящее время для нас не важна вся хронологическая последовательность переселения [966], но важно отметить, что наиболее интенсивная колонизация происходила в XVII, преимущественно в XVIII веке [967]. Мы придаем большое значение вопросу о том, какими именно общественными группами происходило заселение равнины, какого типа поселения возникали, какие отношения устанавливались у них к земле,

что было привнесено из прежних общественных отношений, и что возникло впервые.

В силу отсутствия у чеченцев государственности, колонизация неизбежно протекала стихийным путем. Абсолютное большинство пришельцев состояло из крестьян землевладельцев и скотоводов, среди которых находились и такие, которые в горах пребывали в различной степени экономической (не исключена возможность юридической зависимости) и которые с переселением обретали свободу. В число первых колонистов, несомненно, входили безземельные тайпы [968] и крупные скотоводы. Позднее начали переселяться относительно крупные хозяева-земледельцы [969]. Понятие «позднее» имеет весьма незначительное временное отступление от начальных этапов переселения, а наличие землевладельцев в числе первых вполне допустимо, но вначале они не составляли основной массы переселенцев.

Колонизация свободных плоскостных земель стала в Чечне главным путем расширения и видоизменения общинного и частного землевладения. В колонизации можно выделить два этапа, различных по срокам, а главным образом по характеру собственности на землю. Если первые колонисты преимущественно занимали свободные пустующие территории, то последующие, в силу ограниченности свободных территорий и соображений безопасности, были вынуждены селиться на уже занятых землях на договорных условиях.

Согласно преданиям при переселении каждой фамилии выделяли участок земли, размеры которого определялись по принципу: «куда стрела долетит»[970]. Но такой порядок был только при одновременном переселении нескольких тайп (тухумов) на плоскость. Некоторые предания отмечают другой принцип распределения земли, когда ряд тайп захватывали крупные земельные массивы, используя их затем для подчинения последующих переселенцев. В качестве примера можно назвать Ахшбатойскую тайпу, которая взыскивала подать с других тайп за поселение на своих землях [971].

Голенищев-Кутузов вполне справедливо считал, что у плоскостных новоселов-чеченцев земля принадлежала тому, кто возделывал ее впервые [972].

Преимущественными возможностями в данном случае располагала тайповая верхушка, обладавшая необходимыми материальными средствами для освоения пустующих целинных земель. Как указывал К. Маркс, «частная собственность,

как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам»[973].

Теоретически можно представить следующие более или менее вероятные пути экономической реализации крупной земельной собственности. Первые поселенцы были не в состоянии освоить своим трудом и отстоять занятый земельный массив. Колонизация новых земель протекала в напряженной и суровой обстановке, при которой для закрепления на новых землях необходим был известный минимум людей. Нужда в поселенцах ощущалась достаточно остро, поэтому первые собственники, на сравнительно легких условиях, отдавали часть своих земель. Условия поселения позднейших переселенцев были неодинаковы в разное время и в разных местах. Это зависело и от того, на чьих землях селились и кто селился, ибо поселенцы на новых местах сохраняли отдельные формы прежней зависимости. Позднейшие переселенцы, оседая на землях «первых завладетелей», обязывались уже нести феодальные повинности.

Переселение было использовано тайповой верхушкой для решительного разрыва со своими тайпами и родовыми обязанностями. Так, в середине XVIII века представитель Эрсеноевской тайпы Сержи занял на плоскости обширные земли, основав одноименный аул. Все последующие поселенцы на этих землях были обязаны ему отработками в течение 10–15 лет и лишь после этого получали право на освоение пустошей. К поселению на эти земли Сержи не допускал ни одного сородича-эрсеноевца. Этому принципу следовали и его потомки, которые продолжали удерживать земли своего предка [974].

После того как удобные земли на равнине были заняты, чеченцы перешли к индивидуальной расчистке для пахоты и покосов земель из-под леса. В силу отмеченного права первой трудовой заимки, обработанные земли переходили в частную собственность возделывателя и именовались «ляцен-мохк»[975]. Говоря словами К. Маркса, это «была частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда»[976]. Ляцен-мохк становилась частной собственностью в том случае, когда она возникала на территории собственной тайпы. Права собственников на ляцен-мохк были ограничены родовым правом. В некоторых тайпах ляцен-мохк можно было продавать только сородичам из своего аула, в

других тайпах разрешались торговые сделки между жителями смежных аулов, если эти аульные общества по своему происхождению принадлежат к одной тайпе [977].

Ограничение в праве продажи ляцен-мохк существовало преимущественно в тайпах с незначительным общинным земельным наделом. В многоземельных тайпах родовое право действовало много слабее. Ляцен-мохк существовал в виде дополнительного участка земли к общинному наделу. О распространенности этого рода собственности свидетельствует тот факт, что, например, только в 1-м и 2-м участках Веденского округа к концу XIX века наряду с общинными владениями было около 20 тысяч отдельных участков и клочков ляцен-мохк [978].

Частнособственнические земли служили также предметом дарения. В Чечне мечети были собственниками вакуфных пашен и покосов, переданных им по завещаниям верующих [979].

В том случае, когда расчистка земли велась на территории чужой тайпы, возделыватель становился лишь арендатором расчищенного участка с правом наследственной передачи арендных прав [980]. Единственным стремлением таких арендаторов было обратить возделанную землю в свою собственность»[981].

Переселение на плоскость проводилось отдельными семьями, гарами, неки, целыми тайпами. Часть переселенцев образовала особые общества – копии прародительских, принявшие названия по имени своих родовых горных аулов или тайп [982]. Необходимость сохранения фратриально-родовой организации обусловливалась техническим несовершенством орудий труда и потребностью в связи с этим совместных усилий в производстве, а также потребностями защиты от захватнических поползновений иноплеменных феодалов. Преемственность прежней общественной структуры не была чисто механической. Даже чисто количественный рост некоторых явлений прежней жизни порой давал качественный социальный эффект. Значительная часть чеченцев-переселенцев сохранила основные формы прежних общественных отношений.

Часть переселенцев «отступила» от правила [983] «отечественных жилищ»[984] – не принимать из других тайп и основала на равнине аулы, населенные представителями разных фратрий, но при строгом делении аула, по родовым группам [985]. Для аулов, населенных родовыми группами разных тайп, характерна двойственность: с одной стороны, фамильные ответвле-

ния продолжают поддерживать связи с основным тайповым стволом, оставшимся на прежнем месте, несут ответственность за действия всех сородичей, пользуются их защитой и покровительством, с другой стороны, они входят в новые территориальные объединения, в которых они преследуют свои интересы, чуждые интересам тайпы. Так, распад рода имеет следствием возникновение сельской общины, члены которой несли различного рода обязанности по отношению к тайпе, к своим гарам и неки и, в то же время, к своей новой соседской общине. Все эти обязанности определились родовым происхождением каждого индивида, его родом занятия, его территориальной зависимостью от нового аула или даже части аула.

Квартал аула, населенный представителями одной тайпы, именовался «кур». Там, где квартал заселился гарами разных тайп, он назывался «купом» [986]. Этот термин, как правило, употреблялся и вместо термина «кур».

Каждый куп аула имел собственные земли, которые регулярно переделялись между членами купа [987].

Переселение чеченцев с гор ускорило разрушение экономических основ тайп. Как отметил Бутков, переселенцы на равнину сохраняли право собственности на участок земли, расположенный на месте исконного (т. е. горного) обитания тайпы [988]. Норденштамм отметил право равнинных жителей переселяться обратно «туда, откуда предки их вышли». При этом временно возвращавшиеся сородичи имели право «на пристанище», а возвращавшиеся совсем наделялись и землями [989]. Равнинные жители-поселенцы как однофамильных, так и территориальных неродственных обществ удержали право на горные земли в силу сохранившейся крепости фратриально-родовых отношений [990]. Переселенцы сохраняли право на частнособственнические и фратриально-родовые общинные земли, расположенные в горах. Отделявшаяся от тайпы ветвь не оставляла во владение оставшихся сородичей различные виды земельного владения. Если в тайпе бессрочным пользователем земель выступали роды-софраторы, то они с переселением отдавали свои земли сородичам в аренду [991]. Переселенцы, владельцы частных земель в горах, взимали с сородичей за пользование ими «бер» – подарок, подать, а точнее – установленную арендную плату [992].

Источники сообщают, что внутри тайп, географически разделенных на равнинную и горную части, сородичи из

равнинных поселений сохраняли право на исконные горные пастбища тайпы. О праве горных жителей на пастбища сородичей, живущих на равнине, источники умалчивают. Скорее всего, его не было.

Редкая сохранность актов купли-продажи не позволяет определить размеры, причины, распространенность и время сделок по земельным вопросам.

Право продажи земли называлось в Чечне «куртезена». В вопросах купли-продажи соблюдался принцип предпочтительной покупки земли кем-либо из членов рода – гара или фратрии – тайпы. Обычай требовал, чтобы продавец предложил продаваемый участок сородичам, и лишь при отказе с их стороны круг покупателей расширялся. Право «куртезены» как полного перехода земель из одних рук в другие распространялось и на те частнособственнические земли, которые покидались их владельцем по причине кровной мести. Эти земли переходили в собственность ближайших родственников убитого [993].

В условиях слабого развития товарно-денежных отношений широкое распространение получает временное отчуждение земли, являвшееся переходной ступенью к куртезене. Оно заключалось в отдаче земли владельцем в бессрочное условное пользование другому лицу за позаимствование у последнего хлеба, скота, лошади, одежды и проч. Такое соглашение, известное под названием «кериецна», состояло в том, что, пока должник не возвращал взятой вещи или денег, заимодавец удерживал землю и пользовался ею. Обязательство это переходило к наследникам обеих сторон. Возникло оно в незапамятные времена. Побуждением к «кериецне» была нужда беднейших чеченцев-узденей в предметах, которые нельзя было быстро приобрести личным трудом, например плуг, одежду, коня. Падеж скота мог сделать часть земли ненужной, и тогда она отдавалась в залог за скот. Женитьба в отдельных случаях также вынуждала закладывать земли в целях получения средств на выплату калыма. Неурожай заставлял закладывать землю за скот или хлеб; отходничество также сопровождалось отдачей земли в пользование за плату. Помимо причин социального порядка, вызывавших отдачу земли в условное пользование, имели место случаи отдачи ее в виде возмездия за членовредительство [994].

Возникшая и развивавшаяся в горах частная собственность на средства производства, особенно на землю, породила

такие могущественные экономические силы, с которыми чеченская тайпа не могла справиться. Покупка, продажа и залог частнособственнических земель, право сдачи земельных паев в аренду были узаконены адатами. Обусловленность права продажи земли согласием сородичей не могла остановить процесс превращения земли в товар. Разнообразные формы частного землевладения подрывали фратриально-родовые формы собственности.

Превращение всей массы узденей – членов тайпы, в частных собственников земли, стало основной тенденцией развития земельных отношений в Чечне XVIII – первой половине XIX века. Тенденция появления частной крестьянской земельной собственности проявлялась неравномерно в отдельных чеченских обществах, но в различных формах и размерах она имела место повсюду.

Благодаря захватному праву земли, крупное землевладение в равнинной Чечне возникло до распространения мелкой крестьянской земельной собственности, и дальнейший процесс феодализации продолжался за счет поглощения крупными землевладельцами расширяющейся крестьянской земельной собственности (ляцен-мохк). Вместе с тем мелкие и крупные земельные собственники вели наступление на фратриально-родовые общинные земли. Захватное право землевладения, подкрепляемое силой, переносится феодализирующейся знатью на общинные земли. Спорадические случайные захваты феодализирущейся верхушкой индивидуальных земель мелких собственников приобретали массовый характер.

Первобытнообщинная собственность на землю до известной степени сдерживала рост крестьянского частного землевладения. Однако общинная собственность активно подрывалась установлением частной собственности на дом с усадебным участком, на скот и орудия земледельческого труда, но главным образом – «парцеллярным трудом как источником частного присвоения»[995], которое благодаря длительности своего существования привело к сосредоточению недвижимого и движимого имущества, а также рабов в руках преуспевающих могущественных семей.

Агонизирующая родовая оболочка могла лишь затормозить процесс социальной дифференциации общества, но не остановить его. Так, разделившиеся общества начинали вдруг выступать как сословно неравноправные группы. Скрытое за внешними отношениями идиллическое единство родов вдруг

разрывалось в результате длительной подспудной борьбы групп различной экономической состоятельности внутри рода [996]. В Чечне родственные отношения давно уже не совпадают с экономическими основаниями тайпы.

Занятие плоскости содействовало некоторой нивелировке в землеобеспеченности тайп и временно ослабило межтайповые столкновения. Естественной нехватки земли уже не ощущалось. В основе недостатка земли теперь лежали чисто социальные причины. Родовая верхушка в лице «лучших семей» успешно захватывала земли как своей, так и соседних тайп. Малоземельные тайпы попадали в военную и экономическую зависимость от более мощных родов, у которых подчас арендовали земли. Различие в землеобеспеченности между тайпами неизбежно вело к различиям в их экономической и военной мощи.

В изучаемое время можно выделить следующие категории тайп.

I. Тайпы состоятельные, обеспеченные землей, по-русским источникам середины XVIII–XIX веков это «аристократические», «знатные», «хорошие», «сильные» фамилии. К таким относились тайпы Го, Нашхо, Мазгорой и Чендухой, которые поручались перед шамхалом Тарковским и давали ему аманатов [997]. В середине XVIII века сильными тайпами были «Чомпаловы да Аджихановы они же именуются Зевантарловы»[998], которые «пред протчими силу и власть имеют немалую»[999]. В сел. Алды тогда не было из шести три «знатных» рода: Урусханова, Дишни, Баян [1000], в «дальних Чечнях» – фамилия Цон Тарлы [1001] (Сонтарой).

В записной книжке наместника Кавказа М. С. Воронцова перечисляются следующие «главные», «самые знатные» семь родов: Биано, Яхаши, Биата, Гуино, Еяехо, Нижело, Устерха [1002]. Такой тайпой была и Ахшбатой [1003].

А. Берже отметил, что тайпы, ведущие родословные от полулегендарного Нахчууо, пользуются некоторыми преимуществами и почетом или претендуют на таковые. Это были жители аулов: Харачж, Цуонтари, Гордоли, Белготи, Беяни, Гуни, Экишбачи, Еяохой-мохий, Ширдимохни, Дышнимехки, Зандок, Чертой, Сесени, Черми, Ал-ери, Ангини, Аникалли, Еяитти, Эрсени и некоторые другие [1004]. Верлин указал на претензии ичкеринцев представлять «настоящую чеченскую знать»[1005].

Это были преимущественно тайпы, в которых процесс распада патриархально-родовых отношений зашел глубже, чем в других. В них выделилась феодальная верхушка, которая стремилась к возвышению своих родов. В «аристократических» тайпах обездоленных сородичей было не меньше, чем в других тайпах, о чем свидетельствуют, например, тяжелые условия, на которых часть ахшбатойцев была допущена к поселению вышеупомянутым Сержи.

II. Тайпы, зависимые от других тайп, безземельные – «мохбацу»[1006] и малоземельные. Лаудаев утверждает, что с переселением на равнину безземельных тайп не стало [1007]. Однако их наличие засвидетельствовано Ермоловым [1008].

III. Тайпы самостоятельные. Независимость некоторых из них устойчива, другие постепенно утрачивают элементы экономической и политической свободы. Такими были, например, Чебаевы, которые «хотя природою и равны, но токмо против их (имеются в виду выше упомянутые Чомпаловы и Аджихановы. – *Ф. Т.*) силы и власти не имеют»[1009].

IV. Тайпы, зависимые от иноплеменных феодалов.

V. Тайпы, зависимые одновременно от других тайп и пришлых князей [1010].

Функции фратриальных органов самоуправления. Разложение родовых обычаев. Во главе чеченской тайпы в рассматриваемый период стоял избираемый на общем собрании старейшина – тамад. Сохранились отголоски тех времен, когда во главе тайп стояли старшие по возрасту [1011]. Гюльденштедт первый подметил два момента, предопределявших выборы старейшин. Он писал, что чеченцы, «выбирают между собой богатейших, а особливо имеющих большое родство в старшины»[1012]. Рейнеггс дополнил наблюдение Гюльденштедта сообщением о наследовании у части чеченцев должностей тайповых тхамадов, хотя формально сохранялась возможность перевыборов [1013]. Строгого наследования этой должности нет. Тайповый тамда регулировал взаимоотношения между гарами его фратрии, между всеми входящими в него членами. Под его руководством проходил раздел земель, он вел переговоры по урегулированию межтайповых споров, давал разрешение на проход через земли фратрии [1011].

Некогда слово тамды было решающим в разрешении тех или иных внутрифратриальных вопросов. Постепенно, в ущерб власти тамдов, возрастает роль глав состоятельных семей.

Права тамды постепенно сужаются, власть его приобретает номинальный характер. Суд старшего в тайпе стал недостаточным [1015], и в результате прежние судебные функции тамдов в XVIII – первой половине XIX века переданы уже в ведение смешанных третейских судов – «келохой», для которых отведены постоянные места – тюркюн [1016]. Тамда не имел права приказывать или наказывать, не мог распоряжаться собственностью членов рода. Ему не оказывали никаких внешних признаков почтения, но к его мнению прислушивались.

Важным демократическим органом власти тайпы было собрание – джамаат равноправных взрослых мужчин – узденей. Для собраний каждая тайпа имела установленное традиционное место. Некогда в них (в собраниях) воплощалась высшая власть, но в изучаемое время власть фактически осуществлялась тайповой верхушкой, хотя и через собрание. В компетенцию фамильных собраний входило: изгнание из тайпы недостойных членов, прием новых членов, выборы вождя, рассмотрение условий вступления в союз с другой тайпой, распределение общеродовых оборонительных башен, утверждение договоров, заключенных тамдой.

Джамааты в интересующее нас время проводят волю феодально-рабовладельческой верхушки тайпы [1017]. К. Самойлов передавал, что «общее решение признавалось и исполнялось только теми, кто соглашался с ним: несогласных же оставляли в покое, в случае невозможности употребить силу»[1018].

Таким образом, выделявшаяся социальная верхушка постепенно берет под свое влияние политическую власть в тайпе. Голос тайповых собраний – это голос формирующейся землевладельческой и скотоводческой верхушки, опирающейся на родственные связи в достижении своих социальных интересов.

Из представителей неки, гар, отдельных мощных семей слагается совет тайпы. Существование и укрепление этого органа покоилось на имущественном и социальном расслоении тайпы.

Большое влияние на общественные отношения у чеченцев продолжает оказывать родовая месть (канлы). За убийством или даже оскорблением обязательно следовало отмщение. Первоначально за убийство или преступление одного члена несла ответственность вся тайпа. Это было во времена, когда «каждая фамилия составляла как бы одно тело»[1019].

Изменения в экономической жизни Чечни после переселения на плоскость, преобразование тайпы-рода в тайпу-фратрию, выделение социальных стратов сократили сферу действия кровной мести. По свидетельству У. Лаудаева, первоначально, когда кровь (ци) распространялась на всю тайпу, вся фамилия обидчика бежала на новое местожительство. Позднее сфера действия канлы сужается. У. Лаудаев отмечает, что от тайпы она переходит на гару, а затем на семью [1020]. Собранный же нами полевой материал позволяет утверждать, что после гары месть была перенесена на неки [1021] и лишь затем на малые семьи. В малой семье мести подвергались убийца, его братья или отец, т. е. родственники-мужчины. Сужение сферы действия мести есть результат падения патриархально-родовых устоев. Однако на практике месть даже в новых условиях часто распространялась на всю тайпу, что свидетельствует о живучести традиций. Так, из полигентильных аулов из-за кровной мести продолжали убегать целые гары [1022].

В связи с имущественной и классовой дифференциацией канлы все меньше распространяется на тайповую верхушку. К. Самойлов отметил, что в силу кровной мести редко оскорбляют человека, имеющего большую родню [1023].

Для примирения враждующих сторон часто применялся принцип материального вознаграждения за обиду или преступление. Кровь искупалась деньгами, скотом, землей и т. д. Для искупления крови не было единых норм: сильные тайпы, гары и семьи стремились получить большую компенсацию. В различных тайпах сложились свои нормы компенсации крови. В Чантинском тухуме, включавшем несколько тайп, за убийство полагалась плата в 120 коров. У кого не было скота, тот платил оружием и домашней утварью, причем ружье ценилось в 10 коров; котел, в котором мог поместиться целый баран, имел такую же цену. Корова оценивалась в 5 рублей, вол – 10 рублей, лошадь – 30 рублей [1024]. А. Зиссерман говорит, что в других обществах платили за убийство мужчин 190 коров [1025].

Есть сообщения, что кровная месть распространялась и на женщин. Источник 1755 года говорит, что горные чеченцы, чубинцы, из деревни Халка (другое название Швид) «по их обычаям женщин ранить и умервшлять стыда не имеют», а чебурклинцам по обычаю «женщин ранить и умерщвлять неположено и за велико грех и стыд признают»[1026]. По данным К. Самойлова, месть у чеченцев распространяется как на

мужчин, так и на женщин до четвертого колена [1027]. В силу патриархальных отношений кровь мужчины ценилась выше. Так, по сообщению того же Зиссермана, за убийство мужчины требовалось уплатить 190 коров, а женщины – 130 коров [1028]. Обязанность кровомщенца возлагалась на ближайшего родственника убитого.

Некогда кровная месть выступала, указывал Ф. Энгельс, «лишь как самое крайнее, редко применяемое средство»[1029]. С развитием частнособственнических отношений канлы разрастается, становится постоянным фактом общественной жизни. Она ведет к истреблению семей, сокращению населения. Время было бессильно перед этим обычаем, так как месть передавалась из поколения в поколение. Кинжал и огнестрельное оружие уносили ежегодно десятки и сотни молодых жизней. Канлы пережила породивший ее общественный строй.

В Чечне не было тайпы, которая не была бы втянута в кровную месть. В 1923 году в Чечне было 18 000 враждующих семейств (по 9000 семейств со стороны мстителей и «должников»)[1030].

Кровная месть разъединяла народные массы. Царизм умело использовал ее в своих целях. «Обычай кровомщения, бывший причиною постоянных междоусобий в чеченской семье, был лучшим союзником русских (читай: царских властей. – *Ф. Т.*), которые нередко пользовались им, как средством бросить в страну семена раздора и внутренней вражды»[1031].

Вождь чеченского восстания 1785 года Шейх-Мансур пытался изжить кровную месть в Чечне. «Он убедил мать своего родственника, убитого одним из чеченцев, не отмщать за кровь, а просить убийцу помириться с ним. Чеченцы стали делать то же самое»[1032]. После подавления восстания кровная месть продолжалась по-прежнему. Позднее строгие меры по искоренению канлы принимает Шамиль, издавший фирман о запрещении кровомщения.

Члены тайпы были обязаны оказывать друг другу материальную взаимопомощь при уплате штрафа и калыма. Как правило, этот вид родовой связи ограничен кругом ближайших родственников, слабо распространяясь на сородичей, проживающих в другом ауле. Сужена сфера действия и взаимной трудовой поддержки. В трудовой взаимопомощи начинают участвовать неродичи. Коллективная помощь была известна у чеченцев под названием «белхи», «белахай»[1033]. Она имела

место при пахоте, уборке урожая, косьбе сена, при постройке дома и т. д.

При полевых работах и постройке дома в белхи совместно участвовали мужчины и женщины, во многих других видах белхи участвовали только женщины. Устраивались такие белхи, в основе организации которых лежало отсутствие у ее участников необходимых средств производства. Клингер наблюдал: с наступлением страдной поры чеченцы, по недостатку быков и плугов, договорились пахать поля артелями из нескольких хозяев, имеющих плуги и по две или по одной скотине»[1034]. К сожалению, нельзя проследить принципы организации белхи [1035], хотя, несомненно, в XVIII–XIX веках он служил скрытой формой эксплуатации для крупных землевладельцев, располагавших хозяйственным инвентарем.

Религиозные верования чеченцев в средневековье носили «языческий» характер. Некогда каждая тайпа имела свои эльгицы – храмы, посвященные родовым патронам или богам природы [1036]. Каждая тайпа имела своего бога – дела [1037].

С поселением на плоскости у чеченцев распространяется ислам. Новая и старая религии становятся еще одним разделяющим тайпы признаком, как это было с аккинцами.

Тайпа на общих собраниях проводила прием новых членов. Принимались как отдельные лица, так и группы людей, особенно из других, ослабевших или вымиравших тайп [1038].

Многие тайпы имели свои древние кладбища, куда нередко, в связи с территориальным рассредоточением тайпы, умершего везли за несколько десятков верст [1039].

Мерилом нравственности и норм общественной жизни у чеченцев служил обычай – эдиль (адат). Нормы адата передавались из поколения в поколение, из рода в род. Адаты содержали правовые нормы, выработанные тысячелетиями общественной жизни. Хранителями их выступали представители старшего поколения. Но никакой возраст не мог спасти адаты перед силой экономического развития. Если первые переселенцы сохраняли верность обычаям предков, то последующие поколения фактически отвергли их [1040], и в Чечне стало господствовать право сильного [1041]. Новые веяния в общественно-экономической жизни чеченцев после переселения потрясли вековые обычаи, а некоторые уничтожили вообще.

Начинается новое правотворчество. Обострение социальных противоречий в среде плоскостных чеченцев понудило их обратиться к жителям горного аула Ношхой (Нашахэ),

который до переселения был центром общественно-политической и культурной жизни чеченцев. Местные старики-знатоки древних адатов оказались в затруднении, так как изменения в их собственном обществе не укладывались в прежние адаты. Необходимо было согласовать адатные нормы и с догматами корана. В связи с этим проводится серия собраний представителей всех тайп. На одном из них, проводившемся возле аула Цонтари, на горе Кеттеш-корт, было 100 представителей от всех тайп, которые заседали 10 месяцев [1042]. Было решено в делах наследования, духовных завещаний, в вопросах о разделах имений, о браке и опеке руководствоваться шариатом, для остальных случаев выработали новые адатные нормы [1043]. В связи с дальнейшим распадом патриархально-родовых отношений и расширением сферы деятельности шариата имели место попытки уничтожить адаты, но они оказались безуспешными [1044].

Разложение родового строя сопровождалось и падением многих архаичных обычаев. Это отмечено герменчукским кадием Мустафой, который в обращении к чеченскому народу говорил: «Умножились среди нас беззакония и грехи; усилились между нами ненависть и несогласие; наполнились в сердцах наших зависть, вражда, несправедливость и междоусобное злодеяние; произошли у нас обольщение и возмущение, и уменьшилась польза добродетели»[1045]. Очевидно, что родовые нормы жизни уже не определяли общественных отношений.

Н. Семенов еще в 80-х годах XIX века подметил, что многие чеченские адаты зиждятся на других основаниях, чем основания родового союза, и действуют в противовес последнему. Адат стоит на почве народности, а не фамилии [1046]. Действительно, общность языка, исторических судеб, территории и совместной жизни содействовали развитию национального самосознания, вели к складыванию чеченской народности. Высшей формой общественной организации, выработанной чеченцами, была конфедерация, к рассмотрению которой мы и переходим.

Тухумы. Конфедерация чеченских племен. Чеченские тайпы издавна состояли друг с другом в союзнических отношениях. Союзы объединяли соседние тайпы, особенно расположенные в одном ущелье. В каждое объединение входило по несколько тайп. Эти союзы фратрий составляли племена, по-чеченски – тухумы. По сообщению М. Мамакаева, в конце XVII века в Чечне существовало восемь тухумов.

В свою очередь чеченские тухумы входили в общевайнахский союз племен. Эта конфедерация вайнахов включала чеченцев, ингушей, карабулаков, а также их соседей из пограничных горных и равнинных районов – аварцев, народов горной Грузии (тушины, хевсуры, пшавы, мохевцы, кабардинцы, кумыки, ногайцы и др.) [1047]. Союз покоился на вайнахской лингвистической основе и отражал широкое распространение чеченского языка. В межплеменной коалиции соблюдались демократические принципы межнациональных отношений.

Одной из главных целей конфедерации был мир между племенами. На совместных собраниях представителей вайнахов вырабатывались совместные действия, принимались меры к нормализации межфратриальных и межплеменных отношений, определялись размеры платы за переход по территориям тайп и тукхумов, устанавливались нормы взаимоотношений между сородичами и даже цены на выкуп пленных во всех тайпах. Проводились совещания чаще всего в Маасте [1048]. Можно предположить, что эта конфедерация первоначально образовалась как военный союз племен.

Позднее общевайнахская конфедерация распалась, и из нее выделилась более узкая конфедерация собственно чеченских племен. Эта конфедерация сохранила некоторые демократические основы прежнего объединения. Совместные дела обсуждались на общих совещаниях представителей всех тайп. Общие собрания конфедерации проводились в определенных местах.

Эти общие совещания представителей тайп именовались Мехк Кхел или Мехкан Кхиэл [1049] – Совет страны и были, как правильно определяет И. М. Саидов, древнейшей верховной организацией нахов. Состав Совета страны в разное время осуществлял разнообразные функции власти и менялся по социальному составу. В Совет страны входили старшие мужчины из различных тайп, жрецы (кадии – духовные лица), наиболее видные бяччи [1050], ораторы, почитаемые люди, представители состоятельной тайповой верхушки»[1051]. И. М. Саидов полагает, что с середины XVIII и до 40-х годов XIX века в Совете страны ведущая роль принадлежала мусульманским ученым – алимам [1052]. Нам представляется, что эту роль играла и феодализирующаяся тайповая верхушка, включая бярчи (бяччи).

Место проведения заседаний Совета страны менялось в зависимости от внутренних и внешних обстоятельств. И. М. Саидов, много сделавший в деле изучения института

Мехк Кхел, установил следующие места проведения заседаний Совета страны: 1) селение Майсты (в бассейне реки Чанты Аргун – притока реки Аргун), 2) гора Мизир-корта – недалеко от сел. Галанчож, 3) сел. Акка – в современном Галанчожском районе, 4) местность Киэлой или Кий – южнее Галанчожа, 5) гора Юнкъера лам, 6) сел. Нашаха в верховье реки Гехи, 7) гора Кхеташ корта (Кеташ корта)[1053] в Ичкерии, у сел. Цонтар, 8) сел. Герменчуг, 9) гора Эртхан Корта, 10) сел. Шали, 11) Алды (в районе современного г. Грозного), 12) сел. Гехи на реке Гехи, 13) сел. Чечен на реке Аргун, 14) Солжа гала – в районе современного г. Грозного, 15) сел. Ширча-юрт, 16) местность Муйт кхера (Муйт-кера) в бассейне реки Фортанга, 17) Дзаур-Кала – на месте современного г. Владикавказа, 18) холм Жеми барз на горе Восточная Сюйр-корта, холм Хангаяий барз у входа в Ханкальское ущелье. Хребты: 20) Ткобе Эрды и 21) Альби жрда – в долине реки Асса, 22) Аламбос в районе Татартупского минарета на реке Терек, 23) Шинасуъйран юк – в районе современной телевышки г. Грозного [1054]. Первые пятнадцать из перечисленных центров, а также Муйт кхера, Жеми барз, Шинасуъйран юк и Кхеташ корта чаще всего имели общевайнахское значение. Остальные временами становились местом проведения собраний горных или плоскостных чеченцев [1055], представленных тайпами и сельскими общинами. Проводились собрания и по тухумам.

Совещания конфедерации или тухумов в первое время после переселения с гор на плоскость стали проводиться чаще, что было вызвано необходимостью выработать соответствующие адаты, регулирующие отношения внутри этнических и социальных общностей переселенцев.

Члены Совета страны определяли принципы землевладения и землепользования, корректировали этические нормы и назначали наказания за их нарушения, рассматривали вопросы внутренней торговли, (устанавливали единицы измерения, цены на скот и т. п.) и внешней, разрешали или запрещали образование новых сел, принимали решения оборонительного значения (поручали отдельным тайпам или тухумам возведение оборонительных башен, сторожевых поселений), обсуждали вопросы войны и мира, устанавливали сборы материальных средств для общевайнахских нужд, дозволяли различные обложения и повинности [1056]. В связи с усилением борьбы против колониального наступления царизма на Кавказе одной из ведущих тем в деятельности Мехк Кхел стали военные вопросы.

Все члены конфедерации обязаны были в случае военной опасности извне прибыть на место общего сбора войска. Посредством сигнальных костров тревога охватывала самые дальние аулы [1057].

Нередко Мехк Кхел устраивали общечеченские праздники, как, например, праздники весны [1058].

Постановления заседаний Совета страны были обязательны для членов представленных на них тайп, тухумов и сельских общин [1059]. На совещаниях Мехк Кхел осуществлялся высший суд народа, здесь же приводили в исполнение и смертные приговоры [1060]. Если отдельные тайпы или сельские общины не подчинялись решению Мехк Кхел, то их могли полностью истребить. О строгости и силе власти, некогда принадлежавшей Мехк Кхел, свидетельствует, очевидно, и чеченское изречение: «Махко динарг дисна, махкана динарг диена дац» (За действия страны не мстили, за действия против страны не прощали)[1061].

Совет страны продолжал функционировать и во время народно-освободительной борьбы Чечни и Дагестана под руководством Шамиля.

В условиях феодализации в Чечне Совет страны сохранился, но теперь он все более выражал интересы феодальной верхушки тайп, освещая их интересы как общечеченские. С разложением патриархально-родовых отношений рушатся и демократические принципы конфедерации. Интересы тайповой верхушки идут вразрез с интересами конфедерации. Отсутствие у последней принудительной власти привело к установлению господства одних тайп над другими. Следить за постановлениями собраний представителей тайп было некому: сильные фамилии отрицали их компетентность, а потому их решения существовали только между слабыми и для слабых фамилий [1062]. Ермолов отмечал, что «небольшое число значущих между ними (чеченцами. – *Ф. Т.*) фамилий удерживает за собою власть и потому во всех намерениях более сохраняется единства и в предприятиях связи»[1063]. В. Швецов в 1842 году писал, что чеченцы объединены «между собою в связи политической тремя сильными и страшными для всех прочих племенами, именно: Дышни, Гурдали и Сонтар. Они имеют неограниченное влияние на прочих и родоначальники их управляют от имени народа всем, безусловно, а потому народ, независимый от законной власти, часто... становится недовольным и сносит в молчании всякую несправедливость»[1064].

Военно-экономическая мощь тайп усиливала их родовую исключительность, порождала их отчужденность и создавала перегородки сословно-кастового свойства. В этом направлении действовали и тухумные связи и обязанности. К. Самойлов сообщает, что еще в начале XIX века «ни один нахчоевец, не унизив себя, не мог вступить в родство с шотоевцем», так как нахчоевцы считались главным племенем [1065].

Функции общих собраний конфедерации постепенно закрепляются за совещаниями представителей тайп, которые, в свою очередь, проводят интересы социальной верхушки чеченского общества. Швецов на «опыте сорокапятилетней жизни на Кавказе»[1066] писал, что в Чечне на совещаниях первенствуют: духовенство, владельцы и почетные старейшины из поколений; все же прочие не имеют голосу в совещаниях; они повинуются определениям старших и исполняют единодушно свое назначение [1067].

Конфедерация племен была высшей формой социального объединения, достигнутой чеченцами в составе групп вайнахских народов. Хронологические рамки ее существования установить пока не представляется возможным. Основу конфедерации составляли тайпы-фратрии. С разложением патриархально-родовых отношений значение и функции конфедерации падают. Она постепенно теряет свою демократическую природу и оказывается не в состоянии регулировать отношения между тайпами. Ее функции ограничились координацией общих усилий по борьбе с колонизаторской политикой царизма. В ряде случаев она удовлетворяла интересы лишь ограниченного круга господствующих тайп.

РАБСТВО И РАБОТОРГОВЛЯ

Издолго до выселения на плоскость родовой строй чеченцев, прошедший длительный эволюционный путь развития, претерпел существенные изменения, которые начали перерастать узкие рамки фратриально-родовых отношений, сдерживающих рост производительных сил. Появление и утверждение новых социальных элементов было следствием разложения примитивных патриархально-родовых отношений. Реальное воплощение этот процесс получил в институте рабства.

Первое крупное общественное разделение труда – выделение пастушеских племен из остальной массы производителей – явилось, как известно, общеисторической предпосылкой возникновения рабства. Превращение в частную собственность отдельных семей, ранее свободных людей, стало возможным благодаря извлечению прибавочного продукта из эксплуатации рабов. Неизбежным следствием развития рабства в Чечне явились: ускорение выделения малой семьи, обращение ее в самостоятельную производственную единицу и изменения в социально-экономических основах тайпы. Появление и утверждение рабства в Чечне стало возможным при таком росте производительных сил, когда труд непосредственного производителя сверх продукта, необходимого для его потребления, стал давать излишек, ставший целью присвоения для отдельных семей. По состоянию источников не прослеживаются, к сожалению, ни время генезиса чеченского рабства, ни его эволюция. Мы рассмотрим рабство у чеченцев на одном из этапов его развития, перед тем как оно исчезло в связи с окончательным присоединением Чечни к России.

Первые сведения о рабах, содержащиеся в чеченских преданиях, вероятно, можно приурочить к XV – первой половине XVI века, а иногда и к более ранним временам. Так, предание, записанное в 60-х годах XIX века, относит к XIV веку деятельность Черми, вольноотпущенного холопа из Чаберлоя Аргунского ущелья, основателя аула Махкетн на реке Бассе [1068]. Другие предания, записанные одновременно с приведенным, также говорят о наличии в Чечне рабов [1069]. Конечно, эти источники не содержат достоверных сведений, но все же заслуживают внимания.

В XVII веке, по авторитетному свидетельству Е. Н. Кушевой, «неоднократные упоминания в источниках неопровержимо указывают на то, что рабы имелись как у чеченцев, так и ингушей»[1070]. Представители феодально-рабовладельческих

верхов соседних народов нередко сбывали захваченных ими пленников в Чечню еще в XVII веке [1071].

Говорить о значимости вольноотпущенничества для того времени нет больших оснований. Но правомерно утверждать, что с момента возникновения – рабство, развиваясь по своим внутренним законам, проявляя абсолютное и относительное возрастание, играет роль социального фермента, разлагающего тайповые устои. Исходной тенденцией прогрессивного развития, идущего далее родового строя, явился захват пленных, обращение их в рабов, применение методов рабовладельческой эксплуатации. Таковы предпосылки возникновения рабства в Чечне. Каковы же его источники? В рабов обращали как христиан, так и мусульман. Религия Магомета не служила в этом отношении спасением личностей мусульман. Социальные силы брали в плен поклонников всех богов.

Основным источником пополнения рабов был внешний – захват пленных. Ряды их пополнялись за счет захваченных в плен во время набегов или засад на дорогах, грузин, осетин, дагестанцев, тушин, армян, русских и других представителей нечеченского происхождения. Внешний источник рабства дополнялся внутренним, слагавшимся из ряда каналов. Как сообщал У. Лаудаев, в раба обращался военнопленный или чеченец, похищенный из-за родовой или личной мести из враждебной тайпы или захваченный в межфамильных войнах и набегах (с XVIII века этот источник сокращается) [1072]. Другим источником рабства было право патриархальной семьи продавать входивших в его семью членов. По этому вопросу Лаудаев дает ценное свидетельство. Он пишет: «Частые неурожаи тогдашних времен заставляли некоторых, во избежание голодной смерти целого семейства, продавать или менять на хлеб одного семейного сочлена, дабы этой мерой спасти остальных от смерти» [1073]. Это уже серьезное развитие рабовладения. Здесь проявляется ряд интересных социальных явлений. Следовательно, та неко когда чудесная сила, которая была представлена родом-тайпом, перестала оберегать своих членов. Тайпа была в стороне от актов продажи ее членов в рабство. Продажа производилась не тайпой и не в ее интересах. Экономически слабая семья отстаивала право на существование ценой продажи своего члена. А ведь традиционные принципы равенства и братства, единения и взаимопомощи внутри тайпы противоречили такой продаже. Но в том то и сила экономических отношений при наличии серьезного имущественного неравенства, что

они взрывают устои тайпы и обессиливают ее общественно-обязательные нормы взаимоотношений. Подобная продажа была оговариваема правом выкупа, т. е. проданный «вежерей» (член тайпа, брат сородичей) попадал в рабское положение, в котором он располагал двумя возможностями: или быть выкупленным родными и обрести свободу или быть обращенным в потомственного раба. Последнее, как говорит У. Лаудаев, случалось часто [1074]. В условиях имущественного неравенства источником рабства становилась экономическая несостоятельность должника, неспособность свободного человека погасить долги [1075]. В этом случае либо сам должник, либо член его семьи шли по той же рабской дорожке. Наличие в Чечне долгового рабства свидетельствует о патриархальной окраске рабовладельческих отношений. Грозной силой, противостоящей тайпе, стали экономически мощные семьи, каковыми были те, кто покупал рабов. Не случайно, в документе подчеркивается, что рабовладельцы «составляют в народе преимущественно класс людей богатых и влиятельных»[1076].

Именно они «тайно похищали или же продавали их (рядовых общинников. – *Ф. Т.*) за деньги или меняли на холопов»[1077]. Где уж тут говорить об их приверженности тайпе, если их жертвами становились ближайшие родственники! Так, в 1837 году у Суги Сумаевой, отказавшейся от брака с двоюродным братом своего умершего мужа – Махамадом Петыровым, последний отнял 5-летнего ребенка, которого в 1839 году продал жителю аула Гехи, по смерти которого сыновья его продали ребенка в Малую Кабарду в аул Исламово кабардинцу Хардуру [1078]. В 1857 году житель чеченского аула при крепости Воздвиженской Ащи Эгеров (Эши Егарев) продал своего 2-летнего «родственника» (степень родства не установлена) Айдемира (он же Джантемир) (Аудуева), переселившегося с отцом в указанный аул из Чаберлоя, через третьи руки. Айдемир был продан в Назрани жителю Картинского аула, тот перепродал его в Лезгор (оба последних аула в Осетии) [1079]. В 1836-м или 1837 году семилетний чеченец Канза Уцмиев был продан Габису Дударову (в Осетию) «дальним родственником своим Магометом Уцмиевым ... родственник это не имел никакого права над ним, но за смертью отца, пользуясь малолетством просителя, продал его Дударовым через чантийца Уцы Хамбатова во Владикавказе – русской крепости [1080]. В 1834 году казаком станицы Новоосетинской Тико Хабаевым куплена у Старо-юртовского жителя чеченца У. Туриева женщина

Дигорхан [1081]. Чеченское рабовладение возникло и развивалось при разложении патриархально-родового строя. Принципы рабства, братства и взаимопомощи принуждали чеченских рабовладельцев менять рабов своих однофамильцев – «вежерей» на «неродственных» холопов, а в большинстве случаев они продавали их за пределы Чечни – в Турцию, Крым [1082], Кабарду, Осетию [1083], Кизляр, на Кавказскую линию.

В родовой Чечне издревле существовал институт патроната. Малосильные, экономически немощные семьи отдавались под покровительство сильного владельца [1084]. Следствием этого было закабаление слабого сильным. В рабство нередко обращали приходивших на заработки в Чечню отходников из представителей соседних народов [1085].

Отмечаются случаи, когда в рабство обращали целые родственные группы людей. Согласно преданиям, большинство хильдихоевцев, живших в горах, были куплены (у кого? – *Ф. Т.*) некогда неким богачем, и хильдихоевцы стали самостоятельными только после того, как род их господ вымер. Селение Боккачи в конце XVII – начале XVIII века (лет 200 назад) было взято осадой дагестанским князем Астемиром, который увел всех жителей в плен и принудил работать на себя. В Андийском округе пленниками князя было население сел. Бонн [1086].

Можно указать еще один источник пополнения рабов. Смешение свободных узденок-мусульманок с русскими пленными было у чеченцев основанием для превращения их детей в рабов. «И как прежде, так и теперь держатся одного мнения, что дети, прижитые беглыми и пленными солдатами, составляют племя рабское», – говорится в отзыве начальника Чеченского округа полковника Белика командующему войсками левого крыла Кавказской линии Евдокимову от 19 июня 1859 года [1087]. Тем более это относилось к детям солдат и чеченских холопок [1088]. Эта категория рабов к середине XIX века отличалась своей «многолюдностью»[1089].

Таким образом, тайповая верхушка, опиравшаяся на свою экономическую и военную мощь, использовала безысходную нужду беднейших слоев тайпы для обращения их в рабство.

Рабы делились на два разряда: лаи и ясыри (иессыри, ясиры). Группу лаев составляли потомственные рабы, утратившие связи с отечеством, непомнящие подчас своих свободных прародителей и родных. В прошении жители Аки-Юртовского аула, чеченца, прапорщика Цупы Баматхапова командующему Терской области М. Т. Лорис-Меликову от 1 октября 1865 года

сказано, что «в Магкеме есть правило, что если зависимые, три поколения состояли в холопстве, – то они должны и оставаться в этом состоянии»[1090]. Они-то и были лаями. Рабы, питавшие еще надежду выкупиться на свободу через родственные связи, составляли группу ясырей [1091]. Однако наиболее вероятной возможностью в изменении их социального положения было превращение в лаев. Лаи и ясыри составляли две различные ступени рабского состояния. Юридически положение лаев представляет «безусловное» рабство. Лай представлял «род вещи» своего владельца, имевшего неограниченную власть над его жизнью и имуществом. Он мог быть «продан, наказан, лишен жизни по воле своего господина, и труды, и вся жизнь его принадлежит господину»[1092]. Рабовладельцы распоряжались судьбой своих рабов. Они указывали им жен, и рабы не имели права отказаться. Так, Гамбулат Алиханов из непокорного аула Наурки по праву владельца назначил своему вновь купленному рабу жену, дочь пленного солдата Сумму [1093]. Раб (и лай, и ясыр) мог жениться на свободной женщине, но этот брак служил источником наследственного рабства и в первом, и во втором случаях. Как сообщает в 1866 году Аргунский окружной народный суд, и шариат, и обычай считали «всех детей, родившихся хотя и от женщины происхождения свободного, но состоящей в браке с холопом – холопами»[1094]. Члены семьи раба могли порознь продаваться владельцам [1095].

Конечно, лаи и иноплеменные ясыри не являлись членами чеченских тайп. Но ясыри чеченского происхождения цепко держались своего рода. Подобная связь, видимо, несколько ограничивала произвол над их личностью. Рабу чеченского происхождения было легче бежать, так как он мог рассчитывать на близкий и скорый приют в Чечне, в противном случае он бежал под русское покровительство. Так, в январе 1851 года из непокорного аула Нурикой-юрт Малой Чечни выбежало на линию под покровительство русского правительства три семейства из 13 человек, состоявших до этого «в крестьянстве», т. е. рабстве у Нурикой-Юртовских старшин. Три ингуша Владикавказского аула объявили их своими «ближними родственниками» и просили разрешения на поселение их к себе в аул»[1096].

В 1822 году бежали под покровительство русских властей на Кавказскую линию 10 рабов Кайсыма Гунаева. Из их показаний вырисовываются типичные условия бесправного положения рабов, чья жизнь используется для расплаты владельца с

кровниками. Хозяин, за трех убитых им человек, расплатился по родовому обычаю рабами. Таких рабов пострадавшая сторона либо убивала, либо продавала. Когда же рабы Гунаева убили в перестрелке скотокрада, пытавшегося увести у них корову, то хозяин выдал родственникам убитого двух братьев-холопов, которых родичи убитого разбойника зарезали кинжалами на глазах жителей деревни (сел. Рошни) [1097].

Следовательно, вековые адатные нормы взаимоотношений, имеющие по многим вопросам демократическую подоплеку решения споров, не были распространяемы на рабов.

Об униженном общественно-бытовом и правовом статусе рабов в Чечне свидетельствуют многочисленные факты выявленные И. М. Саидовым. Даже после отмены рабства потомки лаев были презираемы в общественном мнении, с ними неохотно роднились. Во второй половине XIX века существовала композиция лай пьа или лаь пхьа (вира лая) – двойной штраф для потомка лая за убийство им «свободного человека». Отражением бесправия рабов в прошлом был и «лаь урдо – лай там» или «шалха там» – калым лая, равный двойному обычному калыму, который лай платил за невесту из дома свободных чеченцев – оьзда нах»[1098]. Когда потомки бывших лаев из селения Цикарой пытались породниться со «свободными» или «благородными» людьми – сьзда нах из селения Макажой, то макажойцы неохотно роднились с цикаройцами из-за их низкого происхождения. Цикаройцы отдавали замуж за потомков свободных людей (оьзда стаг), даже за старых и больных, молодых красивых девушек и при том без калыма [1099].

В отдельных селах представители зажиточной части «благородных» («оьзда нах») раз в год или чаще обходили дворы лаев, напоминая им, что они лаи [1100].

Приведенная характеристика положения лаев и их потомков, выявленная И. М. Саидовым, проясняет многие вопросы становления классового общества, раскрытие которых на основании вещественных и письменных источников почти невозможно.

Рабство, как известно, «проходит ряд ступеней – от патриархальной системы, рассчитанной преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок»[1101]. Рабство в Чечне было рассчитано на удовлетворение потребностей индивидуальной семьи господина. Рабы были заняты преимущественно производством непосредственных средств существования. Рост рабовладения

обеспечивал в Чечне некоторое развитие товарно-денежных отношений. Однако это развитие товарных отношений было ограниченным, так как раба могли продать или купить, но сам он не продавал своей рабочей силы. Эксплуатация рабского труда происходила в Чечне при господстве натурального хозяйства. Рабство в Чечне носило патриархальный характер, но не идиллический, чтобы говорить о рабе как о «младшем члене» семьи [1102]. Даже после отмены рабства потомки бывших рабов продолжали быть на положении париев.

Рабство являлось источником дарового труда. Оно обеспечивало быстрое возрастание экономической мощи отдельных семей. Некоторые рабы жили непосредственно в доме своего хозяина и были под полным его контролем. Это было домашнее рабство. Рабы обслуживали потребности дворового хозяйства владельца, но основное применение рабского труда имело место в земледелии и скотоводстве. Труд рабов использовался для возделывания хозяйской земли. Так, вольноотпущенный брагунского чеченца Сарымурзы, Имангул Керболаев, плененный казаками, показал на допросе, что вместе с двумя «холопами» (рабами) означенного хозяина ездил «на ево (Сарымурзы. – *Ф. Т.*) дачу для распахания земли, где были десять дней»[1103]. В 1865 году чеченец Акиюртовского аула прапорщик Цуца Баматханов жаловался начальнику Терской области, что ввиду бегства двух его рабов поля его «остаются необработанными»[1104]. При этом в хозяйствах мелких рабовладельцев «почти всегда владелец и холоп работали вместе»[1105]. Это имело место в небольших рабовладельческих хозяйствах. Незаинтересованность раба в результатах своего труда частично преодолевалась наделением его домом, имуществом, скотом, землей, правда, до той поры, «пока господину не вздумается себе ее присвоить»[1106]. Это условное владение давало рабу необходимую свободу для ведения хозяйства и возможность посредством самостоятельного хозяйствования делать накопления для приобретения свободы. Хозяйственная свобода деятельности лаев, условно владевших крестьянским хозяйством, имела, вероятно, широкую сферу действия. Обладание имуществом побуждало их к приобретениям. В 1757 году чеченский холоп Жемучур купил у калмыков за 7 руб. 60 копеек кобылу [1107]. Если покупка произведена не по велению хозяина и не на деньги хозяина, то, следовательно, раб выступает на рынке самостоятельным покупателем. А каковы цели приобретения, если не пашенное землевладение?

Обращение в рабство собственно чеченцев, конечно, было более затруднительно, нежели иноплеменников. Несомненно, что порабощенный чеченец в какой-то мере и форме оставался под покровительством своей тайпы, которая состояла из свободных узденей. Говорить в этих условиях о полном праве рабовладельцев на личность ясыря-чеченца спорно. С другой стороны, такие изменения в сельскохозяйственной технике, как появление плуга, вызывали изменения в способах эксплуатации рабского труда. С ростом производительных сил в земледелии, здесь все активнее стал использоваться рабский труд. Формы эксплуатации рабов в XVIII – первой половине XIX века все больше приобретали черты феодальной эксплуатации. Если говорить о появлении элементов и зачатков феодализма, то следует иметь в виду и то, что первоначальное подчинение свободного узденства и его эксплуатация в некоторых отношениях строились по формам и методам, характерным для разлагающегося рабства.

Порабощенные рядовые уздени упорно боролись за свою вольность, цепляясь за тайповые связи. Поиски выхода из рабского состояния никогда не прекращались, и для их разбирательства были выработаны адатно-шариатные нормы. А поскольку слово и воля элов и биев при выработке и принятии адатов на тайповых и межтайповых собраниях играли решающую роль, то и пути к свободе через адат были обставлены всякого рода терниями. Так, по адату родственники раба, отыскивающего свободу, были лишены права свидетельствовать о его происхождении, а владелец мог выставить свидетелями не только своих родственников, но и чужаков, которые положительно ничего не знали. При этом родственники владельца присягали в том, что они только слышали, что такое-то лицо холопского происхождения, остальные могли присягать, что ничего не знают. Владельцы могли отказываться от присяги, и тогда отыскивающий свободу оставался рабом [1108]. «Вероятно... обычай этот сложился в те же времена, когда в горах существовало право сильного, и, чтобы удержать за собой власть над людьми, которых порабощали силой оружия, необходимо было не допускать равноправия, между владельцами и холопами» [1109], – это объяснение, представляется нам, вполне адекватно отражает тенденцию социальной дифференциации в горах.

Юридические права чеченских князей представляли сложное переплетение рабовладельческого и феодального права.

В вышеприведенном рапорте сообщалось, что «в Надтеречном наибстве так недавно еще существовал обычай, в силу которого не только не допускалась равноправность во всех тяжебных делах, возникавших между владетельными князьями и их холопами, но даже не подвергались осуждению народа»[1110]. Здесь говорится о бесправии рабов, хотя и умалчивается о праве князей на их жизнь.

Выше мы уже отметили отдельные случаи вольноотпущенничества в Чечне в XV – первой половине XVI века. В XVIII – первой половине XIX века этот обычай получает широкое распространение. И уж, конечно, не религиозные мотивы, о которых говорил Т. Макаров [1111], были побудительной причиной предоставления свободы рабам. Мотивы магометанского милосердия играли ничтожную роль в освобождении рабов, в предоставлении им свободы. Побудительными мотивами освобождения рабов являлись, прежде всего, причины экономического характера. Рост производительных сил, расширение производства и меновых отношений, углубление общественного разделения труда, возрастающее значение земледелия и усовершенствование приемов труда независимо от воли господина видоизменяли хозяйственную роль раба, чья эксплуатация чисто рабовладельческими методами теперь оказывалась убыточной. Условное владение хозяйством давало рабу ту степень экономической самостоятельности, которая позволяла ему накоплять средства и удовлетворяла потребность землевладельца или скотовладельца в работнике, заинтересованного в эффективном труде. Широкая практика серважа и объясняет распространенность вольноотпущенничества. Вольноотпущенничество свидетельствует о смягчении режима рабовладения. Отпуск раба на свободу оформлялся следующим порядком: рабу вручали письменную отпускную, составленную кадием при двух свидетелях; кадий получал с раба отпускные деньги и передавал их рабовладельцу [1112]. Наличие определенной формы отпускных еще одно свидетельство распространенности освобождения рабов. В какой мере эта отпускная служила защитой от нового порабощения новым или старым поработителем – неизвестно. Должно полагать, что подобное вольноотпущенничество распространялось на потомственных рабов-лаев и ясырей-чеченцев, попавших в рабство по задолженности. Ясыри-иноплеменники вряд ли нуждались в охранительных отпусках, так как они после внесения выкупа покидали пределы Чечни.

Каково же было положение вольноотпущенного? Обретенная юридическая свобода вчерашнего раба не могла быть обеспечена его хозяйственной собственностью. Лишенный имущества и каких-либо родовых связей, он должен был с целью сохранения свободы идти работать на бывшего хозяина. Отношения между господином и бывшим рабом изменялись преимущественно в юридической сфере. Так, источники упоминают вольноотпущенного Имангула Керболаева, который вместе с двумя рабами пашет землю на своего бывшего владельца [1113]. В другом документе упоминается азат из сел. Б. Чечень Каплан, который третий год «числится вольным, однако же, жительство имеет из платы ж у одного узденя (своего бывшего владельца. – *Ф. Т.*) при пастьбе баранов»[1114]. Таким образом, представление свободы рабу не влекло за собой прекращения связей между азатом и рабовладельцем. Обычай освобождения разрушал рабство и служил основной для отношений господства и подчинения феодального характера.

Ряд сообщений свидетельствует, что азат (так назывался вольноотпущенный) мог приобретать имущество, заниматься духовной деятельностью и вообще пользовался правами вольного узденя [1115]. Но последнее утверждение не может не вызвать возражений. В соседней Кумыкии азаты лишь от четвертого колена именовались простыми узденями [1116]. Азат в Чечне, лишенный поддержки тайпы и экономически зависимый, мог быть «обитаем и притесняем»[1117] сильными мира.

А. Ипполитов отмечал, что у чеченцев ни качества личные, ни заслуги никогда не выкупают происхождения человека от слабой фамилии, или происхождения бесфамильного, т. е. происхождения людей, предки которых были персиане, дагестанцы и т. п. [1118]. Известен случай, происшедший в 1874 году, когда житель сел. Ялхорой Аргунского округа убил односельца Дошлуко Сахалова, который был причиной того, что сестра его вышла замуж, против его желания, за жителя по происхождению из холопов [1119].

Согласно адатам, уздени платили калым между собой 120 рублей серебром; если на узденской дочери женился азат, при согласии узденя, то отпущенник уплачивал калым в 240 рублей серебром, т. е. вдвое более против узденя, а если без согласия, – то 240 рублей и сверх того за бесчестье: лошадь со всем прибором и угостить [1120]. Стало быть, говорить о юридическом положении азата как вольного узденя будет отклонением от истины. Остается неизвестным, как азат получал право

на долю в тайповом участке земли? Вполне вероятно, что это происходило путем вступления их в члены какой-нибудь тайпы, чаще хозяйской [1121]. Но последнее не обязательно в аулах, населенных различными тайпами. В Чаберлое, где рабов именовали кулы, азатам отводили земли на месте старого кладбища, где они составили селение Цикарой и именовались кладбищенцами [1122].

Следует отметить и отсутствие выкупных цен в адатах. Размер выкупа целиком определялся владельцем.

Главной целью захвата всякого рода пленных было получение выкупа или продажа их в качестве рабов. Рабы всегда высоко ценились в Чечне. Но предание говорит, что в Чечне имело место событие, когда одновременно было пленено множество соплеменников. Спустя 100 лет после выхода из гор (датировка условна и введена А. Берже) разбогатевшие чеченцы были атакованы жителями верховьев Аргуна. Горцы (А. Берже именует их «тавлинцами») были наполовину истреблены, остальные пленены. С тех пор у чеченцев осталась поговорка для выражения понятия о малостоящих предметах: «Это дешевле, чем тавлинская папаха на Аргуне»[1123]. Описываемое А. Берже событие можно отнести к XVII веку («спустя около 100 лет после выхода их (чеченцев. – *Ф. Т.*) из гор»). К тому же XVII веку следует отнести резкое возрастание рабовладельческих отношений, отмечаемое У. Лаудаевым [1124]. Были времена, когда рабов продавали за семь аршин ситцу [1125].

А вот как ценились рабы в Чечне в последующие времена. В 1708 году русские казаки жаловались правительству, что чеченцы, кумыки и ногайцы, подвергнувшие в 1707 году «разорению» крепость Терки, «многих русских людей побрали и распродали в разные земли, а иных у себя в неволе на великих окупах держат»[1126]. Для начала второй половины XVIII века мы располагаем следующими сведениями: в 1757 году грузинка Тинат Берова продана лезгинами в Чечне за одну лошадь, за одну лошадь продан лезгинами в чеченском ауле Гуни 10-летний мальчик Али Халимов, а грузин Георгий Бодонд продан в 1759 году в ауле Алды за 35 рублей товаром [1127], в 1758 году в октябре чеченец Тувадак Зурмаутов из фамилии Цуван Тарлы из сел. Б. Чечень продал в Тамбиевом кабаке (в Кабарде) двух рабов за 240 баранов, тогда же и там же Солтан Марашев Ширдиевой фамилии из Гребенчуков продал одного ясыря за 114 овец и одну лошадь [1128].

Эти данные позволяют нам составить представление о средней оценке рабов на меновом рынке. В течение всей второй половины XVIII века наблюдается возрастание рыночной стоимости раба, что связано с построением Кавказской линии, вызвавшей сокращение притока пленных. Древнее правило «за убитого или пленного человека платить по 100 рублей «неприменимо к новому рынку. Теперь требуется более»[1129]. Буцковский в 1812 году писал, что за выкуп «простых беднейших пленных» взимается 400–500 рублей [1130]. У. Лаудаев сообщает, что «в минувшие времена» холопа с холопкой продавали то за одно ружье, то за шашку или за двести баранов [1131].

Ближайшими рынками сбыта для чеченцев служили кумыкская деревня Эндери (Андреево) и Тамбиев кабак в Кабарде.

Чеченцы, как и другие кавказские народы, продавали пленных в Эндери в большинстве местным купцам в обмен на порох, хлеб, соль, редко на деньги. «Грузины, армяне, мингрельцы, – сообщает С. Броневский, – составляют большее число сих пленников, однако бывают между ими магометане и горские жители, захватываемые по случаю междоусобных распрей в баранту [1132]; или продаваемые своими родителями от бедноты»[1133]. Часть «лучших» пленных обоего пола закупали проезжие купцы из Константинополя и Анапы, либо андреевские купцы-перекупщики сами доставляли их в Константинополь, где продавали за «великие деньги». Но большую часть пленных андреевские купцы перепродавали в Кизляр, где их покупали для работы в виноградных садах [1134]. Кизлярский «Ясырь-Базар славился на все угорья и удолья Кавказкие» [1135]. Проследим дальнейшую судьбу рабов. Вот как описывает Ю. Шидловский группу рабов на «Ясырь-Базаре»: «бледные, желтые, тощие, покрытые грязными лохмотьями, босиком, бывало, стоят эти несчастные, жалобно смотря на проходящих и сами напрашиваясь на купцов. Часто сын находил здесь отца, под лоскутами бурки в женских шалварах; муж встречает свою жену, наряженную в солдатские рейтузы, закрывающую волосами остальные части тела; мать узнавала ребенка, который выглядывал из старого сапога, отнятого у русского извощика»[1136].

«Продажа в Кизляре велась на деньги. Покупатель записывал имя выкупленного и объявлял уплаченную сумму, которую пленник отрабатывал с зачетом в год по 24 рубля. При этом покупатели записывали сумму, большую уплачен-

ной. Так, уплатив 30 целковых, объявляли 50 и более, отдаляя день свободы пленника»[1137]. В 30–40-х годах XIX века в Кизляре еще рассказывали много страшных былей про этих страдальцев». Не один из них, не дожив до свободы, умер с «казгирем» в руках на грядах виноградников, многие сварились на водочных заводах. У одного ясыря вырезали сердце для лекарства какой-то больной старухи.

О размерах работорговли в Кабарде говорит такой факт. В апреле 1748 года через Чечню в Кабарду проследовал караван, в котором было «Бунацких, Карабулацких, Тарковских, Андреевских и Аксайских до пятидесяти телег, а на них было грузинского и армянского мужска и женска полу полону до двухсот душ»[1138].

Известный советский историк, профессор Г. Кокиев писал, что «едва ли даже в древней Греции работорговля имела такое широкое распространение, как в XVI, XVII и даже в XVIII веках на Кавказе»[1139].

Российские военно-колониальные власти не были последовательны в своей политике относительно работорговли у народов Северного Кавказа вообще, у чеченцев в частности. При Кизлярском коменданте князе Оболенском (с 1740 года) во владениях чеченских и кумыкских князей была запрещена продажа пленников-христиан [1140]. Однако данная мера была далека от действительного искоренения рабства. В договоре аулов Большие и Малые Атаги, о вступлении в подданство России в 1807 году, было предусмотрено право атагинцев отыскивать беглых рабов в русских пределах и либо возвращать их, либо взимать с каждого беглого выкуп в 100 рублей [1141]. В 1819 году с построением крепости Внезапной Ермолов резко сократил работорговлю в Эндери. Тем самым была достигнута цель, поставленная царской администрацией еще в 1784–1786 годах [1142]. В 1834 году последовало запрещение рабства-ясырства во всех российских владениях. Однако в 40–50-е годы, во время участия Чечни в восстании Шамиля, чеченцам, участвовавшим в русских отрядах, было разрешено обращать и продавать в ясырство захваченных ими в плен непокорных «свободного происхождения» чеченцев [1143]. Прекращение рабства в Чечне стало возможно лишь после падения крепостного права в России.

Рабство имело важные социальные последствия для чеченского общества. Не ограничиваясь внешним источником пополнения рядов рабов, рабовладельцы скрытно и открыто

порабощали экономически слабые элементы тайпы. Получение излишков продуктов путем эксплуатации рабов привело к тому, что представители тайповой верхушки стали считать добывание средств к существованию собственным трудом делом, достойным лишь раба, более позорным, чем грабеж. В лице бяччей и членов их отрядов выступали воители, которым грабеж казался более легким и даже почетным занятием, чем труд. Неутомимо и рьяно бяччи и члены их отрядов производили разбойничьи нападения, гонимые жаждой приобретения рабов. Рабовладельцы, а более работорговцы, как раз и были «хищными» чеченцами, страшной грозой и для соседей и для рядовых чеченцев.

Рабовладение в Чечне, в основном, было представлено мелкими рабовладельцами, имевшими 1–2 рабов, но нередки были случаи, когда одно лицо владело несколькими десятками рабов (по содержанию источников не всегда возможно отделить рабов от состоящих в феодальной зависимости, так как в Чечне нередко всякое отношение зависимости именовалось «лайским»). В рапорте от 17 апреля 1765 года Кизлярский комендант генерал-майор Потапов сообщал в Государственную Коллегию Иностранных дел, что к князю Росланбеку, переселившемуся ранее на Сунжу с 60 дворами, вновь переселилось 106 человек «узденей и протчаго народа»[1144], о которых представлено следующее донесение [1145] или «Регистр» поселившимися при чеченском владельце Росламбеке Айдемирове, их женам, детям и холопьям.

Уздени	Пол	
	мужеской	женская
1	2	3
Чепалов Черкесов	1	
При нем жена		1
При них детей		
мужеска	3	
женска		3
Умар Муруев	1	
У него братьев	2	
при них жен		3

1	2	3
При них собственных холопей		
Мужеска	60	
Женска		32
Итого:		
мужеска	67	
женска		39
Всего обоих полов	106	

В прошении жителя Старо-Юртовского аула Булата Мидарова от 8 сентября 1860 года сказано, что отец его до 1840 года владел 17 крестьянами, очевидно, рабами [1146].

Применение рабского труда на полевых работах – обычный вид использования рабов. Приобретение исправного оружия и доброго коня, первое старание чеченца. Они помогут ему приобрести пленных, которых он использует «для отправления полевых работ, и тем, обеспечив существование свое и семейства своего, предается праздности»[1147]. Применение рабов на сельскохозяйственных работах – вот что делает рабов «лучшей добычей»[1148].

Значительное распространение имело в Чечне домашнее рабство, которое, не составляя прямой основы производства, являлось составной частью семьи в виде покупных женщин, которые нередко становились женами владельцев.

Исторические возможности для развития рабовладельческих отношений в Чечне постепенно ограничивались. Хотя в горных районах рабы и находили свое применение на полевых работах, в уходе за скотом и проч., но широкое их распространение было невозможно, ибо не было крупных латифундий, обеспечивающих прибыльность эксплуатации рабов. На плоскости хозяйственная эксплуатация рабов шла, фактически, методами феодальной эксплуатации. Но самое главное заключалось в том, что внешний источник пополнения рабов был ограничен. Соседние феодалы сами грабили собственные народы. К тому же пути грабительских походов были перерезаны военными казачьими постами, разъездами и отрядами, резко ограничивших возможность захвата пленных. Сложившиеся элементы рабовладельческих отношений не стали в Чечне господству-

ющими, хотя некоторое развитие их и наблюдалось. Число рабов было незначительно по отношению к числу свободных общинников. В данных исторических условиях зачатки рабовладельческих отношений частично сыграли роль предпосылок для зарождения и развития феодальных отношений.

Политика ограничения рабовладения, проводившаяся на протяжении XVIII – первой половины XIX века царским правительством, сократила основные источники пополнения рабов. В ходе национально-освободительной войны большинство рабов, особенно ясырей, были освобождены от зависимости Шамилем и предпринят ряд мер по сокращению рабовладения в Чечне [1149]. Рабы, выходившие из подвластных Шамилю территорий, в большинстве были объявлены русскими властями свободными [1150]. В 1859 году чеченским «холопам» царскими властями была объявлена свобода при условии уплаты прежним владельцам по 100 рублей серебром каждым [1151]. Под влиянием подготовки и проведения крестьянской реформы в России чеченские рабовладельцы сами стали отпускать своих рабов на волю. Крестьянская реформа 1861 года в России могучим эхом отозвалась в горах Кавказа. Чеченские рабы «в один голос требуют свободы как граждане России, что, безусловно, приблизило час отмены рабства»[1152].

К моменту окончательной и полной отмены рабства в Чечне сохранились лишь остатки былого рабовладения [1153], далекие от действительных размеров рабства в предшествующие времена. В 1867 году, если верить источникам, в Чечне было освобождено 294 раба [1154]. Малолетние рабы освобождались бесплатно, с вознаграждением за них рабовладельцев от царского правительства [1155]. Часть рабов освобождена с учреждением им от правительства «по бедности пособия». Так за 1867 год нами выявлено 183 человека, освобожденных от 75 владельцев [1156]. Наконец, часть рабов стала свободной за выкуп, с переводом на положение временно-обязанных на 6-летний срок [1157]. Освобожденные уравнивались в земельном отношении с правами свободного населения [1158].

На основе вышеизложенного можно выделить ряд характерных черт, присущих рабовладению в Чечне.

1. Использование рабского труда в сельском хозяйстве Чечни носило ограниченный характер. В экономике Чечни не было места для применения большого числа рабов в силу преобладания мелких крестьянских хозяйств. Раб никогда не играл в Чечне роли основной рабочей силы в хозяйственной

жизни. В сельском хозяйстве были заняты преимущественно свободные и отчасти феодально-зависимые крестьяне. Как следствие этого, рабы-ясыри – предмет торговли и выкупа.

2. Развитие рабства в Чечне в XVIII – первой половине XIX века идет по линии все большего сужения. Это происходит, с одной стороны, потому, что рабы наделяются движимым и недвижимым имуществом. Их положение с ростом хозяйственной самостоятельности сближается с положением феодально-зависимых крестьян. С другой стороны, кризис рабовладения происходит в силу внешних причин, связанных с политическим завоеванием Кавказа Россией. Присоединение к России ускоряет разложение зачатков рабовладения.

3. Неразвитое зачаточное рабовладение испытало кризис до своего расцвета, т. е. до ликвидации патриархально-родового строя и утверждения феодализма.

4. Хотя рабовладение оказалось в кризисной ситуации до созревания формационной зрелости, но для XVIII – первой половины XIX века оно отражало отсталость общественного развития Чечни.

Ставшие тормозом общественного прогресса и сковывающие рост производительных сил патриархально-родовые тайповые отношения не могли быть преодолены через развитие рабовладения. Продолжавшие существовать источники пополнения и сохранения рабовладельческих отношений, взятые изолированно, без учета воздействия России, могли обусловить их жизненность на более длительный срок. Благодаря включению Кавказа в состав Российского государства удалось законодательным путем отменить рабство, институт столь же архаичный для XVIII–XIX веков, как и тайпа. В этом одно из прогрессивных последствий присоединения Кавказа, а вместе с ним и Чечни к России.

Глава IX

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вопрос о времени и особенностях зарождения феодальных отношений в Чечне является актуальной проблемой и представляет для науки несомненный интерес, поскольку он был основательно запутан не только дореволюционными, но и советскими историками.

Дело в том, что для Чечни характерно сравнительно позднее зарождение феодальных отношений, их слабое, незавершенное в целом, и неравномерное в отдельных обществах развитие. Это выражалось, прежде всего, в сохранении патриархально-общинных порядков в земельных отношениях, а особенно в сохранении фратриально-родовой оболочки в социальной структуре чеченского общества.

Феодальные отношения в Чечне возникли в условиях сохранения рабовладельческих отношений, с одной стороны, и разлагавшихся патриархально-общинных отношений, – с другой. Разложение тайпы, возникновение частной собственности на землю, формирование крупного землевладения проходили в условиях взаимовлияния Чечни и окружавших ее феодальных владений – Аварии, Кабарды и Кумыкии.

Рост производительных сил оказывал решающее влияние на развитие общественного разделения труда в Чечне и вел к социальной дифференциации внутри тайп и фратрий.

Чеченский феодализм в изучаемое время находился на первоначальных ступенях своего развития. Но признавая неразвитость чеченского феодализма, мы считаем важным, проанализировать те бесспорные и многочисленные факты, которые в совокупности и отражали отношения феодального типа.

Пути и формы развития феодализма в Чечне. Исторический опыт показываст, что большая группа народов в своем историческом развитии миновала рабовладельческую формацию и перешла непосредственно от родовых отношений к феодальным. В истории этих народов рабовладельческие элементы играли служебную, т. е. подчиненную роль в генезисе феодализма. В силу роста производительных сил в земледелии, зачатки рабовладельческих отношений трансформировались в феодальные.

Развитие частнособственнических отношений в Чечне неизбежно вело к тем же порядкам, которые с некоторым опережением утвердились у соседних народов.

Одним из исходных положений при рассмотрении феодальных отношений в Чечне для нас является признание в ее экономике ведущей роли земледелия. Мы исходим также из признания в Чечне XVIII века малой семьи, как господствующей [1159].

Аварские, кумыкские и кабардинские князья вместе со своими дружинами разновременно перешли и осели в Чечне. Подобное «сожительство» возможно было только при наличии в родовой Чечне уже выделившихся верхушечных социальных элементов, которые постепенно превращались в эксплуататоров феодального типа. Источники не сохранили сколько-нибудь точных сведений о времени и обстоятельствах переселения в Чечню иноплеменных феодалов. Предания и письменные памятники позволяют утверждать, что власть указанных феодалов по отношению к Чечне была дробной, локализованной отдельными районами.

Согласно народным преданиям, недостаток земель для увеличившегося числа тайп и народонаселения и, как следствие этого, поземельные споры и столкновения [1160] были особенно характерны для горных чеченцев, независимых от соседних феодалов. В силу социальных, а отчасти и естественных географических причин «половина фамилий тогдашнего чеченского племени» была лишена средств существования [1161]. Это ускоряло процесс классообразования, рост которого был приостановлен переселением на земли, составлявшие собственность аварских ханов. Таким районом стала Ичкерия. Заселение Ичкерии было дозволено и ускорено ханом в целях получения «материального интереса»[1162]. Хан стал покровителем переселившихся чеченцев. Замечательно, что аварский хан осуществлял свою власть посредством сохранения родоплеменной организации чеченцев. Обусловленность права поселения ясаком и быстрота переселения свидетельствуют о силе и остроте социальных противоречий в виде «раздоров», «драк и убийств». Подтверждением этого является существование в горах безземельных (мохк-бацу), гостящих (ха-малга-бяхкема) тайп, с одной стороны, и многоземельных, хозяйских тайп, – с другой [1163]. На условиях заселения Ичкерии несколько позднее на землях кумыкских феодалов поселилась половина Аккинской тайпы, известная впоследствии под именем ауховцев [1164]. Е. Н. Кушева относит переселение другой части аккинцев под покровительство аварского хана к 1550–1570 годам [1165].

Определенное влияние на развитие феодальных отношений в Чечне XV–XVI веков оказывало Казикумухское ханство. В перечне доходов лакского (Казикумухского) шамхала в XV–XVI веках, весь Мычигиш (т. е. Чечня) именуется его собственностью [1166].

В «Древних записках и преданиях» дагестанских народов, собранных Аббас-Кули-Ага Бакихановым, говорится, что владения Чубан-Шамхала включали и Чечню. В последовавшей после его смерти в 1574 году междоусобной борьбе чанка Султан-Бут (Султан-Мотта), опираясь на помощь кабардинских феодалов, захватывает «все земли, лежащие между реками Сулаком и Тереком, с нижней частью Миникича и Салатавского округа, до горы Керхи, что на границе Гумбета»[1167]. Чеченское предание сообщает, что один из родоначальников чеченцев Тинавин Вис, сын Молкха платил Султан-Мотте дань [1168].

Согласно приводимым А. Бакихановым преданиям эмиры Андреевой (Эндери) деревни убили двух представителей дома Гумбетского и Аргунского эмира, что вызвало межфеодальную вражду, завершившуюся переходом во владение Терлав (Гурловых) нижней части Мичикича – Чечен-Шали, Атага и проч. Турловы населили эти земли жителями Пашшага (Верхней части Чечни) и по имени реки Мичик земля получила наименование [1169].

Социальные «беспорядки» вынуждали «благоразумнейших» из чеченцев, т. е. тех, кто был заинтересован в удержании под рукой социальных низов, принимать меры по «водворению спокойствия». Для этого они обращались к помощи иноплеменных феодалов, притязания которых на власть в Чечне получили распространенную, скрытую часто под личиной добровольности или выборности форму приглашения для княжения – «алолу дан»[1170]. «Алолу дан», одна из форм установления господства иноплеменных феодалов, была возможна лишь в силу военно-экономической слабости чеченцев. «Алолу дан» имел место лишь в нескольких аулах. Установление власти иноплеменных князей проходило различными путями, преимущественно путем завоевания, но не исключало и призвания. Местные кхели-советы старейшин отдельных нахских территориальных общин – приглашали или выбирали князей с ограниченными правами княжения [1171].

О призвании князей из дома шамхала Тарковского сообщается в преданиях, приводимых А. Берже [1172].

У. Лаудаев передает, что ичкеринцы и часть шатоевцев пригласили к себе мелардоевских князей [1173], (происходили от боковых линий аварских ханов, княживших в Гумбете), жители Большой Чечни – кумыкских, а Малой – кабардинских князей [1174]. Голенищев-Кутузов также говорит о добровольном переходе качкалыков и мичиковцев под покровительство аксайских кумыкских князей, у которых они считались приверженцами – «кментами» – смотрящим народом»[1175]. Также добровольно урус-мартанские чеченцы перешли под власть кабардинских феодалов. Урус-мартановцы прόшли те же ступени зависимости, что и ичкеринцы от аварских ханов, а именно: чеченцы поселялись и пользовались на условиях, заключенных с кабардинскими феодалами, землями между Тереком и Сунжею, составлявшими собственность феодалов из Кабарды. Кабардинские князья первоначально проживали «далеко оттуда в своих кабардинских аулах» и ограничивались легкой податью, но со временем переселились в подвластные им чеченские владения, привнеся новые формы отношений [1176]. В письме кизлярскому коменданту генерал-майору фон Фрауендорфу, полученном адресатом 27 октября 1756 года, гребенчуковские и шалинские старшины ссылаются на времена Сунча Али (Сунчалей, по-русским источникам), при котором их предки служили русскому царю [1177]. Время жизни Сунча Али относится к концу XVI – началу XVII века. Е. Н. Кушева также утверждает, что кабардинские феодалы взимали в XVII веке ясак с некоторых чеченских обществ, что в 1640-е годы жители Дикеевой деревни в «Шибутцкой землице» платили ясак кабардинскому мурзе Татархану Арасланову [1178].

Мы привели весьма ограниченный круг сведений об установлении в Чечне власти иноплеменных князей, которая часто была эфемерна. На основе внутриэкономического развития у чеченцев уже до их «поселения» в Ичкерии зарождаются элементы классовых отношений, характерные для генезиса рабовладения и феодализма. Усиление влияния внешних социальных сил начинается с перехода чеченцев Ичкерии под покровительство аварского хана и нарастает с установлением в Чечне власти шамхала Казикумухского, кумыкских и кабардинских князей, часть которых постепенно переселяется в Чечню. Благодаря последнему обстоятельству возрастает значение феодальных начал. Переселение аварских, кумыкских и кабардинских феодалов в Чечню не было разрушительным

завоеванием. Народные предания не содержат упоминаний о сколь-нибудь значительной длительной борьбе пришлых феодалов с местным населением. Малочисленность и разноплеменность осевших в Чечне пришлых князей, а также менее разбитые, чем у соседних народов, формы классовых отношений у чеченцев, оказывали непосредственное влияние на процессы классообразования. Иноплеменные князья осуществляли свою власть через тайповую верхушку, через «аристократические» фамилии, проводя по отношению к ним гибкую политику [1179]. Были признаны адаты чеченцев. Иноплеменные феодалы содействовали превращению немногочисленных чеченских рабовладельцев в феодалов. Тенденция развития чеченского общества в феодальное усиливается, в ущерб развитию рабовладельческих отношений.

У. Лаудаев отметил, что «не привыкшие к власти князей чеченцы отказывались от выполнения условий с ними. Князья осуществляли власть не над отдельными семьями, а над целыми тайпами, против которых у них подчас не оказывалось средств принуждения»[1180].

Данный этап генезиса феодальных отношений в Чечне охватывает время с первой половины XVI до конца XVII века, хотя и в XVIII веке встречаются социальные моменты, свойственные предшествующему времени. В это время укрепляются позиции пришлых князей и тайповой социальной верхушки, а объединенное в тайпы рядовое узденство стремится ограничить эксплуататорские и захватнические устремления князей. Часть узденей теряет личную свободу. А «если вместе с землей, – указывал К. Маркс, – завоевывают самого человека, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким образом возникают рабство и крепостная зависимость»[1181]. Отмеченный этап наполнен борьбой между различными пришлыми военно-феодальными группами, а также борьбой с ними нарождавшихся феодально-рабовладельческих верхов за эксплуатацию основных масс чеченского рядового узденства.

В письме к Фрауендорфу от 11 января 1757 года «от гребенчуковских и шалинских от Малого и Большого народу», говорилось: «Андреевские и Тарковские тому надобно... и протчее держали мы ж у себя токмо они осердясь выехали, потому что недержали порядочно»[1182]. В 1720 году кабардинский князь Эльмурза Черкасский во время пребывания в Москве сообщил о чеченцах, живущих на реке Сюнче (Сунжа), что «владеет ими князь, именуемый Тирлагов [1183] сын, который живет и

княжует в местечке, называемом Буюн-Кент, а прежде сего они бывали под протекциею шамхала Горского и Кумыцкого, но лет с 10 как они стали самовольными понеже сильнее они тамо других народов»[1184].

Следовательно, в ходе антифеодальной борьбы к началу XVIII века чеченцы освобождаются из-под власти шамхала Тарковского, из Чечни изгоняется ряд феодальных владетелей Кумыкии. Часть бывших подвластных чеченцев попадает под власть Турловых, другая часть становится независимой.

С XVIII века в развитии феодальных отношений в Чечне намечается новый этап. Феодальные отношения все менее опираются на мощь переселившихся иноплеменных феодалов. Рядовое чеченское узденство успешно борется с властью пришлых, но уже изрядно очеченившихся феодалов. Наибольшим успехом следует признать ослабление и территориальное сужение власти кабардинских, аварских, кумыкских князей и шамхала Тарковского. Иной характер носит борьба тайповой верхушки, стремящейся потеснить старых эксплуататоров, сократить сферу их власти в свою пользу. Эта вторая линия неотделима от первой, будучи связана с ней, как следствие и причина.

Сменившие шамхала аварские князья Турловы, располагавшие «многочисленной дружиной»[1185], столкнулись с окрепшей и усилившейся борьбой чеченских тайп, что привело к быстрой утрате ими (Турловыми) власти в Чечне. Буцковский писал в 1812/13 годах: «Весь участок между правым берегом Сунжи и подошвою Черных гор (нынешняя большая Чечня) принадлежал прежде аварского происхождения князьям Турловым, но лет около 80, как жившие до того в горах чеченцы» размножившись, по недостатку земель и междоусобиям вышли из гор на понизовья Аргуна и Сунжи, вытеснив с сих мест упомянутых князей Турловых, с обещанием однако ж некоторой за земли сии им платы, – но вскоре настолько усилились, что и сию повинность с себя сложили»[1186].

В XVIII веке в части Чечни сохраняется власть аварского хана. Отношения зависимости связывали чеченцев «еще более к Омер-хану Аварскому, с которым чеченцы хаживали в набеги на Грузию, в Персию»[1187]. Утверждение в «Историографических записках» 1810 года, что чеченцы в конце XVIII века состоят в союзе с Авар-ханом [1188], отражает лишь часть действительно существующих отношений. Территориальное сужение власти аварских ханов в Чечне налицо. Сообщение У. Лаудаева, что

из-под власти аварских ханов к концу XVIII века освободились ичкеринцы и ауховцы [1189], требует поправки. В письме кизлярскому коменданту Фрауендорфу, полученном 21 мая 1758 года, аварский хан Магомет Мусал мотивировал свое отрицательное отношение к предполагавшимся репрессиям царских властей против чеченцев: «а что же касается до разорения чеченцев оного нежелаю, ибо оне мои издревле подданные и мы с них подати берем, а ежели в разорение тех чеченцев приведете, то и наши подати пропадут, а для древне учрежденной нашей с вами дружбы и родства к примирению тех чеченцев я приведу»[1190]. В 1812–1813 годах Буцковский перечисляет следующие тайпы по Аргуну и его притокам, зависимые от аварского хана: Тумсой, Чижнах, Чанти, Атага Чанти, Дашни, Ерлои, Шикарой, Чабуртилы, Макаджи и Алестенджи [1191]. Как видим, часть ичкеринцев продолжает оставаться в зависимости от аварского хана.

В течение XVIII века отдельные удачливые иноплеменные феодалы продолжали переселяться и утверждаться в Чечне. Жившие в Али-юрте 1-го участка Грозненского округа князья Алхазовы – поручик Адилсултан, прапорщик Карасий, юнкер Казы в отзыве начальнику Грозненского округа полковнику Гроссману от 25 августа 1872 года сообщали, что род князей Алхазовых происходит «от дома Алхаза», за сто лет до этого переселившегося из владений шамхала Тарковского в Кизляр, откуда его сын Али в 1798 году переселился на Терек против станицы Галюгаевской и, «пригласив» чеченцев, основал аул Али-юрт, «управлял народом, как он, так и сын его», отец указанных князей – князь Кагерман, умерший в чине подполковника [1192].

Феодальные владельцы земель, порубежных с чеченскими, на известных условиях поселяли у себя горных чеченцев-ламароев, но последние постепенно освобождались от несения феодальных повинностей, одновременно закрепляя за собой земли. Согласно сведениям, приводимым генералом Ермоловым, часть чеченцев – качкалыки до 1770 года повиновались кумыкским владельцам, «будучи от них наделяемы землями. Им нужно было покровительство их против карабулаков, народа сильнейшего, вышедшего прежде из гор. Познакомившись с большими удобствами в жизни, возделывая землю плодоноснейшую, не трудно им было приохотить к переселению из гор своих родственников. В 1770 году усилившимся чеченцам удается преодолеть карабулаков, «уклониться от

зависимости» кумыкских князей, и «присвоить их землю»[1193]. Часть кумыкских князей заселила свои земли чеченцами еще в конце XVIII века. Подполковник Буцковский в 1812–1813 годах отметил, что зависимые от кумыкских князей чеченцы из селений Хассаме-Кент, Балчи, Герзели и ряда других «суть выходцы, недавно на сих местах поселившиеся, и смешаны с природными кумыками». При этом жители поименованных сел «отклоняются» от зависимости [1194]. Он же сообщил, что «Аухи, так называются поселившиеся на землях Кумыцких около вершин рек Акташа и Ярухсу карабулакские и частию чеченские выходцы, кои кумыкам дань платят»[1195].

Во второй половине XVIII века различным кумыкским князьям были подвластны жители чеченских деревень Хасса-Мекент, Балчи, Герзели, Дада-юрт, Ярухсу или Качилук, Кешен, Еиляи, Зандак, Чючели, Даттах [1196], Истису (Горячевская) [1197], Энгель-юрт [1198] и др. Число чеченцев, живших на землях кумыкских феодалов, в «Обзоре политического состояния Кавказа» в 1840 году «определялось в 2670 человек»[1199].

В жизни чеченских тайп в XVIII веке продолжал практиковаться «алолу дан». Так, в силу указа Государственной Коллегии иностранных дел от 7 апреля 1747 года, по просьбе гребенчуковцев к ним определен владельцем сын кабардинского князя генерал-майора Эльмурзы Бековича-Черкасского – Девлет-Гирей [1200], ставший вскоре жертвой межфеодальной вражды.

Для 50–60-х годов XVIII века мы установили следующее. Владелец Али Султан Казбулатов распоряжался 5 деревнями [1201]. Из подвластных ему совместно с Арсланбеком Айдемировым сел нами установлены Большая Тошгинская и Атагинская деревни [1202]. В Большой Тошгинской деревне, кроме Айдемирова, «две части» (из скольких? – *Ф. Т.*) принадлежали Али Султану Казбулатову [1203]. Последний в письме кизлярскому коменданту от 29 января 1768 года сообщал: «и алдинцы послушны для того, что владелец их мне сродственник и оттуда до вершины чеченских народов половинное число принадлежит мне ж»[1204]. Прибывший из Чечни Албек Казанбиев с письмами от чеченских владельцев Али Султана (Султана) и Алибека Казбулатова к кизлярскому коменданту «против тех писем» на допросе 11 ноября 1757 года объявил: «Показанной в письме Алдинской народ наперед сего состоял подвластной предписанных владельцев Али Султана и Алибека у отца их Казбулата, а по смерти его по старшинству достались

того владельца Казбулата племяннику, а оных владельцев брату двоюродному Турлову, а после они уже достались владельцам Албек и Али Султану и те алдинцы усмотря чеченского народа (так именуются жители сел. Большой Чечень и прилежащих аулов. – *Ф. Т.*) непостоянство пришед к оным к Албеку и Али Султану объявили – мы де не хотим так быть непостоянными и причинять беспокойства как чеченцы, ибо де у нас брата вашего Турлова сын живет Чопан, который де Ваш родственник, а по нем и мы де Ваши и потому желаем быть с Вами в покойстве»[1205]. (В Алдах тогда было около 500 дворов)[1206]. Далее Албек Казанбиев показал: «урочище Топлы издавна во владении предписанных владельцев Албека и Али Солтана и как они были в согласии с Айдемировыми детьми, то перешли было жить с своими подвластными на новое место по Сунже реке, а как ныне учинилось между чеченцами беспокойство и несогласие, то разошлись чеченцы, пошли куда им желательно стало, а они владельцы Албек и Али Султан по тому беспокойству перешли с Сунжи, для жительства в реченое урочище Топлы»[1207]. Приведенные данные конкретизируют картину феодальных отношений, перечисляют владельцев аулов, но мы обратим внимание на повторение из документа в документ указания на родство Турловых (Турловых – Ахловых) Айдемировых и Казбулатовых. Показания Алибека Казбулатова и Арасланбека Айдемирова, сделанные при кизлярском коменданте Оболенском 30 ноября 1747 года дополнительно сообщают, что Турлов-Ахлов, Айдемиров и Казбулатов, помимо указанных выше владений в Чечне, владеют каждый одной третью деревни Гумбет (Гунпети), представляющей исторически родовое имение Турловых. Турлов-Ахлов, как старший князь, живет в Алдах [1208]. Перед нами единый княжеский род Турловых с новыми фамильными ветвями [1209].

Рассматриваемый нами документ сообщает, что родовое владение Турловых Гумбет также постепенно отказывается от выполнения феодальных повинностей. Отсюда неизбежность ослабления господства Турловых в Чечне. Аварские владельцы середины и второй половины XVIII века уже не те могущественные князья, которые господствовали в Чечне в начале века, после успешной борьбы с шамхалом Тарковским.

Ф. Энгельс отмечал, что «Греция уже в героический период вступает в историю расчлененной на сословия, что, в свою очередь, было только очевидным результатом более или менее

длительной, неизвестной нам предыстории. Но и тут земля обрабатывалась преимущественно самостоятельными крестьянами; более крупные поместья знати и родовых вождей составляли исключение и к тому же скоро исчезли» [1210].

Факты общественно-экономической жизни Чечни сходны с рисуемой Энгельсом картиной. Более того, народные предания изображают сколько-нибудь знаменитых родоначальников не только крупными землевладельцами и скотоводами, но и феодально-рабовладельческими владыками, опирающимися на военную мощь собственных дружин, подчиняющими себе значительное население [1211].

Дальнейшая судьба родовитых владетелей неизвестна, однако внутренние социально-экономические отношения породили в Чечне хотя и не знатных, но крупных владетелей богатств. Так, Н. С. Иваненков сообщает, что жители сел. Горой (165 семейств) Нихароевского общества, Баупшиновского старшинства рассказывали, что предок их Горой, выходец из башен Кирды, купил землю за 260 коров 11 поколений назад [1212], т. е. на рубеже конца XVII – начала XVIII века.

В прошении жителя Чеченского округа прапорщика Бехо Чермоева к наместнику Кавказа от 1 сентября 1868 года сообщалось, что при императоре Александре I дед, а затем отец просителя Чермоева имели собственную землю на Качкалыковском хребте, приобретенную покупкой у разных лиц, составлявшую около трехсот десятин [1213].

Жители Старюртовского аула Абуэ и Чаба Жанбетыров (Чеба Хамбетыров) в 1832 году (дата условная) продали около 500 десятин принадлежавшей им земли [1214].

Относительно землевладения жителей сел. Химой в конце XIX – начале XX века существовало тяжебное дело, из которого явствовало, что предки Нагомы Алиева, выходцы из Хокароя Дагестанской области, еще до Шамилевских времен силой завладели около $^1/_7$ части общественной земли сел. Химоя [1215]. Узурпация феодализирующейся знатью общинно-тайповых земель, обращение их в частную собственность – один из важнейших источников развивающегося в Чечне феодализма.

В прошении наместнику Кавказа от 11 марта 1863 года семи братьев Тагировых говорилось, что отец их, Тагир Гаргиреев, «бывши старшиною деревень Алды, Гайти и Кусиль-юрт», одновременно «владел землею Алдинских хуторов более 20 лет, до возмущения всей Чечни, т. е. до 1840 года». Земля эта у местечка Налчик-баси, близ Ханкальской горы, «окружно-

стию не более двух квадратных верст» была куплена их дедом в 1805 году у Эхшибатойской (Ахшибатойской) тайпы за 100 рублей серебром [1216].

На право владения землей Тагир Гаргиреев имел документ, представленный в 1847 году князю Воронцову [1217]. Таким образом, перед нами крупный землевладелец, взимавший плату с жителей Алдинских хуторов.

Вышеназванная тайпа Ахшибатой играла заметную роль в укреплении феодальных отношений в Чечне. В первой трети XVIII века представитель этого рода Этагай с братьями и фамильными родственниками, выйдя из Галгая, с согласия аварских ханов занял Малую Чечню, населенную в то время частью кочующими нагайцами, частью кабардинскими феодалами. Долголетняя упорная борьба с последними закончилась для Этагая тем, что он уплатил им скотом [1218] за землю, с которой они ушли [1219], и Этагай стал владельцем значительных размеров земель от реки Аргуна до реки Камбилеевки. Чтобы закрепить и обезопасить свои земли, Этагай заселил их выведенными из гор однофамильцами, которые составили несколько аулов. Вскоре к ним стали присоединяться выходцы из других тайп. Последние населяли преимущественно аул Старый Этагай. Выходцы уплачивали сначала Этагаю, затем его сыну Гирею и внуку Алмурзу «как владельцам земли подать деньгами и скотом»[1220]. Как видим, элементы феодальных отношений возникли преимущественно на местной почве.

Н. С. Иваненков сообщает о Бираче, владельце трех башен в ущелье Чанты-Аргун на дороге в Грузию, который во второй половине XVII века (более 12 поколений назад) взимал дань с маистовцев и малхотинцев [1221]. Согласно преданию, один из потомков родоначальника Бугороевцев — части общего рода «Дзумсой» — Чутар при попытке джайлинского (аварского) князя обложить его с подданными данью по 1 барану с дома не покорился, заявив, что он сам князь»[1222].

Содержательные сведения из народного предания о правителях сел. Тундахой (тондухой) были записаны Н. С. Иваенковым. И. М. Саидову удалось уточнить и дополнить эти сведения. По этим данным в укрепленном сел. Тундахой (село состояло из каменных сооружений) в XVIII веке (10 поколений назад, как указывает Н. С. Иваненков) правил Эла Халч, сын Сарки, который объединил под своим началом чеберлоевцев. Когда аварский (по другим версиям джайский или грузинский) князь пытался обложить чеберлоевцев данью, то

Эла Халч отказался выполнить это требование, воскликнув: «Мы царского рода Ираклия!»[1223]. Эла Халч Саркаев имел постоянную дружину из 63 человек и располагал правом военной поддержки со стороны подвластного поселения. Благодаря этому он добился ряда побед над соседними князьями, изгнал иноземных насильников, но превратился в деспота над народом [1224]. Потомки Эла Халча, очевидно, унаследовали феодальные замашки своего предка, почему Шамиль и казнил из потомков Эла Халча Саркаева 15 человек – «за их знатное происхождение»[1225].

Народные поэмы чеченцев сообщают различного рода сведения и о других князьях, которым чеченцы повиновались и платили подати. Это, например, Эла Маца (князь Маца), Эла Хаси (князь Хаси), Эла Мовза (князь Мовза) и др. Чеченские села, в которых проживали князья – Эла Маца и Эла Мовза, согласно народным сказаниям – иллиям, были больших размеров и имели форму круга, что соответствовало целям обороны в условиях равнины [1226].

По преданию Эла Хаси, основатель горного сел. Белгатой, владел землями между реками Хулхулау и Аргуном. Отец Эла Хаси-Ховра жил в горах и владел там землями, включая ущелье в верховьях реки Хулхулау, которое использовалось им как естественный загон для лошадей. Это ущелье и поныне именуется в народной памяти Ховр бояра (ущелье Ховра) или Говри бояра (ущелье для лошадей)[1227].

В Чеберлое в разное время князья были в сел. Кезеной, Харкалой, Макажой, Хой, Орса, Хиндой. В них были возведены замки с высокими боевыми башнями и каменными 2–4-этажными домами.

Народная память сохранила ряд сведений о князе сел. Макажой Алдам-Казе, выходце из сел. Нашаха. Его потомками считаются жители сел. Хой. Эла Алдам-Каза изгнал соседнего Кезанойского князя и стал единоличным правителем Кезанойского и Макажойского княжеств. Жители некоторых чеберлоевских аулов, (например, сел. Шсарой) платили ему налог – бер, другие обязаны были оказывать ему военное и другое содействие [1228].

Князья-Эли были также в сел. Ачала и Жима Калако (Малые Калаки) (в бассейне реки Шаро-Аргун). Остатки башни-гала, в которой некогда жил ачалойский князь, сохранились. Калакойский князь держал постоянную дружину из 70 верховых озданговв (благородных, свободных) на одномаст-

ных конях. Скрип открываемых и закрываемых огромных железных ворот княжеской крепости в Жима Калако был слышен в окрестных селах. Князья вели развратную и праздную жизнь, плели интриги друг против друга, нарушали свои обещания и священные нормы гостеприимства, были вероломны. Подданные их разорялись. Однажды зависимые от князей чеченцы с помощью джайцев выманили из крепости пьяного князя и его дружинников, расправились с ними, разрушили княжеские укрепления [1229], а княжеские земли поделили между собой и теми, кто из людей князя не захотел защищать крепость. Потомками последних считаются чобяккинцы и келойцы. После этого события никто из потомков князя и его приверженцев более не претендовал на феодальные права и привилегии. Потомки эти стали жить по адату. Эти события И. С. Саидов приурочивает к XVIII столетию [1230].

Кегерман Ахматханов в 1858 году просил у графа Евдокимова восстановления его прав на владение аулом Гакко (впоследствии укрепление Шатой) [1231].

К доношению генерал-майора Спицына от 2 марта 1760 года в Государственную Коллегию иностранных дел приложены копии переводов с чеченских писем, в одном из которых говорится: «Почтеннейшим, сиятельнейшим Эльмурзе беку и Девлет Гирей беку от чеченских и кременчиковских беков, и всех знатных и подлых народов прошение наше в том состоит, что по захвачении вами брата нашего Чапала от вас мы никакого об нем обстоятельного ответа не получали... А ныне оной Баташ при нас находится и как наши беки, так все чеченцы и кременчуковцы (герменчиковцы. – *Ф. Т.*) вора (?) вам дать за пристойно признали»[1232]. Перед нами социальные группы: беки – кабардинские и чеченские, «знатные и подлые народы». Беки – синоним чеченских социальных терминов эл, бий.

Складывавшийся феодальный класс в Чечне постоянно пополнился выходцами из тайп. Пополнение шло, в частности, за счет рабовладельцев и участников грабительских отрядов, особенно их военачальников – бяччи. Военные набеги были существенным фактором разложения чеченской тайпы, одним из источников образования элементов и зачатков классовых отношений. Услуги бяччи в виде знания местности, дорог и тропинок, сел, бродов, умения вести отряды, оплачивались выше доли рядовых участников. П. Бутков сообщал в 1806 году, что в случае успеха «делят добычу по равной части, а вожатому дают вдвое противу себя»[1233].

Бяччи содействовали сохранению рабства, они добывали и сбывали рабов. Но военно-экономический эффект своего ремесла бяччи использовали для установления феодального господства над своими соплеменниками.

Документы, собранные в ЦГА ЧИАССР проф. Н. П. Гриценко и им же впервые опубликованные, убедительно свидетельствуют о наличии феодализма в Чечне в XVIII – первой половине XIX века [1234].

Таким образом, феодальные отношения в Чечне развивались, с одной стороны, на основе внутриэкономического развития, с другой стороны, они развивались под сильнейшим влиянием феодализма извне.

Феодальные повинности и феодальное право. Крайне смутны и не полны сведения источников об отношениях чеченских владельцев и их подвластных. Тем не менее отношения зависимости достаточно убедительно подтверждаются дошедшими до нас документами. Личная зависимость чеченцев – непосредственных производителей материальных благ – от феодалов не получила юридического оформления. Договоры, заключавшиеся чеченцами со своими владельцами, были заключаемы либо устно, либо письменно, слагаясь затем в адатные нормы. Каково же содержание зависимости чеченцев от феодалов?

Князь Девлет Гирей Черкасский доношением от 10 июля 1748 года жаловался: «Во всех горских владениях владельцы от подданных своих забирают по их обычаю называемой «ясак», а он того по новости места чинить опасен»[1235]. Размеры ясака не были строго фиксированы: «подати увеличивались и уменьшались»[1236], сообщает У. Лаудаев. Так, например, «бывали примеры», что аварским ханам зависевшие от них ичкерийские фамилии «от овец платили 3 %, от скота 1 %; случалось, что от овец давали только 1 % , а от скота ничего не платили»[1237].

«Обыкновенно платили, – говорит У. Лаудаев, – от количества голов рогатого скота, овец, лошадей и проч.»[1238]. А. Бакиханов указывает на значительность ясака, взимавшегося аварским шамхалом с подвластного населения, часть которого составляли чеченцы [1239].

Неопубликованные «описи» доходов аварского хана помогают нам по новому представить феодальную ренту, отбываемую ему зависимыми чеченцами. Отличающаяся полно-

той и ранее неопубликованная «опись» доходам Аварского хана, составленная по реестру бывшего хана Аварии и правителя Дагестана Умма-хана содержит следующие сведения о Чечне:

Названия	С них доходов
1	2
В обществе Шарой	
1. Харуб	Сорок овец и сорок ягнят. Если овцы этого селения зайдут на гору Хули, то с владельцев оных возьмется штраф 5 рублей серебром, и с каждого пастуха по одной овце. Урочище Гаинтулан принадлежит хану.
2. Тлинту	Двенадцать овец, двенадцать ягнят и лошадь новому хану. Земля их принадлежит хану.
3. Сандо-Коро	Десять овец.
5. Кесалу	Десять овец и два зарезанных барана.
6. Джунсу	С каждого двора по одной овце и со всего селения одну корову.
7. Алчи	С каждого двора по одной овце.
8. Хачари	То же самое.
9. Кухачариб	То же самое.
10. Колога Качари	То же самое.
11. Какарыб	Три овцы и одну козу.
12. Чиньнак	С каждого двора по одной овце, со всего селения одну корову, или вместо ее 6 рублей серебром.
13. Хальта	Сто саб ячменя.
14. Джагулды	С каждого двора по одной овце.
15. Бособ	Со всего селения три овцы и одна коза.
В обществе Чарбели	
1. Бурти	Двадцать овец и два ягненка для нового хана, одну лошадь и две козы. Земля же принадлежит хану.
2. Харисель	С каждого двора по одной овце и лошадь для нового хана. Земля же принадлежит хану.
3.	Двенадцать овец.
4.	То же самое.
5. Хаду	

Продолжение табл.

1	2
6. Моноху	То же самое и лошадь новому хану. Земля же их принадлежит хану.
7. Ихори	Семь овец.
8. Кецена	Десять овец.
9. Харикор	Десять рублей серебром.
10. Даба	Двадцать овец.
11. Кехлоб	То же самое.
12. Ниджали	С каждого двора по одной овце.
13. Ригвак	Двадцать овец.
14. Колоб	
15. Бабособ	С каждого двора по одной овце.
16. Цидбакари	
17. Сату	Двадцать овец.
Кроме того, в Чаберлое принадлежит хану гора Узун-тау, с которой следующий доход: с каждого пастуха – по одному ягненку и одному куску сыра, с одной сотни овец – по одной овце.	
В обществе Шубут	
Со всех селений с каждого двора по две сабы пшеницы или кукурузы.	
1. Варанды	Три лисьих шкуры [1240].
2. Кехло	Одного быка.
3. Пахмета	Три телушки.
В обществе Технуцал (расположено в Дагестане)	
Ботлих	Если хан отправляется в Бурти или Чаберлой, то они дают для зареза шесть коз.
В Андии (тоже в Дагестане)	
	Андийские горы доставляют следующий доход: с восьми пастухов – одиннадцать овец, с каждой пасущейся лошади – одну овцу. С даргинцев за постой скота в продолжении трех ночей – двенадцать рублей или одного быка. С бельгатойцев, цонтарийцев и бенойцев – то же самое. Словом, со всех селений, коих скот пасется на этих горах, платится хану такая дань.

Продолжение табл.

1	2
В Ичкерийском обществе	
1. Харачу 2. Дарго 3. Чермой	С каждого двора по одной сабе пшеницы, кто имеет пятьдесят овец, тот дает хану одну овцу. С каждого двора по одной сабе пшеницы.
В Чарбили	
1. Маккаачи 2. Тлундук 3. Цокари	Двенадцать овец. Десять овец. Двадцать овец.
В Шарое	
1. Шекери 2. Гаамады	С каждого двора по одной козе и по два ягненка. Со всего селения тридцать четыре овцы. Сорок овец и сорок ягнят [1241].

В «Описании дани, получаемой аварскими повелителями после распространения в Дагестане исламизма, наложенной на народ шейхом Абуль-Муслимом», представленной тем же Фа-Али-Сурхай-ханом-оглы, сообщалось: «Мычыгычь (т. е. прилегающие к Дагестану, области Чечни. – *Ф. Т.*) весь принадлежал Шамхалу и посылал ему с каждого дома по овце; Шубут и Аух – собственность Шамхала – посылали ему с каждого дома по одной овце; ... Джармой (Чармой? – *Ф. Т.*) – собственность Шамхала... Из всего это (должно быть «все это». – *Ф. Т.*) смотря по надобности военной и другим обстоятельствам, делилось между шамхалами (их было пять. – *Ф. Т.*), от подати которым не были освобождены и все обитатели мест между рекою Гайда и Андийскою горою; все жители мест, которые находятся за Шубутом-Кылал, Унакран до Галга, и все живущие между рекою Гайда и Сакуром, платили шамхалу дань».

В третьей редакции доходов аварских ханов сказано: «Первым правителем аварским по распространению в Дагестане исламизма был Шейх-Ахмад. В Дагестане жил в это время шейх Абул-Муслим... Мычыгычь – вся собственность Ахмад-хана»[1242].

Следовательно, зависимое крестьянское население Чечни уплачивало аварским ханам продуктовую ренту. Указание на плату деньгами следует понимать как денежное выражение стоимости натуральных повинностей и как показатель некоторых элементов денежной ренты. С ростом производительных сил, по мере успехов антифеодальной борьбы, размеры феодальных повинностей изменялись, особенно с конца XVIII – начала XIX века.

В рапорте Кизлярского коменданта Фрауендорфа Астраханскому губернатору Жилину от 3 июля 1755 года сообщалось, что «шабурлинские и чубарлинские народы (в том же документе они именуются «чабурлинцы», живут от сел. Чечень в полудне верховой езды, смежны с «тавлинцами» – дагестанцами) с давних лет дают каждый год аварскому владельцу Мучалу (Магомет Мусалу. – *Ф. Т.*) скотом и прочим учрежденную подать»[1243]. Буцковский указывал, что тайпы Тумсой, Чижнах, Чанти, Атаги, Чанти, Дипгаи, Ерлои, Шикарой, Чабуртилы, Макаджи, Алестенджи, расположенные по Аргуну и его притокам, «живут на землях, полагаемых собственностью аварского хана, платят оному дань баранами, со ста одного»[1244].

Другой дагестанский владетель, Казикумухский шамхал, по сообщению А. Бакиханова, взимал с подвластных чеченцев по 1 барану с семейства [1245]. Но, вероятно, полнее свидетельство А. Берже, сводящего содержание подати шамхалу к одной мерке хлеба с каждого двора и по одному барану с каждого стада (с какого? – *Ф. Т.*)[1246].

Кабардинские феодалы также взимали подать хлебом (пшеницей), первоначально «по мерке», с дома, а утвердившись в среде чеченцев они стали требовать больше [1247].

Кроме натуральных повинностей, крестьяне несли и другие повинности, связанные с ведением чеченскими владельцами собственного господского хозяйства. Так, задержанный в апреле 1757 года казачьим разъездом Девлет Бахов из сел. Брагуны на допросе показал: «Назад тому одиннадцатый день как мы были всенародно, по своим обычаям, собраны для пахания на владельца Кудената и сеянии хлеба»[1248].

По сведениям Буцковского, часть чеченцев, проживавших в селах по правому берегу Терека, не платила своим князьям «никаких положенных даней... кроме вспоможения в обрабатывании хлебного посева и жатвы»[1249]. Следовательно, данная группа зависимого крестьянства эксплуатируется посредством выполнения ими отработочной ренты. Говоря

словами К. Маркса, «труд непосредственного производителя на самого себя здесь еще отделен в пространстве и времени от его труда на земельного собственника»[1250]. Буцковский сообщает также, что «зависимость части чеченцев от кумыкских, аксайских князей состояла в том, чтобы в течение года выставлять на один день с каждого двора рабочего к посеву, жатве и сенокошению» а от ясака свободны [1251]. Зависимые от аксайских князей чеченцы были известны под именем качкалыков. В первой половине XIX века часть их добилась свободы, а часть просила перевести их на продуктивную ренту. Переход от работных повинностей к натуральному оброку был вызван крепнущей антифеодальной борьбой чеченского крестьянства и, как следствие этого, стремление владельцев сохранить поступление феодальной ренты.

Взимавшиеся с чеченского крестьянства феодальные повинности шли преимущественно на личное потребление владельцев, хотя незначительная доля поступала и на рынок. В связи с этим размеры отработочной и продуктовой ренты зависимых крестьян были строго фиксированы обычаем. Слабые средства и орудия внеэкономического принуждения содействовали сохранению незначительных размеров феодальной ренты. Феодалы не могли добиться увеличения исторически сложившихся норм ренты. Пределы ренты устанавливались в устных и письменных договорах зависимого узденства с феодалами [1252]. Последние были не в состоянии игнорировать традиционные нормы ренты в силу сопротивления «подвластного» им населения [1253]. Так, чеченские старшины Большого Чеченя и примыкавших аулов обращались к Кязлярскому коменданту с требованием, что их «владельцам надлежит присягу учинить в том, чтоб они сверх обыкновенной подати нападками своими ничего излишнего не требовали»[1254].

Феодальная земельная собственность реализовалась в Чечне преимущественно в форме продуктовой ренты. Отработочная рента была менее распространена и существовала в незрелых формах. Условия для денежной ренты отсутствовали. Исторически отработочная рента предшествует продуктовой, успевая приобрести до появления и развития этой последней грубые формы [1255]. «Продуктовая рента предполагает более высокую культуру производства у непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще [1256].

Переход от начальных форм феодальных отношений, характеризующихся господством отработочной ренты, к более зрелым формам феодальных отношений с преобладанием ренты продуктовой, мог совершиться при длительном развитии. Но в Чечне невозможно проследить хронологические вехи возникновения этих форм ренты. Главная «вина» трансформации указанных видов ренты обусловлена влиянием соседних феодальных владений.

Обе формы ренты существовали и могли существовать в ослабленной форме. Сохранение прежних размеров ренты было удобной, но ограниченной формой эксплуатации, а потому феодалы стремились увеличить свои доходы другими путями.

В условиях серьезного экономического значения скотоводства, собственность феодалов на пастбища и сенокосы обеспечивала им поступление прибавочного продукта, в силу хозяйственной потребности мелких скотоводов в пастбищах. В силу сложившихся отношений, эксплуатация крестьянства достигалась без особых средств внеэкономического принуждения. Крупные скотовладельцы, имея в частной собственности некоторые пастбища, в то же время становились основными эксплуататорами общинных пастбищ, так как количество допускаемого к выгону на них скота не регулировалось. Феодальной эксплуатацией следует признать присоединение бедными скотовладельцами своего скота к стадам богатых владельцев с уплатой последним трети приплода»[1257].

Пастбища, на условиях свободной аренды, сдавались в пользование как зависимым, так и свободным крестьянам-узденям. Нередко чеченцы арендовали пастбища, отобранные у них феодалами. Доходы с пастбищ составляли серьезную часть феодальной ренты. В описи имущества аварских ханов значится гора Цанта, а также Ауховские горы [1258]. За пользование этой горой крестьяне платили ханам 80 овец (опись доходам аварского хана, представленная Фат-Аля-Сурхай-ханом-оглы). Жители ичкерийских аулов платили аварским ханам за пользование пастбищами гор: Чермой, Харачой, Тезян-Кале, Цонтери, Бельгатой, Ларго [1259], Беной-лам [1260] и др. Общество Хакмадой (Гамадой) Аргунского округа за пользование пастбищными горами Гиндуху, Аппарат-Накхо н Анканчу (или Адда-ранчу) уплачивали ясак кхединским (аварского происхождения) бекам Алдановым [1261]. Жители Ауха, Зандака и Беноя за пользование пастбищами горы Тамух

в летний период платили мехельтянским бекам по одному барану с пастуха [1262].

Собственность на многие крупные пастбища обеспечивала феодалам экономическую власть над многими чеченскими селами.

Специфическим источником дохода для некоторых феодалов служила нефть, имевшая определенное торговое значение. Владелец Казбулат Топлинский не желал перемены жительства в районе Терека «больше по привязанности к нефтяному колодцу, имея с оного доход, дабы при удалении от оного не лишится своих выгод»[1263], – сообщал в 1788 году генерал П. Текелли. Подполковник Буцковекий писал о «весьма богатых нефтяных ключах в 17 верстах от Терека князьям Турловым принадлежащих, из коих ежегодно до 500 и более бочек нефти перевозится на линию с платою за каждую бочку по 16 рублей медными деньгами»[1264]. Ясно, что Орловы добывали и сбывали нефть посредством эксплуатации подвластного населения. Здесь можно усмотреть элементы денежной ренты.

Взимание платы за пастбища, добыча нефти в хозяйствах отдельных феодалов содействовали сохранению нормы подымных повинностей.

Зависимое от иноплеменных князей население было связано военной службой. Повинность эта состояла в участии в общих оборонительно-наступательных военных операциях, в поддержке князя в межфеодальных распрях и т. д. Они же обязаны были сопровождать князя в его поездках. Во владениях собственно чеченского происхождения феодалов военная повинность проявлялась менее отчетливо, она могла и не возникнуть. Военную повинность, как правило, несли крестьяне, зависимые от крупных феодалов. Военную повинность аварскому хану в начале XIX века несли тайпы Тумсой, Чижнах, Чанти, Атаги Чанти, Нишни, Ерлои, Шикарой, Чауртилы, Макаджи, Алеетенджи [1265]. Эту повинность отбывали чеченцы, зависимые от Турловых. Мелкие феодалы, продолжавшие оставаться в составе тайпы, военной повинности не вводили. В различных формах эту повинность несли те крестьяне, которые зависели от феодалов выступавших в роли военачальников – бяччей.

Той системы внеэкономического принуждения, которая сложилась в феодальных Кабарде, Кумыкии и Аварии, Чечня не знала, что может быть объяснено отчасти военно-экономической слабостью местных феодалов, а более – слабым развитием

отработочной системы. А при господстве продуктовой ренты, указывал К. Маркс, прибавочный труд должен выполняться не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя, а «напротив, непосредственный производитель должен выполнять его под свою собственную ответственность, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети»[1266]. Отсутствие реальной силы принуждения сдерживало развитие процессов феодализации вглубь и вширь. Договор феодала с подвластным населением имел силу закона. Надзор и принуждение зависимого населения, соблюдение интересов феодала, в ряде мест осуществлял назначенный князем бегевул. Он следил за разделом и распределением земли, проводил сбор ясака и т. д.[1267]. Судебно-административное право чеченских феодалов, являясь средством внеэкономического принуждения, составляло для них и источник дохода как часть феодальной ренты.

Чеченский князь Девлет Гирей Черкасский в доношении генерал-лейтенанту Девицу от 10 июня 1748 года сообщал, что владельцы «за чинимые во владениях воровство и драку берут же штрафы»[1268]. Право суда биев и элов над поселенными на их землях крестьянами было следствием их крупной земельной собственности [1269] и подкреплялось княжеской дружиной. Князья нередко добивались установления штрафов в свою пользу через народные собрания самого зависимого от них населения [1270], посредством чего феодальное право обретало вид попечения об интересах самого крестьянства. Чаще феодалы осуществляли свою власть через тайповые учреждения, тайповую верхушку, проводя через них те или иные угодные им решения. Так, зависимые от аварского хана Магомет Мусала (Мучала) 15 «чабурлинских» деревень каждая имела во главе чанков, выступавших в роли бегевулов, 12 деревень «чабутлинцев» (шабутлинцев) бегевулов не имели, а «суд и расправу чинят они через своего кадия»[1271].

Естественно, что феодальное право могло осуществляться при некоторой прикрепленности крестьян к определенному участку земли, «что достигалось тем, что переселяющиеся от феодала крестьяне теряли право на усадьбу, все хозяйственные строения на его дворе поступали под надзор владельческого бегевула, который с разрешения феодала передавал их новым поселенцам [1272]. Однако сохранение крестьянами права ухода от феодала ограничивало власть последних. Но были феодальные

владения, где право крестьян на уход становилось все более призрачным. Когда в 1746 году чеченские владельцы Албек и Али Солтан Казбулатович получили разрешение на переселение в долину реки Сунжа, то они постановили «за ослушание, кто не похочет переселиться, положен штраф брать со всякой деревни до 10 баранов»[1273]. Владельцы заверили Кизлярского коменданта Оболенского: «ежели из нашего народа кто с нами вместе перейтить на новое поселение не пожелает, таких людей по времени и насильством перевесть можем»[1274]. Феодалы лишали крестьян права перехода. В то же время феодалы могли сгонять крестьян со своих земель [1275]. Штрафы в пользу феодалов устанавливались высокие. Так, аксайские владельцы Кашхан Аматханов, Уцми и Эльдерхан с целью предупреждения помощи со стороны подвластных им горячевцев жителям сел. Чечень установили за нарушение запрета штраф по четыре быка с семьи, а дом нарушителя разрушить [1276]. Высокие штрафные нормы не говорят о зажиточности крестьян. Они имели целью удержать крестьян в повиновении.

Ддя успеха в эксплуатации своих пастбищ князья взяли под свое ведение назначение на должность «одома» – старшины над пастухами, ранее эта должность была выборной.

Крупные земельные владения давали феодалам, помимо военной и судебной власти над подвластными, и другие выражения власти и самостоятельности. Так, за прохождение через их территории торговых караванов, крупные феодалы брали соответствующие пошлины, составлявшие важную статью их доходов [1277]. Стремление направить торговые пути через свои владения для взимания пошлин нередко порождало феодальные распри и междоусобицы [1278].

Зависимое узденство стремилось обратить взоры феодалов на сбор феодальных пошлин, тяготясь любой формой и степенью зависимости. Так, в 1758 году чеченцы заявили владельцу Расланбеку, что «ежели с ними хочет быть, дабы он для своего пропитания с приезжающих в Кумыки и в Кабарду караванов брал с разных сортов пошлины», которые караваны ездят по проложенной дороге от реки Курка [1279], где он с них ту пошлину и забирает, чем де он прожить может, а когда с ними быть не хочет, то куда хочет то и шел бы»[1280].

Хозяйство феодала (его размеры и структура). Взаимоотношения феодалов. Определять размеры чеченских феодальных владений не представляется возможным. Они были раз-

новелики территориально, по числу зависимого населения, по богатству скотом. Встречались крупные владения. Показателен следующий пример: в 1751 году князь Девлет Гирей отогнал в «баранту» у Брагунской княгини Кичибики до девяти тысяч овец [1281], и это лишь часть ее скота. Скотоводческое хозяйство князя Турлова в первой половине XIX века (до 40-х годов) посредством взимания с подвластного населения продуктовой ренты ежегодно увеличивалось не менее чем «на 1000 голов разного рода скота»[1282].

Князья имели пахотные и пастбищные земли, лес, виноградные и фруктовые сады, водяные мельницы, кутаны с помещениями. В плане станицы Червленной, составленном в 1755 году поручиком Астраханского гарнизона Николаем Лашуриным, приводится и съемка нового владения бывшего гребенчуковского князя. Оказывается, у горячих колодцев Девлет Гирей имеет 334 десятины пашни, сохраняет пашни в районе Гребенчука, совместно с брагунцами он захватал у казаков Червленной 173 $^{1}/_{4}$ десятин сенокоса [1283].

В Качкалыковском участке кумыкские князья и уздени владели 13 400 десятинами земли [1284].

Военно-колониальная администрация Кавказа в 1860 году отмежевала наиболее родовитым элам и биям (местное именование феодалов) Чечни следующие земли: Таймазовым – 4500 дес., Турловым – 2000 дес., Бековичам-Черкасским – 4900 дес., Эльдаровым – 1400 дес. и Алхазовым – 2800 десятин [1285]. Можно предположить, что царская администрация исходила из предшествующих норм земельной собственности и даже ограничила землеобеспеченность князей.

Господские пашни и покосы (бийлики) были разбросаны отдельными участками среди земель аулов, состоящих под верховенством феодала.

Хозяйственно-административным центром всего феодального владения служил господский двор. Он мог находиться либо в одном из сел, либо располагаться изолированно. Дом феодала, кроме жилых помещений, имел ряд служебных пристроек. Дом олицетворял богатство феодала, его выдающееся положение в обществе. Девлет Гирей в письме к Астраханскому губернатору Жилину, полученном адресатом 27 июня 1755 года, сообщал, что «тавлинцы», называемые шабуртлинцами и цабутлинцами, конных сто шестьдесят человек во время нападения на него «имеющиеся в доме... платье, ковры, сундуков восемь разбив, положенные во оных сундуках пожитки все

взяли, кроме же того военную сбрую, панциря, наручники и ружья и сандаки (или салдаки. – *Ф. Т.*) все без остатку увели.., а увезено ими от меня с лишком на четыре тысячи, из дому ж моего взяли в полон бабу с девкою, да от узденя моего жену, а сына избили до смерти ж»[1286].

К феодальному дому примыкали дворы ограниченного числа феодально-зависимых узденей-крестьян, а чаще рабов [1287].

Среди новых типов хозяйства внутри тайпы была распространена группа собственников мелковотчинного типа, которые, оставаясь членами общины и удерживая право на владение наделом, являлись частными собственниками дополнительных участков. В ряде общин тайповая верхушка получала кратное число земельных паев при переделах [1288]. Первые, в зависимости от размеров частной земельной собственности, помещали на своей земле от одного-двух до нескольких десятков обездоленных узденей-байгушей, которые со временем утрачивали различные элементы свободы. Это тем более неизбежно, что они (байгуши) ведут подчас хозяйство, экономически равное по мощи и характеру хозяйству раба, поселенного здесь же, на участке частнособственнической земли. Общинники, получающие несколько наделов, либо возделывали земли трудом рабов, либо сдавали их внаймы. Нередко представители нарождавшейся социальной верхушки переставали сами работать в своем хозяйстве.

«Расширенное», «нарастающее воспроизводство», по мере роста производительных сил и углубления общественного разделения труда, выдвигало новых крупных феодальных владетелей. Стремление их к захвату земель, скота, подчинению тайп, сталкивалось с правами представителей эксплуататорского класса в лице осевших иноплеменных князей.

Конкретно-исторические пути развития чеченского феодализма наполнили XVIII – первую половину XIX века внутрифеодальной борьбой очеченившихся феодалов с новыми, народившимися «природными». В этой борьбе «знатные узденьи» успешней князей использовали свои широкие родовые связи, заставляли тайпы выполнять функции своих дружин. В 50-е годы XVIII века Кизлярский комендант Фрауендорф неоднократно доносил Астраханскому губернатору Жилину, что некоторые чеченцы «сильны своими родственниками, как они владельцы»[1289], что многие чеченцы «особливо фамильных владельцев своих неслушают и силу имеют как

владельцы»[1290]. Астраханский губернатор в доношении в Коллегию Иностранных дел от 11 ноября 1756 года сообщал: «Князь Девлет Гирей Черкасский прислал в Кизляр чеченского владельца Росламбека Айдерова, знатного и силу имеющего узденя, и славного вора Шабая Ахлова с таким изъяснением, что через него чеченцы отгонных лошадей отыщут и при том еще представил.., что тот владелец Расланбек на того пойманного вора Шабая приносит жалобу. Хотя де он именуется его уздень, но он не в послушании ево по причине той, что он имеет у себя многих родственников»[1291].

Внутрифеодальная борьба проникла в семейные отношения, принимая порою кровавые формы [1292]. Чеченские князья и феодализирующаяся тайповая верхушка использовали все средства для расширения своих владений. Многозначительно звучат слова Расланбека Айдемирова, сказанные им Девлет Гирею Черкасскому и другим феодальным владетелям: «От себя ни одной копейки не отдам, я все саблей своей получил и де ежели можете саблей своей получите»[1293].

В отношениях между феодалами практиковались взаимные грабежи, пленения, набеги [1294].

Крупные чеченские феодалы не мирились с тем, что из-под их власти высвободился ряд крупных тайп, и только бессилие перед военной силой тайп сдерживало их страсть к наживе и власти. Когда Кизлярский комендант требовал от чеченских владельцев Албека Казбулатова и Расланбека, и Бардыхана Айдемирова изъять у вольных чеченцев взятых ими в плен солдат и угнанных у казаков лошадей, то они (владельцы) в письме, помеченном 10 января 1758 года, отвечали: «ежели б оное можно было нам учинить, то б могли мы и внутри Больших Чечнях жительство иметь»[1295].

Чеченские и кумыкские князья с вожделением взирали на свободные чеченские общества. Не ограничиваясь эксплуатацией подвластного населения, они при случае производили опустошительные грабительские набеги в дальние общества Чечни, сохранившие независимость, которые потому были «всегда ограбленные и притесненные»[1296].

Внутрифеодальная борьба вела к сокращению влияния и власти иноплеменных князей, место которых постепенно занимали доморощенные владетели.

Рост имущественной и социальной дифференциации чеченского общества. Характер узденской свободы. Нарастание имущественного неравенства среди общинников-узденей ведет к выделению все более значительной группы людей, лишенных средств и орудий производства. С потерей земли, эти вчера еще самостоятельные крестьяне-уздени, сегодня с тревогой взирают на личную свободу, так как нередко лишь поступясь ею могут обрести средства к существованию.

Категория лично свободных, но лишенных земли, скота и прочего имущества, узденей попадала в экономическую зависимость от крупных землевладельцев и скотовладельцев. П. М. Попов в 1870 году отметил существование аула Ялхой-Мокх, основанного выходцами из аула Нашахе лет 500 тому назад (примерно XIV век). Его основатели, а равно и последующие поколения «были чрезвычайно бедны, имея единственное средство к существованию – заработок; их услугами пользовались более зажиточные землевладельцы»[1297]. (Ялхой – работник, мохк – земля, следовательно – землевладелец).

Гребенчуковцы в письме к Кизлярскому коменданту Фрауендорфу от 27 мая 1758 года признают наличие в их ауле экономически «убогих»[1298]. В сентябре 1758 года генерал-майором Черкасским с казаками задержан чеченец «токмо самой бедной и бессильной человек, который только жительство одно имел при баранах»[1299].

Наличие в Чечне «бездомных голяков» отметил Шамиль [1300]. Положение их было, конечно, хуже ялхоймокхцев. Для 20–30-х годов XIX века Ольшевский указал на наличие бойгушей-бедняков, у которых не было не только верховой лошади, но и вола, чтобы вспахать землю [1301].

В каждом чеченском ауле были установлены особые дни, когда зажиточные приносили к мечетям пищу для раздачи бедным [1302].

Крайняя нищета социальных низов в Чечне била в глаза. Различие между зажиточными и неимущими слоями чеченского народа получило и внешнее выражение – в одежде [1303], в пище [1304] и т. д.

Состоятельные чеченцы, именуемые в фольклоре людьми с «плотной спиной»[1305], в середине XVIII века составляли определенную группу, объединенную общностью сохранения и увеличения приобретенных земель, скота, орудий труда и т. п. Русские источники середины XVIII века в ряде случаев определяли их как «заживных»[1306] людей. Они всегда были

готовы уступить, предать, лишь бы сохранить захваченное. Интересы этой социальной группы шли вразрез с интересами большинства населения [1307].

Зажиточное меньшинство, с одной стороны, с другой – большинство, служащее объектом, где вожделения, а где прямой эксплуатации, – такова картина чеченской деревни XVIII века, а еще более – первой половины XIX века.

Итак, сила экономического развития, проявлявшаяся в росте производительных сил, вела к социальной дифференциации среди чеченцев. Процесс классообразования внутри тайпы на основе имущественного и социального расслоения создавал различные градации свободы и зависимости среди членов тайпы. Под влиянием изменения форм собственности на движимое (скот), а более на недвижимое богатство, происходит изменение в представлении о свободе и равенстве среди общинников. В зависимости от степени военно-экономической мощи различные слои начинают обладать разной степенью прав и обязанностей. Тайпы сами делятся на свободные и зависимые.

Рядовые члены свободных тайп, являвшиеся с экономической стороны «трудящимися субъектами», с общественной стороны выступали как свободные члены общества и именовались узденями [1308]. Однако экономические процессы внесли и в среду свободных узденей пестрое деление на социально и имущественно различные группы и прослойки, из которых экономически маломощные и слабые элементы хотя и поддерживались своей тайпой, но, будучи не в состоянии подкрепить свою личную независимость хозяйственной собственностью (на землю, дом, скот, орудия труда), вымывались и обращались в зависимых.

Члены зависимых тайп удержали за собой именования узденей, но этого рода уздени из «трудящихся субъектов» превращались в зависимых непосредственных производителей материальных благ. «Узденство» стало одной из форм юридического отличия от рабского состояния [1309].

Одноликая картина узденства, по Лаудаеву, давно ушла в прошлое и стала достоянием народной памяти, да и в этой последней для более близких времен она уподобляется феодальным отношениям, установившимся у соседей. Отмеченный тем же Лаудаевым факт, что плоскостных жителей, плативших ясак, горные соплеменники осмеивали и упрекали названием «лай» [1310], свидетельствует о резких отличиях в социальном положении узденей. Отмечаемое А. Берже различие между

«коренными» и некоренными чеченцами имело, вероятно, реальные исторические основания, хотя проводилось оно не между членами одной и той же тайпы, а только по тайпам. К «сословию узденей», по Берже, причислялись жители тех аулов, которые сколько-нибудь правдоподобно вели родословную от легендарного Нахчууо. Чуткие к свободе личности чеченцы, подметившие различие между лаем и ясырем, тем решительней относились к правам и обязанностям, олицетворявшим их личную свободу.

В XVIII – первой половине XIX века среди чеченцев прослеживаются различные градации узденства, с неодинаковыми социальными статусами. Употреблявшееся понятие «уздень» в рассматриваемый период не всегда олицетворяло свободу личности общинника, а в ряде случаев затушевывало социальные различия и противоречия чеченской действительности. Те из чеченских владельцев-феодалов и рабовладельцев, которые оставались членами общин (конечно, не рядовыми), и не были еще в состоянии добиться титулования их элами и биями, продолжали именоваться, как и основная свободная масса чеченцев, узденями.

Самоименование узденями было для обездоленной группы чеченцев призрачной попыткой отстоять свою свободу, жить вчерашними представлениями о равенстве и братстве всех членов тайпы.

Узденский статус был отличен и между членами одной и той же тайпы. Ведь находились уздени обижавшие собратьев, имевшие силу и вес в обществе, которых и старики были не в состоянии принудить к исполнению приговора [1311]. В «Выписке о чеченском народе», составленной в 60-х годах XVIII века, сообщается, что в 1757 году кабардинскому князю Эльмурзе Бековичу Черкасскому «удалось... поймать одного небеззнатного чеченца, и получить в Малой Кабарде двух малолетних чеченских же узденских детей, также знатных, да пред тем, при поиске кизлярским комендантом чинимом, получен от чеченцев один аманат, знатного узденя сын, а сверх того владелец Росланбек в Кизляре задержан был»[1312]. Достаточно ясно сказано о следующих социальных субъектах: владелец, знатный уздень, а следовательно, были и незнатные, рядовые уздени.

В одном официальном документе упоминается «главный уздень» чеченских владельцев Бардахана и Мамаша Айдемировых-Кучук [1313].

Внутрифеодальная градация порождалась и тем, что отдельные чеченские уздени, подчиненные биям, элам, держали в зависимости холопов и ясырей, а некоторые феодально-зависимые группы крестьян-общинников. По хозяйственной состоятельности верхушка владельческих узденей смыкалась с «заживной» узденской верхушкой свободных тайп. Уздени, зависимые от князей, были предметом попечения царизма, который платил им жалованье [1314]. Отличие владельческих узденей от остальных выражалось и в их претензиях в 60–70-е годы XIX века на особое «потомственное узденство», производимое ими от крымских выходцев. В конце XVIII – первой половине XIX века социальная группа знатных узденей продолжала развиваться количественно и качественно, пополняя ряды местных феодалов.

Социальная структура чеченского общества состояла из следующих групп:

– Социальную верхушку составляли бии, элы – феодалы и рабовладельцы. Представлены они были пришлыми очеченившимися князьями и владельцами чеченского происхождения.

– Затем следует группа знатных узденей – свободных или зависимых от биев, элов. Это «почетновлиятельные» люди. Некоторые из них к середине XVIII века уже не уступали биям и элам ни в военном, ни в экономическом отношении.

– Еще ниже – свободные уздени с различными внутренними экономическими градациями, – от «заживных» до «байгушей».

– Наконец, на самом низу – азаты, ясыри и лаи.

Наличие очерченных социальных групп свидетельствует о незавершенности классообразования в Чечне. Процесс феодализация продолжается.

Антифеодальная борьба чеченского крестьянства. Рядовые уздени свободных и зависимых тайп никогда не мирились с попытками нарождающейся знати закабалить их и установить формы личной зависимости. Они с оружием в руках давали отпор феодализирующейся верхушке в ее стремлении к усилению эксплуатации, к подчинению новых групп населения. В одной из наиболее популярных сказок в Чечне выражено отношение чеченцев к феодалам: «Дай бог, чтобы все княжьи дети не поднялись из своих люлек, и из нор своих, чтобы не повылезли волченята»[1315].

Захват, иноплеменными феодалами чеченских земель, естественно, вызывал сопротивление народных масс, а борьба чеченцев с притязаниями аварских, кумыкских и кабардинских князей передавалась из поколения в поколение и приобретала системный характер.

Формы классовой борьбы в Чечне отличались разнообразием – убийство князей, захват феодальных земель, отказ от ясака, потравы пастбищ, посевов, кражи скота и т. д. В силу антифеодального сопротивления «на жителей князья не изъявляли деспотических притязаний, коими отличались князья соседних к Чечне племен»[1316].

Антифеодальный, по существу, характер носила борьба чеченцев за сохранение адатных норм ясака. Мерой хлеба у чеченцев служила саба. Согласно преданию, приводимому А. Берже, наместник шамхала в Чечне, не довольствуясь получаемой им платой, заменял назначенную чеченцами меру (по сабе со двора) – другой, несколько большей. Один из чеченцев, заметив подлог и разницу в величине сабы, разбил новую меру у князя на дворе. «Опасаясь народного волнения и новых оскорблений, наместник бежал»[1317].

В «Описании чеченских адатов в 1843 году» говорится, что Турловы имели «многочисленную дружину», готовую «затушить семена бунта и неповиновения, могущие возникать в самой Чечне»[1318]. «Тяжелое ярмо» власти Турловых вызвало выступление чеченцев, которое окончилось истреблением военного орудия власти Турловых – их дружины [1319]. Это произошло в начале XVIII столетия. Во второй половине XVIII века Турловы жили уже на Тереке в основанных им аулах – Верхний и Нижний Наур [1320].

К 1710 году чеченцы в основном освободились из-под власти кумыкского шамхала [1321].

Конечной целью борьбы чеченского узденства с феодальными владетелями было избавление от ясачных отношений зависимости и где возврат, а где приобретение в общинную или частную собственность феодальных земель. Борьба против феодальных прав пришлых князей в течение ряда веков шла успешно для чеченского крестьянства. Так, славой своевольных и непокорных пользовались чеченцы Шаро-Аргунских обществ. Если кому-либо удавалось распространить на них свою власть, то зависимость не шла дальше сбора дани, и то временно: при всяком удобном случае шароаргунцы с оружием в руках возвращали себе свободу [1322].

Крупных антифеодальных восстаний, охватывавших всю Чечню, не было и не могло быть, так как многие чеченские общества сохраняли свободу. В «Материалах для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год» академика П. Г. Буткова содержится следующее важное известие: «... в 1757 году чеченцы вышли из долгого повиновения своим владельцам и совсем оказались противными российской стороне»[1323]. В дополнение сообщается, что жители сел. Чечень и Горячевской (*по-чечен-ски* – Истису) в 1757 году изгнали своих владельцев [1324]. Во исполнение предписания Государственной Военной Коллегии в следующем, 1758 году Кизлярский комендант Фрауендорф предпринял с войском поход против повстанцев в Чечню, «было сражение, но что далее учинено неизвестно. Чеченцы продолжали беспокоить линию до 1770 года»[1325]. Установление характера данного выступления чеченцев приобретает в последнее время особый интерес в связи с новой оценкой его сущности рядом советских историков [1326] и вопросом о феодализме в Чечне. Имеющиеся в нашем распоряжении факты вносят некоторую ясность в смутную картину движения, рисуемую Бутковым.

Неопубликованная часть «Известия о бывшем в Кавказских горах Лжепророке Мансуре», составленная Бутковым в 1806 году, содержат важное сообщение о событиях 1757 года. Бутков пишет, что в конце XVII века (с 1680 года) часть чеченцев при выселении на плоскость отдалась под покровительство кумыкских и кабардинских владельцев, «но в продолжение времени, когда эти господа слишком посягали на вольность их, то чеченцы поселившихся между ими изгнали, а прочим отказали в повиновении. Это началось в 1757-м и текло в противоборствах до 1781 года»[1327]. В данном случае событие, имевшее место в одном ауле Чечень, распространено на большинство чеченцев, состоявших в зависимости от князей. Завершение события растянуто по времени с 1770 года до 1781 года (Г. А. Ткачев завершение «изгнания» князей относит к 1783 году [1328]). Выше мы установили, что в сел. Алды, Атаги и Чечень княжили аварские феодалы Турловы и никаких кабардинских и кумыкских феодалов там не было.

Официальные документы содержат следующие сведения, в «Выписке о происшедших от чеченского подданнного ее императорского величества народа предерзостях и о предвоспринятых потому со здешней стороны мерах» говорится, что чеченцы «не слушали нимало в чем не хотят и владельцев

своих»[1329]. Но это недовольство имело место лишь после того, как владелец Расланбек и «не последние» чеченцы предлагали «противиться оставить, а принесть покорение.., а большая часть несогласилась»[1330].

Следующее сообщение выясняет отношение чеченских владельцев к событиям. В 1757 году царские власти построили редут на нагорной стороне реки Терек «при Червленских горячих колодезях... для престережения тайных с товарами проездов»[1331]. 28 сентября 1757 года чеченцы до 200 человек совершили нападение на этот редут, при этом Кизлярский комендант сообщал: «что и чеченские владельцы, которые до того показывали себя верными, все кроме одного Али Солтана Казбулатова, с ними чеченцами, в одном противном намерении находятся»[1332]. Следовательно, феодальные владетели находились на стороне участников выступления 1757 года. Нападавшими были взяты в плен несколько солдат и угнан табун лошадей. Возвращение их и было основным требованием Кизлярского коменданта [1333].

Есть в «Материалах...» Буткова и другие, менее значительные неточности. Так, в них сказано, что 23 октября 1757 года Государственная Военная Коллегия предписала Кизлярскому коменданту наказать чеченцев [1334]. В действительности «Рассуждение» Коллегии Иностранных дел относительно военной экспедиции против чеченцев было сообщено при «промемории» от 24 сентября 1757 года «с требованием ея на то соглашения». Военная коллегия дала согласие 21 октября, после чего указами Коллегии Иностранных дел от 9 декабря 1757 года Кизлярскому коменданту было предписано организовать военную экспедицию против, чеченцев [1335].

В письме Кизлярскому коменданту Фрауендорфу представителями Аллакуватовой фамилии от 31 октября 1757 года говорится, что выступление 1757 года организовано владетелями Расланбеком, Бардыханом и Мамашем Айдемировыми «и протчими их подвластными»[1336].

Наконец, во время похода русских войск весной 1758 года [1337] для подавления чеченцев «как российское войско из Кизляра выступило и прибыло в Новый Чечень к реке Сунже, то тогда слух был, что собрано по просьбе тех чеченцев со владельцами их гребенчуков, шалынцев, мичкисцев и с качкалык подвластных аксайских владельцев, кехинцев, чебуклинцев, чубутцев, гунбенцев (губетовцев. – *Ф. Т.*), андинцев и чумалинцев, голопданцев всего от двух до трех тысяч сказывали

человек; да аварской князь с двумястами человек выступил было, однако не дошел»[1338].

Приведенные свидетельства рисуют картину раннего антиколониального выступления, в котором принимали участие и чеченские владельцы, чьи интересы были ущемлены наметившимися в 50-е годы XVIII века изменениями в политике военно-колониальных властей России на Северном Кавказе. Классовая борьба антифеодального характера имела место в Чечне второй половины XVIII века и ранее, но события в Чечне в 1757 году носили иной характер, преследовали другие цели [1339].

В «Материалах...» Буткова нападение чеченцев на князя Девлет Гирея приурочено к 1760 году [1340], но и это неточно. В письме князя Девлет Гирея на имя Астраханского губернатора Жилина, полученном в канцелярии последнего 27 июня 1755 года, упоминаемое Бутковым нападение излагается как свершившийся факт [1341]. Другой документ содержит показания задержанных при нападении на дом князя Девлет Гирея Черкасского чеченцев от 15 апреля 1755 года [1342]. Другие сообщения приурочивают нападение к тому же 1755 году [1343].

Неверной датировки Буткова придерживался Г. А. Ткачев, который писал: «В 1760 году произошло возмущение чеченцев против Девлет Гирея, вскоре затем последовало изгнание других владельцев»[1344]. Что касается характера события, то никакого «возмущения» не было. Девлет Гирей состоял в отношениях междуфеодальной вражды с Брагунской княгиной Кичибики, которая, подкупив бяччи Парси, подстрекнула его с отрядом в 160 человек на ограбление Девлет Гирея. В нападении участвовали горные чеченцы, не зависимые от Девлет Гирея [1345]. Теперь ясно, что данное нападение нельзя квалифицировать как антифеодальное.

Ряд авторов утверждает, что чеченцы в разные времена истребили своих князей [1346]. Убийства князей действительно случались в Чечне. Так, беноевцы по спору с аварскими князьями, у которых они арендовали гору Бенойлам, убили одного из них – Хамзатхана, а плату ясака прекратили [1347].

Между 1756–1773 годами был убит Девлет Гирей Черкасский [1348].

В памяти чеченского народа и по сей день сохранилось предание о казни по постановлению чеченского Совета страны восьми кумыкских князей, нарушивших свои права и обязательства [1349].

Нечетко изложенное академиком Гюльденштедтом сообщение о судьбе чеченских князей стало впоследствии источником двух противоречивых утверждений. Гюльденштедт писал [1350]: «Князя Хазбулата чеченцы убили сами. Его внуки Хазбулат и Алхани Татаркан были в 1773 году юноши».

К. Герман [1351], переведший на русский язык и издавший извлечение из трудов Гюльденштедта, переводит это место так: «Князья Хасбулата были в 1773 году еще в юношеском возрасте»[1352]. В повторное русское издание книг Иоганна Готлиба Георги переводчик-составитель включил ряд сведений из Гюльденштедта и приведенное нами место перевел так: «в 1773 году чеченцы умертвили своих владельных князей»[1353]. Мы просмотрели два издания сочинения И. Георги на немецком языке [1354] и выявили отсутствие в них подобного рода сведений. В данном втором русском переводе и допущена неточность.

Ткачев неверно отнес убийство Хасбулата Атагинского к 1760 году [1355]. В письме гребенчуковских и шалинских старшин Кизлярскому коменданту, полученном последним 27 октября 1756 года, владычество над ними Али Хазбулата относится к прошедшим временам [1356].

К активным формам борьбы следует отнести захват княжеских земель. В эту борьбу наряду с рядовыми общинниками активно включились зажиточные и феодализирующиеся элементы. Так, в предписании генерала Ермолова командующему на Кавказской линии Сталю 2-му от 24 января 1819 года содержалось, что чеченцы-качкалыки «вопреки воли владельцев занимают земли, им принадлежащие»[1357].

Немногочисленные чеченские князья, учитывая свою военную и экономическую слабость, стремились правильно выбрать место своего поселения на контролируемой территории. Как правильно отметил Лаудаев, для князей было характерно стремление так выбрать район поселения, чтобы оказаться «под ближнею защитою российского начальства»[1358]. Успехи антифеодальной борьбы чеченцев были бы значительней, если бы не военно-экономическая поддержка князей русским феодальным государством. В 1732 году Брагунский князь Мудар Кучуков в письме к генерал-лейтенанту графу Жукласу сообщал, что чеченцы стали ему «великие неприятели». Мудар обращается с просьбой о присылке ему в помощь гребенских казаков [1359]. В 1746 году чеченские владельцы Албек и Али Султан Казбулатовы обращались к Кизлярскому комендан-

ту о позволении переселиться на реку Сунжу, неподалеку от сел. Брагуны и станицы Червленной [1360] «для прекращения чинимых от их владельческих людей по надежде на лесные и крепкие места грабительства и разбой»[1361]. В течение второй половины XVIII века чеченские князья неоднократно обращались к царским властям о разрешении поселиться в районы, прилежащие к Кавказской военной линии. В 1788 году часть из них обратилась с просьбой о дозволении поселиться в надтеречные районы, где некоторые князья уже жили [1362]. Здесь они до 1840 года пользовались правами феодальных правителей.

Благодарные чеченские князья были верными проводниками политики царизма. Неоднократно они служили проводниками карательных царских отрядов против чеченцев [1363]. Подвластных им чеченцев бии и элы по указке царских властей не раз направляли против их единомышленников. Как отметил Н. Волконский, «бритые соратники»[1364], царских военных отрядов – чеченские князья – «вели себя хорошо» в 1825 году при подавлении восстания Бей-Булата [1365].

В течение долгих лет чеченцы вели упорную борьбу с феодальными представителями фамилии Ахшпатой (выходцы изи Галгая). Один из членов этой фамилии Этагай занял всю Малую Чечню, основал аул Этага (Старый Этага), который, кроме ахшпатоевцев, населили выходцы из других тайп. Последние платили подать за землю Этагаю, сыну его Гирею и внуку Алмузуру скотом. При Алмузуре из подвластных фамилий две тайпы – Дишни и Памятой «находя подать слишком большою, отказались ее платить». Во главе антифеодального движения стоял шатоевец Бача. В происшедших кровопролитных схватках Бача был убит Алмузуром, который подавил и все выступление. Однако старые формы эксплуатации сохранить было невозможно. На общем сборе подвластного населения по инициативе Алмузура была установлена пониженная плата. Однако и этой платой тяготились чеченцы и не прекращали попыток обратить землю в свою собственность. Сын Алмузура Кучук взимал подать с помощью царских солдат, с ведома генерала Дельпоццо. Во 2-м десятилетии XIX века Кучук выселил на плоскость из Галгая около 300 ингушских семейств, которым продал часть своих земель. Сын Кучука Мудар (в 20-е годы XIX века был еще жив) продолжал взимать с чеченцев плату, но она «часто совсем не давалась», «только делали ему угощения по обычаю»[1366].

В постоянной антифеодальной борьбе феодальная верхушка Ахшпатосвцев была истреблена [1367].

Формы антифеодальной борьбы чеченского крестьянства, особенно против призванных князей носили большой отпечаток сохранявшихся родовых отношений. Так, по наблюдениям И. М. Саидова, сделанным на основе этнографических материалов, свержение князей в различных районах Чечни подчас «происходило почти одновременно». Чеченцы вольных сельских общин активно помогали своим сородичам (по тайпам) избавиться от пришлых князей. Во время борьбы зависимых вайнахских общин против князей-захватчиков на помощь им приходили жители свободных общин.

Это обстоятельство дает И. М. Саидову правильное основание полагать, что приглашение князей в нахские общины происходило при сохранении такими общинами членства в Мохк Кхел, а изгнание князей происходило часто по согласованию между представителями общин, входивших в Совет страны [1368].

«Братский» характер отношений в тайпе с утверждением малой семьи и развитием товарного производства, сохраняя некоторые обязанности за членами тайпы, в завуалированной форме дает возможность проявления классового антагонизма. Перерастание имущественного расслоения общинников-уздений в дифференциацию социальную шло рука об руку с возникновением и развитием внутритайповой борьбы. Исходящие от российских военных властей источники и основывающаяся на них дореволюционная литература затушевывали классовый характер многих выступлений чеченского свободного и зависимого узденства. Объяснение кровавым столкновениям они искали в родовых различиях между тайпами, хотя ряд авторов усматривали причины столкновений в борьбе за пахотно-пастбищные угодья, но не видели, какие социально-антагонистические группы противостояли в этой борьбе. Некоторые авторы объясняли выступления чеченских крестьянских низов их «жестоким характером»[1369]. Реакционные писатели искусно создавали картину бесконечного ряда канлы (кровная месть), грабежей и воровства. Недостатка в подобных фактах не было. Но акты мести в Чечне все чаще становились выступлениями одиночек против представителей феодализирующейся верхушки соседних тайп. Мотивы выступления одиночек и социальных групп были социально предопределены. «Гостящие» безземельные тайпы должны были в условиях формально

поддерживаемых принципов равенства и свободы особенно остро реагировать на социальную несправедливость.

Выделение социально противоположных групп и усиливающаяся в связи с этим классовая борьба отразились в чеченском фольклоре – в сказках, песнях, легендах, поговорках и т. д. Тема классовой борьбы лежит в основе басни, записанной в Чечне П. И. Головинским. Вот она: «Когда-то барс, волк и лиса, отправясь на охоту, поймали оленя, козу и зайца. Барс приказал лисице разделить добычу. Лисица говорит: «Тебе, барс, как старшему, следует по всей справедливости олень, тебе, волк, принадлежит по праву коза, а мне за мой посильный труд – зайчик». Барс зарычал: «Вот как ты делишь? У тебя, я вижу, нет никакого толку». При этом барс, схватив лису, разорвал ее пополам. После этого барс приказал волку разделить добычу. Волк говорит: «Тебе, могучий барс, принадлежит олень, – пообедай на здоровье, после трудов; коза следует твоей милости на ужин, а на утро закуси зайчиком». – «Умно, Волк! Умно! – сказал барс. – Скажи мне, волк, от кого ты набрался такого ума-разума?! – Волк, указывая на разорванную лисицу, – отвечал: «Лапы твои меня надоумили»[1370].

Незавершенность процесса классообразования накладывала отпечаток на проявления классовой борьбы. Так, для борьбы с насильником обвинитель, опасаясь мщения, доказывал вину обвиняемого не гласно, а тайно [1371]. В тяжбе слабого с сильным общинником, когда и родовые старики бессильны понудить обидчика к исполнению приговора, обиженный переходил в другой аул, откуда с помощью родства стремился украсть у обидчика лошадь, оружие, какую-нибудь вещь, что могло послужить средством давления на обидчика [1372].

По адату разбирались дела о воровстве и поджогах, ранениях, которые были следствием социального разрыва тайповых связей. Адат оберегал интересы зажиточной верхушки [1373].

Выше мы уже отметили разрыв в интересах и действиях «заживной» части общины и массы рядовых общинников. Непримиримость социально-экономических интересов различных общественных прослоек и групп временами обострялась, и тогда общество раскалывалось на противостоящие группы, вспыхивали схватки, и победители безжалостно изгоняли побежденных [1374].

Здесь необходимо отметить, что перед восстанием горцев под руководством Шамиля по Чечне пронесся тревожный слух, что царское правительство намерено обратить чеченцев

и крепостных крестьян [1375]. Это было удачно использовано Шамилем.

Профессором Б. В. Скитским была высказана мысль, что в результате успешной классовой борьбы феодальные элементы у некоторых народов Северного Кавказа ослабли, а «демократические общества являлись не отсталыми пережитками прошлого, а, наоборот, более передовыми обществами свободных производителей»[1376]. В Чечне имело место сокращение влияния и власти феодалов, где посредством истребления, где изгнания иноплеменных князей. Но внутричеченские экономические процессы привели к появлению столь значительной группы «природной» феодализирущейся знати, что об ослаблении феодализма в Чечне не может быть и речи для XVIII – 40-х годов XIX века.

Крестьянские выступления в Чечне, направленные против гнета феодальной знати, носили стихийный, раздробленный и неорганизованный характер. Пассивная борьба крестьянства повсюду подкреплялась вооруженными выступлениями. Антифеодальные выступления против иноплеменных князей проходили успешно, и можно утверждать, что власть последних была сохранена в ряде мест благодаря военной поддержке царизма. Борьба мелких производителей против феодальных владетелей способствовала незавершенности в Чечне процесса феодализации. Чеченское крестьянство имело своих крестьянских вождей [1377].

Антифеодальные выступления имели место в горной и в плоскостной Чечне. Выступления против феодалов чеченского происхождения носили более скрытый и пассивный характер. Объективное значение антифеодальной борьбы чеченского народа состояло в том, что благодаря ней крестьяне-земледельцы, мелкие скотоводы и ремесленники ограждались от растущей жадности феодалов, от попыток последних приравнять их к рабам-лаям, от таких тягот, которые вели к разорению их индивидуальных хозяйств.

Классовое использование родовых институтов. Приспособленчество феодалов. Установление различных форм подчинения рядового узденства и складывание феодального землевладения проходили в Чечне при сохранении патриархально-родовых форм сожительства, родовых связей и традиций. Феодализирущаяся верхушка использовала сложившееся общественное устройство для достижения и сохранения своих

интересов. Восхваление личной храбрости и приверженности тайпе обращается в почитание богатства. Идет самое активное «злоупотребление древними родовыми порядками»[1378].

Феодалы использовали военную мощь тайпа для ведения межфеодальных войн. Еще С. Броневский отметил у феодальных владетелей Северного Кавказа, в том числе у чеченских, стремление к удержанию власти и расширению силы посредством расширения родственных связей [1379]. Природные чеченские феодалы и рабовладельцы опирались в своей борьбе против князей на силу своей тайпы, на ближайший круг родственников. По отношению к иноплеменным князьям тайпа нередко «вступала за провинившегося сочлена»[1380]. Заступничество тайпы за рядового общинника против феодала-однофамильца было редко и подчас не шло дальше благих пожеланий.

Чеченские феодалы стремились посредством тайповых обычаев и институтов иметь «самовернейших»[1381] людей из влиятельных членов тайп. Учитывая силу родственных связей, князья вступали в брачные, куначеские и другие связи с узденями свободных и зависимых тайп. Именно «поэтому, – говорит У. Лаудаев, – Надтеречные аулы состояли по большей части из княжеских приближенных-эмчеков (пестунов, кормильцев княжеских детей) и их родственников»[1382].

Обычай взаимного одаривания в знак дружбы служил для князей средством завуалированного подкупа узденей. Генерал-лейтенант Девиц в доношении в Государственную Коллегию Иностранных дел от 23 июля 1748 года сообщал, что гребенчуковский владелец Девлет Гирей «объявляет: что он с определения его в показанные деревни тех деревень жителей от воровства и протчих своевольных поступков через всякие старания предупреждал и к тому предупреждению и приведению в лучший порядок весь свой пожиток яко то лошадей, ружья, платья по тамошнему обычаю роздал без остатку»[1383].

Генерал Ермолов отмечал, что земли кумыкских андреевских, аксаевских и костековских князей были «во множестве» населены чеченцами. Кумыкские князья «совершенно были в их зависимости, и на собственной земле своей не иначе могли жить с некоторою безопасностью, как сделавши с ними связи, или входя в родство. Ни один из князей кумыкских не смел выезжать, не будучи сопровождаем чеченцем»[1384]. Последнее обстоятельство говорит об использовании феодалами против выступлений крестьянства родового обычая кровомщения.

Для утверждения классовых позиций князей существовал особый обычай, выработанный для зависимого населения, — обязанность их принимать горячее участие при радостных и печальных событиях владельцев. Так, при смерти кого-либо из князей зависимые крестьяне должны были пригнать на двор господина две-три скотины [1385]. Этот обычай был прямо направлен против классовой борьбы крестьянства.

Эксплуатация тайповых обычаев и связей до некоторой степени возмещала феодалам слабость орудий и средств внеэкономического принуждения.

Переход к феодализму чеченцы начали при наличии элементов и зачатков рабовладельческих отношений. Процесс феодализации происходил на основе значительного роста производительных сил. Освоение плоскостных земель и переход к плужному земледелию, внедрение кукурузной и других культур значительно увеличили массу производимой сельскохозяйственной продукции. Развитие феодализма в Чечне было ускорено соседством феодальных народов. Аварские, кумыкские и кабардинские феодалы с их дружинами переселили на жительство в Чечню, привнеся некоторые формы феодальных отношений, еще не выработанных в тайповой Чечне. Особенностью зарождения феодальных отношений в Чечне является их возникновение на основе разлагающейся тайпы, до установления господства сельской общины и разложения этой последней. Производственные основания тайпы, представлявшей объединение родственных малых семей, допускали и порождали развитие классовых отношений, в чем большая роль принадлежала длительному ведению скотоводческого хозяйства. Образование классовых отношений получило некоторый простор благодаря возникшим полусельским-полуродовым смешанным общинам, представлявшим смешение различных тайп.

Процесс социальной дифференциации трансформировался в генезис феодализма еще до выселения на плоскость и выразился в наличии безземельных и землеобеспеченных тайп. Взаимоотношения между этими последними неизбежно должны были порождать элементы отношений феодальных, и тем явственней и глубже, чем длительней было сосуществование.

Это можно рассматривать как предтечу феодализма и глубокое, по всей вероятности, непреодоленное потрясение фратриально-родовых основ. Этот подспудный общественный

процесс с выселением на плоскость был прерван и видоизменен в иные формы и пути, хотя оставил и наложил неизгладимые следы на последующее развитие. Выработанные в условиях горной изоляции элементы и зачатки классовых отношений с распространением на плоскость получили простор для своего проявления и роста. Их развитие отныне все более испытывало воздействие растущих элементов и зачатков товарных отношений. Свободные крестьяне и рабы превращались в феодально-зависимых, хотя первые находились в этом состоянии условно, а ограничение свободы было незначительно. Оно и не могло проявиться в суровых формах закрепощения по примеру России, при отсутствии основного орудия внеэкономического принуждения – государства. Сама тайпа, несомненно, более древняя форма общественного устройства, нежели община, лишенная родственных принципов отношений, попадает в зависимость, где от пришлых князей, а где – от нарождавшейся родовой верхушки. Установление отношений господства и подчинения, хотя и слабо выраженных, могло иметь место при родовых отношениях лишь при условии их наполнения классовым содержанием. Внутричеченское социально-экономическое развитие сделало возможным такое видоизменение некогда бесклассовых патриархально-родовых отношений [1386].

Подведем некоторые итоги:

1. Формирование крупного землевладения в Чечне есть продолжение предшествующих процессов, которые происходили в XVI–XVII веках. Оно происходило на основе освоения свободных равнинных и захвата тайповых земель.

2. Возникновение феодальных владений в самой Чечне и миграция иноплеменных князей не привели к уничтожению свободных тайп, хотя и возникли тайпы зависимые.

3. Возникновение классовых отношений в Чечне проходило на основе концентрации скота до перехода к земледелию, как ведущей формы хозяйственной деятельности.

4. Внутричеченские процессы феодализации шли по линии социально-экономической дифференциации между тайпами и внутри тайп.

5. Миграция иноплеменных князей в район инфильтрации чеченских переселенцев на плоскости, ускорила становление феодальных отношений.

6. Элементы рабовладения трансформировались и использовались для утверждения феодальных отношений. Однако

роль элементов рабовладения в генезисе феодализма весьма незначительна.

7. Процесс феодализации был ускорен с выселением на плоскость значительных масс горцев. Длительность и неодновременность освоения чеченцами равнинных земель задерживали рост феодальных отношений.

8. Процессы классообразования происходили во всех тайпах – и свободных, и зависимых. Впереди шли плоскостные жители, у горных чеченцев наблюдается консервация патриархально-родовых отношений.

9. Формирование категории зависимых крестьян шло замедленно и в ослабленных формах. Причина – отсутствие реальной силы внеэкономического принуждения – государства и сохранение тайпы.

10. Землевладение иноплеменных князей и сфера их господства с начала XVIII века постоянно сокращались.

11. Неразвитость феодализма в Чечне проявлялась в отсутствии денежной ренты, появление которой возможно только при достаточно высоком уровне производительных сил и общественных отношений.

12. Феодальные отношения распространены были преимущественно в Надтеречном и Надсунженском районах, в Качкалыкии и Малой Чечне.

13. Бытовавшие традиции и порядки патриархально-родовых отношений наполнялись классовым содержанием и служили интересам феодализирующейся верхушки. Самое замечательное в этом – выполнение функций отношений господства и подчинения самой тайпой.

Чеченские трудовые массы вели непрекращающуюся борьбу с растущей эксплуатацией со стороны Турловых, Айдемировых, Казбулатовых, Бековичей-Черкасских, Эльдаровых, Таймазовых и своих собственных элов и биев.

Чечня в своем общественном развитии несколько отстала от соседних этнических общностей. Одной из коренных причин этого явления было сохранение патриархально-родовых отношений, отсутствие сельской общины, длительная горная изоляция.

Процесс становления крупного землевладения и появления зависимого крестьянства в Чечне не был завершен, он продолжался. Право внеэкономического принуждения бисв и элов опирается лишь на силу небольших дружин. Юрисдикция

биев и элов распространяется на узкий круг отношений, сочетаясь с тайповой юрисдикцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, приведенный материал отражает своеобразную картину переходного этапа от патриархального рода к классовому обществу и выявляет некоторые особенности общественно-экономических отношений у чеченцев. Общественное устройство чеченцев всюду обнаруживает наличие качественных переходов от патриархально-родовых отношений к отношениям, основанным на частной собственности. Каждый институт фратриально-родовой организации у чеченцев, говоря словами К. Маркса, был как бы чреват своей противоположностью [1387]. Мы рассмотрели социальный строй чеченцев на том этапе его развития, когда возникшее частное богатство пробивает в их родовом строе уже далеко не первую брешь [1388].

Характерными чертами общества на последнем этапе первобытнообщинной формации являются разложение общинно-родовых и вызревание классовых отношений. Основные особенности этого этапа развития общества сформулированы Ф. Энгельсом следующим образом:

«Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней – частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые социальные элементы, которые в течение поколений стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока наконец, несовместимость того и другого не приводит к полному перевороту»[1389].

Основой экономических отношений у чеченцев был уровень развития производительных сил, достигнутый ими, в первую очередь, в земледелии, определивший формы собственности на средства производства. Следующее место по значимости приходилось на долю скотоводства. Вспомогательными отраслями хозяйства были садоводство, огородничество и пасечное пчеловодство.

В процессе общения с соседним русским казачьим населением у чеченцев появились новые земледельческие орудия

труда, в частности плуг, применение которого способствовало подъему хозяйственной деятельности. Однако применение плуга не привело к вытеснению архаичных земледельческих пахотных орудий труда. Новая сельскохозяйственная культура – кукуруза, к началу XIX века стала занимать ведущее место среди других злаковых культур. В скотоводческой отрасли под влиянием ислама к концу XVIII века исчезает свиноводство. Положительное влияние на развитие скотоводства у чеченцев оказывало общение с русским населением, у которого они заимствовали породы тонкорунных овец, агрономический опыт, новые земледельческие культуры.

Производство материальных благ у чеченцев развивалось при благотворном влиянии русской экономики. Изменения в видах сельскохозяйственных культур, в породах скота и технической базе земледелия вели к росту производительных сил в экономике Чечни.

Развитие экономических связей с Россией имело положительные последствия для Чечни. Поселившиеся в XVI веке в пределах Чечни казаки представляли русских крестьян-переселенцев культура и рациональные способы хозяйствования, которых были постепенно усвоены чеченскими земледельцами и скотоводами. Эти заимствования положительно влияли на социальные процессы у чеченцев.

Постепенное сближение Чечни с Россией, наметившееся со второй половины XVI века, усиливается в XVII веке, когда Россия вступила в «новый период» исторического развития, связанный с усилившимся обменом между областями и районами, постепенно растущим товарным обращением, что выразилось в образовании на основе небольших местных рынков единого всероссийского рынка. Экономическое, политическое и культурное сближение народов Кавказа, в том числе чеченцев с русскими, шло вопреки колониальной политике царизма. Однако следует иметь в виду, что в обстановке геополитической борьбы с Турцией, Персией и Англией царизм был вынужден учитывать необходимость проведения здесь такой экономической политики, которая облегчала бы включение местных народов в состав Российского государства. В то же время следует помнить, что экономическое завоевание Кавказа Россией произошло позднее политического [1390].

Господствовавшая в советском кавказоведении концепция завоевания царской Россией народов Северного Кавказа была односторонней и потому недостаточной. Вхождение в состав

Российского государства довершило процесс окончательного распада родовых отношений и становления классового общества. Не успев достичь стадии развитого, а тем более позднего феодализма, Чечня, под влиянием социально-экономических процессов в России, вступила на путь капиталистического развития.

Формы собственности у чеченцев разнообразны. Сохраняется фратриально-родовая и территориально-общинная собственность, при наличии неразвившейся рабовладельческой и продолжавшей развиваться феодальной собственности на землю. С ними сосуществует мелкая крестьянская земельная собственность. Существуют полный (рабовладельческий) и неполный (феодальный) виды собственности на непосредственного производителя материальных благ. Наконец, в частной собственности всех членов общества – свободных и феодально-зависимых общинников, рабовладельцев и феодалов – находятся скот и сельскохозяйственные орудия труда. Вместе с ростом частной собственности на богатства происходит дальнейший распад родовых связей и рост классовых отношений. При этом частная собственность па землю некоторое время внешне сохраняла формы общественной собственности.

Чеченцы сохранили позднюю, находящуюся в состоянии распада, модифицированную, но, тем не менее, достаточно отчетливо выраженную фратриально-родовую организацию, которая продолжала играть реальную роль во многих сторонах их общественно-экономической жизни.

Сохранявшиеся в Чечне многочисленные пережитки патриархально-родового строя в виде патронимии неки и больших семей создавали своеобразную и сложную картину, которая, однако, имела мало общего с демократией, свободой, имущественным и общественным равенством первобытных времен. В то же время с фратриально-родовой организацией у чеченцев были связаны пережитки общинно-родовых экономических отношений в виде остатков коллективной собственности, родовой взаимопомощи и кровной мести.

Одним из важнейших показателей разложения родовых отношений у чеченцев была утрата классической фратриальной экзогамии, чем была «подорвана основа всего родового права»[1391].

Внутриобщинные экономические связи с течением времени ослабевали. Возникли купля-продажа частных и аренда на-

дельных земель. За дачу взаймы зерна, скота и денег взимался ростовщический процент.

Распад фратриально-родовой организации и образование на этой основе сельской общины углубляли имущественное и социальное неравенство в среде чеченцев.

Специфика общественного строя чеченцев определялась сохранившимися элементами и зачатками рабовладельческих отношений. Патриархальное рабство как первая форма выделения классов имеет повсеместное распространение на этапе перехода от доклассового общества к классовому, развиваясь от случайного порабощения военнопленных до наследственного рабства, т. е. от ясыря до лая. Рабство не успело, да и не могло разложить фратриально-родовых отношений. Неразвитое наследственное рабовладение стало постепенно вытесняться феодальными отношениями. Однако лишь присоединение к России ликвидировало в Чечне рабовладельческие отношения в ходе социально-административных преобразований 60-х годов XIX века.

Формирование феодальных отношений проходило под преобладающим влиянием окружающих Чечню феодальных владений. Специфика общественного строя чеченцев являлась не только результатом их внутреннего общественно-экономического развития, но и следствием ее тесных связей с соседними народами. Экономический и социальный строй Аварии, Кумыкии, Кабарды – ближайших соседей чеченцев – непосредственно влиял на Чечню и представлял собой в некоторой степени формирующее начало для развития феодальных отношений в чеченских тайпах. Несомненно, что все эти внешние факторы видоизменяли и деформировали многие стороны общественного строя у чеченцев.

Утверждение феодальной собственности на землю шло в Чечне за счет узурпации, с одной стороны, фратриально-родовых общинных земель, с другой стороны, путем захвата свободных удобных земель на равнине. Некоторое число мелких вотчинников возникает на основе захвата мелкой частной крестьянской собственности. Преобладающей феодальной рентой в Чечне во все времена являлась продуктовая рента.

Классовые отношения вызревали в Чечне неравномерно. В рассматриваемый период значительная часть населения жила в условиях распада патриархально-родовых отношений. Некоторая часть населения жила в условиях раннефеодального

строя. Основной тенденцией развития производственных отношений у чеченцев был переход от общественной собственности к феодальной. Раннефеодальные отношения установились у чеченцев ряда равнинных районов – в Надтеречной, Большой и Малой Чечне, а также в Качкалыкии. В форме элементов и зачатков они развивались повсеместно. Однако в общественном производстве преобладало свободное узденство.

Складывание феодальных отношений в Чечне не было завершено. В условиях Чечни феодальные отношения продолжали переплетаться с пережитками патриархально-родового строя и рабовладения. Пережитки патриархально-родового строя не просто осложняли и маскировали феодальные отношения в Чечне, но и срастались с ними как их органическая часть, без которой чеченский феодализм перестал бы быть чеченским феодализмом. На данном уровне производства пережитки родовых отношений составляли благоприятную почву для эксплуатации, а многие формы феодальной эксплуатации выросли на почве узурпации феодалом обычаев родовой взаимопомощи. Чеченские феодалы широко прибегали к родовой традиции, включая ее в систему средств внеэкономического принуждения.

Феодалы были вынуждены соблюдать многие пережитки родовых отношений, так как широкие слои общинников придавали им реальное значение и отстаивали их. Необходимость сохранения родовых обычаев и институтов одновременно ограничивала рост феодального права.

Сословное деление не получило достаточно четкого и законченного оформления. Принадлежность к аристократии, еще слабо определялась происхождением, будучи тесно связана с богатством. Значительная часть феодализирующейся верхушки продолжала оставаться в составе своих тайп. Вместе с тем наблюдается различная степень имущественного и социального неравенства внутри рода. Налицо – неимущие, значительная прослойка феодально-зависимых земледельцев и скотоводов, есть некоторое число земельных собственников крестьянского типа. Но основная масса сородичей – самостоятельные производители материальных благ. В термин «уздень» вкладывались разные понятия. Все эти прослойки пользовались неравными экономическими и правовыми возможностями в пределах гары, тайпы, тухума, конфедерации.

При малочисленности и раздробленности класса феодалов в Чечне родовые пережитки, особенно классификационная

система родства, родовая взаимопомощь и месть, служили довольно прочным прикрытием их от гнева постепенно закрепощаемых узденей. В силу неразвитости феодальных отношений классовая борьба до некоторой степени приглушалась, но не полностью. Классовая борьба в ее неразвитых формах постепенно становилась одной из движущих сил исторического процесса в феодализирующемся чеченском обществе. Несмотря на то, что борьба чеченского крестьянства с феодалами редко выражалась в зрелых и активных формах, она имела важное историческое значение в жизни чеченского народа: она обогатила его опытом борьбы за социальную свободу. Эта антифеодальная борьба способствовала историческому прогрессу, так как содействовала изжитию пережитков родового строя, была направлена на развитие производительных сил в форме труда свободного крестьянства.

В Чечне в рассматриваемый период произошел глубокий распад патриархально-родовых отношений. Вместе с тем у чеченцев сохранялось патриархально-наследственное рабство, и развивались раннефеодальные отношения, существующие уже в форме уклада. С разложением родового строя чеченское общество начинает переход к феодальному, но этот процесс стадиально не был завершен, поскольку Чечня оказалась в рамках новой российской социально-экономической и административно-политической системы.

Изучая карту этнотерриториального размещения народов Терека в первой половине XIX века, нами собран материал, который возможно дополнит детально проработанную картину жизнеобитания чеченского народа, представленную Ф. В. Тотоевым в данном исследовании.

П. А. Кузьминов

ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА И ВНУТРЕННИЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Самым многочисленным народом в бассейне реки Терек были чеченцы, распавшиеся в эпоху средневековья на ряд этносоциальных групп, но связанные между собой многочисленными связями и отношениями. «Ближайшими сородичами чеченцев, – отмечает Юсуп Нохчуа, – являются ингуши и бацбийцы. Будучи ветвями одного генеалогического дерева, они связаны общностью происхождения, языка и культуры, а чеченцев и ингушей объединяет, кроме того, и единая религия» [1392]. «И. Гюльденштедт назвал страну чеченцев Кистиею, забыв, – подчеркивает А. Берже, – что имя это распространяется на землю, занимаемую только собственно – Кистинами» [1393]. С. Броневский называл чеченцев – шешенами. Академик Клапрот, основываясь только на том, что кумыки, жители Малой Кабарды и некоторые лезгинские племена, называют чеченцев – мизджегами, ошибочно назвал чеченский язык, со всеми его наречиями, общим именем мизджегских языков. И. Бларамберг называл их «мычкизы», добавив, что мычкизов обычно называют чеченцами, но это имя лишь некоторых племен мычкизов, следовательно, не должно широко использоваться [1394]. В XVI–XVII веках как ингуши, так и чеченцы именовались по названиям отдельных обществ. Лишь грузинские источники называют их общим этнонимом «кисты». Народы Дагестана называли чеченцев «мычгиш», а русские источники зачастую именуют всех чеченцев «мычикизы» – термином, заимствованным у кумыков.

Исследуя проблему этнической самоидентификации чеченцев, полковник русской армии Бартоломей в 30-х годах XIX века пишет следующее: «Слово «чеченцы» стало известно не более ста лет тому назад. Оно произошло, как говорят сами

чеченцы, от аула Большой Чечен, находившегося на берегу Аргуна, у подошвы Сюйри-Корта Чачани, одной из двух гор, возвышающихся на плоскости Большой Чечни и образующих между крепостями Грозной и Воздвиженской Ханкальское ущелье.., имя аула Большой Чечен, ныне не существующего, так вкоренилось и освоилось, что не только сделалось общепринятым у русских для обозначения целого народа, но даже весьма часто употребляется самими чеченцами. Что же касается до самих чеченцев, то они себя называют нахче, т. е. «народ» и это относится до всего народа, говорящего на чеченском языке и его наречиях»[1395].

«С древнейших времен, вплоть до XVIII века, чечено-ингушские племена четко осознавали свое этническое единство, – подчеркивает В. Б. Виноградов, – и действовали на исторической арене под общим названием нахче, нахчиматиане, дзурдзуки, сасаны, кисты, мизджеги.... О языковом единстве говорит и тот факт, что в языке бацбийцев, отделившихся от остальных чечено-ингушских племен не позднее середины XVI века, сохранились некоторые общевайнахские черты, характерные для языка – основы до его разделения на чеченский и ингушский» [1396].

Вайнахская этническая общность включала чеченцев и ингушей с их локальными группами, а также карабулаков и аккинцев. В начале XIX века названные народы населяли территорию от реки Аксая на востоке до бассейнов рек Камбилевки и Армхи на западе [1397], но в последующем этнотерриториальная ситуация менялась.

Географический барельеф территории Чечни сложен и разнообразен. Вся южная часть расположена на северном склоне Большого Кавказа. Здесь как бы ступень за ступенью поднимаются четыре параллельных хребта. Во многих местах они пересечены бурными реками, образующими глубокие ущелья [1398].

Самый северный и низкий из хребтов – Черные горы. Его вершины имеют мягкие, округлые очертания, а склоны покрыты лесами. Благодаря этому издали он кажется темно-зеленым, почти черным. Отсюда и произошло его название – Черные горы.

Южнее Черных гор тянется Пастбищный хребет. В западной части он разветвляется на два, а местами даже на три отдельных хребта. Свое название получил от обилия на его склонах прекрасных горных пастбищ.

За пастбищным хребтом возвышаются остроконечные гребни и причудливой формы утесы Скалистого хребта.

К югу от реки Терек протянулась Терско-Сунженская возвышенность. Она состоит из двух невысоких хребтов – Терского и Сунженского, которые разделяются узкой Алханчуртской долиной, постепенно расширяющейся к востоку. Пространство между Терско-Сунженской возвышенностью и Черными горами занято Чеченской предгорной равниной. По долине реки Сунжи Чеченская равнина соединяется с Осетинской предгорной равниной [1399].

Чтобы ясно представить себе территорию Чечни, необходимо взглянуть на карту. С севера Чечню ограничивают Терек и Качкалыковский горный кряж, отделяющий ее от Кумыкской степи; с запада же Чечня граничит с Кабардой, на юге ее границы – Андийский хребет и отроги Главного Кавказского хребта, а на востоке река Акташ отделяет Чечню от Дагестана. Река Сунжа, приток Терека, делит эту территорию на две почти равные части: Большую или возвышенную Чечню (по правому берегу Сунжи) и Малую или низменную (по левому берегу) [1400].

Это описание дополняется очерком известного военного историка: «Под именем Чечни известна обширная, – читаем мы у В. Потто, – малодоступная страна, которая лежала первой на пути распространения русского владычества не потому только, что она приходилась ближайшей к русским владениям, с которыми не могла не сталкиваться постоянно. Главнейшее значение ее было в том, что она со своими богатыми горными пастбищами, с дремучими лесами, посреди которых издавна раскидывались роскошные оазисы возделанных полей, с равнинными, орошенными множеством рек и покрытыми богатой растительностью, была житницей бесплодного, каменистого Дагестана. И только покорив Чечню можно было рассчитывать принудить к покорности и мирной жизни горные народы восточной полосы Кавказа. Но ничего не было труднее, как подчинить какой-либо власти не столько полудикий чеченский народ, как дикую природу Чечни, в которой население находило себе непреодолимую защиту. И природа, и люди Чечни стояли крепко на страже своей независимости.

Топографически Чечня распадается на две, отличные друг от друга части: южную – нагорную и северную – плоскую, обе одинаково покрытые вековыми лесами.

Собственно настоящая лесистая Чечня начинается только за Сунжей; в пространстве же от Терека и вплоть до Сунжи, в обширном треугольнике, образуемом этими реками и перерезанном параллельно Тереку двумя невысокими горными кряжами, раскинулась степная глушь. Край этот почти необитаем, и чеченские аулы встречались, ко времени Ермолова, только по его окраинам: по правому берегу Терека и левому Сунжи.

Но за Сунжей уже прямо начинаются безгранично господствующие леса. Равнина, питающая их, слегка покатая от гор к северу, орошается многочисленными и многоводными, почти параллельными притоками Сунжи, из которых быстрая Гойта делит всю местность на две почти равные части, известные под именем Большой (восточной) и Малой (западной) Чечни. Здесь-то, среди лесов и лежат обширные, прекрасно обработанные поляны и тучные луга, делающие Чечню житницей восточного нагорного Кавказа. Но здесь же, главным образом, в этой лесистой Чечне, шла суровая борьба свободных горских племен с северным колоссом; тут, что, ни шаг, то след битвы, что, ни река или аул, то историческое имя, связанное с кровавым эпизодом и памятное часто не одному Кавказу; тут лежат аулы Герменчуг, Шали, Маюртуп, Большие и Малые Атаги, Урус-Мартан, Алды, Чечен, Белготой и др.; тут несут свои волны Фортанга, Рошня. Гойта, Геха, быстрый Аргун и, воспетый Лермонтовым, Валерик.

Непрерывные усилия России ныне отняли у лесистой засунженской Чечни ее неприступный характер; широкие просеки дают возможность проникать повсюду, и нет более недоступных аулов. Но южная, нагорная Чечня, бывшая ареной борьбы гораздо позже, уже в последние времена кавказского завоевания, и теперь еще сохраняет свою вековую физиономию. По-прежнему вершины и склоны гор ее одинаково закутаны вековыми, корабельными, лиственными лесами, давшими этим чеченским возвышенностям имя Черных гор, в противоположность горам Главного Кавказского и Андийского хребтов, постоянно одетых пеленой снега. И горные леса эти, прорезаемые могучими горными потоками, почти до последних дней борьбы служили для чеченцев естественной крепостью, из которой они делали свои буйные вылазки и куда запирались каждый раз, как русские войска выгоняли их из лесов Чеченской плоскости, составлявших для них как бы передовые укрепления.

Среди этой-то суровой природы жило оригинальное племя, воспитанное вековой борьбой с внешними врагами и закаленное внутренними междоусобиями»[1401].

В период позднего средневековья и нового времени этнические группы вайнахов жили высоко в горах: чеченские занимали ущелья Хачаро, Хилдыхаро, Чанти, Чинаха, Маиста, Мелхиста; ингушские – ущелья Джераха и Ассы [1402]. Недостаток земельных угодий выталкивал горцев на равнину, причем этот процесс шел как на юг в Грузию, так и на север, на земли кабардинских и кумыкских князей [1403]. В горах запасов хлеба хватало всего на четыре-пять месяцев, поэтому жители вынуждены были ввозить муку и зерно из плоскостных районов. «Житель равнины нуждался в горах, горец же – в равнине. Они не могли, – подчеркивал академик И. Джавахишвили, – существовать друг без друга»[1404].

В горной зоне Чечни в XVIII веке существовали общества: Аъкхи, Маълхи, Нахч-Мохк, Чеберлой, Шарой, Шатой, Чаънты, Терлой, Пешхай, Шекарой, Майсты. Как результат инфильтрации отдельных групп в предгорные районы, образовались новые общества: Качкалык, Герменчук, Чеченское общество, Алдинское и Гехинское.

В Ингушетии выделялись локальные группы джераховцев, цоринцев, галашевцев, назрановцев, мецхальцев, хамхинцев, веппинцев.

Карабулак распадался на общества: Цечой, Мержой и Орстхой. Каждое из названных обществ, по мнению Я. З. Ахмадова, имело свой кхел (совет) и выступало как единое целое по отношению к другим обществам и народам [1405]. Контроль общества над определенной территорией, дал основание Н. Г. Волковой назвать горные аулы «дистриктами»[1406], хотя в науке утвердилось иное значение этого термина [1407].

В начале XIX века область расселения чеченцев занимала правый берег Терека, земли между Сунжей и Тереком, часть долины реки Сунжи, равнину между бассейном реки Гудермес и рекой Фортангой, горные области верховьев рек Гехи, Мартана, Аргуна, Хулхулау и Аксая. Однако чеченские поселения встречались и западнее реки Гехи, в связи с чем, некоторые источники пограничную линию между чеченцами и карабулаками проводят по реке Фортанге. На востоке немало чеченских аулов располагалось на Кумыкской равнине. Помимо экономических причин, толкавших горцев на плоскость, миграционный поток в восточные районы Кумыкской

равнины обуславливался тем, что снежный покров в районе Эндери и Аксая сходит на 20–30 дней раньше, чем в горах. И хотя выходцам с гор приходилось платить тарковским и кумыкским владетелям определенную дань, все же степные районы экономически лучше обеспечивали жизнь переселенцам. При этом процесс выселения шел не только с гор на восток, но и из Ичкерии, с границ Дагестана, на западную равнину – в Малую Чечню – и в Притеречье. Об этом свидетельствуют данные о тайповом составе селений Малой Чечни и западных селений Притеречья, введенные в научный оборот А. И. Шавхешвили [1408].

В первое десятилетие XIX века продолжалось переселение чеченцев на незаселенные земли по правому берегу Терека от реки Аксая до устья реки Сунжи. Земли эти считались собственностью аксаевских владельцев, однако русская администрация в 1811 году сочла необходимым отдать земли против гребенских станиц переселяющимся чеченцам, что было необходимо, как отмечалось в документах, для развития у них хлебопашества [1409]. По-видимому, именно с этим фактом связано появление на данной территории чеченских селений Азам-юрта, Акбулат-юрта, Энгель-юрта и др.

Западную часть территории Чечни составляли также земли по реке Сунже, где от устья реки вверх по ее течению располагались аулы Чанти, Шобет, Чабрилло, из которых два первых связаны с тайпами по рекам Чанты – Аргуну, а последний – с Чеберлоем.

В результате карательных экспедиций генералов Сысоева, Грекова и полковника Вельяминова значительная часть Терско-Сунженского междуречья была обезлюжена и чеченцы начали уходить в горы. В 1818 году на месте уничтоженных чеченских аулов Сорочан-юрт, Кули-юрт, Старая Сунжа, Алкхан-Чу, Жима-Чечен и Соьлжа-юрт генерал Ермолов возвел крепость Грозную. В то же время он совершил ряд экспедиций в Луховскую Чечню. О результатах этих экспедиций В. Потто пишет, что «...Кумыкская плоскость в несколько дней была совершенно очищена от чеченцев»[1410].

Восточные чеченцы составляли три общества: 1) горную Ичкерию, которая считалась колыбелью чеченского народа, называемую Нохчемохк, т. е. место народа [1411]. Ичкеринцы занимали высокогорные долины Верхнего Аксая и юго-восточную часть Чечни. Их территория – это отвесные скалы, покрытые густым лесом; местность частично заболочена

из-за многочисленных источников и ручьев, которые берут здесь начало [1412]; 2) Мичик – имя этого общества произошло от названия реки Мичик, на которой происходило первое столкновение горных чеченцев с кумыкскими князьями. Мигрируя позднее на запад, они встретились с жителями Малой Кабарды, которые стали их называть, как и кумыки, мичикиш или мизджеги [1413]; 3) Качкалык – или шесть деревень, переселились с гор на Кумыкскую равнину и стали данниками кумыкских князей. Позднее, усилившись новыми чеченскими выходцами, они овладели всем участком между реками Гудермес и левым берегом Аксая [1414].

Северная этническая граница чеченцев проходила по правому берегу Терека. Оседание здесь чеченских переселенцев происходило с начала XVII века. Поскольку это были земли кабардинских князей Сунчалеевичей (Черкасских), то выселенцы попадали под их протекторат, а тем самым, по мнению К. Дзамихова, оказывались в сфере российских военно-политических интересов [1415], что, надо полагать, способствовало их экономическому развитию. Но уже во второй половине XVIII века ситуация меняется. Рост численности чеченцев на плоскости, связанный с укреплением их хозяйств, меняет характер взаимоотношений кабардинских и кумыкских князей с подвластными вайнахами. Чеченцы, которые имели у себя владельцев, изгнали их. Кумыкские владельцы вынуждены были возвратиться в Аксай и Эндери. Кабардинские князья, основали новые селения на плоскости между Сунжей и правым берегом Терека. Давлетгиреевцы, изгнанные из Герменчика и Шали, по мнению П. Буткова, имели в 1784 году до 400 дворов; Росламбековцы, при Росламбеке Айдемирове, изгнанные из Больших Атагов, из Большой Чечни и из Топли, в двух селениях – 400 дворов; Кайтуковцы и Терловы, выгнанные из Топли же, против Наура основали два селения – Верхний и Нижний Наур; Казбулатовцы, из аксайских, выгнанные из Топли, основали селение около Наура, близ Терловых [1416]. Эти события произошли ориентировочно в начале 70-х годов XVIII века, поскольку из приводимого К. Дзамиховым письма от 5 июля 1764 года видно, что Давлет-Гирею Черкасскому в то время были еще подвластны как равнинные герменчукские и алданские старшины и «простой народ», так и шибутские старейшины [1417]. Возникшие новые поселения располагались еще севернее, усиливая миграционный вектор: юг – север, который определялся несколькими составляющими: 1) поиск

земельных угодий; 2) социальным конфликтом чеченских общинников с кабардинскими и кумыкскими феодалами; 3) целенаправленной деятельностью русской администрации, поощряющей переселение горцев на плоскость.

Представляется, что эта борьба чеченских общинников против чужеродных владельцев генетически однородна и совпадает с аналогичными по форме и методам выступлениями в 1736 году кубинцев и лезгин, борьбой аварских крестьян селений Хиндах, Мосох, Батлух, Харахи, Амешта, Тухита, Инхо, Орота и др., борьбой кабардинских крестьян в 1767 году, дигорских в 1781 году, северо-западных адыгов в 1796 году, кумыкских крестьян, убивших владельца Эндери Эльдар-бека и др. Результаты этих выступлений были разными. Кабардинские, дигорские, аварские феодалы одержали победу в столкновениях с подвластными, чеченские же и адыгские крестьяне добились значительных успехов в борьбе со своими владельцами.

В то время как одна часть чеченских племен осваивала восточные районы современной Чечни, другая их часть двигалась на запад, в междуречье Терека и Сунжи, на берега Фортанги и Ассы. Освобождение чеченцами этих земель от инонациональных феодалов еще на начальном этапе чеченской «реконкисты» позволило чеченцам-орстхоевцам в первой половине XVIII века завершить освоение территории в нижнем течении Фортанги и Ассы. Иногда к орстхоевским владениям относили территорию, расположенную между реками Фортангой и Шалажи, однако, как подчеркивает Горчханова Г. А. и др., еще в 1762 году там располагались только пастбища горных чеченцев [1418]. Но уже к 1772 году они освоили низовья реки Ассы и местность Карасу-Яндырь и основали селения Большой и Малый Яндырь [1419] на территории современного Назрановского района.

Наиболее густо был заселен район реки Сунжи, где насчитывалось до 70 селений, в которых проживало до 13 тыс. человек.

Около 80 селений и хуторов располагалось на равнинной Чечне, известной под названием Большой и Малой. Малая Чечня занимала равнину от реки Гойты на запад до Карабулакской территории. На восток от реки Гойты до реки Гумса находилась область Большой Чечни. Общее число жителей здесь, по подсчетам Н. Г. Волковой, достигало 43 тыс. человек [1420].

Ауховцы расселялись по долинам рек Яман-су и Ярык-су до реки Акташ, отделявшей их от салаватовцев Дагестана. С юго-запада ауховцы граничили с ичкеринцами, а с северо-

запада – с качкалыковцами. Основными их селениями были: Кишень-аух, Юрт-аух, Акташ-аух, Кочкар-аух, в которых проживало около 8 тыс. человек.

Ичкеринцы – одна из сильнейших этнических общностей обитала по верховьям рек Ярык-су, Яман-су, Аксая и Хулхулау до Андийского хребта. Число их селений достигало 34, большинство из которых состояли из 10–60 дворов. Главным считалось селение Беной, а к наиболее крупным (50–60 дворов) относились Зандак, Аллерой, Центорой. По 30–40 дворов было в селениях Белетли, Ахшибатой, Ведень, Чермы. Число ичкеринцев достигало 10 тыс. человек.

К западу от Ичкерии в ущельях рек Джалки и Аргуна жили чарбили (чабартлы), шубуды и шатоевцы. Большая часть их расселялась хуторами, причем совокупность таких хуторов составляли одно общество под общим названием Чарбилойцев, в котором насчитывалось около 6 тыс. человек. В Аргунском ущелье было 14 селений с 876 дворами и около 6 тыс. человек.

Западнее шатойцев жили пшехойцы или шопоти около истоков реки Мартан и ближние кистины – в ущельях Макалдопа, впадающего в реку Терек. Число дворов и жителей не определено [1421].

Самую западную группу вайнахской этнической общности составляли локальные подразделения ингушей. «Под именем ингушей, – пишет Г. Вертепов, – известна народность чеченского племени, состоящая из нескольких групп и обществ: джераховцы жили по обоим берегам Макалдопа; кистинцы по рекам Ассе и Сунже; назрановцы – по верховьям рек Сунжи, Камбилеевки, Назрановки и по течению этих рек до впадения реки Яндырки в Сунжу и по Терской долине. Все эти названия придуманы русскими и даны каждому обществу по имени важнейших аулов, долин, гор или рек, на которых они обитали. Общее название все эти шесть обществ ингушей получили от большого аула Ангушт, который находился в Терской долине. Они соседствовали на востоке с чеченцами, на западе с осетинами, на северо-западе и севере с кабардинцами, на юге с тушинцами, хевсурами и грузинами» [1422].

В конце XVII века начинается, а с начала XVIII века усиливается, процесс переселения с гор на равнину ингушей. Они мигрируют на запад по ущельям реки Терек (на север через ущелье реки Ассы их не пускали на плоскость карабулаки). Ингуши заселили предгорья и берега реки Камбилеевки [1423].

В 30–60-е годы XVIII века они занимали территорию между рекой Тереком и верховьями реки Сунжи, где после ухода кабардинцев, по мнению Н. Г. Волковой, основали совместно с карабулаками Ахки-Юртовские хутора [1424].

Переселение ингушей в местность Назрань происходило в конце XVIII – начале XIX века. На это указывает рапорт коменданта крепости Владикавказ генерал-майора И. П. Дельпоццо генералу от инфантерии главнокомандующему Кавказской линией С. А. Булгакову от 13 июня 1810 года : «... по собранным мною достоверным сведениям, ингушевский народ, хотя и имел жительство свое в окружности сей крепости не в дальнем расстоянии, ...но совершенно верен к Российскому правительству никогда не был.., потом, войдя в теснейший союз с кабардинцами и чеченцами, переселились все на место, именуемое Назрань ... приняли от них мулл, построили мечети, приступили к исповеданию мухаммеданского закона и обязались как чеченцам, так и кабардинцам по условию платить подать»[1425].

5 июня 1810 года, выполняя взятые обязательства перед русским командованием, ингуши напали на возвращавшихся из набега на Владикавказ чеченцев и кабардинцев. Опасаясь возмездия за нападение, ингуши обратились за помощью к коменданту крепости. Последний хотел вернуть их в округу крепости Владикавказ, но затем решил, что для обеспечения охраны Военно-Грузинской дороги следует оставить в местности Назрань с построением там военного поста [1426].

22 августа 1810 года во Владикавказе был подписан договор с представителями шести ингушских фамилий общества Назрань: «О добровольном подданстве императору Александру Павловичу и его наследнику». В статье 10 договора ингушские старшины отказывались платить подати кабардинцам, чеченцам и другим народам. Ингушам предоставлялось право пользоваться землями по правую сторону реки Терек и по Сунженскому хребту [1427].

Население Назрани росло быстро. По данным 1810 года в ней и в Тимурковой деревне близ Владикавказа насчитывалось уже 866 дворов.

Совместными поселениями чеченцев и ингушей были аулы Цори и Верхний Алкун. В том же 1810 году ингуши начали расселяться севернее Назрани. Самым северным их населенным пунктом стало селение Верхние Ачалуки, заселенное 60 дворами «из Назрани»[1428]. Под прямым воздействием военной адми-

нистрации переселение ингушей с гор в Назрановский округ было произведено в 1830, 1833 и в начале 40-х годов [1429].

Ареал обитания ингушей к 20-м годам XIX века охватывал горные и равнинно-предгорные районы по рекам Армхи, Камбилеевке, Сунже (с притоками Герг, Назрань, Эндерипс) и Ассе. Эта этническая территория ингушей, не будучи стабильной, создавалась в результате многочисленных перемещений населения на протяжении XVII–XIX веков. Основной вектор миграций: запад – восток – север. Из Дарьяльского ущелья, района Ларса, ингуши под давлением осетин и кабардинцев ушли в Санибанское ущелье, а позднее, через район Чми – на правый берег Терека [1430].

Восточная область, контролируемая ингушами – Галгай, располагалась в верховьях реки Ассы, где насчитывалось 55 селений с 213 дворами и 1065 жителями. Одно из наиболее крупных галгаевских поселений Хамхи в 30-е годы XIX века имело всего 10 дворов [1431]. Представляется, что численность галгаевцев была все-таки больше указанной Н. Г. Волковой. В основу подсчета общего числа исследовательница взяла среднюю численность двора в 5 человек, отсюда в 213 дворах – 1065 человек. Но И. Бларамберг, подчеркивая институт многоженства у ингушей, указывает, что они могут иметь пять жен и даже больше [1432], а значит и число живущих во дворе будет выше. Сам же он считал, что галгаевцев было 4800 человек [1433].

Помимо низовьев реки Ассы и прилегающих районов реки Сунжи источники отмечают еще одно направление ингушской миграции – Терская долина и прилегающие территории по реке Камбилеевке.

Назрановское и галашевское общества, на взгляд Г. Вертепова, образованны искусственно, путем переселения ингушей на плоскость. Начало таких переселений он относит к 1817 году, когда Ермолов, начав постройку передовых укреплений по направлению от Владикавказа в Чечню, заложил на реке Сунже редут Назрань и выселил к нему ингушей, чтобы защитить Владикавказ от нападения чеченцев. В 1830 году было предпринято еще одно выселение из гор. Аналогичные переселения, по конкретному поводу и без него, продолжались и позднее, так что в конце XIX века в горах осталось менее трети всех ингушей [1434]. В 1816 году все население вокруг Назрани насчитывало 2410 дворов и 12 050 человек, населявших 93 небольших селения [1435], т. е. и в данном случае

П. Г. Волкова механически (5 человек на двор) ведет подсчет численности ингушей. И. Бларамберг определяет их численность в 11 000 человек [1436]. Общее же число ингушей (назрановцы – 11 тыс., галгаевцы – 4,8 тыс., галашевцы – 2 тыс.) по его же данным достигает 17 800 человек [1437].

В начале 40-х годов недалеко от аула Пседаха царские власти, несмотря на протесты пседахинцев, поселили ингушей, основавших селение Кескем. Несколько позже, в 1847 году, здесь возникли еще два хутора назрановских ингушей. В 1848 году в Малой Кабарде, кроме собственно кабардинцев, было 166 дворов чеченцев (1,4 тыс. человек), 104 ингушских и 61 кумыкских двора [1438].

Граница между Чечней и Ингушетией определялась в тот период средним течением реки Ассы и верхним течением Сунжи [1439].

Восточными соседями ингушей были карабулаки. Они занимали оба берега в низовьях рек Ассы и Дауд-Мартана, а пастбища их простирались до реки Валерик. На западе они граничили с территорией Ингушетии, на востоке – с Чечней, на юге – с галашевцами, на севере граница проходила по правому берегу Сунжи. На татарском языке «кара-булак» означает «черный ключ», «черный источник», однако татары и черкесы зовут их «бальсу», т. е. медовая вода. Чеченцы дают им название «Ариш-тояй», а ингуши – «арште»[1440].

«По преданиям, которые существуют среди горских народов, – пишет И. Бларамберг, – карабулаки образовали в древние времена воинственное и очень сильное племя, которое соседние народы уважали за храбрость и мудрое самоуправление. У них было много скота и хлеба, и они могли бы жить мирно и счастливо. Но карабулаки начинали притеснять и угнетать своих соседей, чем вызвали всеобщую ненависть: в ответ все окружающие их племена вооружились и почти уничтожили всех карабулаков, которые с этого времени стали в подчинении у чеченцев. Ныне они образуют народонаселение в 15 тыс. душ, которое разбросано по 22 поселениям» [1441].

Этническая территория карабулаков, включавшая к началу XIX века равнинные земли по реке Ассе, приток Сунжи и доходившая до Малой Кабарды сложилась во второй половине XVIII века. Описывая расселение горцев, П. Г. Бутков отмечал, что карабулаки «...обитают при вершинах Сунжи... в Черных горах и что они просили переселиться из крепких горских мест в место плоское»[1442]. Просьба была удовлетворена

в 1772 году, когда часть карабулаков переселилась на равнину в урочище Карасу-Яндырь по реке Ассе, при впадении ее в Сунжу. Численность карабулаков, по данным Н. Г. Волковой, 7 тыс. человек [1443].

Восточными соседями ингушей были не только карабулаки, но и горные аккинцы – две локальные группы вайнахов, имеющие особые самоназвания (орстхой и аккхий) и некоторые диалектные особенности в языке. Обе группы не только занимали промежуточное положение между чеченцами и ингушами по своему географическому положению, но и в сознании коренного населения представляли особые тайпы вайнахов, не причисляемые последними ни к чеченцам, ни к ингушам [1444]. Аккинцы обитали по обеим сторонам реки Ассы и по реке Сунже между галгаевцами и дальними кистинцами в верховьях реки Гехи, впадающей в реку Сунжу [1445]. Их поселения разбросаны в ущельях и на возвышенностях с крутыми склонами, что защищает их от внезапных нападений. Тем не менее их территория не так гориста, как та, что занимают окружающие их племена; у них масса хороших пастбищ, так что соседи отсылают им скот для выпаса в летний сезон. Главное их богатство – овцы, которых у них огромные стада, в большом количестве имеется рогатый скот и лошади. Народонаселение их восходит до 6000 душ. Они живут в 23 поселениях, самое большое из которых не превышает 40 очагов [1446]. Отдельные группы аккинцев с XVI века известны в районе крепости Терки и устья Сунжи [1447].

Рассмотренный материал свидетельствует, что к 30–40-м годам XIX века процесс локализации вайнахской этнической территории еще не был завершен, хотя предпосылки для этого уже были. Наиболее мощным вектором миграций был юг – север, при усиливающемся потоке с востока на северо-запад, с запада на северо-восток, создающих пеструю этносоциальную картину во вновь образующихся аулах. Переселенцы осваивали равнинные территории Кумыкии, Притеречья, Сунжи, Малой Кабарды, принадлежавшие в XVI–XVIII веках кумыкским и кабардинским князьям. Этот сложный многоплановый процесс можно свести к следующим видам: 1) внутренние миграции вайнахских народов; 2) миграции, изменявшие этнические границы, например, переселение в район Назрани, Ачалуков или выселение из района Ларса в Дарьяльском ущелье; 3) миграции отдельных этнических общностей за пределы контролируемой территории (в Кахетию,

Дагестан, Кумыкию, Кабарду); 4) миграции в пределы Чечни и Ингушетии других народов (русских, дагестанцев, осетин и др.).

Переселение на равнину создавало лучшие условия для экономического и культурного развития вайнахских народов, втягивало во Всероссийский рынок, приближало население к развивающимся городским центрам Северного Кавказа. Обретение более комфортных условий проживания, образование на равнине смешанного этнического состава населения усиливали процесс слияния этих локальных подразделений, способствовали их консолидации и созданию из многочисленных этнонимов единого чеченского народа.

Но с конца 30-х годов XIX века Чечня стала военно-политическим центром имамата Шамиля, оказалась в огне Кавказской войны, и процесс формирования этноса был приостановлен.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Денисова Г. С.* Этнический фактор в чеченском кризисе // Научная мысль Кавказа. 1996. № 3. С. 54.

[2] Сюда можно отнести книги: *Вачагаев М. М.* Чечня в годы Кавказской войны: Автореф. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 1995; *Шахбиев З.* Судьба чечено-ингушского народа. М., 1996; Чеченцы: история и современность. /Сост. и ред. Ю. А. Айдаева. М., 1996; *Сигаури И. М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев. М., 1997; *Гакаев Д.* Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2 ч. М., 1997; *Мужухоев М. Б.* Ингуши. Страницы истории, вопросы материальной и духовной культуры. Саратов, 1995; *Мужухоева Э. Д., Мужухоев М. Б.* Ингушетия и ингуши. М., 1999; *Гапуров Ш. А.* Северный Кавказ в политике России в начале XIX в. (1801–1815). Нальчик, 2004 и др.

[3] См.: *Хасбулатов А. И.* Установление российской администрации в Чечне (вторая пол. XIX – нач. XX в.). М., 2001; *Ибрагимова З. Х.* Чеченская история. Политика, экономика, культура. М., 2002; Россия и Чечня. Поиски выхода. /Сост. Я. А. Гордин. СПб., 2003; Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа: история и современность. Грозный, 2005 и др.

[4] *Руновский А.* Канлы в немирном крае // Военный сборник. Т. 14. 1860. С. 203.

[5] См. материалы научной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа». 2–4 октября 1979 г., г. Грозный. Вступительное слово первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС А. В. Власова, доклады академика А. Л. Нарочницкого и секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС М. О. Бузуртанова // Грозненский рабочий. 1979, 4 октября. (Сегодня вопрос о добровольном вхождении Чечни в состав России в чеченоведении пересмотрен. – *Ред.*).

[6] *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 3.

[7] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 298. Следует подчеркнуть, что эти оговорки сделаны Норденштаммом при описании Чечни.

[8] См.: *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 13, или «Записка генерал-майора Пассека, составленная в конце 1841-го года», ОР РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. СП., Д.А., А. I. 67, л. 26. Уже в 20–30-е годы XIX века происходит успешное преодоление расширительного употребления понятия «черкесы», однако понятие «горцы» так и закрепилось в исторической литературе за всеми местными народами. Оно перешло и в советскую историческую науку. Между тем многие северокавказские народы, в том числе и чеченцы, четко делятся на горных и равнинных жителей.

[9] *Пятий.* Русский язык в Кавказской школе // Кавказская школа. 1914. № 7. С. 40.

[10] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1758, д. 2, л. 182,

[11] М. О. Косвен сообщает, что А. М. Буцковский в 1810 году был командирован на Кавказскую линию для описания Кавказской губернии. *М. О. Косвен.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1958. Вып. 2. С. 179.

[12] РГВИА, ф.414, оп. 1, д. 300.

[13] РГВИА, ф. 482, оп.1, д. 193, л. 1856.

[14] РГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 301, л.108–127 об., 129–149, 158 об., 161, 229–229 об.

[15] РГВИА, ф. 194, оп. 1, д. 37, л. 15 об. О командировании Д. Давыдова на Кавказ см.: Н. А. Волконский. Война на восточном Кавказе с 1824 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Тифлис, 1886. С. 120. См. также «Записки Дениса Васильевича Давыдова, в России цензурою не пропущенные». М., 1863 и Денис Давыдов. Военные записки. М., 1940.

[16] РГВИА, ф. 492, оп. 1, д. 201.

[17] ОР РГБ, ф. 169, папка 81, д. 7.

[18] *Милютин Д. А.* Мои старческие воспоминания. ОР РГБ, ф. 169, папка 8, д. 21, л. 2930. Частично эти материалы опубликованы. См.: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1843–1856. /Под ред. д.и.н. проф. Л. Г. Захаровой. М., 2000. – Ред.

[19] Архив АН РФ, ф. 99, д. 8, 16, 37.

[20] Архив АН РФ, ф. 100.

[21] Архив АН РФ, ф. 103.

[22] ОР РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ОЛДП. F. № 192, л. 10 – об. 11.

[23] ЦГА РСО-А., ф. 12, оп. 6, д. 796, л. 6 или л. 8 об. См. также ЦГА РСО–А., ф. 12, оп. 4, д. 108, л. 122 об., 26.

[24] Эта группа документов была бы полнее, но многие из них погибли в годы движения Шамиля. Так, документы о происхождении, правах и преимуществах Турловых погибли вместе с их имуществом в 1840 году при восстании жителей Надтеречных деревень, примкнувших к Шамилю. ЦГА РСО–А., ф. 262, оп. 1, д. 6, л. 10–11 об.

[25] *Леонтович Ф. И.* Адаты Кавказских горцев. Одесса. 1883. Вып. 2.

[26] Кавказский календарь на 1860 г. Тифлис, 1859.

[27] *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа, СКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1, отд. 3. Об А. П. Ипполитове, см. РГВИА, ф. 400. оп. 120, 6 отделение, д. 341, л. 17

[28] См. ЦГА РСО–А., ф. 12, оп. 2, д. 671, л. 42 или д. 108, л. 3.

[29] Отчет генерал-фельдмаршала князя А. И. Барятинского за 1857–1859 годы. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 12. С. 1289.

[30] О нем см.: Старый солдат. Странички прошлого // Кавказский край. Владикавказ. 1906. № 6.

[31] ЦГА РСО–А., ф. 12, оп. 2, д. 612, л. 35, 36, 48, 49.

[32] *Ахшарумов Д. Д.* Из моих воспоминаний (1849–1851) // Мир божий, 1904, № 1–3.

[33] Отношение графа Нессельроде к графу Паскевичу от 8 апреля 1830 г. № 115. АКАК, т. 7, док. № 860, с. 889, 890.

[34] *Щеголев П. Е.* Декабристы. М.; Л., 1926. С. 105.

[35] АКАК, т. 8, с. 380. См. также с. 381 о топографических работах в Чечне.

[36] *Саракаев Ибрагим-бек.* Мюридизм // Терек. 1912. № 4297. 22 апреля.

[37] *Башир Далгат.* Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1929. Вып. 2. С. 301.

[38] Там же. С. 304.

[39] У М. О. Косвена даты жизни Гюльденштедта указаны 1741–1781 гг. (см. КЭС, 1, с. 285). Мы заимствовали даты из след. соч.: *Муханов П.* Красный мост. Воспоминание о Гюльденштедте // Московский телеграф. 1825. С. 66; *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 65.

[40] *Гюльденштедт И. А.* Путешествие по России и в Кавказские горы. СПб., 1787. Ч. 1. С. 159.

[41] Частично сведения, собранные Гюльденштедтом, были впервые использованы в книге Георги «Описание всех в российском государстве обитающих народов...», СПб., 1776. С. 4961. Хотя Георги и не указывает источника сведений о чеченцах и ингушах, идентичность фактов подтверждает наше утверждение. Следует только иметь в виду, что Георги приводит лишь часть фактического материала, содержащегося у Гюльденштедта.

[42] П. С. Паллас посетил Кавказ спустя 20 лет после Гюльденштедта и издал «Замечания о путешествии в Южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 г.г.» Лейпциг, 1799. Т. 1. (нем. яз.).

[43] Сведения о чеченцах весьма незначительны. *Кеппен Ф. П.* Ученые труды П. С. Палласа. СПб., 1895. С. 51.

[44] Путешествие д-ра И. А. Гюльденштедта в Грузию и Имеретию. Издание в обработке Ю. Клапрота. Берлин, 1815. С. 45 (немец. яз.).

[45] Кроме указ. выше см.: Описание кавказских стран д-ром И. А. Гюльденштедтом. Издание в обработке Ю. Клапрота. Берлин, 1834 (немец. яз.). Чеченцам, ингушам и карабулакам отведены с. 147–155.

[46] *Гюльденштедт И. А.* Путешествие по России и в Кавказские горы. Ч. 1. С. 477 481 (немец. яз.).

[47] *Берже А.* Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879. С. 13.

[48] Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук по предложению ее президента. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824. Гл. 10. С. 56–86.

[49] О И. Фалькe см.: *Липский В. А.* Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). СПб., 1913. Ч. 1. С. 164–194.

[50] Собрание сочинений Р. А. Фадеева. 60 лет Кавказской войны. СПб., 1889. Т. 1. С. 89.

[51] Из архива К. Э. Андреевского. Записки Э. С. Андреевского. Одесса, 1919. Т. 1. С. 151.

[52] АКАК, т. 11, док. № 870, с. 996. В 1858 г. редакцией газеты «Кавказ» обещана статья «Чечня и Кумыкская площадь», так и не увидевшая свет // Материалы для изучения Кавказа. Кавказ, 1858. № 96.

[53] *Берже А. П.* Этнографическое обозрение Кавказа. Труды III Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. 1876. СПб., 1879–1880. Т. 1. С. 308.

[54] Акты, собранные Кавказскою археографическою Комиссиею, Тифлис, 1888. Т. 11. Рецензия в газете «Новое обозрение». 1888. № 1682.

[55] В 1898–1899 годы председатель Кавказской археографической комиссии Е. Д. Фелицын проводил разбор архивов Северного Кавказа, но результаты его работ не были опубликованы. См.: Кавказский книжный вестник. Тифлис, 1900. С. 17.

[56] Новое обозрение. 1888. № 1682.

[57] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Одесса. Вып. 1. 1882. Вып. 2. 1883. Намеченный к изданию третий выпуск не был опубликован. См.: Вып. 1, с. 81. О возможном местонахождении третьего выпуска «Адатов», см.: А. С. Омаров. Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы). Махачкала, 1968. С. 11 и 70.

[58] Авторство установлено М. О. Косвеном. См.: КЭС, ч. 1, с. 343, 314.

[59] *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе, 1871. Т. 1. Кн. 3. С. 119, № 610.

[60] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Вып. 2. С. 79.

[61] Там же. С. 80.

[62] См.: *Косвен М. О.* Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии // Советская этнография. 1951. № 1. С. 2. И. Иванов был редактором «Ставропольских губернских ведомостей» в 50-х годах XIX века. Список авторов, поль-

зовавшихся «Описанием» чеченских адатов 1843 года и указанных М. О. Косвеном, можно продолжить. К ним примыкают: *К. Самойлов.* Заметки о Чечне // Пантеон. Т. 23. № 9, 10, СПб., 1855; *Н. Дубровин.* Утверждение русского владычества на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). 1851–1856. СПб., 1879. Ч. 2. С. 437, 438 у Зиссермана чеченцы именуются «кментами» кумыков, а в «Описании...» – клиентами.

[63] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС, ч. 1. М.; Л. 1962. С. 191.

[64] Там же. С. 343.

[65] Там же. С. 191.

[66] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 121, 122.

[67] Там же. С. 123, 124.

[68] Там же. Вып. 1. С. 64, 65.

[69] Рапорт Кавказского Наместника на Кавказе генерал-лейтенанта Муравьева от 31 декабря 1855 года за № 723 – Председателю Кавказского Комитета. РГИА, ф. 1268, оп. 8, 1856, д. 41, л. 1–2 об.

Константинов составил «Историю владычества русских за Кавказом». В 1842 году были готовы ее отдельные отрывки, в 1846 году две части работы представлены им наместнику Кавказа М. С. Воронцову для представления императору. Тот факт, что автор составил «Историю...» «не по приказанию начальства, а по собственной охоте и усердию» (РГИА, ф. 1268, оп. 2, д. 281б, л. 7 об.), видимо, обусловил известную «вольность» в программе исследования. Князь Воронцов в отношении к военному министру князю Чернышеву так оценивал работу Константинова: «Конечно, книга эта не может быть вполне напечатана, но многие отрывки из оной могут быть изданы во всеобщее сведение». (РГИА, ф. 1268, оп. 2, д. 281б, л. 2). Князь Чернышев нашел, что «в тексте и в примечаниях есть предметы, которые никоим образом не должны быть публикованы». (РГИА, ф. 1268, оп. 2, д. 281б., л. 7 об., 8). Подобные отзывы в те времена, естественно, предрешали судьбу газеты. В 1849 году Константинов получил предупреждение за материал 4 и 8 номеров газеты. (РГИА, ф. 1268, оп. 3, д. 117, л. 1.).

[70] Из архива К. Э. Андреевского. Записки Э. С. Андреевского. Одесса, 1913. Т. 1. С. 46 и 155.

[71] Публикация началась с 1855 года, о чем в № 7 газеты сообщалось: «Под этой рубрикой мы надеемся нередко печатать статьи, которые будут извлекаться нами из старых архивных дел, и подлинные документы, относящиеся как к Ставропольской губернии, так и к другим пограничным с нашею губерниею землям, лежащим по сю сторону Кавказских гор, а именно: к владению кумыков, Чечне, Кабарде, Абадзе, к землям закубанских ногайцев и Адыгских племен».

[72] Ставропольские губернские ведомости. 1856. № 28, 29, 32, 46; 1857. № 4, 5, 7, 8; 1857. № 43 и 45; 1858. № 7, 9, 11, 18, 19.

[73] См. *Jolo*. Библиографическая заметка. Кавказский Календарь на 1889 год // Новое обозрение. 1889. № 1750.

[74] Вышел в 1876 г.

[75] ОР РГБ, ф. 363, картон 9, ед. хр. 79, л. 1 или карт. 1, д. 14, л. 437.

[76] Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией. Сборник Императорского Русского географического общества. Т. 73. СПб., 1890.; *Ермолов А.* Письма. Махачкала, 1926 // СМОМПК, вып. 45; Записки А. П. Ермолова. 1816–1827 гг. М., 1868. Ч. 2.

[77] См. *Попов И. М.* Ичкерия // ССКГ. Тифлис, 1870.. Вып. 4. С. 4.

[78] *Берже А.* Чечня и чеченцы // КК на 1860, Тифлис, 1859. С. 124, 128.

[79] Исследователь кавказских языков Г. Мерцбахер считал, что «у чеченцев, как почти и у всех народов, ислам вполне изгладил воспоминание о прежней их истории, происхождении и древней культуре» // *Мерцбахер Г.* К этнографии обитателей Кавказских Альп// ИКОИРГО, т. 18, № 2. Тифлис, 1905. С. 113. Но этим Мерцбахер лишь выявил свое незнакомство с фольклором чеченского и других кавказских народов и, с литературой, им посвященной.

[80] Чеченские сказки, как сообщал А. П. Ипполитов, были записаны по-арабски, и это требует объяснения. См.: Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 26.

[81] *Максимов В.* В арбе по Чечне // Революция и горец. 1929. № 1–2. С. 69.

[82] ОР РГБ, ф. 169, папка 81, д. 7, л. 17 об.

[83] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 58.

[84] *Иваненков Н. С.* Горные чеченцы // Терский сборник. Владикавказ, 1910. С. 10, 11.

[85] *Гатуев Конст. Зелимхан*. Ростов н/Д; Краснодар, 1926. С. 6.

[86] *Максимов П.* Указ. соч. С. 69, 70. См. также *Н. Белозерская.* Записки Ван-Галена // Исторический вестник, 1884. Т. 6. С. 661.

[87] *Саидов И. М.* Общественный быт вайнахов XIX и начала XX в. Махачкала, 1970. Л. 88, 89.

[88] *Гасан-Эфенди Алкадари*. Асари Дагестан. Махачкала, 1929.

[89] *Абас-Кули-Ага Бакиханов*. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 11, 17, 64.

[90] АКАК, т. 12. О политической направленности изданного дневника говорят его большие расхождения и сокращения, обнаруживаемые при сравнении с подлинником, хранящимся в ЦГА РСО–А. и РГВИА.

[91] Библиотека для чтения. 1848 (№ 176, 177), т. 88, № 5, 6 и т. 89, 1848, ч. 1, № 7.

[92] РГИА, ф. 1268, оп. 6. д. 473, л. 2. В данном прошении начальству Беляев говорит о десятимесячном плене. В Санкт-Петербургский цензурный комитет статья поступила под названием: «Сударь. Десять месяцев в плену у чеченцев». РГИА, ф. 1268, оп. 8, 1855/56 г., д. 32, л. 23.

[93] Там же, л. 22.

[94] Там же, л. 4–21 об.

[95] *Клингер И. А.* Нечто о Чечне // Кавказ. 1856. № 101.

[96] Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века). Т. 3. Ч. 1. 1801–1839. Том подготовлен к печати Г. Е. Грюмберг и С. К. Бушуевым / Под ред. С. К. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940.

[97] М. О. Косвен полагает, что «Описание»... Норденатамма (Норденштамма) первое сочинение, специально посвященное Чечне. См.: *Косвен М. О.* Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке // КЭС. М., 1955. Т. 1. С. 304.

[98] Норденштамм Иван Иванович в 1840 году уже полковник, обер-квартирмейстер войск Кавказской линии и Черноморья, в 1843 он начальник штаба войск Кавказской линии и Черноморья, генерал. (ОР РГБ, ф. 169, картон 81, д. 7, л. 11; там же, картон 18, д. 20, л. 21)// С 1846 года Норденштамм Кавказский гражданский губернатор (вместо генерал-майора Ольшевского) и Нюландский губернатор. РГИА, ф. 1268, оп. 2, 1846 г., д. 56.

[99] См.: *Н. Ф. Дубровин М. О.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.; *Берже А.* Чечня и чеченцы// КК на 1860.

[100] См.: Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 42. Продолжением «Материалов...» можно условно считать сборник документов: Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века, Махачкала, 1959; также условно и неполно в качестве 1-го и 2-го томов «Материалов...» можно рассматривать сборник: История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958.

[101] Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов/ Под ред. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953. С. 12.

[102] *Величко В. Л.* Полное собрание публицистических сочинений. СПб., 1914. Т. 1. С. 21.

[103] *Ковалевский И. П.* Кавказ. СПб., 1916. Т. 2; *его же.* Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. СПб., 1912; *Ткачев Г. А.* Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911 и др.

[104] *Погожев В. П.* Кавказские очерки. СПб., 1911. С. 19.

[105] *Чернышевский Н.* Литературное наследие. Т. 3. С. 227. См.: *С. Бушуев.* Русская история в освещении революционных демократов// Историк-марксист. 1940. № 8. С. 92.

[106] *Величко В. Л.* Указ. соч. СПб., 1914. Т. 1. С. 4.

[107] Очерк северной стороны Кавказа // Кавказ. 1847. № 2. Сравн.: Романовский. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 202.

[108] Авторство установлено по: *Берже А. П.* Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879. С. 13. О Я. Штелине см. также: *Косвен М. О.* Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке // КЭС, т. 1, М., 1955. С. 281. М. О. Косвен сузил сочинение работы Штелина, сведя ее преимущественно к описанию кабардинцев.

[109] Мнение А. Берже о том, что сведения данной статьи о кавказцах «слишком поверхностны» «Этнографическое обозрение Кавказа», с. 13, нам кажется не верным в оценке фактов, сообщаемых о Чечне, ибо они превосходят сведения многих последующих авторов.

[110] Географический месяцеслов на 1772 год. СПб., при Имп. Акад. Наук.

[111] См.: КЭС. 1955. Т. 1. С. 282. П. С. Потемкину приписывается также неизвестное «Документальное описание кавказских народов». См.: *М. Т. Лорис-Меликов.* О кавказских правителях // Русский архив. 1873. № 5. С. 769. См. также: Прежние и будущие пути сообщения Кавказа // Русское слово. СПб. 1859. № 7. Сравн. Б. А. Гарданов. Описание кабардинского народа, составленное в 1784 году П. С. Потемкиным // Сб. статей по истории Кабарды. Нальчик, 1956.

[112] *Бурнашев С. Д.* Описание горских народов. Курск, 1794. С. 4.

[113] *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодальные отношения в удельной Руси. СПб., 1901. С. 19.

[114] Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Ч. 1–2, М., 1823. В том же 1823 г. в январском номере журнала «Вестник Европы» опубликованы «Отрывки из новой книги о Кавказе, составленные из двух разделов подготовленной к изданию работы С. Броневского. О С. М. Броневском см.: *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. Вып. 1. 1955. С. 297, 298. С. М. Броневского не следует путать с С. Б. Броневским, как это сделано в канд. дис. С. Л. Мухиной. «Народы России в русской литературе 20-х – 30-х гг. XIX в. (Сибирь)». Д. 1954. Л. 1, 2, 8.

[115] Предисловие подписано автором 8 августа 1810 г. См.: *С. Броневский.* Указ. соч. Ч. 1. С. 27.

[116] Там же. С. 5.

[117] Там же. С. 9.

[118] На с. 20 автор говорит, что ему не удалось использовать описание путешествия на Кавказ экстраординарного профессора Восточных языков Клапрота, а на с. 324 (ч. 1), что не использовано и описание графа Ивана Потоцкого.

[119] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. 1. С. 17. (В ч. 2, с. 12 Буцковский уже полковник).

[120] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. 1. С. 24. Издатель так же говорит, что это работа – «первая часть в двух томах». *С. Броневский.* Указ. соч. Ч. 1. С. 5. Изданы лишь «географические» известия труда Броневского. «Историческая» часть в рукописи была доступна П. Г. Буткову, который извлек из нее ряд сведений. См.: *П. Г. Бутков.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 3. С. 11.

[121] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. 1. С. 39, 40.

[122] Там же. С. 43, 44.

[123] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. 1. С. 39. Приоритет в постановке вопроса о феодализме у народов Северного Кавказа может быть связан и с именем С. А. Тучкова. См.: Записки, СПб., 1908. С. 169. С. А. Тучков находился на Кавказе в 1801–1804 годах. См.: Давид, царевич Грузинский. Краткая история Грузии, Тифлис, 1893. С. 7.

[124] История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 226–228.

[125] Полное название работы: О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. Собранные Действительным Статским Советником и Кавалером Иосифом Дебу в 1826 году. Санкт-Петербург, 1829.

[126] Анекдоты, извлеченные из письма, писанного из Георгиевска шефом Казанского пехотного полка полковником Дебу // Военный журнал. 1811. Кн. 17. С. 46–49. Обращает внимание, что военные действия в Чечне в 1807 году автор передает как участник, хотя его появление на Кавказе относится к 1810 году.

[127] Разные исторические замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии // Отечественные записки. 1821. № 18. № 22–24.

Относительно автора в популярном дореволюционном издании сообщалось: «Осип Львович Дебу, уроженец Италии, был привезен в Россию на седьмом году, ... был Оренбургским гражданским губернатором, а с 1832 года сенатором. Он в 1829 году издал известные записки о Кавказской линии. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. 1. С. 148, 149.

[128] *Дебу И.* О Кавказской линии... СПб., 1829. С. 2.

[129] Там же. С. 1 и «Предупреждение».

[130] *Дебу И.* О начальном установлении и распространении Кавказской линии, с означением поселенных казачьих полков, оную охраняющих, и их происхождении // Отечественные записки. 1823. № 43. С. 235. Здесь уместно отметить странные инициалы автора статьи, дважды подписавшегося Г. М. Дебу. Но, конечно, это Иосиф Дебу. См. Отечественные записки. 1823. № 43. С. 235; 1824. № 51. С. 74.

[131] *Дебу И.* О Кавказской линии... С. 8.

[132] Там же. С. 91.

[133] Там же. С. 112.

[134] РГВИА, ф. 38, оп. 30–286, св. 838. д. 149, л. 2–2 об.

[135] Кавказская оборонительная линия. Записки инженера-подполковника Бюрно. С.-Петербург. 25 февраля 1832 года // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. 7. С. 56.

[136] Замечания на меморию полполковника Бюрно (Сделаны собственноручно генералом Вельяминовым). Там же. С. 60 и далее.

[137] *Норденштамм И. И.* 1834 г. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера // Материалы по истории Дагестана и Чечни. 1801–1939 гг. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 315.

[138] «Описание...» Норденштамма было использовано в обзоре академика А. Берже «Чечня и чеченцы» без указания источника. См. Кавказский Календарь на 1860 год, с. 86. Вслед за А. Берже утверждение Норденштамма было повторено П. Семеновым, см.: Песни, поющиеся в станице Слепцовской Владикавказского округа // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 15. С. 133; Н. Н. Ольшанский, см.: Покоренный Кавказ. Очерки. СПб., 1904. С. 570. Д. А. Милютин, следуя Норденштамму в своей неопубликованной работе «Чечня» (1844–1845) вносит уточнение, что «отделение» от первобытного состояния заметно лишь у плоскостных чеченцев. ОР РГБ., ф. 169, папка 81, д. 7, л. 25. В. Пассек в «Записке» 1843 года считал «не первобытными» чеченцев Большой и Малой Чечни, см.: ОР РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. СПб., Д.А. А. 1, д. 67, л. 108. В свете приведенных утверждений становится очевидным, что утверждение У. Лаудаева о своем народе как первобытном было в историографическом отношении отступлением назад (см. У. Лаудаев Чеченское племя // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 3).

[139] ОР РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 553, оп. 1, л. 13 об. 14.

[140] *Леонтович Ф. И.* Адаты Кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 66.

[141] *Харузин Н. Н.* Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. С. 66.

[142] СПб. Отд. ИНА. Архив востоковедов, ф. 6, оп. 1, д. 22, л. 28.

[143] *Берже А. П.* Чечня и чеченцы // Кавказский календарь на 1860 год. Тифлис, 1859. С. 90.

[144] КК на 1860 г., с. 140. См. также: Покоренный Кавказ. Очерки. СПб., 1904, очерк третий, Л. И. Лавров. С. 119.

[145] Акты исторические. СПб., 1842. Т. 5. Док. № 215. С. 369, 370.

[146] КК на 1860 год. С. 19.

[147] См.: Библиотека для чтения. СПб., 1860. Т. 160. № 7. С. 9.

[148] Там же. С. 10.

[149] Мы рассматриваем только сведения, касающиеся чеченцев.

[150] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 258.

[151] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1758, д. 11, л. 314.

[152] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1778, д. б/н, л. 1.

[153] *П. Г. Бутков.* Указ. соч., ч. 1, с. 260.

[154] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1856–1757, д. 6, л. 32.

[155] Эта неточность вошла в статью Г. А. Ткачева «Несколько слов о прошлой истории чеченцев» // Записки Терского Общества любителей Казачьей старины. Владикавказ. 1914. № 9. С. 75, и в работу Б. А. Калоева, см.: Народы Кавказа. Т. 1. С. 347 (раздел о чеченцах).

[156] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1757, д. 6, л. 32.

[157] *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 260.

[158] Записки путешествия академика Фалька. Полное собрание ученых путешествий по России, изданное Императорскою Академиею наук. СПб., 1824. Т. 6. С. 61.

[159] *Дубровин Н.* История войн и владычества русских на Кавказе. Очерк Кавказа и народов его населяющих. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 14.

[160] Там же. С. 16.

[161] Сравн. Н. Дубровин. Т. 1. Кн. 1. С. 414; *Беляев.* Дневник русского солдата, бывшего девять месяцев в плену у чеченцев // Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. № 5, 6 (176, 177). С. 82.

[162] *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941, с. 418 или *Астахов В. И.* Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1965. С. 420.

[163] *Лаудаев У.* Чеченское племя // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 1.

[164] Н. П. Гриценко относит рождение У. Лаудаева ко времени «около 1817 года». См.: *Гриценко Н. П.* Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1959. Т. 4. С. 189. Н. П. Гриценко сообщает также, что до поездки в Петербургский кадетский корпус Лаудаев в 20-х годах прошлого века изучал русский язык в одной из станиц гребенских казаков (см.: *Гриценко Н. П.* Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1962. С. 26). Вероятно, необходимо сверить и сравнить источник, которым пользуемся мы и документ, из которого исходит сообщение Н. П. Гриценко.

[165] ЦГА РСО–А., ф. 12, оп. 6, д. 1223, л. 1–9 об.; РГВИА, ф. 14719, оп. 9, д. 242, л. 72.

[166] Упоминание о его выступлении см.: *Аргус.* Празднества в честь Чеченского знамени // Терские ведомости. 1884. № 84.

[167] *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 196. Сравн.: *Скитский Б. В.* К вопросу о

феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 2. С. 178.

[168] *Лаудаев У.* Чеченское племя. С. 23.

[169] Там же. С. 1.

[170] Там же. С. 33.

[171] Там же. С. 58.

[172] Там же. С. 61.

[173] Там же. С. 4, 5, 7, 19.

[174] Там же. С. 9.

[175] Там же. С. 3.

[176] Там же. С. 22.

[177] Там же. С. 3.

[178] Там же. С. 22.

[179] Там же. С. 9. Лаудаев говорит: «Как произошло это племя (чеченское. – *Ф. Т.*)? Отвечать на это невозможно потому, что ни из преданий, ни из других источников нельзя извлечь данных для решения этого вопроса» (с. 8), – и все же предпринимает эту попытку.

[180] Там же. С. 12.

[181] Там же. С. 39.

[182] Там же. С. 26, 52.

[183] ОРФ СОИГСИ, истор. № 247, папка 18, л. 43.

[184] Впрочем, У. Лаудаев обнаруживает некоторое сходство с А. Берже в трактовке возникновения адатов (см. А. Берже. Чечня и чеченцы // КК на 1860 г., с. 93, и У. Лаудаев. Указ. соч. С. 13, 14).

[185] Анализ социально-политических взглядов У. Лаудаева дан в канд. дисс. А. Яндарова. Общественная мысль Чечено-Ингушетии в последней трети XIX – начала XX века. Алма-Ата, 1964.

[186] РГИА, ф. 1268, оп. 8, д. 39, л. 6.

[187] РГИА, ф. 1268, оп. 7, д.8, л. 40. В «Библиотеке для чтения», как мы уже указали, в заглавии «десять месяцев» заменено на «девять месяцев».

[188] РГИА, ф. 1268, оп. 8, д. 5, л. 82.

[189] РГИА, ф. 1268, оп. 7, д. 245, л. 2.

[190] РГИА, ф. 1268, оп. 8, д. 32, л. 55; там же, д. 276, л. 2.

[191] *Казбек Г. Н.* Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888.

[192] *Ольшевский М. Я.* Кавказ с 1841-го по 1866 год // Русская старина. 1893. Т. 29. Июль.

[193] *Волконский Н. А.* Война на восточном Кавказе с 1824-го по 1834 год в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10.

[194] Г. В. Литература об игнушах // Терские ведомости. 1890. № 93.

[195] Там же.

[196] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 4. С. 40.

[197] ССТО. Вып. 1. Владикавказ, 1878.

[198] Кавказ. 1866. № 53.
[199] Терские ведомости. 1881. № 45, 47.
[200] Терские ведомости. 1892. № 142.
[201] Там же. 1894. № 102.
[202] Известия КОИРГО. Т. 15. 1902.
[203] Трудности в изучении общинных порядков в Чечне были отчасти порождены тем, что, как отметил Н. Г. Чернышевский, «прежде, нежели вопрос об общине приобрел практическую важность с начатием дела об изменении сельских отношений, русская община составляла предмет мистической гордости для исключительных поклонников русской национальности, воображавших, что ничего подобного нашему общинному устройству не бывало у других народов и что оно, таким образом, должно считаться прирожденной собственностью русского или славянского племени». *Чернышевский Н. Г.* Избранные экономические произведения. 1948. Т. 1. С. 694, 695.
[204] *Ковалевский М.* Родовой быт. СПб., 1911. С. 309.
[205] *Харузин Н.* Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сб. материалов по этнографии, изданный при Дашковском музее В. Миллером. М., 1888. Вып. 2.
[206] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 26.
[207] *Ковалевский М.* О сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. М., 1883. № 12. С. 138.
[208] *Абрамов Я. М. М. Ковалевский.* О сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа (заметка) // Отечественные записки. СПб., 1884. № 2. С. 163. Автор рассматривает цитируемую нами статью М. Ковалевского, которая, как видим, именовалась несколько иначе.
[209] Русская мысль. М., 1883. № 12. С. 141.
[210] Рефераты о заседаниях VI Археологического съезда в Одессе. № 7. Одесса, 1884. С. 9–11.
[211] Резюме их выступлений см.: *Ковалевский М.* VI археологический съезд в Одессе. Труды отдела юридических древностей, памятников общественного и частного быта, исторической географии и этнографии // Вестник Европы. СПб., 1884. Т. 6. Кн. 12. С. 840–842.
[212] Народы земли. Георграфические очерки жизни человека на земле/ Под ред. Н. Березина. Т. 4. С. 191 (книга без года издания, вышла в 80-х годах XIX в.).
[213] *Иваненков Н. С.* Горные чеченцы. С. 16.
[214] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.
[215] *Иваненков Н. С.* Горные чеченцы. С. 16.
[216] Следует помнить, что ряд публикаций остался неизвестным даже исследователям-кавказоведам.

[217] *Россикова А. Е.* Путешествие по центральной части горной Чечни. Тифлис, 1895, или Записки КОИРГО. Тифлис, 1896. Кн. 18.

[218] *Карабегов А.* Фактическая статистика и преступность Кавказского населения // Новое обозрение. 1897. № 4512.

[219] *Погожев П.* Кавказские очерки. СПб., 1910. С. 7, 9, 10.

[220] Записки КОИРГО. Тифлис, 1896. Кн. 18. С. 141.

[221] *Чеченец.* Чечня и чеченцы // Терский край. 1911, № 18; *его же.* По поводу корреспонденции из Чечни // Терский край. 1911. № 151.

[222] Имеется в виду то, что в работе 1923 года «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» М. Н. Покровский повторил в основном положения, высказанные им еще в 1909 году (См.: История России в XIX веке. СПб. Гл. 7 – «Завоевание Кавказа»).

[223] *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 201, 202.

[224] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 417.

[225] *Покровский М. Н.* Указ. соч. С. 200.

[226] *Гатуев Конст.* Зелимхан. Ростов н/Д; Краснодар, 1926. С. 13.

[227] Там же. С. 18.

[228] Год издания установлен по книге: *В. Б. Виноградов, И. К. Лосев, А. А. Саламов.* Чечено-Ингушетия в советской исторической науке. Грозный, 1963. С. 20.

[229] *Ошаев Х.* Указ. соч. С. 5.

[230] Там же. С. 24. Сравн.: Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении/ Под общей редакцией П. П. Семенова. Кавказ. СПб.; М., 1883. Т. 9. С. 76.

[231] *Ошаев Х. Д.* К истории возникновения чеченских героико-этнических песен // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. История. Грозный, 1960. Т. 2. Вып. 1. С. 82, 83.

[232] Там же. С. 85.

[233] См.: О тех, кого называли абреками, Грозный, 1927. С. 87–116.

[234] МСЭ. М., 1931. Т. 29. С. 810.

[235] Советская этнография. 1934. № 4. С. 86.

[236] Там же. С. 85.

[237] Там же. С. 75.

[238] *Вартапетов А. С.* Указ. соч. С. 83, 86.

[239] Там же. С. 83, 77.

[240] Там же. С. 87.

[241] Статья А. С. Вартапетова была рецензирована Е. И. Крупновым. Рецензентом отмечены и другие противоречивые положения в статье Вартапетова, но утверждение, что работа ценна «по новому материалу» безосновательно. См.: Революция и горец. 1933. № 5. С. 81–85.

[242] М. О. Косвен правильно указал, что в данной статье А. С. Вартапетов не обладает «достаточным представлением о структуре рода». См.: *Косвен М. О.* Очерки по этнографии Кавказа // Советская этнография. 1946. № 2. С. 119.

[243] *Скитский Б. В.* Социальный характер движения имама Мансура // Известия второго Северо-Кавказского педагогического института им. Гадиева. История. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 1. С. 187.

[244] Там же.

[245] Революция и горец. 1933. № 6, 7. С. 105.

[246] Предания о чаберлоевских старейшинах нам неизвестны. Возможно, автор имеет в виду сообщения в статье Руновского А. И. Русские люди на Кавказе // Заря. СПб., 1870. № 10–12.

[247] Революция и горец. 1933. № 6, 7. С. 106.

[248] БСЭ. М., 1934. Т. 61. С. 538.

[249] Материалы для истории Чечни и Дагестана. Т. 3. Ч. 1. С. 20.

[250] *Бушуев С. К.* Кавказский мюридизм // Вопросы истории.

[251] Там же. С. 73.

[252] ОРФ СОИГСИ, ф. 33, оп. 1, д. 54, л. 1, 2.

[253] *Закс А. Б.* Из истории первого периода имамата Шамиля. Л. 25.

[254] Там же. Л. 39.

[255] Там же. Л. 26, 27, 41.

[256] Там же. Л. 26, 27.

[257] Там же. Л. 38, 38.

[258] Там же. Л. 44.

[259] Там же. Л. 47.

[260] Диссертация построена на материалах фондов ЦГВИА, ЦГА СО АССР, ГИМ (ф. Розена), Архива народного хозяйства Ленинграда (ф. Клюгенау). Материалы двух последних фондов введены в научный оборот впервые.

[261] *Закс А. Б.* Указ. соч. Л. 21.

[262] Первоначально работа была представлена на тему: «Зарождение и развитие государственных форм у кавказских горцев (см.: *А. М. Ладыженский.* Указ. соч. М., 1946. Л. 6), а затем представлялась на тему «Разложение родового строя, зарождение классов, государственной власти и права у народов Северного Кавказа» (см. ОРФ СОИГСИ, ф. 33, проф. Г. А. Кокиева, оп. 1, д. 51, л. 1).

[263] *Ладыженский А. М.* Адаты горцев Сев. Кавказа. Л. 7 и 126.

[264] Следует ответить, что полевой материал почти не использован в работе.

[265] ОРФ СОИГСИ, ф. 33, оп. 1, д. 51, л. 1.

[266] *Ладыженский А. М.* Указ. соч. Л. 228.

[267] Там же. Л. 134.

[268] Там же. Л. 134.

[269] Там же. Л. 354.

[270] Там же. Л. 169.
[271] Там же. Л. 475.
[272] Там же. Л. 364.
[273] Там же. Л. 169. К «тому же по А. М. Ладыженскому «роды... распадались на патронимии, а эти последние – на большие семьи» (л. 169), в то время как у М. О. Косвена, давшего научное описание патронимии, процесс образования, патронимии описан иначе.
[274] Там же. Л. 147.
[275] ОРФ СОИГСИ, ф. 33, оп. 1, д. 48, л. 2.
[276] ОРФ СОИГСИ, ф. 33, оп. 1, д. 48, л. 2, 3.
[277] Это слова М. В. Нечкиной // Вопросы истории. 1947. № 11. С. 136.
[278] *Закс А. Б.* Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. № 11. С. 136–139.
[279] *Саренц Р. Г.* Указ. соч. Л. 43.
[280] Там же. Л. 201.
[281] *Сталин И. В.* Соч. Т. 5. С. 47.
[282] История СССР. М., 1956. Т. 1. С. 727.
[283] *Фадеев А. В.* Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII–XIX вв. в новых работах советских историков // Вопросы истории, 1958. № 5. С. 137.
[284] Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. Вып. 1. 1959.
[285] *Смирнов Н. А.* Турецкая агентура под флагом ислама (Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе) // Вопросы истории, религии и атеизма. Сборник статей Института истории АН СССР. М., 1950. Вып. 1. С. 31.
[286] *Смирнов Н. А.* Политика России на Северном Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1959. С. 135.
[287] *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1958. Прослеживается некоторое сходство взглядов С. А. Токарева с теми, которые еще в 1924 году высказал Г. Ф. Чурсин. См.: *Ляйстер А. Ф., Чурсин Г. Ф.* География Кавказа. Тифлис, 1924.
[288] *Калоев Б.* Поездка в Чечено-Ингушскую АССР // Советская этнография. 1958. № 4. С. 130.
[289] Тукум, тукхум, тохум, тухум – синонимы.
[290] *Мамакаев М.* Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962. С. 10.
[291] Мы тем более правы, что Б. Калоев дает новое исчисление тайп, именно: Нахчимахновский становится синонимом Ичкиринского, остальные сохранены, но это дает уже шесть тухумов (различия в правописании не имеют значения). См.: Народы Кавказа. М., 1960. С. 366. Существование указанных тухумов в данной работе автором вполне определенно приурочивается ко второй половине XIX в. и локализуется горными районами (С. 365, 366). Но ведь в это время горные и плоскостные тайпы составляли части единого целого. Как

это согласовать? В более поздней своей работе Б. А. Калоев приурочивает существование тухумов к концу XVII – началу XVIII вв. // Советская этнография. 1961. № 1. С. 41, 42.

[292] Народы мира. Этнографические очерки/ Под общей редакцией члена-корр. АН СССР С. П. Толстова. Народы Кавказа, М., 1960. С. 345–374.

[293] Там же. С. 364.

[294] Там же.

[295] Там же. С. 366.

[296] Там же.

[297] Там же.

[298] Там же. С. 368.

[299] *Леонтович Ф. И.* Адаты Кавказских горцев. Вып. 2. С. 79.

[300] Народы Кавказа. Т. 3. С. 365.

[301] Народы Кавказа. Т. 1. С. 347.

[302] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 60.

[303] *Калоев Б. А.* Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. № 1. С. 41. Данное утверждение повторяет и Н. П. Гриценко, но он считает земли в верховьях Аргуна и на Северном скате Главного хребта колыбелью лишь чеченских племен. Н. П. Гриценко только ссылается на другой источник. См.: *Гриценко Н. П.* Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1961. Т. 4. С. 22, 100.

[304] Авторами исторического очерка являются Е. П. Киреев, Х. Д. Ошаев, Д. Д. Мальсагов, Е. И. Крупнов.

[305] БСЭ. 1958, 2-е изд. Т. 51. С. 307, 308.

[306] Там же. С. 308.

[307] Там же. С. 308, 309.

[308] Там же. С. 309.

[309] Труды ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1961. Т. 4. С. 107.

[310] Там же. С. 91–113.

[311] *Скитский Б. В.* К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия ЧИНИИИЯЛ. История. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 1. С. 157–187. Приложения. С. 187–196.

[312] Труды ЧИНИИИЯЛ. Т. 4. С. 92.

[313] Там же. С. 94.

[314] Там же.

[315] Там же.

[316] Там же. С. 95. Здесь должно сделать два замечания: в ряде мест автор характеризует общественный строй чеченцев и ингушей как тождественный (в общих или частных чертах), что ведет к потере специфики этих отношений; с другой стороны, следует признать неудачным введение автором термина клан для определения тухума. Автор, вероятно, следует БСЭ, т. 51, с. 308.

[317] Труды ЧИНИИИЯЛ. Т. 4. С. 103.
[318] Там же. С. 9.
[319] Там же. С. 11.
[320] Там же. С. 22.
[321] Там же. С. 23 (или с. 16).
[322] История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 70.
[323] Труды ЧИНИИИЯЛ. Т. 4. С. 22.
Наше наблюдение подтверждается утверждением автора, что феодальные отношения в горной части Чечни зародились позднее, нежели в плоскостной (с. 114).
[324] Там же. С. 103.
[325] Там же. С. 101.
[326] Там же. С. 97.
[327] Там же. С. 101.
[328] Там же. С. 105.
[329] Там же. С. 103.
[330] Там же. С. 17. Примечание. Это тем более неверно, что Гриценко относит аккинцев к чеченцам. См. с. 15. Примечание.
[331] Там же. С. 17.
[332] Там же. С. 28.
[333] Там же. С. 37.
[334] Там же. С. 39.
[335] Там же. С. 15.
[336] *Белокуров С. А.* Отношения России с Кавказом. 1578–1613 гг. М., 1889. Вып. 1. Стр. XXII (а не «22», как у Гриценко Н. П.).
[337] Труды ЧИНИИИЯЛ. Т. 4. С. 15. Можно полагать, что Н. П. Гриценко излишне доверился Г. А. Ткачеву, у которого мы находим те же неточности. См. *Ткачев Г. А.* Несколько слов о прошлой истории чеченцев // Записки Терского Общества любителей казачьей старины. № 9. Владикавказ. 1914. С. 65.
[338] Там же. С. 63.
[339] Там же. С. 28.
[340] Там же.
[341] Там же. С. 104.
[342] Там же. С. 91.
[343] Там же. С. 30.
[344] Там же. С. 61, 64.
[345] Там же. С. 101.
[346] Там же. С. 94.
[347] Там же. С. 178–187.
[348] Указанная книга Мамакаева переиздана и в 1973 году под названием «Чеченский тайп (род) в период его разложения». Основные установки данного издания соответствуют изданию 1962 года.

[349] *Мамакаев М. А.* Правовой институт тайпизма и процесс его разложения // Известия ЧИНИИИЛ. Грозный, 1936. Т. 1 (4). Вып. 1. С. 55–71.

[350] *Мамакаев М.* Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962. С. 7.

[351] См. *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 66; или его же. Родовой быт... С. 297.

[352] *Мамакаев М.* Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. С. 10.

[353] Там же. С. 24–27.

[354] Там же. С. 25.

[355] Там же. С. 4.

[356] Там же. С. 12.

[357] Там же. С. 14.

[358] Там же. С. 12.

[359] Там же. С. 25.

[360] Там же. С. 13.

[361] *Саидов.* Общественный быт вайнахов XIX и начала XX века. Махачкала, 1970.

[362] Так, С. Ц. Умаров приурочивает к «позднесредневековому времени» историю Чечни XIII–XVIII века. См.: *Умаров С. Ц.* Средневековая материальная культура горной Чечни (XIII–XVII вв). Канд. дисс. Л. 18, 22; профессор В. Б. Виноградов относит к позднему средневековью XVII–XVIII вв. См.: В. Б. Виноградов – рецензия – В. И. Марковин. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965// Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1969. Т. 8. Вып. 1. С. 231.

[363] *Анчабадзе З., Робакидзе А.* К вопросу о природе кавказского горского феодализма // Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых, археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971. С. 58, 59.

[364] *Магометов М. А.* Несостоятельная попытка очернить советскую историографию. (По поводу книги американского историка Лоуэлла Тиллета «Великая дружба. Советские историки о нерусских национальностях») // История СССР. 1973. № 1. С. 191–197.

[365] *Иоселиани Платон.* Путевые записки по Кахетии. Тифлис, 1846. С. 105.

[366] *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов, М., 1967. С. 4; *Анчабадзе З., Робакидзе А.* Указ. соч. и др.

[367] См.: Обсуждение очерков истории Чечено-Ингушской АССР. Конференция в г. Грозном // История СССР. 1974. № 1. С. 232–238.

[368] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 18. С. 205.

[369] *Робакидзе А. И., Гегечкори Г. Г.* Формы жилища и структура поселения горной Осетии. КЭС. Тбилиси, 1975. Вып. 1. Т. 5. С. 12.

[370] АВПР, ф. Сношения России с Грузией, 1757, д. № 5, д. 35.

[371] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. 1, 2.

[372] Остров Чечень расположен на Каспийском море, но он не принадлежит Чечне и тем более не лежит внутри Чечни, как утверждают составители примечаний к книге Стрейса (см.: *Стрейс Я. Я.* Три путешествия. 1935. С. 401).

[373] Указанная высота дана в БСЭ, 2-е издание. Т. 51. С. 306. У Ерохина высота Тебулос-мта определена в 4500 м. (*Ерохин П. М.* Горные курорты Чечни // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д, 1928. Т. 1. С. 4). Наименование по-чеченски Дакуахэ дано в А. Берже (КК на 1860, с. 2), у Ерохина – Даков-корт. Н. Я. Динник, ссылаясь на карты Кавказа, сообщал, что Тебулос-мта возвышается на 4506 м и именуется по-чеченски Доко-корт (*Динник Н. Я.* По Чечне и Дагестану// ИКОИРГО. Тифлис, 1905. Кн. 25. Вып. 4. С. 25). Акимцев указывает высоту Тебулос-мта в 4507 м. (см. *Акимцев В. А.* Почвы Малой Чечни// Труды Северокавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. Ростов н/Д. 1927. № 32. С. 7.).

[374] Некоторые авторы проводили разграничительную линию по р. Нетхой. *Берже А.* Чечня и чеченцы // КК на 1860. С. 1. Тифлис, 1859.

[375] *Самойлов К.* Заметки о Чечне // Пантеон. СПб. 1866. Т. 23. № 9. С. 47.

[376] *Милютин Д. А.* Чечня // ОР РГБ, ф. 169, папка 81, д. 7, л. 1. Норденштамм определял пространство Чечни в 6 тыс. кв. верст. Материалы по истории Дагестана. Т. 3. Ч. 1. С. 310, 311. Ср. *Ерохин П. М.* Указ. соч. С. 4. Неизвестный автор К. определял пространство Чечни в 500 кв. верст (К. Обзор событий на Северном Кавказе в 1846 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1894. Т. 15. С. 479).

[377] *Берже А.* Чечня и чеченцы // КК на 1860. С. 2. Ерохин определял измерения: в длину 80 км и в ширину 25–30 км, что дает меньшую площадь (*Ерохин П. М.* Указ. соч. С. 4). Данные обоих авторов нуждаются в уточнении. К. Ф. Ган определяет в 2800 кв. верст площадь всей Чечни, что неверно, (см.: *Ган К. Ф.* Путешествие в страну ишавов, хевсур, кистин и ингушей // Кавказский вестник. Тифлис. 1900. № 6. С. 63). Евг. Максимов площадь Грозненского округа определял в 7445 кв. верст. (См. *Максимов Е.* Чеченцы // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 31. Сравн.: Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. 1. С. 5.).

[378] К. Ф. Ган, путешествовавший в 1901 году по Чечне по поручению Кавказского отдела Русского географического общества, установил, что в Чечне горные цепи называются лам, корт или арс. Он приводит следующее пояснение употреблению этих слов: «лам» называются горы, покрытые вечным снегом, или же на которых снег редко исчезает и которые вследствие этого лишены всякой растительности; название корт носят вершины, которые только зимой покрываются снегом; словом арс обозначают горы, покрытые лесом. О горах лам существовало предание, что они согласились

в этой жизни вечно лежать под снегом и льдом, чтобы обеспечить себе блаженство в будущей жизни. *Ган К. Ф.* Экскурсия в нагорную Чечню и западный Дагестан летом 1901 года // Известия КОИРГО. Тифлис, 1902. Т. 15. № 4. С. 216, 217.

[379] *Ерохин П. М.* Горные курорты Чечни // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д, 1928. Т. 1. С. 4. У Акимцева высота Диклос-мта – 4003 м. (см. *Акимцев А.* Указ. соч. С. 7.). В другом источнике высота Диклос-мта определяется в 4275 м., см.: Народы Кавказа. М., 1960. С. 345.

[380] Чеченцы называли леса своим родным одеялом, признавая этим их важную роль в своих исторических судьбах. *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 420.

[381] Здесь росли «патриархи кавказских дебрей» лесные гиганты от полутора до двух аршин в диаметре, и победа над таким колоссом требовала иногда непрервыной работы нескольких топоров в продолжение полных семи часов. Они попадались, чуть ли не на каждых 10–12 кв. саженях, см.: К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 году// Кавказский сборник. Тифлис, 1885. Т. 9. С. 414, 415.

[382] ОР РГБ, ф. 169, папка 81, д. 7, л. 3–3 об. См. также: Предварительный отчет профессора В. В. Докучаева об исследованиях на Кавказе летом 1899 года // Кавказское сельское хозяйство. Тифлис. 1900. № 358. С. 722.

[383] ОР РГБ, ф. 169, папка 81, д. 7, л. 4.

[384] *Самойлов К.* Заметки о Чечне // Пантеон. СПб., 1855. Т 23. № 9. С. 52.

[385] О почвах Чечни см.: проф. *В. В. Докучаев.* Предварительный отчет об исследованиях на Кавказе летом 1899 г. // Кавказское сельское хозяйство, Тифлис, 1900, № 356–362. *Акимцев В. А.* Указ. соч. *Панков А. М.* Почвы центральной части правобережья Терека// Труды Северо-Кавказской Ассоциации научно-исследовательских институтов. Ростов н/Д, 1928. № 35.

[386] *Самойлов К.* Заметки о Чечне // Пантеон. СПб., 1855. Т. 23, № 9. С. 57, 58.

[387] См.: *Докучаев В. В.* Предварительный отчет об исследованиях на Кавказе летом 1899 г. Тифлис, 1900. С. 19.

[388] Впервые о «лестнице климатов» на Кавказе писал *Литвинов М.* Кавказ. Военно-географический очерк // Военный сборник. СПб., 1884. № 2. С. 320.

[389] О «поясах растительности по вертикальному направлению» на Кавказе см.: *Раде Г.* Сельское хозяйство и промышленность // Живописная Россия. СПб.; М. 1883. Т. 9. С. 219.

[390] *Самойлов К.* Заметки о Чечне // Пантеон. СПб., 1855. Т. 23. № 9. С. 60, 61.

[391] Там же. С. 55.

[392] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. 2. С. 97.

[393] *Маркс К.* Капитал. Т. 1. М., 1953. С. 515, 516.

[394] *Шерипов А.* Из чеченских песен. Асир-Абрек (Одна из возможных историй) // Народная власть. 1918. № 67. 28 июня.

[395] См.: *Сафонов Вадим.* Невероятнее любого романа // Наука и жизнь. М., 1974. № 10. С. 98.

[396] Название «чеченцы», как мы уже отметили, появилось, видимо, в XVII веке. В более ранних источниках оно не встречается. Распространение этого имени на весь народ в русских источниках шло постепенно и утвердилось к середине XIX века. Одновременно имело место и более расширенное употребление понятия чеченцы, когда под ними разумели, помимо собственно чеченцев, ингушей и карабулаков. В различных источниках содержатся и другие понятия. Например, у Гюльденштедта страна чеченцев названа Кистиею или Кистетиею, в то время как кистины составляли часть чеченцев. С. Броневский именует чеченцев еще «шешенами» и упоминает, что соседственные народы называют их мычкизами. Клапрот называл чеченцев мизджегами. Кумыки именовали их также мичикиш. Чеченцы знают также понятие Дагестан, понимая под этим собственно Дагестан и территорию, расположенную между Каспийским морем, Главным Кавказским хребтом, рекой Терек, иногда включая северотеречные пастбища или Пана мохк (страна Пана) – Земля пастухов, Земля пустыни. См.: *Саидов И. М.* Общественный быт вайнахов XIX и начала XX века. Канд. дисс. Махачкала, 1970. Л. 194. И. М. Саидов именует Чечню также термином Нахистан. См.: л. 191. О различных именованиях чеченцев и их страны см.: *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 122–174.

[397] Жители Чаберлая (горная Чечня) именуют нохчо или нахчи плоскостных чеченцев по роду их земледельческих занятий (от «нох» – «плуг» и «че» – «внутреннее место», «низменность», «равнина» – «место плуга». Отсюда нохчо – пахари, плугари или земледельцы. См.: *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 34.

[398] *Цаликов Ахмед.* Советская власть на Тереке // Вольный горец. 1920. № 39. 7 июля.

[399] *Гуревич С. И.* Борьба за советскую власть на Тереке в 1917–1918 гг. Канд. дисс. М., 1956. Л. 9.

[400] АКАК, т. 2, с. 976.

[401] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. 1. С. 57. См. также Записки Сергея Алексеевича Тучкова. СПб., 1908. С. 169.

[402] *Нордештамм.* Указ. соч. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 2. Ч. 1. С. 310.

[403] Рейнеггс в конце XVIII века отметил, что «нет никакого средства точно определить... число членов их (чеченцев. – *Ф. Т.*), ибо оне сами себя не знают». ОР РНБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ОЛДП. F, д. 192, л. 27, сравн. Живописаня Россия. Т. 9. С. 72.

[404] *Вертепов Г. А.* В горах Кавказа // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 6. С. 112; *Вертепов Г.* Наши горы и их обитатели// Терские ведомости. 1897. № 149 или *Иванов М.А.* В горах

между р. Фортангой и Аргуном // ИКОИРГО. Тифлис, 1904. Т. 17. С. 47.

[405] Извлечение из описания путешествия в Грузию Карла Густава Рейнгардта, пекаря первого класса, сообщенного им в письме к приятелю, живущему в Вильне (напеч. в Виленском Деннике. 1824. № 2)// Азиатский вестник. 1825. Май. С. 337.

[406] АВПР, ф. Кабардинские дела 1720, д. 3, л. 1.

[407] АВПР, ф. Кабардинские дела 1756–1757, д. 9, л. 1 или 5; *Головчанский С. Ф.* Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 году // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ. 1914. № 11. С. 69.

[408] *Дубровин Н. Ф.* Братья Потемкины на Кавказе // Русский вестник. М., 1878. Т. 139. № 12. С. 525.

[409] Архив АН РФ в Санкт-Петербурге, ф. 99. оп. 2, д. 37, с. 25. См. также: Письменные источники в собрании Государственного исторического музея, ф. 445, д. 69, л. 93, об., или неизданные документы академика Буткова, Кавказский сборник. Тифлис. 1897. Т. 18. С. 430.

[410] АКАК, т. 1, док. № 1049, с. 716 или Кавказ. 1867. № 66.

[411] (Евгений). Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии. Сочинено в Александро-Невской Академии. СПб., 1802. С. 97.

[412] Архив АН РФ, ф. 99, оп. 2, д. 37, с. 234.

[413] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. 1. С. 58 или ч. 2. С. 183.

[414] *Быхов Г. Д.* Советская Чечня за 10 лет // Революция и горец. 1933. № 5. С. 15.

[415] Там же.

[416] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 257, 258. Указанная ведомость хранится в РГВИА, ф. ВУА, д. 6259, л. 244– 244 об.

[417] РГИА, ф. 561, оп. 1, д. 141, л. 10.

[418] РГВИА, ф. ВУА, д. 6288, л. 348–351 об. и л. 360 об.–361. Должно оговорить, что именуя общим именем «чеченцы» представителей 14 чечено-ингушских и карабулакских обществ, Вольховский выделяет «собственно» чеченцев в количестве 86 000 человек.

[419] Данные Вольховского, очевидно, послужили источником при нанесении сведений на карту Кавказского края 1834 года (см. РГВИА, ф. 492, оп. 1, д. 199, л. 41), были использованы генерал-майором П. П. Чайковским в его «Записках», полученных в декабре 1866 года Н. Ф. Дубровиным (Архив АН РФ в Санкт-Петербурге, ф. 100, оп. 1, д. 425) и были известны немецкому путешественнику по России и Кавказу профессору Коху. См.: *Кох Карл.* Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1836 и 1838 годах. Штутгарт; Тюбинген, 1843. Т. 2. С. 494 (немец. яз.).

[420] *Казбек Г. Н.* Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888. Ч. 1. Приложение 1.

[421] РГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 301, л. 158.
[422] Там же, л. 160.
[423] Там же, л. 158.
[424] Там же, л. 160–160 об.
[425] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 310, 311. В 120 тыс. определяли число чеченцев для 40-х годов XIX века Романовский (см. его «Кавказ и Кавказская война». СПб., 1860. С. 181) и неизвестный автор статьи «Шамиль и Чечня» в «Военном сборнике». 1859. Т. 9. № 9, 10. С. 154.
[426] РГВИА, ф. ВУА, д. 6288, л. 301.
[427] *Зубарев Д.* О народонаселении за Кавказом // Русский вестник. 1842. № 5, 6. Отд. 4. С. 84.
[428] РГВИА, ф. ВУА, д. 6438, л. 4. Эта цифра встречается и в письме виконта Г. Гастильона и Гизо в 1844 году // Историк-марксист. 1936. № 5. С. 114, или ЦГА РД, ф. 175-р, оп. 1, д. 2, л. 22. У К. Самойлова говорится уже о 100 тыс. человек мужского пола. Указ. соч. С. 45.
[429] *Гриценко Н. П.* Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1961. Т. 4. С. 25.
[430] Архив АН РФ в Санкт-Петербурге, ф. 100, оп. 1, д. 453, л. 80. Другая цифра подвластного Шамилю населения Чечни, включающая ичкеринцев, галашинцев, шатоевцев, ауховцев, мичиковцев и население Большой и Малой Чечни и определяемая в 100 тыс. человек, так же неверна, как и эта. Пасек. Записки, 1843 год. Архив АН РФ в Санкт-Петербурге, ф. 100, оп. 1, д. 423, л. 4 об.
[431] РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 42.
[432] РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 42.
[433] *Берже А.* Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 год. С. 270.
[434] *Берже А.* Горные племена Кавказа //Живописаня Россия. СПб.; М., 1883. Т. 9. С. 72.
[435] О тех, кого называли абреками. 1927. С. 187.
[436] *Фридрих Боденштедт.* Народы Кавказа и их освободительные войны против русских. Франкфурт-на-Майне, 1848. С. 94 (нем. яз.).
[437] Письма Аркадия Петровича Корнилова. 1834–1845 гг. Для семьи. СПб., 1884. С. 205.
[438] *Васильев.* Историческая записка о христианстве на Северном Кавказе. Ставрополь, 1888. С. 30.
[439] *Максимов Евг.* Чеченцы. Историко-географический и статистико-географический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 35. А. Зиссерман определяет всех переселенцев-чеченцев до 5 000 семейств. См.: *Зиссерман А. Л.* История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880). СПб., 1881. Т. 3. С. 450.

[440] Живописная Россия. Кавказ. СПб.; М., 1883. Т. 9. С. 92. Эти данные, возможно, взяты из статьи *Берже А.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. СПб., 1881. Т. 33. № 1. С. 165–167, но с уточнением цифры 493 194 переселенцев на 493 244.

См. также: *Берже А.* Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879. С. 9.

[441] *Берже А.* Выселение горцев с Кавказа. С. 156.

[442] *Литвинов М.* Кавказ. Военно-географический очерк // Военный сборник. 1884. № 3. С. 161.

[443] *Цаликов Ах.* Кавказ и Поволжье. М., 1913. С. 21.

См. также: *Смирнов Н. А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 218.

[444] *Кабардинский.* О религиозно-общественной жизни горцев // Кавказский горец. Издание Союза горцев Кавказа в ЧССР. Прага, 1925. № 2, 3. С. 110.

[445] *Зиссерман А. Л.* История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала Барятинского полка (1726–1880). СПб., 1881. Т. 3. С. 450.

[446] *Смирнов Н. А.* Мюридизм на Кавказе. С. 224.

[447] Там же.

[448] Так, абхазцы Сухумского округа ушли в Турцию в 1868 году. См.: Москва Россия и армяне // Наблюдатель. СПб., 1896. № 12. С. 323.

[449] Турецкое и царское правительство организовали взаимную двухстороннюю награду чиновников организаторов переселения. См.: РГВИА, ф. 400, оп. 121, стол. 1, отд. 6, д. 57, дело за 1867–1868 гг.

[450] *Берже А.* Выселение горцев с Кавказа. С. 165.

[451] *Максимов С.* Край крещеного света. Русские горы и кавказские горцы. СПб., 1898. С. 25.

[452] *Лядов В. И.* Кавказ в физическом и этнографическом отношениях // Рассвет. СПб., 1859. Т. 4. С. 443.

[453] Общий обзор Кавказского края // Военный сборник. СПб., 1858. Т. 4. № 7, 8. С. 388.

[454] Живописная Россия. Т. 9. Кавказ/ Под общей редакцией П. П. Семенова. М., 1883. С. 72.

[455] Народы земли/ Под ред. Н. Березина. Т. 3. С. 191. Сравн.: *Мерцбахер Г.* К этнографии обитателей Кавказских Альп // ИКОИРГО. Тифлис, 1905. Т. 18. № 2. С. 113.

[456] ЦГА РСО–А., ф. 12, оп. 9, д. 329, л. 63 об.

[457] Сборник статистических сведений о Кавказе/ Под ред. Н. И. Воронова. Тифлис, 1869. Отд. 2. Т. 1. С. 10. Сравн. Числовые данные о Кавказском горском населении // Военный сборник.

[458] В Нагорный округ входили смешанно чеченцы и кумыки, это были: Ауховское, Зандакское и Салатавское наибства.

[459] Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. 1. С. 30, 31.

[460] Там же. С. 31.

[461] Там же. Приложение. С. 8, 9.

[462] *Максимов Е.* Чеченцы. С. 35.

[463] *Литвинов М.* Кавказ. Военно-географический очерк // Военный сборник. 1884. № 3. С. 160

[464] *Максимов Е.* Чеченцы. С. 35.

[465] Там же.

[466] Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД/ Под ред. Н. А. Тройницкого. Вып. 68. Терская область. 1905. С. 2, 3. Неточное сообщение С. Максимова о том, что в 1898 г. чеченцев было до 160 тысяч человек, объясняется тем, что материалы переписи 1897 г. не были тогда еще обобщены и опубликованы. См.: *Максимов С.* Край крещеного света. СПб., 1898. С. 25. Материалы переписи населения Чечни в 1897 году впервые широко, но неточно, использованы в книге Б. Ишханяна. Народности Кавказа. Петроград, 1917, а также: *Ткачев Г. А.* Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911; *Пешехонов А.* На очередные темы. Культурная драма // Русское богатство. 1911. № 7. С. 115.

[467] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 164.

[468] Там же. Соч. Т. 18. С. 568.

[469] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 3. С. 594, 595.

[470] *Ипполитов А. И.* Этнографические очерки Аргунского округа// ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 43.

[471] ОР РГБ, ф. 169, папка 81, д. 7, л. 39.

[472] *Ипполитов А. П.* Указ. соч. С. 52.

[473] *Яковлев Н.* Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927. С. 17. В основе гипотезы проф. Яковлева, вероятно, лежат труды барона Услара по чеченскому языку, в которых отмечено проникновение в чеченский язык слов грузинского происхождения, а также открытие у реки Ассы церкви с грузинскими надписями, основание которой относится к 830 году. *Хаханов А.* Рецензия на СМОМПК. Вып. 12. Тифлис, 1891 // Новое обозрение. 1891.

[474] *Вертепов Г. А.* В горах Кавказа // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 6. С. 118.

[475] *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 5, 6. Сравн.: *Попов Ив.* Ичкеринцы. Исторический очерк // Терские ведомости. 1875. № 2. О завоевании татаро-монголами народов Северного Кавказа. См.: *Лавров Л. И.* Нашествие монголов на Северный Кавказ// История СССР. 1965. № 5.

[476] *Ногмов Ш.* История Адыгейского народа // Кавказский календарь на 1862 год. Отд. 4. С. 133.

[477] Не следует принимать всерьез утверждение В. Швецова о том, что якобы, «нашествие татар с Чингисханом не сделало разительной перемены в области народа Кавказского. *Швецов В.* Очерк о Кавказских горских племенах // Москвитянин. М., 1855. № 23, 24. Кн. 1, 2. С. 9.

[478] *Попов Ив.* Ичкеринцы // Терские ведомости. 1875. № 2.

[479] *Маркс К.* История секретной дипломатии XVIII века. Лондон, 1899. С. 78 (англ. яз.)

[480] *Гарданов В. К.* Четыре века русско-кабардинской дружбы // Дружба народов. 1957. № 6. С. 142.

[481] *Аббас-Кули-Ага Бакиханов.* Кудси. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 64.

[482] *Гарданов В. К.* Четыре века... С. 142.

[483] См. письмо жителей сел. Алды Кизлярскому коменданту Фрауендорфу от 29 апреля 1758 г., АВПР, ф. Кабардинские дела, 1758, д. № 11, л. 163. Шах именуется Тамасханом.

[484] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2. С. 223.

[485] Имя Темрюк в чечено-ингушском произношении соответствует Тимаркъ. Ему московский царь подарил большие земельные участки горцев. С приближением Тимарка князем Мусостом связано одно из ранних антифеодальных выступлений чеченцев. См.: *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 99–102.

[486] *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 6.

[487] О своем происхождении «Терского города Окоцкие люди» свидетельствуют сами: «вышли, государь, мы холопи твои в государство, из Акоз и из Мичкиз в твою государеву отчину и Терской город Государь-Царь и Великий Князь Михаил Федорович. Вышли на житье из з женами и з детми и з братьями своими при прежних твоих государевых воеводах и при нынешнем твоем государстве во еводе при Петре Петровиче Головине». «Мичкиз» – это наименование Чечни, взятое у кумыков; «Акоз» – Аккинская тайпа. *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. С. 554. «Окочени» упоминаются в ответной грамоте Петра I к шамхалу Адиль-Гирею 16 декабря 1722 г. РФ ДНИИИЯЛ, д. 1187, л. 204.

[488] Ших-Мурза служил царям Ивану Васильевичу (Грозному), Федору Ивановичу и Борису Федоровичу (Годунову). *Белокуров С. А.* Указ соч. С. 538.

[489] Архив АН РФ в Санкт-Петербурге, ф. 99, оп. 2, д. 9. С. 597 (или 55–586).

[490] *Белокуров С. А.* Указ, соч. Вып. 1. С. 63, 64.

[491] Ших-Мурза в той же челобитной сообщал: «А черкасы и Арыслан-бек со мною в недружбе; а для того оне со мною в недружбе, что яз тебе великому князю белому служу».

[492] *Белокуров С. А.* Указ. соч., Вып. 1. С. 103. Кто эти «посланники» видно из следующего сообщения у Белокурова: в 1587 г. «мимо Горские землицы – Ококи, Кумуки, Мичкизы, Индили, Шибуты» прошло посольство Русского государства в Грузию во главе с Родионом Биркиным и Петром Пивовым. *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 33.

[493] Там же. С. 558, 559. Следует заметить, что «окоцкие земли» – земли собственно чеченские, расположенные в горах, и от их обитателей источники XVI века отличали «городских окоченей». Там же. С. 4.

[494] Там же. С. 557.

[495] Там же.

[496] Терские воеводы князь Б. Туренин и князь С. Волковский сообщали в 1631 году, что «неписьменных людей на Тереке множится». А ныне де на Терке «иноземцев перед русскими людьми больше втрое. РФ ДНИИЯЛ, д. 2042, л. 994.

[497] *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 559.

[498] Там же. С. 559.

[499] В той же челобитной 1615 года окочене-чеченцы сообщали царю Михаилу Федоровичу: «Да мы же, приезжаючи в горские земличы с твоим государевым делом и ко плени с отпросом ездя, многим горским князем и мурзам и горным людем... бывших государей жалованье росказывали и тобою... и твоим царским величеством и милостью и жалованьем перед ними хвалимся и твое... имя и самодержство... Российского государства Московского царства пространство и величество и милость твою царскую славим; и сказывали, что ты... благоверен и милостив, а нас иноземцев жалуешь паче иных своих государевых людей и обиды нам, живучи под твоею царскою высокую рукою и изгони никакие ни от кого не бывает. И многие, горские всякие люди, слыша от нас про твою царскую милость и жалованье и про твое государево величество и пространство Московского государства, приходили из гор на житье в Терской город з женами и з детми; а в горах пометали домы свои и живот весь, надеючись на твою царскую милость и жалованье». *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 559.

[500] *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 555.

[501] *Белокуров С. Д.* Указ. соч. С. 112.

[502] Там же. С. 117, 118.

[503] РФ ДНИИЯЛ, д. 1170, л. 63.

[504] Утверждение, что чеченцев привел в подданство России еще в XVII в. кабардинский князь Муцал Сунчелеевич, призвавший их под «государеву высокую руку в вечное и неотступное холопство», неточно (*Крикунова Е. О., Павлова И. М.* К истории взаимоотношений между Кабардою и другими народами в XVII в. Документы //Ученые записки Кабардино-Балкарского госпединститута. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 79). Присоединение Чечни к России началось со второй половины XVI в. и никогда не было полным до 1859 г.

[505] В источниках за 1614 г. Батай-Мурза фигурирует «как государев изменник». См. *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 555. В другом документе сказано, что Батай-Мурза отъехал к кумыкскому князю Салатамамуту, который отдал ему «Окоцкие земли». Как эти земли

оказались подвластны Салтамамуту – неизвестно. РФ ДНИИИЯЛ, д. 2042, л. 964.

[506] Русский архив, 1913, т. 2. С. 152. Цит. по: РФ ДНИИИЯЛ, д. 1170, л. 59.

[507] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 411, № 248, СПб., 1841. Т. 3, 1613–1645 гг.

[508] *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 556, 557.

[509] Акты исторические... Т. 3, № 257. С. 424.

[510] РФ ДНИИИЯЛ, д. 1170, лл. 61–62 или *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 556, 557.

[511] *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 553, 554.

[512] *Максимов Евг.* Чеченцы // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3. С. 3.

[513] *Ригельман Александр.* История или повествование о донских казаках. М., 1846. С. 60. Ст. Разин с уважением отзывался о Григории Сунчалеевиче Черкасском, князе Кабарды. См.: *Пересветов Р.* По следам находок и утрат. М., 1963. С. 211–214.

[514] *Краснов Н.* Исторические очерки Дона // Русская речь. Ст. 1881. Кн. 3. С. 49.

[515] В чеченских преданиях говорится о двух победах над войсками калмыцких тайшей, одержанных в Ханкальском ущелье.

[516] Материалы по истории Башкирской АССР; М.; Л., 1936. Док. № 97. Ч. 5. С. 232, док. № 104. С. 241.

[517] *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. 1. Вып. 1. С. 27.

[518] *Романовский В. Е.* Очерки из истории Грузии. Тифлис, 1902. С. 187.

[519] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1. С. 121–123. В память об этой победе чеченцы построили в ущелье башню Хан-Кала и ущелье пересекли поперек рвом. Мы не располагаем первоисточником данного сообщения. См. также: *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 252, 253. В одной из крупных работ конца XIX века по завоеванию Кавказа, сказано, что «чеченцы, озлобленные на крымцев за их грабежи, завели одну колонну в ущелье и истребили ее». См.: Исторические очерки кавказских войн от их начала до присоединения Грузии/ Под редакцией генерал-майора Потто. Тифлис, 1899. С. 42. В более поздней работе, осуществленной под редакцией того же автора, дата события относится к 1732 г. «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. 3, ч. 1/ Под руководством начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Белявского И. П./ Под редакцией генерал-майора Потто. Тифлис, 1904. С. 81, 82. Гриценко датирует событие 1735 г., хотя и ссылается на сочинение Буткова П. Г. См. *Гриценко Н. П.* Указ. соч. С. 28. Здесь возможна определенная корректировка. Имеется сообщение о том, что в 1732 г. татарский хан султан Тертигирей, пройдя р. Терек, стал лагерем с армией у деревни Чеченей, где

нанес поражение войскам Гессен Гамбургского. См.: Записки о России генерала Манштейна. 1727–1744. СПб., 1875. С. 46.

[520] *Самойлов.* Заметки о Чечне // Пантеон. Т. 23. № 9. СПб. 1855. С. 76.

[521] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 30. С. 186.

[522] Там же. Т. 3. С. 594.

[523] Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. 7. С. 133, 134.

[524] *Ковалевский П. И.* Кавказ. История завоевания Кавказа. Петроград, 1915. Т. 2. С. 23.

[525] *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. 1. Вып. 1. С. 65.

[526] *Ковалевский П. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 32.

[527] Так, генерал Ермолов писал Александру I: «Внешней войны опасаться не можно. Внутренние беспокойства гораздо для нас опаснее. Горские народы, примером независимости своей, в самих подданных вашего величества порождают дух мятежной и любовь к независимости». Донесение Ермолова от 12 февраля 1819 г. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 1. С. 266.

[528] Достойно внимания, что в 1848 г. русские рядовые солдаты Кавказской армии в действиях против Шамиля осуждали распоряжения, напоминавшие «времена Ермолова, когда на горцев смотрели не как на воюющую сторону, а как на личных врагов». См.: К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10. С. 271, 272.

[529] Ладыженский А. М. заблуждался, полагая, что в XVIII и XIX в., все кавказские горцы становились постепенно оседлыми жителями. *Ладыженский А. М.* Адаты горцев Северного Кавказа, л. 134. Решительно никаких возможностей для кочевания в горах Кавказа не было.

[530] Знаменский П. И. ошибочно утверждал, что земледелие в Чечне не имеет длительной истории, что обусловлено было неверным пониманием материалов работы А. П. Берже. См. *Знаменский П. И.* Физико-экономический очерк Чеченской Автономной области. Грозный, 1929. С. 63.

[531] *Самойлов К.* Заметки о Чечне // Пантеон. СПб., 1855. Т. 23. Т. 9. С. 58–60.

[532] Там же. С. 45.

[533] *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 32.

[534] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 176.

[535] Рапорт командующего войсками Кавказской линии и Черногории генерал-адъютанта Граббе военному министру Чернышеву 17 июня 1841 г. ЦГА РД, ф. 133, оп. 4, д. 6, л. 24.

[536] *Розен Р. Ф.* Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX в. С. 282. К. Самойлов также говорит, что у чеченцев «главный посев составляет кукуру-

за». Указ. соч. Т. 23. № 9. С. 46. Норденштамм говорит, что чеченцы сеют «более кукурузы и проса». Материалы по истории Дагестана и Чечни. Первая половина XIX в. Т. 3. Ч. 1. С. 302.

[537] *Россикова А.* Путешествие по центральной части Горной Чечни. Записки КОИРГО Тифлис, 1896. Т. 8. С. 151.

[538] *Тимофеев С. Н.* Производство кукурузы на Кавказе // Кавказское хозяйство. Тифлис., 1911. № 15. С. 5.

[539] О Черкасской или Кабардинской земле. Географический месяцеслов на 1772 год. СПб., при Импер. Акад. Наук.

[540] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758 г., д. 2, л. 181 об.

[541] Состояние скотоводства на Кавказе. Отчет А. Д. Калантара // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1890. Т. 2. С. 29, 30.

[542] *Кальвейст Э.* Сельское хозяйство Верхней Сванетии и экономическое положение ее населения // Кавказское хозяйство. 1911. № 21. С. 4.

[543] *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 165.

[544] *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. *Трофимова А.* Рецензия // 1962. № 6. С. 184.

[545] *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгейских народов, М., 1967. С. 64.

[546] *Лаудаев У.* Чеченское племя. ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 22.

[547] Там же.

[548] Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 218.

[549] Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля (1834–1859). Выставка. Ответ. ред. проф. Закс Б. Я. М., 1941. С. 9.

[550] Под этим названием тяжелый плуг известен и у других народов. См. *Тимофеев С. Н.* Указ. соч. С. 5.

[551] Отдельные авторы утверждают, что кавказская соха (рало) требовала приложения силы 6–7 пар волов, однако такой сохи на Кавказе не было. См.: Экономическая история СССР. 2-е изд. М., 1967. С. 156.

[552] *Калантар А. А.* Указ. соч. С. 29.

[553] *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 149. Ф. Щербина отметил, что «не существовало ни одного такого вида хозяйственной деятельности, к которому не прилагал бы горец этой излюбленной формы взаимопомощи». *Щербина Ф.* Общественный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. СПб., 1886. Кн. 1. Отд. 2. С. 143.

[554] АВПР, ф. Кабардинские дела 1769–1777, д. 21, л. 237.

[555] Применение мотыги в земледелии у чеченцев, как и у других народов Кавказа, играло роль дополняющего фактора к пахоте ралом

и плугом. Поэтому авторы «Экономической истории СССР» глубоко неправы, когда заявляют о господстве на Кавказе мотыжного земледелия. С этим связано и другое их неточное утверждение о том, что якобы соха (рало) – пахотное орудие долин, а не гор. Экономическая история СССР. С. 156.

[556] *Чурсин Г. Ф.* Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. С. 175.

[557] *Гаджиева С. Ш., Осанов М. О, Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 21.

[558] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 303, 304.

[559] Там же. С. 303.

[560] Записка подполковника Услара об обороне Лезгинской кордонной линии от 7-го февраля 1855 г. АКАК, т. 11, № 857. С. 961.

[561] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 379.

[562] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 303.

[563] Там же. С. 302. Вопрос орошения в Чечне затронут также в книге Надеждина «Опыт географии Кавказского края». С. 16; в статье неизвестного автора. – *Н. Б.* Поездка начальника Терской области в Грозненский округ, опубликованной в газете «Терские ведомости», 1894, № 84 и др. Коснулся вопроса и майор Властов, который в своих «воспоминаниях кавказского фронтового офицера», опубликованных в 1856 году, оценивает оросительные каналы как необходимое средство при возделывании риса (чалтыка), который составляет одну из главных потребностей горца». Война в Большой Чечне // Русский инвалид. 1856. № 159. Однако другие источники не подтверждают утверждения автора о разведении в Чечне риса.

[564] Краткое описание об Азиатской теплице Святого Петра, Иже в Астраханском государстве есть и по милостивому указу его царского величества Петра Алексеевича Всероссийского державнейшего царя и монарха и проч. и проч. испытана и письменно унижено предложено от дохтора его царского величества от Готлоба Шобера 1718 году. РОБАН-II. I Б., № 69, л. 6.

[565] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 303.

[566] Там же.

[567] Там же.

[568] О Черкаской или Кабардинской земле. Географический месяцеслов на 1772.

[569] *Тимофеев С. Н.* Указ. соч. С. 5.

[570] Пантеон. 1855. Т. 23. № 10. С. 46.

[571] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 302.

[572] *Самойлов К.* Указ. соч. Пантеон. СПб, 1855. Т. 23. № 10. С. 46.

[573] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. 2. С. 176, 177.

[574] *Милютин Д. А.* Чечня. ОР РГБ, ф. 169, папка 81, д. 7, л. 29.

[575] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 380.

[576] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 304. Интересно сравнить с соответствующим местом в описании «Чечня» Д. А. Милютина.

[577] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 303.

[578] *Харузин Н. Н.* Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1883. Вып. 3. С. 132, 133.

[579] *Самойлов К.* Заметки о Чечне // Пантеон. Т. 23. № 10. СПб., 1855. С. 54.

[580] Там же.

[581] Дневник полковника Руновского. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 12. С. 1464.

[582] *Леонтович Ф. И.* Адаты Кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 84.

[583] Там же. С. 86.

[584] *Зубов Платон.* Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800-го по 1834 год. СПб., 1836. Т. 2. Ч. 3. С. 60.

[585] Там же. С. 277.

[586] *Волконский Н. А.* Война на Восточном Кавказе с 1824-го по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис, 1886, примечание к с. 34.

[587] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 46.

[588] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 376. Это произошло разновременно, начиная с начала XVIII века.

[589] Там же. С. 379.

[590] «Чечня – житница Дагестана» – это утверждение кочевало из произведения одного автора в другое. См. П. Д. Заметки о зимней экспедиции в Большую Чечню в 1852 году. Из записок подпоручика// Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 107 (автором является Дьяченко П.), см. Русский инвалид. 1855. № 54, 55; Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи, М., 1841. С. 118; О. К. Вести о Линии// Кавказ, 1855, № 16; *Ковалевский П. И.* Кавказ до присоединения Грузии. С. 202 и др.

[591] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 76. Пантеон. Т. 23. № 9. СПб., 1855. С. 76.

[592] *Рейнеггс Яков.* Историческое топографическое и физическое описание Кавказа. ОР РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, ОЛДП. Ф. 192, д. 27 об.

[593] Попутно укажем, что выставление тавра на лошадях, символизирующие их частную принадлежность, были заимствованы чеченцами, равно и ингушами, возможно, из феодальной Кабарды.

Харузин Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. С. 134.

[594] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 304.

[595] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 381.

[596] Там же. С. 379.

[597] Там же. С. 369.

[598] *Самойлов К.* Указ. соч. Т. 23. № 10. С. 46.

[599] РОБАН в Ленинграде, II, I. Б. № 69, л. 5–5 об.

[600] История, география и этнография Дагестана: Сб. док... С. 227. Сравн. С. Броневский. Указ. соч. Ч. 2. С. 176.

[601] РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 6211, л. 3 об.

[602] *Леонтович Ф. И.* Адаты Кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 84.

[603] *Майор Властов.* Война в Большой Чечне // Русский инвалид. 1856. № 159.

[604] *Самойлов К.* Указ. со́ч. С. 55.

[605] *Романовский.* Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 274 275.

[606] ОР РГБ, ф. 169, папка 81, д. 7, л. 29.

[607] Там же, л. 28 об.

[608] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 46.

[609] Мы допускаем некоторую натяжку, так как Самойлов далее утверждает, что «плоскостные чеченцы почти все имеют лошадей». Там же. С. 55.

[610] *Харузин Н.* По горам Северного Кавказа // Вестник Европы. Пб., 1888. Кн. 10. С. 513.

[611] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 46.

[612] *Станишевский В.* Путешествие по Чечне // Кавказ. 1873. № 54.

[613] *Харузин Н.* Заметки о юридическом быте ингушей и чеченцев. С. 133.

[614] АВПР, ф. Кабардинские дела. 1757, д. 8, л. 153 об., или д. 9, л. 60.

[615] Там же, д. 9, л. 4 об. или д. 8, л. 153 об.

[616] *Берже А.* Чечня и чеченцы. С. 82.

[617] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 304.

[618] Старшины аула Большой Чечен и примыкающих сел.

[619] АВПР, ф. Кабардинские дела. 1764–1767, д. 5, л. 13–13 об.

[620] Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академию наук. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824. Т. 6. С. 63.

[621] Там же. С. 61.

[622] Покос в Чечне измерялся работой одного косаря в день. Средняя площадь единицы покоса равнялась около 800 кв. сажен.

С этой площади скашивалось от 5 до 15 пудов сена. Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской обл. С. 218.

[623] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 381.

[624] *Калантар А. А.* Указ. соч. С. 9.

[625] Иногда указывают убыточный вес от 3 до 6 пудов. *Калантар А. А.* Указ. соч. С. 9.

[626] ЦГА РД, ф. 147, оп. 1, д. 7, л. 213–214.

[627] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 304.

[628] *Фадеев А. В.* Из истории русско-чеченских связей // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. Вып. 1. 1959. С. 223, 227; *его же.* О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1960. Т. 2. Вып. 1. С. 17. Калантар А. А. еще в 1890 г. пришел к выводу о том, что казаки-первопоселенцы по левому берегу Терека «в продолжение долгого соседства с ногайцами и чеченцами переняли частью их скотоводственную культуру». См. *Калантар А. А.* Указ. соч. С. 192.

[629] ЦГА РД, ф. 147, оп. 1, д. 7, л. 213. В учебнике для вузов по истории СССР за 1959 г. допущена неточность, когда утверждается, что у горцев Кавказа скотоводство на горных пастбищах преобладало над земледелием. Ведь на пастбищах ведением земледелия не занимаются. См.: История СССР. 1861–1917. Период капитализма, М., 1959. С. 202.

[630] Материалы по истории Чечни и Дагестана. Т. 3. Ч. 1. С. 304.

[631] К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 году // Кавказский сборник. Тифлис. 1887. Т. 11. С. 383–385.

[632] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 54.

[633] Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 1. С. 305.

[634] Там же. С. 318.

[635] Там же. С. 364.

[636] Там же. С. 369.

[637] *Волконский Н. А.* Война на Восточном Кавказе с 1824-го по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 206.

[638] *Бриммер Э. В.* Служба артиллерийского офицера // Кавказский сборник. Тифлис. 1894. Т. 15. С. 197.

[639] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 46.

[640] Там же. С. 47.

[641] *Дубровин К.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 381.

[612] *Розен Р. Ф.* Описание Чечни. 1803 г. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 235.

[643] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 47.

[644] *Броневский С.* Указ. соч. С. 176. Передаваемое Н. Дубровиным сообщение, что «виноград в Чечне растет только в диком состоянии». *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 379. Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 379, оказывается ошибочным.

[645] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 303.

[646] Там же.

[647] Там же. С. 304.

[648] Это неверное утверждение приведено также без ссылок. *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 379.

[649] *Самойлов К.* Указ. соч. Т. 23. № 10. С. 47.

[650] *Штелин Я.* О черкасской или Кабардинской земле. Географический месяцеслов на 1772 год. СПб., при Импер. Акад. Наук.

[651] *Рейнеггс Яков.* Историческое топографическое и физическое описание Кавказа ОР РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ОЛДП. F. 192, л. 25 об.

[652] Журнал путешествия по земле донских казаков к Кавказу и в Астрахань, Г. Ст. // Северный архив. 1824. № 23, 24. С. 261.

[653] *Розен Р. Ф.* Описание Чечни и Дагестана. С. 284.

[654] Там же. С. 285.

[655] Замечания на меморию подполковника Бюрно. Сделаны собственноручно генералом Вельяминовым // Кавказский сборник. Тифлис. 1883. Т. 7. С. 60.

[656] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 47.

[657] Дневник полковника Руновского 1860 г. АКАК, т. 12, с. 1401 или РГВИА, ф. ВУА, д. 1293, ч. 1, л. 432.

[658] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Первая половина XIX века. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 304.

[659] *Розен Р. Ф.* Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. С. 284, 285. См. *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 280.

[660] ОР РГБ, ф. 169, папка 81, д. 7, л. 13.

[661] Экономическая действительность Чечни указывает на ошибочность попытки И. В. Сталина рассматривать чеченцев, а с ними и ингушей, осетин и ряд других народов как «по преимуществу скотоводческие племена, где родовой быт еще жив и которые еще не перешли к земледельческому хозяйству». См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 5. С. 47.

[662] Предположение ген. Граббе к покорению племен, обитающих на левом фланге Кавказской линии, составлено в 1840 году. АКАК, т. 9, док. № 377. С. 429.

[663] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 3. С. 328.

[664] Там же.

[665] Там же. С. 328, 329.

[666] *Лядов В. И.* Кавказ в физическом и этнографическом отношениях // Рассвет. СПб., 1859. Т. 4. № 9–12. С. 443.

[667] *Пиралов А. С.* Открытие кавказского кустарного комитета // Кавказское сельское хозяйство. Тифлис, 1900. № 314. С. 19.

[668] *Розен Р. Ф.* Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. С. 285. Клингер И. А. говорит о чеченских суконах, как «грубых», но общая оценка чеченских сукон, разнообразных в различных обществах, неверна, хотя грубые сукна, конечно, имели место. Нечто о Чечне// Кавказ. 1856. № 101.

[669] Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. 1. С. 213.

[670] О.К. Вести с Линии // Кавказ. 1856. № 101.

[671] *Берже А.* Чечня и чеченцы. С. 88.

[672] Там же. С. 88.

[673] РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 193, л. 47 об.

[674] История, география и этнография Дагестана: Сб. док. С. 2.

[675] ОР РГБ, ф. 169, папка 81 д. 7, л. 31 об. Можно ли после этого принимать на веру утверждение Самойлова, что в Чечне «во многих семействах женщины выделывают бурки и сукна самого низкого достоинства из верблюжьей шерсти». Указ. соч. С. 47. Где было взяться верблюжьей шерсти в таком изобилии, когда верблюдов в Чечне не было, и куда шла овечья шерсть?

[676] РФ ДНИИИЯЛ, д. 1170, л. 75 или Архив АН РФ в Санкт-Петербурге, ф. 99, оп. 2, д. 8. С. 563.

[677] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 318; *Берже А. П.* Чечня и чеченцы. С. 89.

[678] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 60.

[679] *Семенов Н.* Из недавнего прошлого. С. 24.

[680] *Милютин Д. А.* Чечня. Л. 31 об.

[681] ОР РГБ, ф. 169, папка 81, д. 7, л. 39.

[682] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 47.

[633] Там же.

[684] Майор Властов. Война в Большой Чечне // Русский инвалид. 1856. № 160.

[685] *Ипполитов А. П.* Указ. соч. С. 32.

[686] *Норденштамм.* Указ. соч. С. 325; см. также *Самойлов К.* Указ. соч. Т. 23. С. 42; *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. 1. С. 125.

[687] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 47.

[688] Там же.

[689] Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. 1. С. 213.

[690] *Норденштамм.* Указ. соч. С. 325.

[691] Там же. С. 324; или *Милютин Д. А.* Чечня. Л. 39.

[692] *Милютин Д. А.* Чечня. Л. 38 об.

[693] Следует иметь в виду, что сабли имели люди состоятельные, остальные носили длинные кинжалы. *Самойлов К.* Указ. соч. С. 54.

[694] Вер-пов (Вертепов) Г. Общинные кузнецы в Чечне // Ежегодник Кавказского горного общества в гор. Пятигорске. № 2. 1904, 1905, 1906 и 1907 г. Пятигорск, 1908. С. 77–80 или Терские ведомости. 1898. № 137.

[695] *Гриценко Н. П.* Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1962. С. 13.

[696] Там же.

[697] *Бутков П. Г.* Известие о бывшем в Кавказских горах Лжепророке Мансуре. 1806 г. Архив АН РФ в г. Санкт-Петербурге, ф. 99, оп. 2, д. 37. С. 242.

[698] *Клингер Ив.* Нечто о Чечне // Кавказ. 1856. № 101.

[699] *Харузин Н.* По горам Северного Кавказа // Вестник Европы. СПб., 1888. Кн. 10. С. 505.

[700] *Россикова А.* Указ. соч. С. 299. Сравн. Волконский Н. 1858 год в Чечне // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. 3. С. 586.

[701] *Марковин В. И.* В стране вайнахов. М., 1969. С. 86.

[702] *Россикова А.* Указ. соч. С. 287.

[703] *Марковин В. М.* Указ. соч. С. 102.

[704] См.: *Ахриев Чах.* Экономический и домашний быт жителей Терского участка Ингушевского округа. ССКГ, Вып. 3. С. 14; *Чурсин Г. Ф.* Азербайджанские курды. Этнографические заметки// Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. 1925. Т. 3. С. 3; *его же.* Этнография Кавказа (современное состояние и задачи) // Новый Восток. М., 1926. № 15. С. 209; *Жакомихов Т. А.* Некоторые черты феодализма в Кабарде // Ученые записки кафедр общественных наук КБГУ. Нальчик, 1959. Вып. 5. С. 202.

[705] *Жорес Ж. и Лафарг П.* Идеализм и материализм в понимании истории. Две речи. Одесса, 1905. С. 209. Адам Мец находит взгляд на торговлю свысока у воинственных народов. См.: *Мец Адам.* Мусульманский Ренессанс. М., 1973. С. 374.

[706] *Тройно Ф. П.* Экономическое и культурное развитие горских народов Северного Кавказа в составе России. Вторая половина XIX века. Кандидатская диссертация. Ставрополь, 1966. Л. 193.

[707] Эти утверждения не оставались безответны. Так, известный грузинский поэт А. Чавчавадзе (тесть А. С. Грибоедова) в 1831 году в записке Николаю I писал: «Леность, приписываемую вообще всем жителям юга, нельзя относить к классу кавказских землевладельцев. Недостаток их состоит не в отсутствии трудолюбия, но в том, что они не сведущи в выборе выгодных работ и в образе их производства, а еще более в способе сбывать свои произведения». *Чавчавадзе А. Г.* Краткий исторический очерк положения Грузии 1801–1831 гг. Тифлис, 1902. С. 24, 25. Об отношении к труду в дофеодальном обществе см. *Жорес Ж. и Лафарг П.* Указ. соч. С. 30, 31.

[708] *Броневский С.* Указ. соч. Т. 1. С. 174.

[709] *Милютин Д. А.* Чечня, ОР РГБ, ф. 169, папка 81, д. 7, л. 31.

[710] *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 379.

[711] *Чернышевский Н. Г.* Литературное наследие. Т. 3. С. 227.

[712] *Гамба.* Путешествие по южной России и, особенно, по областям, расположенным по ту сторону Кавказа с 1820-го по 1824 г.// Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 205, 206.

[713] Краткий отчет о положении дел в Чечне и Северном Дагестане, составленный штабс-капитаном бароном Вревским. 1840 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1912. Т. 32. Ч. 1. С. 396.

[714] *Майор Властов.* Война в Большой Чечне // Русский инвалид. 1856. № 166.

[715] Поездка в Грузию. Дорога до Владикавказа // Московский телеграф. Ч. 52. № 15. С. 338. Сравн.: Мнение адмирала Мордвинова о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно Кавказских жителей // Чтение ОИДР. М., 1858. Кн. 4. Смесь. С. 108–112.

[715] А.В. Надежды на будущую торговлю Кавказского края // Вестник промышленности. М., 1859. Т. 4. № 11. С. 167, 168.

[717] Там же. С. 290, 291.

[718] *Гамрекели В. Н.* Торговые связи восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968; Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. /Сост. Гамрекели В. Н. Тбилиси, 1968; *Кумыков Т. Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962; *Покровский М. В.* Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957; *Фадеев А. В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; *Феодаева Ф.* К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во второй половине XVIII в. // Ученые записки Дагестанского института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Махачкала, 1965. Т. 14.; *Чекменев С. А.* Из истории меновой торговли с горскими народами на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы. Ставрополь, 1970. Вып. 4.

[719] Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. 1860–1940. Известия ЧИНИИИЯЛ. История. Грозный, 1964. Т. 4. Вып. 1. С. 136. Следует сравнить с мнением А. В. Фадеева, о том, что Предкавказье стало вовлекаться в систему всероссийского рынка на рубеже XVIII и XIX вв. *А. В. Фадеев.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. С. 195.

[720] Архив АН РФ в Санкт-Петербурге, ф. 99, оп. 2, д. 8. С. 595.

[721] Там же. С. 563.

[722] Некоторые авторы ошибочно считали, что Кизляр положил основание торговым связям России с горцами Кавказа. РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 763, л. 10.

[723] РГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 41 (№ дела нет), л. 63–65.

[724] Там же. В 1740 г. этим заставам были приданы расширенные таможенные функции, в виде обязанностей взимания пошлины. Вопрос о времени введения таможенных сборов остается спорным. В 1678 году при царе Федоре Алексеевиче дана была грамота сыну Муцалову князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому, в которой, между прочим, сказано, что за службу его дается ему по смерть право пользования собираемыми на Тереке таможенными доходами (Архив востоковедов. СПб. Отд., ИНА АН РФ, Р. II, оп. 2, д. 1, л. 107–107 об.). Если пошлины взимались в 1678 году, а в 1740 году понадобилось вводить их занаово, то, видимо, где-то был перерыв.

[725] АВПР, ф. Кабардинские дела 1756–1757 гг., д. 9, л. 3.

[726] «Усматривается вся незначительность в 1751 году торговых сношений Кизляра с Персией и горцами, откуда... привезены... товары; но постепенное развитие торговли в следующем затем году превзошло предыдущий почти в девятнадцать раз; в 1753 – слишком в двадцать восемь с половиной, но в 1754 году сделалось значительно в тридцать два раза, достигнув уже в столь короткое время до весьма значительной цифры», *Аг-д А-р-в.* Исторические материалы, ст. 2. О Кизлярской торговле отпускными и привозными товарами с 1751-го по 1755 гг. и о провозе за границу серебряной монеты в 1767–1768 гг.// Ставропольские губернские ведомости. 1853. № 30.

[727] *Скитский Б. В.* К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия ЧИНИИИЯЛ. История. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 1. С. 178.

[728] Там же.

[729] Посатовать, сатовать – заниматься меною или продажею вещей // Исторический вестник. Т. 94. СПб., 1903. Окт. № 10. С. 95.

[730] АВПР, ф. Кабардинские дела 1756–1757 гг., д. 9, л. 39–39 об.; см. там же, л. 3. В доношении Кизлярской пограничной таможни в Государственную Коммерц-коллегию, полученном в последней 17 марта 1757 года, уже упоминается Червленская таможенная застава. РГАДА, ф, 276, оп. 2, д, 113, л. 2.

[731] АВПР, ф. Кабардинские дела 1756–1757 гг., д. 8; л. 208 или РГАДА, ф. 23, оп. 1, д. 567, л. 1, и л. 5.

[732] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. 1. С. 266.

[733] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1762, д. 1, л. 10.

[734] Там же, 1758, д. 2.

[735] Там же, л. 301.

[736] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1759–1764, д. 4, л. 7 об.

[737] РГВИА, ф, 482, оп. 1, д. 1, л. 220 об.

[738] Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. 235, оп. 1, д. 1, л. 4 об.

[739] Ф. Феодаева допускает неточность, полагая, что контора «Персидского торга компания», открытая в 1760 году в Кизляре,

непосредственно ведала торговлей с горцами. См. *Фсодаева Ф.* Указ. соч. С. 159.

[740] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1759–1764 гг. д. 4, л. 43–43 об.

[741] РГАДА, ф. 23, оп. 1, д. 15, ч. 18/21, л. 143.

[742] РГАДА, ф. 23, оп. 1, д. 18, ч. 21, л. 133–137. В 1793 и 1794 гг. кавказская и астраханская администрация вновь ставят вопрос об учреждении таможенной заставы в Моздоке. См.: РГАДА, ф. 276; оп. 1, д. 575, л. 16 об.

[743] Записка о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные. 1804 г. РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 142, л. 7.

[744] РГВИА, ф. 1083, оп. 6, д. 218, л. 4 об.

[745] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 19, 1770–1774–1830. № 13602. С. 267, 268.

[746] РГВИА, ф. 13, оп. 107, св. 71 (№ дела нет), л. 14 об.

[747] Там же, л. 15.

[748] Архив востоковедов СПб. Отд. ИНА АН РФ, ф. Р. II, оп. 2, д. 1, л. 216 об.

[749] РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 2, л. 84–84 об.

[750] Там же.

[751] Пункты, на которых чеченский народ обязывается быть в верноподданстве Всероссийской империи. РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 2, л. 88, или АКАК, т. 3, № 1148, с. 670 или АКАК, т. 3, № 1157, с. 674.

[752] Отношение гр. Гудовича к гр. Румянцеву от 15 декабря 1807 года. АКАК, т. 3, № 1158, с. 675.

[753] *Князь Тенишев.* Замечание. Об ущербе казенного дохода по части таможенной в Астраханской и Кавказской губерниях. 1803 год. РГАДА, ф. 3, оп. 1, д. 581, л. 5.

[754] *Кизеветтер А.* Из истории внутренних таможен в России// Сб. статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова. Казань, 1912–1913. С. 112.

[755] Отношение гр. Нессельроде к гр. Паскевичу от 8 апреля 1830 года. АКАК, т. 7, № 860, с. 891.

[756] АКАК, т. 4, № 1138, с. 877, или док. 1428, с. 925, 926 или РГВИА, ф. 134, оп. 203--6, св. 4, д. 492, л. 2.

[757] РГВИА, ф. 134, оп. 203об, св. 4, д. 492, л. 3.

[758] АКАК, т. 7, док. № 860, с. 891.

[759] Прокламации генерала Ермолова к чеченцам. 1826 год. Приложение к статье. Война на Восточном Кавказе с 1824-го по 1834 гг.// Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10. С. 224.

[760] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 56.

[761] *Бакрадзе Г.* Возникновение и развитие капиталистической промышленности в Грузии в XIX в. Тбилиси, 1958. С. 12.

[762] РФ ДНИИЯЛ, д. 1226, л. 16. Неизвестный автор писал в 1859 г., что с 1807 г. отменены были окончательно внутренние сборы; с товаров азиатской выделки установлена облегчительная

5 % пошлина; в Кизляре и Моздоке таможни были устранены. А. В. Надежды на будущую торговлю Кавказского края // Вестник промышленности. М., 1859. Т. 4. № 2. Отд. 4. С. 167. Но, видимо, это ошибочное сведение, так как пошлины в указанных пунктах позднее взимались.

[763] Сел. Кульп расположено было в Армении, присоединенной к России в 1826–1828 гг. См.: *Орест Е.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. С. 66, 67.

[764] РГИА, ф. 1268, оп. 2, д. 484, л. 4–4 об.

[765] Рапорт капитана Ковалевского генерал-майору Вольховскому от 4 февраля 1834 г. АКАК, т. 4, ч. 1, с. 102.

[766] Отношение военного министра Барклая-де-Толли к маркизу Палуччи, от 14 июля 1811 г. В нем – Выписка из замечаний К. В. Стевена, сделанных в путешествии во вновь приобретенные кавказские области. АКАК, т. 5, № 61, с. 37.

[767] АКАК, т. 4, № 1392, с. 905.

[768] АКАК, т. 4, № 118, с. 97. В 1812 году, по сведениям Буцковского, соляные ключи Датыг составляли собственность старшины деревни Даттых, так как находились на его (старшины) землях. РГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 300, л. 67 об.

[769] *Дубровин Н.* Три года из истории войны и владычества русских на Кавказе (1806, 1807, 1808) // Военный сборник. Т. 105. № 9. С. 29, 30.

[770] Прошение Моздокского поселенного казачьего полка старшин и казаков ген. Ртищеву от 4 февраля 1811 г. АКАК, т. 7, № 1972. с. 843–845.

[771] ЦГА РСО–А., ф. 290, оп. 1. д. 95, л. 2. Копия с рапорта наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска временно командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории от 24 декабря 1824 года.

[772] Щеки находились в Щекинской провинции Елисаветпольской области.

[773] Рапорт директора Астраханской портовой таможни от 25 июня 1809 г. АКАК, т. 7, № 95, с. 82.

[774] Там же.

[775] *Вердеревский Е. А.* Кавказские пленницы или плен у Шамиля. М., 1857. С. 431.

[776] РГВИА, ф. 1083, оп. 6, д. 283, л. 42 об.

[777] Мнение об учреждении на Кавказской линии с горскими народами меновых торгов. Из архивного дела за 1811 год. АКАК, т. 5, № 974, с. 848.

[778] РГАДА, ф. 276, оп. 2, д. 110, л. 14.

[779] *Бриммен Э. В.* Служба артиллерийского офицера, воспитывающегося в 1-м кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник. 1894. Т. 15. С. 198.

[780] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1832. Ч. 2. С. 138.

[781] АКАК, т. 4, № 1263, с. 834. Генерал-майор Ушаков 3-й в рапорте от 2 апреля 1807 года за № 79 Командующему на Кавказской линии Булгакову писал о приезжающих к чеченцам «в деревни с разными товарами армянах (а они выступали купцами. – *Ф.Т.*) которые ... не занимались порядочным позволенным торгом товары на товары, но по большей части производят ремесло перекупщиков съестных припасов и их жизненному продовольствию произрастаний». РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 2, л. 85 об.

[782] Рапорт генерал-майора Дельпоццо ген. Тормасову от 19 января 1811 г. АКАК, т. 4, № 1263, с. 835.

[783] *Норденштамм И. И.* Описание Чечни... 1834. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 318. Сравн. *Берже А.* Чечня и чеченцы. С. 88 и *Милютин Д. А* Чечня. Л. 29 об.

[784] РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 575, л. 41 об.

[785] Там же, л. 24.

[786] См. Архив АН РФ в Санкт-Петербурге, ф. 99, оп. 2, д. 57, с. 242.

[787] *Семенов З. А.* Изучение исторических сведений о Российской внешней торговли и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 1. С. 252. Возможно, что железо, олово, медь (кроме военных снарядов), а также хлеб было разрешено продавать соседним с Кизляром и Астраханью народам еще указом Сената в 1798 году. См. *Феодаева Ф.* Указ. соч. С. 171.

[788] Архив АН РФ в Санкт-Петербурге, ф. 99. оп. 2, д. 37, с. 100. Описание городов, крепостей и всех селений, заведенных на Кавказской линии, января 16-го дня 1792 года // Кавказский сборник. Тифлис, 1897. Т. 18. С. 476.

[789] РГВИА, колл. 414, оп. 1, д. 300, л. 62; РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 193, л. 34.

[790] ОР РГБ, ф. 169, папка 81, д. 7, л. 30.

[791] «Ежегодно» – так у Милютина (Указ. соч. л. 30 об.), и это верно; у Норденштамма – «ежедневно, что абсурдно». Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. С. 318.

[792] *Норденштамм.* Указ. соч. С. 318. Ср. *Милютин Д. А.* Чечня. Л. 30 об. У А. Берже ошибочно указано 2500 рублей. См. «Чечня и чеченцы». С. 89.

[793] В 1837 году в Кизляре было около двух тысяч садов. РГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 29, л. 1, простиравшихся за городом на 15верст. Там же, д. 27, л. 15.

[794] *Милютин Д. А.* Чечня. Л. 30 об.

[795] *Норденштамм.* Указ. соч. С. 318. Ср. *Берже А.* Указ. соч. // КК на 1860 г. С. 89; *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 382.

[796] *Огранович И.* Поездка в Ичкерию // Кавказ. 1866. № 22.

[797] *Самарин Н.* Дорожные заметки. От Пятигорска до Наура. Наур // Северная пчела. 1862. № 134.

[798] Предписание командующему на Кавказской линии генерал-майору Сталю 2-му от генерала Ермолова за № 1, 24 января 1819 года. РГВИА, ф. ВУА, д. 6211, л. 4–4 об.

[799] *Милютин Д. А.* Чечня. Л. 30 об.

[800] РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 5241, л. 13 об. или Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. Док. 88. С. 197.

[801] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 48.

[802] *Бутков П. Г.* Известие о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре. Архив АН РФ в Санкт-Петербурге, ф. 96, оп. 2, д. 37, с. 242.

[803] Предположение ген. Граббе к покорению племен, обитавших на Левом фланге Кавказской линии. 1840 г. АКАК, т. 2, № 377, с. 430. *Норденштамм.* Указ. соч. С. 317, 318. Сравн. *Д. Милютин.* Чечня. Л. 29–30 об.; *Берже А.* Указ. соч. // КК на 1860. С. 88; *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 380.

[804] Армяне несколькими партиями переселялись в XVIII веке на Северный Кавказ. В 1798 году 11 000 семейств карабахских армян приняли подданство России и переселились из Персии на Кавказскую линию, основав недалеко от Кизляра три селения: Дербентское, Карабаглинское (Каражалинское) и Малахалинское. *Пономарев Ф.* Материалы для истории Терского казачьего войска с 1559-го по 1880 год // Военный сборник. 1880. № 12. С. 340, 341.

[805] РГВИА, ф. 1083, оп. 6, д. 370, л. 81. Об окоцах из Чечни упоминает Ф. Феодаева. *Феодаева Ф.* Указ. соч. С. 162.

[806] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 4.

[807] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 382.

[808] РФ ДНИИИЯЛ, д. 1261, л. 24.

[809] *Волконский Н. А.* Война на восточном Кавказе с 1824-го по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10. Примеч. к с. 34.

[810] Цитировано по: *Потто В.* История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича полка. СПб., 1894. Т. 4. С. 116.

[811] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 318. Ср. *Милютин.* Чечня. Л. 29 об.; *Швецов В.* Очерк о кавказских горских племенах. М., 1856. С. 6.

[812] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 65.

[813] «К 40-м гг. XIX в. число лиц, ежегодно переходящих через Кизлярский карантин, доходило до 23–25 тыс. человек, из них до 15 тыс. торгующих горцев и до 10 тыс. разных промышленников». *Уданец А. А.* Кизлярский частный карантин // Журнал Министерства Внутренних дел. СПб., 1847. Ч. 18. С. 79, 80.

[814] ЦГА РД, ф. 276, оп. 2, д. 113, л. 3 об.

[815] Е. Н. Кушева полагает, что «тезики» – это «восточные преимущественно среднеазиатские и иранские купцы в первоначальном значении – таджики». *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 41. Ф. Феодаева уточняет, что во второй половине XVIII века тезиками называли также купцов из кавказских народностей. *Феодаева Ф.* К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во второй половине XVIII в. С. 153.

[816] РГАДА, ф. 276, оп. 2, д. 110, л. 15 об.

[817] РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 528, л. 4–4 об.

[818] *Д-в. И.* Очерки Пятигорска и его окрестностей. Ярмарка// Кавказ. 1848. № 20.

[819] Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии. СПб., 1809. С. 447. Цит. по: *Фадеев А. В.* Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореволюционный период // История СССР. 1957. № 1. С. 156.

[820] Санкт-Петербург. 28 апреля 1864 года // Голос. 1864. 29 апр. № 117.

[821] *Фадеев А. В.* История СССР. 1957. № 1. С. 156.

[822] *Головинский П. И.* Чеченцы // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 244

[823] *Клингер Ив.* Нечто о Чечне // Кавказ. 1856. № 101; Ср. *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 372, 383. Данные по метрологии мусульман содержатся в исследованиях: *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему; *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.

[824] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1768, д. 2, л. 1 об.

[825] В 30-х годах XIX века в Закавказье были введены российские деньги.

Самойлов К. Указ. соч. С. 50; *Дубровин Н.*: 10 рублей – тюмен, один рубль – сом, 5 копеек – шаги. *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 382, 383; См. также: Шамиль и Чечня // Военный сборник. СПб., 1859. Т. 9. С. 163.

[826] *Бакрадзе Г. К.* Возникновение и развитие капиталистической промышленности в Грузии в XIX веке. С. 13.

[827] Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле вовремя пребывания его в гор. Калуге с 1859-го по 1862 год. АКАК, т. 12, с. 1415.

[828] К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10. С. 442.

[829] *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России XIX века. М., 1923. С. 200, 201.

[830] Там же. В. П. Погожев полагал, что «политику мирного звоевания Кавказа» проводила еще Екатерина II. См. *Погожев В. П.* За завесой тумана // Кавказские очерки. СПб., 1911. С. 267. Г. К. Бакрадзе высказал мнение о том, что русская промышлен-

ность вообще, а текстильная в особенности, в 40-х годах XIX века овладела рынком внутренней России и начала «практически завоевывать кавказский рынок». См. *Бакрадзе Г. К.* Указ. соч. С. 14; Т. 10. Кумыков относит начало экономического «завоевания» Северного Кавказа Россией к периоду формирования всероссийского рынка. *Кумыков Т. Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962. С. 3, 6. Однако он считает, что до конца XVIII века торговые связи России с горцами Кавказа носили эпизодический характер. *Там же.* С. 173. Но при такой степени развития торговых связей России с народами Северного Кавказа, одного из показателей процесса экономического «завоевания», нельзя ставить вопрос о начале этого явления. Некоторые авторы относят начало экономического «завоевания» Северного Кавказа русским капитализмом к 70-м годам XIX века. См. Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1973. С. 12.

[831] *Огранович И.* Поездка в Ичкерию // Кавказ. 1866. № 23.

[832] *Пятий.* Русский язык в Кавказской школе //Кавказская школа. 1914. № 7. С. 34.

[833] РГИА, ф. 1149, оп. 10, д. 112, л. 53.

[834] *Фадеев А. В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 221. О сбыте на Кавказ «по преимуществу залежалого товара» см. также: *Миллер П.* Русская транзитная торговля в XIX столетии // Русское экономическое обозрение. СПб., 1903. № 5. С. 109.

[835] *Скитский Б. В.* Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северокавказского педагогического института имени Гадиева. Орджоникидзе, 1932. Т. 9. С. 104.

[836] Ф. Энгельс писал: Как мало до сих пор понимали эту сущность рода (родовую экзогамию. – *Ф. Т.*), показывают прежние сообщения о дикарях и варварах, где различные объединения, образующие составные элементы родового строя, без понимания и без разбора смешиваются в одну кучу под названиями: племя, клан, тум и т. д., причем нередко о них говорится, что, внутри такого объединения брак воспрещается. Это и создало безнадежную путаницу. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 88.

[837] См. *Ковалевский М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб., 1911. Вып. 1. С. 268; *Мамакаев М.* Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962. С. 10.

[838] *Мамакаев М.* Указ. соч. С. 10.

[839] *Броневекий С.* Указ. соч. Ч. 2. С. 157, 158.

[840] *Кох К.* Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1836, 1837 и 1838 гг. Штутгарт, 1843. С. 493 (немец. яз.).

[841] *Лядов В.* Кавказ в физическом и этнографическом отношениях// Рассвет. СПб., 1859. Т. 4. № 9–12. С. 443.

[842] Оценки родовым отношениям у чеченцев, данные М. Ковалевским в 1883 г., надуманы и ошибочны. См. *Ковалевский М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа// Русская мысль. М., 1883. Кн. 12. С. 140.

[843] *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 19.

[844] *Даринский А. И.* Семья у кавказских горцев // Записки Общества истории, филологии и права при Императорском Варшавском университете. Варшава, 1903. Вып. 2. С. 135.

[845] *Ковалевский М.* Родовой быт. СПб., 1911. С. 274.

[846] *Мамакаев М.* Указ. соч. С. 42, 43.

[847] *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа// ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. Отд. 3. С. 6.

[848] *Верлин Л.* Медицинская топография Ичкерийского округа Терской области // Медицинский сборник, издаваемый Кавказским медицинским обществом. Тифлис, 1870. № 10.

[849] *Кавказов Х.* Культурная экспедиция в Чечню //Советский Северный Кавказ. 1930. № 10, 11. С. 63.

[850] БСЭ. М., 1958. Т. 51. С. 308.

[851] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 92.

[852] *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССКГ. Вып. 6. С. 15.

[853] Там же.

[854] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 307.

[855] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 2. Сравн. *Волконский Н. А.* Война на Восточном Кавказе с 1824-го по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10. С. 37; *Берже А.* Чечня и чеченцы. КК на 1860. С. 126; *Лилов А.* Очерк быта кавказских горцев// СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. Отд. 1. С. 14.

[856] *Головинский П. И.* Чечня и чеченцы // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 243. С ним солидарен и Дз. Гатуев. См. *Зелим-хан.* Ростов н/Д, 1926. С. 8. Приводимая Головинским цифра менее других достоверна, т. к. А. Берже еще в 1859 г. указал число тайп, ведущих начало от одного Нахчууо, цифрой 66. См. КК на 1860. Тифлис, 1859. С. 126.

[857] *Кавказов Х.* Указ, соч. С. 63.

[858] *Калоев Б. А.* Поездка в Чечено-Ингушскую АССР // Советская этнография. 1958. № 4. С. 31.

[859] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 91.

[860] *Иваненков Н. С.* Горные чеченцы // Терский сборник. Владикавказ, 1910. Вып. 7. С. 9, 10.

[861] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 10.

[862] *Иваненков Н. С.* Указ. соч. С. 9.

[863] Перед нами классификационная система родства, пережиточно удержанная со времен распространения групповых браков.

Пережиточная потому, что существует уже и описательная система родства..

[864] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 2.

[865] У. Лаудаев писал по этому поводу: «Когда члены фамилий умножались так, что трудно было проживать на прародительской земле, то они отыскивали себе другие места, а потому стали разъединяться и становились незнакомы один другому». *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 15.

[866] Там же. С. 10.

[867] В XVIII – первой половине XIX в., а может быть и ранее, стремление родовой верхушки к возвышению породило тенденцию к изысканию легендарных предков – выходцев из соседних народов, а чаще отдаленных государств. Легенды давали представителям тайповой верхушки возможность гордиться своим древним происхождением. Так, Ахши-патой считала себя происхождения фиренческого, т. е. европейского, многие фамилии считали, что они греческого происхождения. *Ипполитов А. П.* Указ. соч. С. 5, 6.

[868] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 10, 11.

[869] Тушинского происхождения считала себя тайпа Келой. *Ипполитов А. П.* Указ. соч. С. 5, 6.

[870] Ошибочность утверждения А. Берже о том, что в Чечне нет фамилий, ведущих происхождение из Тушетии, Кистетии или Галгая (Ингушетии), становится очевидной, если посмотреть Кавказский календарь на 1858 г. С. 298.

[871] *Калоев Б.* Поездка в Чечено-Ингушскую АССР. Лето 1957 г.// Советская этнография. 1958. № 4. С. 130. Автор относит образование указанных тайпов ко времени Кавказской войны, что неубедительно.

[872] *Ипполитов А. П.* Указ. соч. С. 3. Автор оценивает предание как «правдоподобную гипотезу, особенно если мы припомним, что, начиная со времен удельной системы в древней Руси, Кавказ всегда служил приманкой не только для русской вольницы и авантюристов, живших на окраинах государства, но и целые дружины, отправляясь в этот край, не возвращались более назад... в Чаберлое, в некоторых фамилиях... можно отличать еще славянский тип», с. 3, 4. Существование этого предания отмечено у *Дубровина Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 337 и в «Хронике чеченского восстания 1877 года» // Терский сборник на 1891 г. Владикавказ, 1890. Вып. 1. С. 8. Н. Семенов в 1881 г. сообщал: «В сохранившемся у меня письме ко мне покойного А. П. Ипполитова... приводится целый ряд весьма веских доказательств в пользу славянского или русского происхождения чаберлоевцев». Но содержание доводов письма Н. Семеновым не приведено. Семенов Н. Очерк Чечни и чеченского народа // Терские ведомости. 1881. № 135.

У. Лаудаев считает чаберлоевцев происходящими от смешения автохтонов с пришлыми неизвестными племенами, в результате

чего в Чаберлое образовались новые фамилии. *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 10.

Члену комиссии по землеустройству населения Нагорной полосы Терской и Кубанской облаетей Н. С. Иваненкову, обследовавшему Чечню в 1906–1908 гг., «одно селение рассказало даже, что оно происходит от русского»; оно находилось в 3–4 верстах от селения Саты, рядом с аулом Юкер-Келой, и именовалось обществом Хали-Кали. *Иваненков Н. С.* Горные чеченцы // Терский сборник. Владикавказ, 1910. Вып. 7. С. 8.

О происхождении от русских родоначальников ряда чеченских обществ существовали предания и в Дагестане. *Пантюхов И. И.* О кумыках. Антропологический очерк // Записки КОИРГО. Тифлис, 1896. Кн. 18. С. 96.

Широкое развитие русско-чеченских отношений позволяет допустить за этими сообщениями известную степень достоверности.

[873] Архив АН РФ, ф. 99, оп. 2, д. 8, с. 593. Сравн. *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 19, 58.

[874] *Попов И. М.* Ичкерия // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 13. Попов далее отмечает, что гуноевская тайпа и казаки Червленной (принадлежащие к ветви гуноевцев) состоят в переписке и оказывают взаимное материальное вспомоществование. См. также *Семенов Н.* Письмо к редактору // Терские ведомости. 1887. № 34.

[875] *Харузин Н. Н.* Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. СПб., 1888. Вып. 3.

Начало специального исследования форм семейной жизни у кавказских народов было положено работами С. Егиазарянца. Брак у кавказских горцев // Юридический вестник. 1878, июнь–июль; *Сокольский В.* Архаические формы семейной организации у кавказских горцев // Журнал Министерства просвещения. 1881, ноябрь: затем продолжено Н. Харузиным, М. Ковалевским, А. И. Даринским и др. авторами. Более ранние авторы также в той или иной степени обращались к вопросам семьи у кавказских народов, не исключая и чеченцев.

При обращении к работам указанных авторов, а равно и их предшественников, следует помнить, что внимание многих из них было сосредоточено не на изучении семейных отношений XVIII–XIX вв., а на пережитках более ранних отношений (см. *Самойлов К.* Указ. соч. Т. 23. С. 43).

[876] Рукописный фонд РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. ОЛДП. F 192, л. 27.

[877] *Рейнеггс Я.* Общее историко-топографическое описание Кавказа. СПб., 1796. Т. 1. С. 39 (немец. яз.).

Данное сообщение Рейнеггса см.: *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 66, или его же. Родовой быт. 1911.

С. 297; *Косвен М. О.* Очерки по этнографии Кавказа // Советская этнография. 1946. № 2. С. 3.

[878] Тхъамда – глава, старший по положению, распорядитель, вождь. См.: *Мациев А. Г.* Чечено-русский словарь. М., 1961. С. 410.

Н. Харузин именует большака цендом, но это неточность. Цендом у чеченцев зовут мужа вообще, в том числе и в малой семье. Следовательно, в большой семье одновременно насчитывалось несколько цендов.

[879] *Ковалевский М.* Родовой быт. С. 296, 297.

[880] Сообщение Н. Харузина, что после смерти тамды власть переходила к его сыну в обход братьям, вероятно, ошибочно (см.: *Харузин Н.* Указ. соч. С. 73, 74).

[881] Марнана в современном чеченском языке – «свекровь» (*Мациев А. Г.* Указ. соч. С. 288), употребление этого слова в значении «большухи» нам сообщила Магомадова Айна Бавдиевна, из сел. Гвардейское.

[882] Утверждение Н. Харузина, что если старший сын тамды не достиг совершеннолетия по смерти отца, то главой становилась жена большака, должно признать следствием выше рассмотренного его неверного положения о порядке перехода власти.

[883] Конечно, это лишь одно из второстепенных условий сохранения большой семьи. Оно – скорее следствие развившихся классовых отношений.

[884] Архив АН РФ, ф. 32, оп. 1, д. 66, л. 6.

[885] ОР РГБ, ф. 168, папка 81, д. 7. Приложение, л. 1–1об.

[886] Кавказский календарь на 1860 г. С. 120.

[887] *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. С. 66, или его же. Родовой быт. С. 297.

[888] В словаре Мациева «некъе» переводится как «род, ветвь племени» (см. *Мациев А. Г.* Указ. соч. С. 314), что неверно. Автор переводит словом «род» и понятие «гара (там же, с. 99), «тайпа» (там же, с. 391) и «тукхум» (там же, с. 407). Очевидно, что, помимо сходства понятий, необходимо установить и различие между ними.

Можно предполагать, что первоначально большие семьи и производные от них неки именовались словом «пъа», выражавшим поселение с одним или несколькими семействами – до пяти-шести. См.: *Ошаев Х.* Слова «рха» и «се» в чеченском языке // Известия научного общества Чеченской автономной области. Журнал краеведения и научной жизни в области. Грозный, 1930. № 2. С. 57. В некоторых тайпах синонимом неки является слово «цини» – близкие родственники. Недавно вышедшие из неки семейства именуются «цини халхара» – близкие к неки. Они продолжают сохранять связи со своими ближайшими родичами.

[889] Вот схема сложной неки, входящей в тайпу Чертой:

Газд жил 5 поколений назад.

Мучук – один из его сыновей, жил 4 поколения назад. У него три сына, образующие:

Байсер-неки, Бунхо-неки, Музорк-неки. Все три неки именуются собирательно «Мочук-неки». (Записано по показаниям Мусы Эдильсултанова из сел. Толстов-юрт).

[890] Дневник русского солдата, бывшего девять месяцев в плену у чеченцев // Библиотека для чтения. 1848. Т. № 5, 6. С. 82. Н. Ф. Дубровин неверно передает это сообщение. См. *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 414.

[891] *Вертепов Г. А.* В горах Кавказа // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 4. С. 105.

[892] Записано со слов Мусы Эдильсултанова из сел. Толстов-юрт.

[893] Записано со слов Али Сайдаллаева из ссл. Надтеречное.

[894] Тот же информатор.

[895] *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI–VIII веков. М., 1956. С. 84, 85.

[896] Записано со слов Сайда Муссаевича Басханова из сел. Сержен-Юрт.

[897] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 66.

[898] *Станишевский В.* Путешествие по Чечне // Кавказ. 1873. № 54.

[899] Утверждение С. М. Абрамзона, что «основной экономической единицей в условиях патриархально-феодального строя на более ранних его этапах являлась большая патриархальная семья», следует рассматривать как неточность. См.: *Абрамзон С. М.* Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. Родовое общество // Труды Института этнографии им. Н. К. Миклухо-Маклая. М., 1951. Т. 14. С. 152.

[900] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 96, 97.

[901] Там же.

[902] Там же. С. 98.

[903] Там же. С. 99.

[904] Там же. С. 103.

[905] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 68.

[906] Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И. А. Гюльденштедта... СПб., 1809. С. 82.

[907] См. С.К.И. Калым // Терский вестник. 1916. № 17.

[908] Шамиль и Чечня // Военный сборник. СПб., 1859. Т. 9. С. 158, 159.

[909] *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. С. 430.

[910] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 3. С. 84.

[911] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 64. Утверждение Н. Дубровина, что у чеченцев «число жен не зависит от состоятельности мужчины», неверно, см.: *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 3. Кн. 1.

[912] Харузин Н. в 1866 г. отметил наличие у богатого чеченца Саадулы 17 жен – вне норм шариата. *Харузин Н.* Указ. соч. С. 76.

[913] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 427.

[914] Дневник полковника Руновского // Акты Кавказской Археографической комиссии. Т. 12. С. 1469; *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 427; РГВИА, ф. ВУА, д. 1293, ч. 1.

[915] *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 121. У надсунженских чеченцев, по тем же сведениям 1842 г., «калым между свободными чеченцами 100 руб. сер.... у холопов же калым платится по условию хозяев, смотря по достоинству, 200 руб., более и менее того». Там же. С. 123.

[916] Там же. С. 97.

[917] Ипполитов считает синонимом калыма чеченское слово «урдау» (см. *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа. ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 8). В словаре Мациева этого слова нет, а есть слово «урдо», переводимое как плата мужем жене за развод. *Мациев А. Г.* Чеченско-русский словарь. М., 1961. С. 433.

[918] *Ипполитов А. П.* Указ. соч. С. 12.

[919] Там же. С. 7.

[920] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Вып. 2. С. 100. См. также: *Харузин Н.* Указ. соч. С. 79. М. Ковалевский в Чечне XVI–XVII вв. находил отголоски полиандрии (многомужества). Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 27.

[921] По адату «по смерти жены муж ни в коем случае не становится ее наследником». Принесенный ею в замужество калым, жениховый подарок и другое, могущее быть «нажитое ею имущество делится между детьми». *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 100.

«В случае убийства сына, – сообщает о Чечне Н. Харузин, – отец не подвергался мести и не должен платить выкуп, но обязан заключить мир с родственниками своей жены (матери убитого) и устроить для них пир». *Харузин Н.* Указ. соч. С. 69. Прослеживаются многие формы авункулата.

О следах матриархата см. также: *Соколовский В.* Архаические формы семейной организации у кавказских горцев // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. 218, СПб., 1881. С. 44, 45; Дневник полковника Руновского. АКАК, т. 12, с. 1468; *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 18.

[922] РГВИА, ф. ВУА, д. 6438, л. 4.

[923] АКАК, т. 3, докум. № 1154, с. 673.

[924] Ворх (семь), да (отец) *(чеченский яз.)*.

[925] Сравн.: *Морган А. Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935. С. 186.

[926] «Поколенная» экзогамия существовала и у других народов. Например, у киргизов также «семиколенная экзогамия, у бурят и якутов – девятиколенная».

[927] Записано со слов Сайдулллаева Али из сел. Надтеречного Чеченской республики.

[928] См.: *Харузин Н.* Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. С. 120; *Мамакаев М.* Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. С. 15.

[929] ЦГА РСО–А., ф. 12, оп. 3, д. 81, л. 10 об.

[930] *Зиссерман А.* Отрывки из моих воспоминаний // Русский вестник. 1879. Т. 239. № 2. С. 728.

[931] Там же.

[932] Записано со слов Басханова Сайда Мусаевича из сел. Серженюрт Шалинского района Чеченской республики.

[933] Записано со слов Эльбердова Мулды из с. Урус-Мартан.

[934] *Мальсагов Д. Д.* Указ. соч. Известия ЧИНИИИЯЛ. 1959. Т. 1. Вып. 2. С. 150.

[935] В рапорте начальника Аргунского округа правителю канцелярии начальника Терской области от 1 октября 1869 г. читаем: «Все земли в Аргунском округе фамильные, т. е. составляют принадлежность целой фамилии и разделены поаульно между членами ее». ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 869, л. 6 об.

[936] У ингушей совместное владение одной пастбищной горой именовалось термином «паа-лам» (буквально – одна гора). Совладетелями пастбищной горой-ламом могли выступать несколько обществ. Эти отношения, несомненно, имели место и в Чечне. *Христианович В. П.* Горная Ингушия // Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 36; Институт местной экономики и культуры при Северо-Кавказском государственном университете. Ростов н/Д, 1928. Вып. 2. С. 75.

[937] ЦГА РСО–А, ф. 256, оп. 1, д. 30, л. 94.

[938] Равный с остальными жителями пай получал и общинный мулла. См. *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Вып. 2. С. 89.

[939] См. *Иваненков Н. С.* Указ соч. С. 59. Г. Малявкин приводит другое название пашенного пая – «цх-ад-ах-кха». *Малявкин Г.* Очерк общинного землевладения на чеченской территории // Терские ведомости. 1892. № 42.

[940] *Иваненков Н. С.* Указ. соч. С. 59, 60.

[941] *Петухов Н.* Из нагорного Кавказа // Кавказ. 1866. № 153.

[942] Там же.

[943] *Иванов М. А.* Верховья р. Гехи // Известия КОИРГО. 1902. Т. 15. С. 280.

[944] *Марграф О.* Чеченские селения. Материалы для характеристики населенных мест области (Терской. – *Ф. Т.*) // Терские ведомости. 1881. № 47.

[945] *Иванов М.А.* Верховья р. Гехи. С. 280.

[946] Труды Абрамовской комиссии. С. 212.

[947] *Маргаф О.* Чеченские селения // Терские ведомости. 1881. № 45.

[948] *Малявкин Г.* Очерк общинного землевладения на чеченской территории // Терские ведомости. 1892. № 142.

[949] *Маргаф О.* Чеченские селения // Терские ведомости. 1881. № 45.

[950] *Малявкин Г.* // Терские ведомости. 1892. № 142.

[951] А.Б. Из заметок о поездке по Надтеречным селениям // Терские ведомости. 1894. № 102

[952] ЦГА РСО–А, ф. 2, оп. 3, д. 50, л. 3–3 об.

[953] В начале XIX столетия в Кизляр для работы в садах (их было 800) ежегодно съезжались 2 400 горцев из Чечни и Дагестана (см.: *Равинский.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 450). В 30-е гг. XIX в. для работы в кизлярских садах ежегодно приходило уже 6–7 тыс. горцев-отходников (см.: *Норденштамм.* Указ. соч. С. 319).

[954] ЦГА РСО–А, ф. 256, оп. 1, д. 33, л. 24 об.

[955] П. Землевладение у чеченцев // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 269.

[956] Различие между выгонами и пастбищами состояло в следующем. Скот у чеченцев подразделялся на гулевой, находившийся в отгоне, в стороне от аула, на несколько месяцев (земли, на которых пасли гулевой скот, условно именуются пастбищами) и на рабочий, необходимый для пахоты и возки хлеба, и скот для повседневного продовольствия. Эта группа скота держится при аулах и постоянно пригоняется домой. Для подножного корма ему и служат выгоны-пастбища в районе обрабатываемых земель.

[957] *Иваненков Н.С.* Указ. соч. С. 57, 58 или Труды Абрамовской комиссии. С. 212–335.

[958] Цит. по: Пролетарская революция. 1939. № 3. С. 165.

[959] ЦГА РСО–А, ф. 256, оп. 1, д. 33, л. 29–29 об.

[960] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 1, д. 1067, л. 63–65 об.

[961] *Лаудаев У.* Указ. соч.. С. 21

[962] РГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 46, л. 35. Сравн.: *Малявкин Г.* Указ. соч.

[963] П. Землевладение у чеченцев // ССТО. С. 270.

[964] *Маркович В.В.* В лесах Ичкерии. ЗКОИРГО, кн. 19. Тифлис, 1897. С. 283, 284.

[965] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 4, д. 106, л. 10–10 об.

[966] В составленном неизвестным автором в 1859 г. описании Грозненского округа, выход чеченцев на плоскость связывается с удалением из нее калмыков. Первым плоскостным аулом называется Узик-юрт, на правом берегу р. Аргуна, вторым – Чечень-юрт, на левом берегу Аргуна (РГИА, ф. 66, оп. 1, д. 16, л. 9 об). См. также

Самойлов. Указ. соч. С. 72, 73. Голенищев-Кутузов относил время переселения лишь к первой половине XVII века (*Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 78). П. Бутков относил расселение чеченцев ко времени «около 1680 г.», а первым плоскостным аулом считал Чечень на Аргуне (Архив АН РФ, ф. 99, оп. 2, д. 37, с. 234, 235). У. Лаудаев приурочил появление первых чеченских переселенцев на плоскости к началу XVIII века, когда русские стали покидать ее. Первым аулом он называет Чечень (ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. 4. С. 5 и 19). Лаудаеву следует Н. А. Волконский (КС. Т. 10. С. 34) и много других авторов. Но, как отмечено нами в историографическом разделе, термин «чеченцы» встречаются в русских источниках еще XVII века. Документы, содержащиеся в публикации О. Белокурова, позволяют обнаружить существование чеченских сел на плоскости в середине XVI века. Н. П. Гриценко относит к концу XIV века возникновение чеченских плоскостных сел – Парчхой и Юрт-аула. Труды ЧИНИИИЯЛ. Т. 17. С. 14, 15.

[967] Труды ЧИНИИИЯЛ. Т. 4. С. 16.

[968] Лаудаев именует их «гостящими» тайпами, «хамалга бяхкема». *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 14.

[969] *Дубровина Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 461.

[970] *Зиссерман А.* Двадцать пять лет на Кавказе. С. 433.

[971] *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1, отд. 3. С. 5.

[972] *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 79. Тогда то сложился обычай, по смыслу которого «всякий горец, раз побывавший в какой-либо местности и, видя, что она для него может быть полезною, клал там камень или забивал кол и уже эта местность считалась его собственностью. Уничтожить эти знаки или завладеть самою местностью никто иной не имел уже права, так как сие считалось противным обычаю, виновные в нарушении коего подвергались ответственности». ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 3, д. 112, л. 7–7 об.

[973] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 770, 771.

[974] Записано со слов Басханова Сайда Мусаевича из сел. Серженюрт Шалинского района.

[975] П. Землевладение у чеченцев // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 269. Н. С. Иваненков сообщает, что пахотно-покосные земли, возникшие на основе трудовой займки и поступавшие в собственность их созидателей, назывались, по-чеченски «дол-лах». (*Н. С. Иваненков*. Указ. соч. С. 35). Член комиссии по землеустройству населения Нагорной полосы Терской области 1906 г. Тер-Арутюнов приводит другое чеченское именование этих земель – «мулки» (см. ЦГА РСО–Алания, ф. 270, оп. 1, д. 3, л. 41).

[976] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 772.

[977] ЦГА РСО–А, ф. 270 , оп. 1, д. 3, л. 41 или *Малявкин Т.* Очерк. общинного землевладения на чеченской территории // Терские ведомости. 1892. № 145.

[978] ЦГА РСО–А, ф. 270, оп. 1, д. 3, л. 43.

[979] Труды комиссии по исследованию современного положения землею пользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 216, 217.

[980] *Маргаф О.* Чеченские селения // Терские ведомости. 1881. № 45. Сравн. П. Землевладение у чеченцев // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 269, 270.

[981] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 3, д. 20, л. 7–9.

[982] Шамиль и Чечня // Военный сборник. 1859. Т. 9. С. 152.

[983] Своим неверным категоричным утверждением, что совместные поселения в одном ауле представителей разных родов начались лишь после переселения на равнину (см. *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 21), Лаудаев ввел в заблуждение многих исследователей истории Чечни. Между тем сам Лаудаев привел, хотя и нечетко, факты обратного порядка. Согласно преданиям сельские общины возникли еще в условиях горной общины. См.: *Россикова А.* Путешествие по центральной части горной Чечни // Записки КОИРГО. Кн. 18. Тифлис, 1896. С. 195, 208. В процессе переселения имело место продолжение на расширенной основе тенденции образования соседской общины.

[984] По-чеченски «деин юрт иш» – так стали именоваться прежние горные места обитания после переселения на плоскость. Архив АН РФ, ф. 99, оп. 2, д. 37. С. 234 или *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 13.

[985] Архив АН РФ, ф. 99, оп. 2, д. 37, с. 236.

[986] *Мальсагов Д. Д.* О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧНИИИЯЛ. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 2. С. 150.

[987] ЦГА РСО–А, ф. 256, оп. 1, д. 33, л. 28.

[988] Архив АН РФ, ф. 99, оп. 2, д. 37. С. 237.

[989] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 1. Ч. 2. С. 307.

[990] Это и была та реальная адатно-правовая норма, которая консервировала сохранение псевдородственной оболочки тайпы, давно уже не совпадающей со своей территориальной основой.

[991] В этом смысле следует понимать сообщение У. Лаудаева, что «ичкерийские выходцы удерживали за собою свои фамильные поземельные участки». *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 15.

[992] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 15. Дед и отец Лаудаева получали за свои частнособственнические горные земли бер – пару овец, один или два сафьяна и до 15 аршин бязевой материи.

[993] Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. С. 203, 204.

[994] Примером может служить случай, имевший место в конце XIX в. В сел. Узмат-Кале Дада Калоев получил 5 загонов за выбитый глаз, оцененный судьями в 50 руб. В случае, если нанесший травму уплатит 50 руб. потерпевшему, то возвращает себе

загоны. Обязательство сохраняется за наследниками обеих сторон. *Иваненков Н. С.* Указ. соч. С. 37, 38.

[995] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 419.

[996] Характерен следующий пример. Осетинский род Шавлоховых в «числе четырех фамилий добивался дворянского звания, но царское правительство отказало им. Тогда одна часть Шавлоховых, применив насилие, объявила себя привилегированной и подчинила себе другую часть представителей той же фамилии. Так, внутри фамилии произошло явное сословное деление, при котором одна часть ее подчиняет и эксплуатирует другую. *Абаев Д.* Экономическое развитие Юго-Осетии в период капитализма (1864–1917–1921). Тбилиси, 1956. Ч. 2. С. 92.

Есть все основания видеть и в дроблении тайпы на родственные подгруппы причины социальные.

[997] *Барон Сталь.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. Отд. 2. С. 152.

[998] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 8, л. 234 об.

[999] Там же, л. 235.

[1000] Там же, д. 2, л. 291.

[1001] АВПР, ф. Кабардинские дела 1756–1757, д. 9, л. 37–37 об.

[1002] Письменные источники в собрании Государственного исторического музея, ф. 440, д. 932, л. 43.

[1003] *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа ССКГ. 1868. Вып. 1. С. 5.

[1004] Кавказский Календарь на 1860. Тифлис, 1859. С. 135.

[1005] *Верлин Я.* Указ. соч. С. 9.

[1006] *Лаудаев У.* Чеченское племя. С. 14.

[1007] Там же.

[1008] В прокламации к чеченцам в 1826 г. Ермолов требует аманатов «из фамилий известных и хороших, имеющих собственные земли. От пришельцев из гор и других мест, не имеющих собственных земель, аманатов не принимать». Приложение к статье Волконского Н. Война на восточном Кавказе с 1824-го по 1834 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10. С. 224.

[1009] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1757, д. 8, л. 235.

[1010] Так, тайпы Чубутты, Тумсой, Чинжах, Чанты, Атага, Дишны, Ерлой, Шикарой, Чабуртлы, Макарджи, Алестенджи платили дань аварскому хану и тайпе Чебоутов «как повелителям ущелья Аргунского», см.: РГВИА, ф. 482, оп. 2, д. 193, л. 42 об., 43. Аккинская фамилия зависила от аварского хана и кумыкских князей (*У. Лаудаев.* Указ. соч. С. 2 и 22) и от ингушского рода Галгаев. *Христианович Б. П.* Горная Ингушия. Ростов-н/Д, 1927. С. 68.

[1011] *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. С. 67.

[1012] Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из Путешествия г-на академика И. А. Гюльденштедта через Россию

и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах. СПб., 1809. С. 77.

[1013] Отдел рукописей РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в г. Санкт-Петербурге, ОЛДП. F, 192, л. 26 об., 27.

[1014] *Иванов М. А.* В горах между р. Фортангой и Аргуном // Известия КОИРГО. Тифлис, 1904. Т. 17. С. 49.

[1015] *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 90, 91.

[1016] По данным В. Станищевского работа членов суда оплачивалась // Кавказ. 1873. № 56.

[1017] По сообщению Ермолова, «имеющие сильнейшие связи и люди богатые – более уважаемы. В делах общественных, но более в случае предпринимаемого нападения, или воровства, собираются вместе на совет, но как все они почитают себя равными, то несколько противных голосов уничтожает предприятия, хотя бы и могли они быть полезными обществу, паче же если голоса сии поданы кем-нибудь из сильных людей». Записки Алексея Петровича Ермолова. 1816–1827, М., 1868. Ч. 2. С. 21.

[1018] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 35.

[1019] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 15.

[1020] Там же. С. 50.

[1021] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 40–42.

[1022] Отдел рукописей РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. СПб., Д.А. А. I, д. 67, л. 110 об.

[1023] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 54.

[1024] *Станишевский В.* Путешествие по Чечне // Кавказ. 1873. № 56.

[1025] *Зиссерман А.* Отрывки из моих воспоминаний // Русский вестник. 1879. № 2. С. 732.

[1026] АВПР, ф. Кабардинские дела 1755–1757, д. 14, л. 26.

[1027] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 40–42.

[1028] *Зиссерман А.* Отрывки из моих воспоминаний // Русский вестник. 1879. № 2. С. 732.

[1029] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 97.

[1030] *Карачайлы И.* Кровная месть у горцев //Советский Северный Кавказ. 1930. № 4. С. 25.

[1031] Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. 1. С. 240.

[1032] Архив АН РФ, ф. 100, оп. 1, д. 195, ч. 6, л. 5.

[1033] Интересно происхождение названия аула Белгатой, расположенного на родниках, впадающих в р. Аксай. Попов сообщает об этом следующее: «Место, где ныне аул, было свободным и удобным местом для работ. Идя туда на работы из окрестных аулов, жители разных фамилий, извещая друг друга о времени сбора, всегда кричали: «Белхи говай – идем на работу!» (Белхи – работа, говай – идем). Аул Белхи-Говай получил свое название – Белгатой – уже впослед-

ствии». *Попов И. М.* Ичкерия. Историко-топографический очерк // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 19.

[1034] *Клингер И. А.* Нечто о Чечне // Кавказ. 1856. № 10.

[1035] О белхае и сходстве его с русскими помочами см.: Журнал путешествия по земле Донских казаков к Кавказу и в Астрахань // Северный архив. 1824. № 20–24; Шамиль и Чечня // Военный сборник. СПб. Т. 6, № 9, 10. С. 162; *Харузин Н. Н.* Указ. соч. С. 83; *Фарфоровский С.* Чеченские этюды // СССК. Ставрополь, 1912. Т. 7. С. 12; *Х.О.* Народные развлечения в Чечне // Революция и горец. 1929. № 6. С. 44; *Власенко Н.* О классовой природе «белхи» – «шехаха» // Революция и горец. 1930. № 1. С. 60; *Карачайлы Ислам.* Борьба против горских адатов – борьба за социализм // Революция и горец. 1932. № 8, 9. С. 81.

[1036] *Вертепов Г.* Наши горы и их обитатели // Терские ведомости. 1897. № 150.

[1037] *Мамакаев М.* Указ. соч. С. 18.

[1038] Там же. С. 17.

[1039] *Ипполитов А. П.* Указ. соч. С. 14; *Марковин Б. И.* Указ. соч. С. 13.

[1040] *Леонтович Ф. И.* Указ . соч. Вып. 2. С. 90.

[1041] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 26; или *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 91.

[1042] *Лаудаев Я.* Указ. соч. С. 51.

[1043] *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 90, 91.

[1044] *Зиссерман А. Л.* Отрывки из моих воспоминаний // Русский вестник. 1879. № 2. С. 732.

[1045] Прокламация чеченцам Мустафы-Муллы кадия герменчукского. Приложения к статье Волконского Н. А. Война на восточном Кавказе с 1824-го по 1834 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1888. Т. 12. С. 206, 207.

[1046] *Семенов Н.* Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1892. С. 92, 93.

[1047] *Саидов И. М.* Указ, соч. Л. 174.

[1048] *Иванов М. А.* В горах между р. Фортангой и Аргуном // Известия КОИРГО. Тифлис, 1904. Т. 17. С. 49, 50.

[1049] От мохк – страна и кхиэл – совет, суд. В разное время Совет Страны именовался также пхъамат, пхегате, цой пхеда, цонта, каной, жан, жам, жеми, мажжаз, мазназ, межлис. *Саидов И. М.* Указ. соч. С. 31.

[1050] Иначе «бярчи» – проводник, вожак. *Ипполитов А. П.* Указ. соч. С. 31.

[1051] *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 169.

[1052] Там же. Л. 169.

[1053] В переводе с чеченского «кетте» – попал, понял, встретил, «корт» – глава, возвышенное место, следовательно «Кеттеш-корт» –

«гора встреч». См.: *Попов И. М.* Ичкеринцы // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 17.

[1054] *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 172, 173.

[1055] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 24, 25.

[1056] *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 191.

[1057] К. Обзор событий на Кавказе в 1851 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 30.

[1058] *Х.О. (Ошаев).* Народные развлечения у чеченцев // Революция и горец. 1929. № 6. С. 38, 39.

[1059] Архив АН РФ в г. Санкт-Петербурге, ф. 99, оп. 2, д. 37, с. 239; *Иванов М. А.* Указ. соч. С. 49, 50.

[1060] К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году. С. 32.

[1061] *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 192

[1062] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 24.

[1063] Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова от ноября 1817 г. АКАК, т. 6, ч. 2, док. № 873, с. 498; Записки Алексея Петровича Ермолова. 1816–1827 гг. М., 1868. Ч. 2. Приложение с. 45, или РГВИА, ф. 194, оп. 1, д. 38, л. 21 об.

[1061] РГВИА. ф. ВУА, д. 6457, л. 7–7 об.

[1065] *Самойлов К.* Указ. соч.. С. 74.

[1066] РГВИА, ф. ВУА, д. 6457, л. 2–2 об.

[1067] РГВИА, ф. ВУА, д. 6457, л. 3.

[1068] *Попов И. М.* Ичкерия. Историко-топографический очерк // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 15.

[1069] Там же.

[1070] *Кушева Е. К.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 80.

[1071] Там же.

[1072] *Лаудаев У.* Чеченское племя. С. 52.

[1073] Там же.

[1074] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 52.

[1075] Там же.

[1076] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 23, л. 26.

[1077] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 52.

[1078] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 4, д. 7, л. 1 об.

[1079] Там же, ф. 12, оп. 4, д. 8, л. 3 об.

[1080] Там же, оп. 6, д. 58, л. 5–5 об.

[1081] Там же, д. 101, л. 10 об.

[1082] Малокабардинский князь Батока Таусултанов 6 июня 1758 года сообщал в Государственную Коллегию Иностранных Дел, что чеченцы провозят через Малую Кабарду «для продажи в Крым христианских пленников» (ЦГА РД, ф. Кизлярского коменданта, д. 3405, л. 75 об., 81 об.). Подобные сведения содержат многие источники до начала XIX столетия. См.: АКАК. Тифлис, 1868. Т. 2. С. 973.

[1083] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 92, л. 3–3 об. Г. А. Кокиев передает, что дигорские феодалы Тугановы из Дзинага в древности похитили чеченку по имени Гоха, потомки которой составили фамилию Гохаевых. Осетинская фамилия Дагоевых в той же Дзинаге имела пленницу чеченку Хадзиказ, от которой пошла фамилия Хадзиказовых. См. К. К истории работорговли на Северном Кавказе // Революция и горец. 1929. № 5. С. 42. Во время этнографической экспедиции в Дигорское ущелье в июле 1975 года нами установлено, что от проданных в Дигорию мальчиков-чеченцев произошли осетинские фамилии Саввоевы и Гаглоевы (ветвь Езеевых и Галиате) записано со слов Гусаова Харитона Васильевича, 1897 г. рождения, в сел. Галиате (ветвь фамилии Тавитовых, проживающих в Ханазе и ветвь фамилии Хадаевых. Сыном дочери купленного в Осетии мальчика-чеченца был видный осетинский революционер Гетоев Хаджумар. (Записано со слов Ходова Михаила Фацбаевича, 1897 г. рождения, сел. Махческ).

[1084] *Попов И. М.* Ичкерия. Наибство Даргинское // ССКГ. Вып. 4.

[1085] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, л. 2 об.

[1086] *Иваненков Н. С.* Горные чеченцы. С. 151.

[1087] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 23, л. 2.

[1088] Там же, л. 26.

[1089] Там же, л. 22.

[1090] Там же, д. 153, л. 6.

[1091] Ясыр – слово татарское, означает – пленник, раб, невольник.

С. Умаров полагает, что в научной литературе понятие «лай» неправильно отождествляется с понятием раб. По мнению С. Умарова, в Чечено-Ингушетии только пленники (йийсар) были на положении рабов до тех пор, «пока не были выкуплены или «посажены» на землю в качестве зависимых крестьян (см.: *С. Ц. Умаров*. Указ. соч., л. 105). Приводимый нами материал свидетельствует в пользу ранее принятого толкования понятии «лай» и «ясыр».

[1092] *Леонтович Ф. И.* Адаты Кавказских горцев. Вып. 2. С. 81.

[1093] Ср.: *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. С. 452; ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 23, л. 30.

[1094] Там же, д. 173, л. 13.

[1095] Там же, д. 161, л. 16–16 об.

[1096] Там же, ф. 12, оп. 6, д. 103, л. 2.

[1097] РГВИА, ф. 1083, оп. 1, д. 266, л. 200–201 об.

[1098] *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 78, 79.

[1099] Там же.

[1100] Агуев Хамид Сакхаевич из сел. Толстов-Юрт сообщал нам, что до отмены рабства подобное унизительное напоминание делалось каждый вечер. Делалось это так. Старший из собравшихся оьзда нах вызывал по имени главу лайской семьи и громко спрашивал, знает

ли он, не забыл ли, что он лай. Бывший лай или его потомок обязан был громко ответить, что он знает и не забыл. А чтобы напомнить бывшим лаям, что они не имеют права спорить и судиться с «благородными» как равные, оьзда нах науськивали своих детей бросать камни на крыши и в окна домов бывших лаев. См.: *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 79.

[1101] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 338.

[1102] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 52. *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 453; *Ипполитов А. И.* Этнографические очерки Аргунского округа. С. 43, 44.

[1103] АВПР, ф. Кабардинские дела 1757, д. 8, л. 39.

[1104] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 153, л. 5 об.

[1105] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 52.

[1106] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 453.

[1107] АВПР, ф. Кабардинские дела 1756–1757 гг., д. 9.

[1108] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6 д. 23, л. 19 об., 53–53 об., 57.

[1109] Рапорт начальника Среднего военного отдела Терской области князя Туманова начальнику Терской области от 14 марта 1866 года за № 1183. ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 173, л. 2, 3.

[1110] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 173, л. 3.

[1111] «Во мнении мусульман – есть благое и богоугодное дело отпустить холопа на волю». *Т. Макаров.* Кумыкский округ // Кавказ. 1860. № 80.

[1112] *Берже А. П.* Чечня и чеченцы. С. 91.

[1113] АВПР, ф. Кабардинские дела 1757, д. 8, л. 37, 39.

[1114] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 2, л. 142 или 196.

[1115] *Самойлов К.* Указ. соч. С. 34.

[1116] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 1242, л. 69.

[1117] *Берже А.* Чечня и чеченцы. С. 91.

[1118] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 4, д. 108, л. 34.

[1119] Там же, ф. 12, оп. 3, д. 918, л. 3 об.

[1120] *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 120.

[1121] Так следует понимать отмеченное в 1886 году Н. Харузиным явление, что в Чечне неизвестно, кто потомки бывших рабов. *Харузин Н.* Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. С. 67.

[1122] *Россикова А.* Путешествие по центральной части Горной Чечни // Записки КОИРГО. Тифлис, 1896. Кн. 18. С. 173.

[1123] *Берже А.* Чечня и чеченцы. С. 134, 135. Сравн. с поговоркой: «Дешев, как сард».

[1124] У. Лаудаев пишет: «Начали совершаться невиданные до того преступления, перенятые (? – *Ф. Т.*) от адыгов. Стали похищать или силою уводить беззащитных людей – своих собратий в неволю и продавать их в рабство в далекие страны». *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 26.

[1125] *Россикова А.* Путешествие по Центральной части Горной Чечни. С. 172.

[1126] Полное собрание Законов Российской империи с 1649 г. 1700–1712. Т. 17. Изд. 1830. Док. № 2207. С. 421.

[1127] ЦГА РД, ф. Кизлярский комендант, д. 3404, л. 7, 22 и 41.

[1128] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д.2, л. 305, 308.

[1129] Предписание ген. Тормасова ген.-лейт. Мусину-Пушкину от 1 апреля 1811 года. АКАК. Т. 4. Док. № 1393. С. 906.

[1130] РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 193, л. 40 об. Ермолов в 1817 году выкупную стоимость самого неимущего пленного у чеченцев определял от 200 до 300 руб. серебром. АКАК. Т. 4. Ч. 2. Док. № 960. С. 568.

[1131] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 48.

[1132] Барантой называлось (между горцами) похищение людей и скота за подобное же похищение.

[1133] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. 2. С. 198, 199.

[1134] *Ахвердов А. И.* Описание Дагестана // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 213.

[1135] *Шидловский Ю.* Записки о Кизляре // Журнал МВД. СПб., 1843. Ч. 4. С. 180 или «Записки о Кизляре» (без подписи) // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1861. Кн. 4. С. 109.

[1136] Там же. С. 179.

[1137] Там же. С. 180. *Ахвердов А. И.* Описание Дагестана. 1804 г. С. 213; *Броневский. С.* Указ. соч. Ч. 2. С. 198, 199.

[1138] РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 1, л. 221.

[1139] Рукописный фонд. ДНИИИЯЛ, д. 1257, л. 35.

[1140] АВПР, ф. Сношения России с Грузией 1755 г., д. 3, л. 3.

[1141] АКАК. Т. 3. Док. № 1149.

[1142] *Дебу И.* О Кавказской линии ... С. 37.

[1143] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 96, л. 1 об.

[1144] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1764–1767 гг., д. 5, л. 25.

[1145] Там же, л. 26.

[1146] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 44, л. 1. В рапорте начальника Чеченского округа крестьяне названы состоящими «в рабстве» (там же, л. 10). В 1840 г. отец Булата-Янда Хорочоев вместе с его подвластными захвачен в Ума-хан-юрте наибами Шамиля (там же, л. 8 и л. 10 об.).

[1147] *Норденштам.* Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера. 1834 г. // Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 316.

[1148] Там же.

[1149] Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи. М; Л., 1941. С. 122, 123.

[1150] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 49, л. 1.

[1151] Там же, ф. 12, оп. 6, д. 61. л. 1. Сравн. с правом рабовладельцев из Больших и Малых Атагов взыскивать за беглых в Россию рабов по 100 руб., см.: АКАК. Т. 3. Док. № 1149.

[1152] Вот характерное прошение холопки Сусар Байрат командующему войсками Терской области М. Т. Лорис-Меликову: «Находясь у господина подполковника Арцу крепостною, а как я наслышана, что рабства в подданстве российского нет, и я в настоящее время проживаю не в Персии, а на Кавказе в кр. Грозной и должна повиноваться русскому правительству. Поэтому... если этот Манифест... распространяется и на нас иноверцев, то нельзя ли мне быть независимою». 21 декабря 1863 года. ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 108, л. 1–1 об.

В прошении от 17 октября 1865 года к наместнику Кавказа вел. кн. Михаилу Николаевичу житель Нового-Юрта Надтеречного набства поручик Дада Умаров просил об освобождении из рабства его племянника от дигорского рабовладельца Кайтуко Товитова (Кесаева, Тавитова) и сделана ссылка – «К тому же, ныне все невольники освобождены от рабства». ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 158, л. 12.

[1153] См.: *Гарданов Б. А.* Исторический очерк // Народы мира. Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 89.

[1154] Вероятно, никакие цифры не могут дать сколько-нибудь точное исчисление рабов в Чечне. В «Журнале заседаний Комитета по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа» на заседании от 4 июня 1866 года число рабов в Чечне и Ингушетии определено цифрой «до 100 душ». ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 1242, л. 8 об. Согласно другим данным, в Чечне в 1866 году насчитывалось 277 рабов (Ученые записки исторического факультета Ростовского-на-Дону Государственного педагогического института. Ростов н/Д, 1941. Т. 1. С. 40). В рапорте начальника Терской области Главнокомандующего Кавказской Армией от 3 сентября 1866 года число рабов в Чеченском и Ингушском округах определено в 294 человека, а наличие их в Нагорном, Ичкерийском и Аргунском округах отрицается (ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 1242, л. 38; Архив СОИГСИ, ф. 16, оп. 1, д. 9, л. 81, или РГИА, ф. 866, оп. 1, д. 39, л. 1. Эти сведения были опубликованы. См.: Горская летопись. Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 37. Но начальник Ичкерийского округа майор Казачинский в докладе Командующему войсками левого крыла Евдокимову от 16 января 1860 г. испрашивал дозволения на продажу в пределах округа ясырей и отпуск части из них на свободу (ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 757, л. 27). Наличие рабов в Аргунском округе констатировано А. Ипполитовым (см. *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа. С. 43). Следовательно, все приведенные исчисления неверны. См. также ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 92, л. 3 об.

М. С-ин сообщает, что с 17 апреля по 15 мая 1867 года чеченским окружным народным судом было освобождено 338 душ холопов обоего пола. В течение 5 дней (когда именно? – *Ф. Т.*). Ингушский Окружной народный суд освободил 35 холопов и холопок среди

ингушей. В Нагорной Чечне освобождено 5 холопов. /С-ин. М. Двадцатипятилетние освобождения зависимых сословий на Северном Кавказе // Терские ведомости. 1892. № 61.

[1155] Начальник Чеченского округа полковник Муравьев 15 мая 1867 года подтвердил получение 2268 руб. серебром для чеченских рабовладельцев за выкуп малолетних рабов до 10 лет (ЦГА РСО–Алания, ф.12, оп. 6, д. 194, л. 2). В другом сообщении говорится об освобождении в Чечне 65 малолетних холопов в 1867 г. с вознаграждением от правительства в 2304 рубля или 2296 рублей (ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 194, л. 24–25 об).

[1156] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 194, л. 33–38 об.

[1157] Там же, д. 129, л. 16 об.– 17.

[1158] Там же, л. 17–17 об.

[1159] *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 66; *его же.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб., 1911. Вып. 1. С. 297.

[1160] *Лаудаев У.* Чеченское племя. С. 121.

[1161] Там же.

[1162] Там же. Есть предание обратное, что первоначально земли эти принадлежали чеченцам и были силой присвоены аварскими ханами. ЦГА РД, ф. 147, оп. 3, д. 83, л. 3.

[1163] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 14.

[1164] Там же. С. 12.

[1165] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 69.

[1166] *Рафи Мухаммед.* Тарих Дербент-наме. Тифлис, 1898. С. 176, 177; см. также: Красный архив. 1936, т. 6, с. 101; Сборник сведений о Кавказских горцах, 1868. Вып. 1. С. 54.

Большого внимания заслуживает анализ слова «мычыгыш», произведенный А. Д. Сатыбаловым. Слово «чыгъыш», говорит он, известно как термин ярлыков золотоордынских ханов. Говоря о прошлом некоторых зависимых селений, южные кумыки называют их: райат халкъ, чыгъыш, берген халк. Слово «чыгъыш» употребляется ими не как оплата расходов князя, т. е. дань, выплачиваемая во всех торжественных и траурных случаях жизни князя и его близких. Сатыбалов предлагает пересмотреть объяснение слова «мычыгъыш» от реки Мычигиши (человек, живущий на реке Мичи), предложенное в 1858 г.

А. Берже следует акад. Н. Ф. Дубровину, что кумыки дали «мычигъыщам» название, выражающее их зависимость. Если чыгъыш означает дань, то ее конкретная форма должна соответствовать особенности хозяйственной деятельности крестьян, плативших дань натурой. Группа, платившая дань исключительно скотом (мал), могла быть названа малчыгъыш и исказиться до мычыгъыщ. «Мал» означает овцы, скот и товары. Мычыгъыш означало «мыл чыгъыш» и давалось разноязычным группам, платившим дань овцами

андреевским и аксаевским князьям. «Мичкизы» в письменных источниках XVI–XVIII вв. относилиь не ко всем чеченцам, а к кумыкам и чеченцам, арендовавшим (только ли? А может состоявшие в зависимости от князей? – *Ф. Т.*) земли князей Эндери и Аксая в районе «Качкалыка», т. е. хребта, называемого «Мычыгыш арак» «от реки Яхсая до Сунжи». см.: *Сатыбалов А. А.* Социально-политические термины тюрко-языческих документов эпохи феодализма в некоторых языках Северо-Восточного Кавказа // Ученые записки Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. 1958. Т. 5. С. 188–191.

[1167] *Бакиханов Аббас-Кули-Ага.* Кудси. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 88.

[1168] *Кушева Е. Н.* Указ. соч. С. 84. Султан-Мотта (Султан-Мут) стал Эндерейским князем.

[1169] *Бакиханов Аббас-Кули-Ага.* Кудси. Гюлистан-Ирам. С. 90.

[1170] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 26. Чеченские предания придают добровольный характер призванию и установлению власти феодалов. Уже ряд дореволюционных авторов усомнились в добровольности призвания чеченцами князей, считая это позднейшей «почетной» формой покорения последними отдельных населенных мест чеченцев (Максимов Ев. Чеченцы // Терский сборник. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893. С. 26). Относительно установления власти Турловых есть позднейшее (1872) показание, что предки их, происходя от аварских князей, были вызваны на плоскость р. Аргуна, где основали первую чеченскую деревню Нежеле. Отмечаются войны Турловых с шамхалом (см. ЦГА РСО–А, ф. 252, оп. 1, д. 6, л. 11–11 об.).

Об основании Алханом Турлоу (Турловым. – *Ф. Т.*) аула Узек-юрт у выхода из Аргунского ущелья и его успешной борьбе с князьями Кумыкии см.: *Самойлов К.* Заметки о Чечне. С. 72, 73.

[1171] *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 170.

[1172] Кавказский календарь на 1860 г. С. 136.

[1173] Гумбет по-чеченски Меларды.

[1174] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 26.

[1175] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 87. В данном, как и в других изданиях «Описания...» Голенищева-Кутузова употреблено слово «клиенты». Однако А. Л. Зиссерман дает кумыкское слово «приверженцы – кмент», что и учтено нами (см.: *Зиссерман А. Д.* Двадцать пять лет на Кавказе. 1842–1867. 1851–1856. СПб., 1878. Ч. 2. С. 431).

[1176] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Вып. 2. С. 87.

[1177] АВПР, ф. Кабардинские дела 1755–1757, д. 6, л. 34.

[1178] *Кушева Е. Н.* Указ. соч. С. 83.

[1179] Следующее предание знакомит нас с поведением князей в подвластных чеченских обществах. Некогда макажоевцы поселились в шалашах по соседству с землями эзельдоевцев, подвергая последних

беспрерывным нападениям. Эзельдоевцы обратились за помощью к хунзахскому князю, которому в то время все обитатели Чеберлоя платили дань. Приехал князь, макажоевцы угостили его, и он довольный уехал. Дело окончилось переселением слабых эзельдоевцев в Харкарой, а земли их перешли к макажоевцам. См.: *Россикова А.* Путешествие по центральной части Горной Чечни. С. 171, 172.

[1180] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 26.

[1181] *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940. С. 24.

[1182] АВПР, ф. Кабардинские дела 1756–1757, д. 6, л. 34.

[1183] Один из Турловых.

[1184] АВПР, ф. Кабардинские дела 1720, д. 3, л. 1.

[1185] *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 84.

[1186] РГВИА, колл. 414, оп. 1, д. 300, л. 62 об.

[1187] *Зиссерман А. Д.* Двадцать пять лет на Кавказе. 1842–1867. 1851–1856. СПб., 1879. Ч. 2. С. 438.

[1188] Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащих новейшие подробные описания живущих в оных народов и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания/ Пер. с фр. Федора Шишкевича. СПб., 1810.

[1189] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 22.

[1190] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 2, л. 234.

[1191] РГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 300, л. 65.

[1192] ЦГА РСО–А, ф. 262, оп. 1, д. 6, л. 26.

[1193] Рапорт ген. Ермолова от 20 мая 1826 года. АКАК. Т. 6. Ч. 2. № 896. С. 512.

[1194] РГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 300, л. 61.

[1195] Там же. Сравн. *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 22.

[1196] РГВИА, колл. 414, оп. 1, д. 300, л. 104.

[1197] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 2, л. 240.

[1198] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 1, д. 787, л. 8.

[1199] РГВИА, колл. 482, оп. 1, д, 136, л. 13 об.

[1200] АВПР, ф. Кабардинские дела 1748, 1750, д. 7, л. 2.

[1201] АВПР, ф. Кабардинские дела 1770, д. 3, л. 1 об.

[1202] АВПР, ф. Кабардинские дела 1766–1768, д. б/н., л. 1.

[1203] АВПР, ф. Кабардинские дела 1766–1768, д. б/н., л. 13 об.

[1204] Там же.

[1205] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 11, л. 151–151 об.

[1206] Там же.

[1207] АВПР, ф. Кабардинские дела 1757, д. 8, л. 234.

[1208] РГВИА, колл. 482, оп. 1, л. 94 об.– 95 об.

[1209] У П. Буткова Айдемировы являются кумыкскими князьями из Эндери, Казбулатовы из Аксая тоже кумыкские князья. *Бутков П.* Указ. соч. С. 258. Список подвластных князьям деревень, приводимый Бутковым, показывает, что он говорит именно о рассматриваемых

нами князьях. Но, как видно из приводимого нами материала, это Турловы, князья аварские.

[1210] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 181.

[1211] *Берже А.* Чечня и чеченцы. С. 124–133.

[1212] *Иваненков Н. С.* Указ. соч. С. 39. У «Кирд-Баупуш», т. е. Башни Кирды, сходятся 4 долины или вернее – ущелья: Аргунское, Терлой-ахк, Маистинское и Чам-хаское. По преданию, здесь некогда жил могущественный князь, владевший всей округой. *Щербаков Н.* Аргунское ущелье // Северный Кавказ. 1913. № 184.

[1213] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 864, л. 1–2 об.

[1214] Там же, ф. 262, оп. 6, д. 262, л. 7–7 об., 10. Сравн.: *Грицько Н. П.* Указ. соч. Приложение второе, док. 7, с. 181, 182.

[1215] Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 207.

[1216] Расчет производился овцами, а цифры в рублях представляют перевод стоимости баранов на деньги.

[1217] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 796, л. 2–3.

[1218] Сообщений о вспомоществовании в уплате со стороны однофамильцев нет.

[1219] Кабардинские феодалы продолжали домогаться ежегодной подати, но безуспешно.

[1220] ЦГА РСО–А, ф. 256, оп. 1, д. 10, л. 20–20 об.

[1221] *Иваненков Н. С.* Указ. соч. С. 150. На с. 12 подвластные общества именуются маистовцами и малхастинцами.

[1222] Там же. С. 2.

[1223] *Иваненков Н. С.* Указ. соч. С. 2. По Н. С. Иваненкову Эла Халч вел свою родословную от Сурак-хана, происходившего из рода грузинского царя Ираклия. И. М. Саидов записал другое заявление Эла Халча, а именно: «Ни я, ни родственные мне князья отныне не платят никому дани. Мы можем дружить с любыми князьями только как равные». *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 3.

[1224] По преданию, деспот – Эла Халч Саркаев – жестоко угнетал подвластное население. Однажды он, наслаждаясь своей властью, заявил: «Кто сильнее меня? Бог только», и пустил коня вниз по некрутому Тундахойскому скату и разбился. Установленный ему крестообразный памятник и сегодня виден около бывшего сел. Тундахой. Чеберлоевские старики-информаторы говорят об Эла Халче без сожаления, т. к. он хотя и освободил народ от иноземных князей, но сам заступил на их место и стал деспотом. См.: *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 113, 114.

[1225] *Иваненков Н. С.* Указ. соч. С. 2.

[1226] *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 105.

[1227] Там же. Л. 108.

[1228] Там же.

[1229] Место расположения княжеского замка и сейчас известно под названием «место, где стояли малые Калаки».

[1230] *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 116, 117.

[1231] Газета «Терская жизнь». 1914. № 37.

[1232] АВПР, ф. Кабардинские дела 1759–1764, д. 4, л. 36–46 об. См. также *Дебу И.* О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829. С. 89. В докладе командующего войсками Терской области от 21 мая 1863 года сказано: «В некоторых официальных бумагах, касающихся Надтеречных деревень, упоминается и о беках, это, по всей вероятности, чанки (дети от неравных браков, княжеских фамилий. – *Ф. Т.*). ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 4, д. 108, л. 36. Вышеприведенные примеры не подтверждают это предположение.

[1233] Архив АН РФ, ф. 99, оп. 2, д. 37, с. 245. Для первой половины XIX века имеется сообщение, что «вожакам дается из добычи больший и лучший пай». О хищнических действиях черкес и чеченцев в наших пределах // Русский инвалид. 1857. № 87. Указание А. Д. Зиссермана для первой половины XIX в., что бяччи «при успехе получал две трети добычи», следует признать завышенным, хотя тенденция к росту причитавшейся им доли вполне прослеживается. См.: *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. (1842–1856), СПб., 1871. С. 440.

[1234] *Гриценко Н. М.* Указ. соч., приложение второе.

[1235] Там же.

[1236] АВПР, ф. Кабардинские дела 1748–1750, д. 9, л. 1–1 об.

[1237] *Лаудаев У.* Чеченское племя, с. 13, имеется в виду крупный рогатый скот.

[1238] Там же. С. 12.

[1239] *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирам. С. 51.

[1240] У Мухаммеда Рафи сказано, что жители сел. Варанды ежегодно платили хану 5 лисиц, а дань с остальных сел не указана. (см.: Рафи-Тарихи Дербенд-Наме Мухаммед. С. 167, 168). В «краткой описи доходам, получаемым повелителем Аварским Суркатом Нуцалом и его потомством с жителей Дагестана, до введения в нем исламизма, составленной жителем сел. Сиух Фат-Али-Сурхай-Ханом-Оглы из Хунзаха и других бумаг, которые находились в коране и в других обществах и представленной в поземельную комиссию Руновского 12 июня 1864 года, сказано, что в дагестанских и чеченских зависимых обществах сверх того (ежегодной ренты. – *Ф. Т.*) каждый аул посылал хану пять лисиц, из которых одна была черная, и пять баранов в день принятия власти над ними новым ханом».

[1241] «Источники, которые служили для составления этой описи, были записки в книгах, хранящиеся у некоторых аварцев и жителей Чечни и других, отдельные реестры и бумаги, находящиеся у некоторых аварцев и изустные ответы джамаатов тех селений, с которых получалась подать».

[1242] Переводчик Ичкерийского округа Ерофеев писал, что «сведения эти переведены из книги, присланной в комиссию Руновского начальником Аварского округа подполковником Котиным. ... Книга названа кораном, в котором есть запись в роде истории об Аварском ханстве».

[1243] АВПР, ф. Кабардинские дела 1755–1757, д. 14, л. 65–65 об.

[1244] РГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 300, л. 65.

[1245] *Бакиханов А.* Указ. соч. С. 53.

[1246] *Берже А.* Чечня и чеченцы. С. 134. Сравн.: *Гербер И. Г.* Указ. соч. С. 70.

[1247] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Вып. 2. С. 87.

[1248] АВПР, ф. Кабардинские дела 1757, д. 8, л. 36 или «Материалы для истории Кавказского края. Сведения о набегах горцев на русские губернии» // Ставропольские губернские ведомости. 1856. № 32.

[1249] РГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 300, л. 66.

[1250] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 355.

[1251] РГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 300, л. 61.

[1252] ЦГА РСО–А, ф. 256, оп. 1, д. 35, л. 65–65 об.

[1253] Нормирование повинностей франкских несвободных, и в том числе даже поселенцев-рабов, с конца III и начала IV века Ф. Энгельс считал следствием «угрожающего поведения этих несвободных масс». *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 517.

[1254] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1764–1767, д. 5, л. 8 об.

[1255] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 360.

[1256] Там же. С. 358.

[1257] *Станишевский В.* Путешествие по Чечне // Кавказ. 1873. № 54.

[1258] ЦГА РСО–А, ф. 256, оп. 1, д. 10, л. 35 об.

[1259] ЦГА РД, ф. 105, оп. 1, д. 15, л. 8.

[1260] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 447, л. 3 об., 4.

[1261] Там же, ф. 105, оп. 1, д. 15, л. 8.

[1262] Там же, ф. 12, оп. 6, д. 447, л. 1, 2.

[1263] РГВИА, ф, 52, оп. 1, д. 481, л. 82 об.

[1264] РГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 300, л. 66 об. или ф. 414, оп. 1, д. 193, л. 47. В 1811 году Орловы отдали нефтяные колодцы на откуп отставному корнету Ликову. АКАК. Т. 4. № 1934. С. 907.

[1265] РГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 300, л. 65.

[1266] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 358.

[1267] ЦГА РСО–А, ф. 256, оп. 1, д. 35, л. 19–19 об.

[1268] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1748–1750, д. 9, л. 1.

[1269] К. Маркс указывал, что в «феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности». *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 344.

[1270] ЦГА РСО–А, ф. 256, оп. 1, д. 35, л. 19 об.

[1271] АВПР, ф. Кабардинские дела 1755–1757, д. 14, л. 65–66 об.

[1272] ЦГА РСО–А, ф. 256, оп. 1, д. 35, л. 19 об.

[1273] АВПР, ф. Кабардинские дела 1744, д. 10, л. 4 (архивное дело неверно отнесено к 1744 г., должно быть «ф. Кабардинские дела 1746»).

[1274] АВПР, ф. Кабардинские дела 1744, д. 10, л. 1.

[1275] В докладе командующего войсками Терской области от 21 мая 1863 г. говорится, что в 1818 году власть Чеченских князей усилена многими правами, включая право изгнания из своих участков людей, которых они сочтут «вредными», и право принятия под свою ответственность новых поселенцев. ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 4, д. 108, л. 35 об. или ф. 12, оп. 6, д. 755, л. 1 об. Но это была поддержка уже существовавшего феодального права местных князей, а не введение такового.

[1276] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 11, л. 182 об.

[1277] АВПР, ф. Кабардинские дела 1759–1764, д. 4, л. 87 об.

[1278] АВПР, ф. Кабардинские дела 1759–1764, д. 4, л. 87 об.; ф. Кабардинские дела 1751, д. 1, л. 1–1 об.

[1279] Другое именование реки Курп см.: АВПР, ф. Кабардинские дела 1757, д. 8, л. 235.

[1280] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 11, л. 176 об.

[1281] АВПР, ф. Кабардинские дела 1759–1764, д. 4, л. 87 об. Цифра условная. В сообщении Астраханского губернатора в Коллегию Иностранных дел цифра доводится до 10 тыс. овец. Там же, л. 84 об.

[1282] ЦГА РСО–А, ф. 262, оп. 1, д. 6, л. 51.

[1283] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 2, л. 51.

[1284] ЦГА РСО–А, ф. 262, оп. 1, д. 51, л. 20–20 об.

[1285] Там же, ф. 12, оп. 4, д. 108, л. 35, 36 или ф. 12, оп. 6, д. 775, л. 1 об., 2.

[1286] АВПР, ф. Кабардинские дела 1755–1757, д. 14, л. 58 об.

[1287] Чеченские феодалы имели в собственности и рабов.

[1288] *Гриценко Н. П.* Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1959. Т. 4. С. 106.

[1289] АВПР, ф. Кабардинские дела 1756–1757, д. 6, л. 3 об. или 9 об.

[1290] АВПР, ф. Кабардинские дела 1756–1757, д. 6, л. 4 или 9.

[1291] Там же, л. 1–1 об.

[1292] Так, Брагунский владелец Адиль-Гирей с целью завладения имением умертвил в 1809 г. своего отца Кучука Таймазова и двух старших братьев – Ислама и Минбулата, см.: АКАК. Т. 6. Ч. 2. Док. № 884. С. 502, 503.

[1293] ЦГА РСО–А, ф. Кизлярского коменданта, д. 4047, л. 31.

[1294] АКАК. Т. 4. Док. № 1270, 1272, 1275, 1293. С. 839–854.

[1295] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 2, л. 47.

[1296] *Леонтович Ф. И.* Адаты Кавказских горцев. Вып. 2. С. 85.

[1297] *Попов И. М.* Ичкерия. С. 18. Достойно внимания длительное сохранение ялхоймокхцами личной свободы, что следует объяснить неразвитостью феодальных отношений в Чечне, а также наличием в их руках такой «крепости», как собственные дома, приусадебные земли и движимая собственность.

[1298] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 2, л. 225.

[1299] Там же, л. 302.

[1300] Дневник полковника Руновского. АКАК. Т. 12. С. 1465.

[1301] *Ольшевский М. Я.* Указ. соч. С. 94.

[1302] *Клингер И.* Нечто о Чечне // Кавказ. 1856. № 97.

[1303] *Берже А.* Чечня и чеченцы. С. 88; П. Л. Заметки о зимней экспедиции в Большую Чечню в 1862 году// Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 107.

[1304] *Клингер И.* Нечто о Чечне // Кавказ. 1856. № 101.

[1305] *Гатцук В. А.* Кавказские сказки. Вып. 6. С. 5. Примечание к чеченской сказке «Верная дружба».

[1306] В словаре В. Даля содержание слова «заживной» раскрывается как зажиточный, достаточный, богатый, см.: *Даль Владимир.* Толковый словарь. М., 1935. Т. 1. С. 594.

[1307] Схваченный казаками 24 апреля 1758 г. чеченский азат показал: «из них чеченцев владелец Росланбек, согласясь не с последними людьми чеченцами, яко то Абатою, Бекеем и их фамилиями, тех чеченцев склоняли, чтоб противитца оставить, а принесть покорение, дабы их жилищам разорения непоследовало, к чему было и другие чеченцы склонны заживные люди явились, а большая часть несогласилась, а намерилась противитца». АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 2, л. 143 (или 197).

Задержанный казаками в октябре 1758 г. гребенчукский житель Темир Солтан Марашев показал: «Мы гребенчуковские жители счислялись в российском подданстве и испросили для лутчева над нами большинства себе князем генерал-майора Черкасского сына Девлет Гирея. После отхода Девлет Гирея и требования аманатов с российской стороны некоторые заживные мы люди и старики искали, чтобы привести в послушание и отдать аманаты точно (должно «только». – *Ф. Т.*) большая часть народа в подданстве быть не захотели». АВПР, ф. Кабардинские дела 1758 , д. 2, л. 308–308 об. Кто эти «заживные», к которым Темир Солтан Марашев причисляет и себя, видно из того, что он взят после поездки в Большую Кабарду, в Тамбиев кабак, где продал одного ясыря. АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 2, л. 308.

[1308] Уздень – свободный, независимый человек. Некоторые авторы ошибочно усматривали в узденях дворян. См.: *Берже А.* Чечня и чеченцы. С. 135.

[1309] Об извращении принципа равенства узденей писал ряд дореволюционных авторов. См.: *Самойлов К.* Указ. соч. С. 33; *Волконский Н. А.* Война на Восточном Кавказе с 1824-го по 1834 г.

в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10. С. 38.

[1310] Для подобного обращения горцы-чеченцы имели побудительные причины, но не следует забывать, что сами они (некоторые общества) находились в состоянии феодальной зависимости.

[1311] *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 95. И это имело место при отношениях, когда тайпа могла убить своего члена за неповиновение.

[1312] АВПР, ф. Кабардинские дела 1756–1757, д. 8, л. 2 об. (годы в оглавлении фонда указаны неверно. – *Ф. Т.*).

[1313] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 2, л. 175.

[1314] Так, в 1748 году 20 узденей Айдемира Бардыханова получили содержание по 5 рублей, по столько же получали 10 узденей Орлова (см.: РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 1, л. 74, 75 об.). Чеченские князья получали «жалованье» до начала XIX века.

[1315] *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа. С. 36.

[1316] *Лаудаев У.* Указ. соч. ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 27.

[1317] *Берже А.* Чечня и чеченцы. С. 136. В Чечне и поныне помнят об этом событии, о котором информаторы сообщают дополнительные данные. По сведениям, собранным И. М. Саидовым в Чечне, аккинцами управлял кумыкский князь, которому чеченцы платили в год по одной мерке (бустург) пшеницы, с каждого урда (0,5 га) посева. Князю были указаны земли, которые он имел право давать за заслуги или передавать родне. *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 95, 96.

[1318] *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 84.

[1319] Там же. С. 86.

[1320] Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 2. Ч. 1. С. 237.

[1321] АВПР, ф. Кабардинские дела 1720, д. 3, л. 1.

[1322] *Россикова А.* Путешествие по центральной части Горной Чечни. С. 186.

[1322] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 259.

[1324] Там же. СПб., 1869. Ч. 2. С. 109.

[1325] Там же. Ч. 1. С. 259.

[1326] Так, исходя из сведений Буткова, Н. П. Гриценко пишет: «В 1757 г. чеченцы восстали против пришлых феодалов и прогнали их со своей территории. Труды ЧИНИИЯЛ. Т. 4. С. 104. М. Мамакаев пишет: «В 1757 году в Чечне вспыхнуло крупное восстание против пришлых феодалов. Однако это восстание было подавлено штыками царских солдат, непокорные народные «низы» были жестоко наказаны, и чеченцев не только заставили снова принять кумыкских и кабардинских феодалов, но принудили примириться и с господством своих». *Мамакаев М.* Чеченский тайп (род) и процесс

его разложения. Грозный, 1962. С. 34, 35. (Откуда примешались «свои» феодалы»? – *Ф. Т.*)

[1327] Архив АН РФ, ф. 99, оп. 2, д. 37, с. 235.

[1328] *Ткачев Г. А.* Несколько слов о прошлой истории чеченцев // Записки Терского Общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 9. С. 75.

[1329] АВПР, ф. Кабардинские дела 1736–1757, д. 9, л. 5 или 13 об.

[1330] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 2, л. 143 или л. 197.

[1331] АВПР, ф. Кабардинские дела 1756–1757, д. 9, л. 3.

[1332] Там же, л. 19.

См. также: *Головчанский С. Ф.* Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 году // Записки Терского Общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 11. С. 36, 37.

[1333] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 2, л. 47.

[1334] Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 269.

[1335] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1756–1757, д. 9, л. 6.

[1336] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1758, д. 2, л. 2.

[1337] *Ткачев Г.* Несколько слов о прошлой истории чеченцев. С. 71. Он ошибочно относит поход к 1758–1759 гг.

[1338] АВПР, ф. Кабардинские дела 1758, д. 2, л. 142 об.; ЦГА РД, ф. Кизлярского коменданта, д. 3460, л. 37 об.

[1339] *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 260

[1340] Там же.

[1341] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1755–1757, д. 14, л. 65 об.

[1342] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1755–1757, д. 14, л. 20.

[1343] Там же, л. 34.

[1344] *Ткачев Г. А.* Несколько слов о прошлой истории чеченцев // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 9. С. 74.

[1345] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1756–1757, д. 6, л. 6 об., 28–32; ф. Кабардинские дела 1759–1764, д. 5, л. 84 об., 85.

[1346] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. 2. С. 181; сравн.: *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители, М., 1846. С. 155–156.

[1347] ЦГА РСО–А, ф. 12, оп. 6, д. 447, л. 3 об., 4.

[1348] В 1765 г. он был еще жив. См.: АВПР, ф. Кабардинские дела, 1764–1767, д. 5, л. 13–13 об. Об убийстве его в 1773 г. или ранее сообщает акад. Фальк. См.: Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, изданное императорскою академиею наук. СПб., 1824. Т. 6. С. 61.

[1349] Князья были казнены, а трупы их сожжены на собрании народа. Между сел. Ширча-юрт и сел. Гильяны находится гора, именуемая «Элий байчъина лам», т. е. «Гора, на которой убиты князья». См.: *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 95 и 204.

[1350] *Гюльденштедт И. А.* Путешествие по России и в Кавказские горы. СПб., 1787. Ч. 1. С. 485. Перевод цитаты содержит: «Князя

Хазбулата чеченцы убили сами. Его внуки Хазбулат и Алхани Татаркан были в 1773 г. юноши».

[1351] О К. Ф. Германе см.: Кавказский этнографический сборник. Вып. 1. С. 285, 286.

[1352] Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия г-на академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1808. С. 85.

Переработка сочинения Георги была осуществлена журналистом географом и историком М. И. Антоновским. См.: Кавказский этнографический сборник. Вып. 1. С. 288.

[1353] *Георги Иоган Готлиб.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Творение, за несколько лет пред сим на немецком языке Иогана Готлиба Георги, в переводе на Российский язык весьма во многом исправленное и вновь сочиненное, иждивением книгопродавца Ивана Глазунова. СПб., 1799. С. 59.

Отсюда «факт» перекочевал в «Географический словарь Российского государства», составленный Л. М. Максимовичем и А. Щекатовым. М., 1809. Ч. 7. С. 128.

[1354] Издание 1776 г. в С.-Петербурге и издание 1783 г. в Лейпциге.

[1355] *Ткачев Г. А.* Указ. соч. С. 74.

[1356] АВПР, ф. Кабардинские дела 1756–1757, д. 9, л. 6.

[1357] РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 62, л. 1 об.

[1358] РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 481, л. 82.

[1359] РГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 36, л. 12.

[1360] Там «наперед сего отцы их чеченские и владельцы жили».

[1361] АВПР, Кабардинские дела, 1744, д. 10, л. 1.

[1362] РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 481, л. 82, 83.

[1363] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1758, д. 2, л. 230 об.

[1364] *Волконский Н. А.* Указ. соч. С. 166.

[1365] Там же. С. 161.

[1366] ЦГА РСО–А, ф. 256, оп. 1, д. 35, л. 20–22.

[1367] К 1863 году из феодальной семьи ахшпатоевцев остались живыми два мальчика – 2 и 1 года и две девочки – 4 и 2 года. См.: ЦГИА РГ, ф. 416, оп. 3, д. 102, л. 1 об.

[1368] *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 170, 171.

[1369] *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 155, 156.

[1370] *Головинский П. И.* Чеченцы // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 260, 261. Сравн.: *Пурр Анри.* Хитрая Марго // Неделя. 1963. № 7, 10–16 февраля. С. 20.

[1371] *Берже А.* Чечня и чеченцы. С. 104.

[1372] *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 95 или *Берже А.* Указ. соч. С. 105.

[1373] *Берже А.* Указ. соч. С. 105.

[1374] *Леонтович Ф. И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 83.

[1375] *Берже А.* Чечня и чеченцы. С. 108.

[1376] *Скитский Б. В.* К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII века // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1956. Т. 17. С. 158, 159.

[1377] И. М. Саидов полагает, что борьбу чеченского крестьянства против князей возглавляли в большинстве случаев старейшины территориальных общин. *Саидов И. М.* Указ. соч. Л. 117.

[1378] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 108.

[1379] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. 1. С. 44.

[1380] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 26.

[1381] РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 481, л. 82.

[1382] *Лаудаев У.* Указ. соч. С. 27.

[1383] АВПР, ф. Кабардинские дела, 1748–1750, д. 9, л. 1.

[1384] Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1868. Ч. 2. С. 23.

[1385] ЦГА РСО–А, ф. 256, оп. 1, д. 35, л. 19 об.

[1386] Как известно, при более или менее «обычных» путях общественно-экономического развития феодализм возникает на основе разложения соседской общины. См.: *Греков Б. Д.* Проблема генезиса феодализма в России // Исторический сборник. Л., 1934. № 1. С. 36.

[1387] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. С. 4.

[1388] Там же. Т. 21. С. 100.

[1389] Там же. Т. 21. С. 26.

[1390] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 3. С. 594.

[1391] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 100.

[1392] *Эльмурзаев Нохчуа Юсуп.* Страницы истории чеченского народа. Грозный, 1993. С. 4.

[1393]Краткий обзор горских племен на Кавказе составленный Ад. Берже. 1858. Нальчик, 1992. С. 35.

[1394] *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 329.

[1395] Цит. по: *Берже Ад.* Указ. соч. С. 36.

[1396] Предания и факты // Комсомольское племя. 7 апреля 1981.

[1397] *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 142.

[1398] География Чечено-Ингушетии. Грозный, 1978. С. 17.

[1399] Чеченцы: история и современность/ Под ред. Ю. А. Айдаева. М., 1996. С. 74.

[1400] Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. СПб., 1904. С. 119. Издание А. Каспари.

[1401] *Потто В. А.* Кавказская война. Ермоловское время. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 59.

[1402] *Вахушти Багратиони.* Описание грузинского царства/ Под ред. Т. Ломоури и Н. Бердзеншвили. Тбилиси, 1941. С. 117.

[1403] Подробнее об этом см.: *Ахмадов Я. З.* Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Грозный, 1975. Т. 11; *Берже А. П.* Чечня и чеченцы // ССКГ. Тифлис, 1872. Т. 7; *Максимов Е.* Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 1. Кн. 2; *Розен Р. Ф.* Описание экономического положения и политического состояния племен Чечни и Дагестана. 1801–1838 гг. // Материалы по истории Чечни и Дагестана. Махачкала, 1945. Т. 3; *Саидов И. М.* Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XIII–XIX вв. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1974. Вып. 1. Т. 9; Чеченцы // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1 и др.

[1404] *Джавахишвили И. А.* Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1930. С. 31.

[1405] *Ахмадов Я. З.* К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980. С. 58.

[1406] *Волкова Н. Г.* Указ. соч. С. 169.

[1407] Дистрикт – округ (административный, судебный, избирательный) в некоторых странах. В России дистрикты были введены Петром I. Большой толковый словарь иностранных слов. Ростов-н/Д, 1995. Т. 1. С. 443.

[1408] *Шавхешвили А. И.* К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину // Известия Республиканского краеведческого музея. Грозный, 1961. Вып. 10. С. 122.

[1409] АКАК. Тифлис, 1871. Т. 4. С. 905.

[1410] *Потто В. А.* Указ. соч. С. 63.

[1411] *Берже Ад.* Указ. соч. С. 37.

[1412] *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 356.

[1413] *Берже Ад.* Указ. соч. С. 36.

[1414] *Буцковский А. М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. М., 1812. С. 243.

[1415] *Дзамихов К. Ф.* Адыги и Россия. М., 2000. С. 144, 145.

[1416] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г.: В 3 ч. СПб., 1869. Ч. 2. С. 146.

[1417] *Дзамихов К. Ф.* Указ. соч. С. 146.

[1418] *Горчханова Г. А., Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З.* Русско-вайнахские отношения в начале 60-х годов XVIII в. // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989. С. 82.

[1419] Вехи единства. Грозный, 1982. С. 114.

[1420] *Волкова Н. Г.* О расселении чеченцев и ингушей в первой половине XIX в. //ОРФ СОИГСИ, ф. 2, оп. 1, д. 35, л. 13.

[1421] *Там же*, л. 13–16. Все данные по численности локальных этнических вайнахских групп взяты Волковой Н. Г. из записки: *Д. А. Милютин.* Материалы по истории Кавказа. Чечня // Отдел рукописей РГБ, ф. 169, коробка 81, д. 7, л. 22–26.

[1422] *Вертепов Г.* Ингуши // Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1892. Вып. 1. С. 75, 76.

[1423] *Хожаев Д.* Расселение вайнахских народов в XVIII–XX вв. // Справедливость. («Нийсо»). 1990. № 3, 4. С. 23.

[1424] *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения... С. 158.

[1425] Цит. по: *Хожаев Д.* Указ. соч. С. 24.

[1426] Там же.

[1427] Там же. С. 9, 10.

[1428] *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения... С. 161.

[1429] *Лобазанов М.* Участие ингушей в народно-освободительном движении горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX в. // Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989. С. 106.

[1430] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963. С. 27; *Скитский Б. В.* Хрестоматия по истории Осетии. Орджоникидзе, 1956. Ч. 1. С. 100, 101.

[1431] *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения... С. 157.

[1432] *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 344.

[1433] Там же. С. 348.

[1434] *Вертепов Г.* Указ. соч. С. 81.

[1435] *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения... С. 161, 162.

[1436] *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 348.

[1437] Там же.

[1438] *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения... С. 162.

[1439] *Эльмурзаев Юсуп.* Указ. соч. С. 14.

[1440] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 167.

[1441] *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 349

[1442] *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 260.

[1443] *Волкова Н. Г.* О расселении чеченцев и ингушей... Л. 18.

[1444] *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения... С. 163.

[1445] *Берже А. П.* Указ. соч. С. 39.

[1446] *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 351.

[1447] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 69.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	– Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
АВПР	– Архив внешней политики России
КК	– Кавказский календарь
КЭС	– Кавказский этнографический сборник
КС	– Кавказский сборник
ОР	– Отдел рукописей
РФ	– Рукописный фонд
ОРФ	– Отдел рукописных фондов
РФ ДНИИЯЛ	– Рукописный фонд Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы им. Г. Цадаса
СПб О ИНА	– Санкт-Петербургское отделение Института народов Азии АН РФ
ССКГ	– Сборник сведений о кавказских горцах
СССК	– Сборник сведений о Северном Кавказе
ССТО	– Сборник сведений о Терской области
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
Труды Абрамовской комиссии	– Труды Комиссии по исследованию современного уложения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908
ЦГА	– Центральный Государственный архив
РГВИА	– Российский Государственный военно-исторический архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге

ОГЛАВЛЕНИЕ

П. А. Кузьминов. Предисловие 5
Об авторе 12

ВВЕДЕНИЕ 15

ГЛАВА I. Обзор источников и литературы 17
ГЛАВА II. Территория и население 73
ГЛАВА III. Краткий очерк политической истории 93
ГЛАВА IV. Состояние сельского хозяйства 107
ГЛАВА V. Домашнее производство и ремесло 131
ГЛАВА VI. Развитие торговли и обмена 141
ГЛАВА VII. Первобытно-общинный уклад. Тайпа 167
ГЛАВА VIII. Рабство и работорговля 211
ГЛАВА IX. Развитие феодальных отношений 231

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 276

П. А. Кузьминов. Особенности размещения чеченского народа и внутренние миграционные потоки в конце XVIII – первой половине XIX века 282

Примечания 296

Список сокращений 374

Историко-документальное издание

Серия «КЛИО»

(Кавказский литературно-исторический «Олимп»)

Раздел «История»

Феликс Викторович Тотоев

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЧЕЧНИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII–40-е годы XIX века)

Главный редактор *Т. И. Машуков*
Художник серии *М. М. Горлов*
Технический редактор *Т. В. Демьяненко*
Корректор *И. А. Хомякова*

Рег. 1020700753952 от 06.02. 2004

Сдано в набор 28.01.09. Подписано в печать 16.04.09.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура SchooBookC.
Печать офсетная. Усл. п. л. 19,74. Тираж 4000 экз. Заказ № 11.

ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 г.»

Министерства по информационным коммуникациям,
работе с общественными объединениями и делам молодежи КБР
Издательский центр «Эль-Фа»
360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33

ISBN 978-5-88195-977-7